

ПУТЕШЕСТВІЕ
по
АМУРУ И ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ
А. МИЧИ.

СЪ ПРИБАВЛЕНІЕМЪ СТАТЕЙ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЙ
Г. РАДДЕ, Р. МААКА и др.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО П. ОЛЬХИНА.

Съ 80 рисунками.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ,

МОСКВА,

Гостинный дворъ, № № 18, 19 и 20.

Кремльскій мостъ, в. Рубинская.

1868.

ПУТЕШЕСТВІЕ

ПО

АМУРУ И ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Введение.	1
Значеніе Сибири. — Русскіе въ Сибирѣ. — Россія и Китай. — Амурскія страны и ихъ произведенія. — Торговля. — Недостатокъ жельза. — Русско-американскій телеграфъ.	
I. Путешествіе отъ Пекина до Калгана вдоль Большой Стѣны, съ 3 рис.	29
Открытіе Китая. — Отъ Шанхая до Пекина. Приготовленіе къ путешествію. — Носилки на мулахъ. — Караванъ отправляется въ путь. — Проходы Намъ-Ке-У. — Китайскіе мухамедане. — Барабай сунь. — Места безъ рѣкъ. — Нападеніе монголовъ. — Китайскія сказанія. — Рѣка Янгъ-Хѣ. — Пробытіе въ Калганъ. — Его значеніе, какъ торговаго города. — Сѣтеніе народовъ. — Насилье верблюдовъ. — Большая Стѣна. — Конскій рынокъ. — Погода. — Погонимыя верблюдовъ.	
II. Странствозаніе въ Монголію, съ 5 рис.	35
Отъѣздъ изъ Калгана. — Китайскіе аскамеджалы. — Вступленіе въ степь. — Отопленіе палатокъ. — Анталомы. — Постыженіе монголовъ въ юртѣ. — Несчастіе. — Монголы любятъ выжить. — Какъ монголы зарѣзываютъ и ждуть барановъ. — Собака. — Истинныя монголы. — Означъ Чаганъ-Тутуръ и его ханъ. — Приключеніе. — Равнина. — Русскій курьеръ. — Гора Улунъ-Доба. — Снѣжный мѣстеръ. — Приключеніе съ предводителемъ каравана. — Ледъ. — Молодой богомолецъ. — Обои и монгольскій чертъ. — Гора Чаганъ-Динси. — Долина рѣки Куа. — Длинношерстый быкъ. — Станъ у Толы. — Маймачинъ. — Русское консульство. — Урга. — Рынокъ. — Ламинскій монастырь. — Богомолцы. — Верховный лама въ Ургѣ. — Путешествіе до Кяхты.	
III. Кяхта и русскокитайская торговля, съ 3 рис.	67
Пробытіе въ Кяхту. — Пограничный городъ Маймачинъ и русская станція. — Кяхта. — Троицкосавскъ. — Цивилизація въ Кяхтѣ. — Эпидемія. — Сѣтъ народовъ. — Богатство кяхтинцевъ. — Дрожь въ Кяхтѣ. — гильки. — Публичныя мѣста, прогулка кяхтинцевъ. — Дома. — Торговля. — Отъѣздъ.	

IV. Отъ Кяхты до Байкальского озера.—Иркутскъ. съ 4 рас. 79

Дорога изъ Байкальскому озеру. — Трудности путешествія. — Семингскъ. — Почтовая дорога. — Почтовая станція. — Селенга. — Земледѣліе. — Гавани у Байкальского озера. — Бури на Байкалѣ. — Дорога на южный конецъ озера. — Пароходство по Байкалу. — Западный конецъ озера. — Иркутскъ. — Сибирская гостиница. — Общественная жизнь въ Иркутскѣ. — Хорошее общество.

V. Отъ Иркутска до Екатеринбурга. съ 2 рас. 92

Сибирская почтовая дорога. — Первый телеграфный столбъ. — Неблагоустроенные сибирскіе золотопромышленники. — Паромы. — Красноярскъ. — Томскъ. — Приключеніе у Томи. — Ночь въ крестьянской избу. — Телеграмма изъ Петербурга. — Барабинскія степи. — Омскъ. — Тюмень. — Екатеринбургъ. — Уралъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ЮГУ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ГУСТАВА РАДДЕ.

VI. Путешествіе по восточному Саяну и восходъ на ледники Мунку-Сардикъ. съ 6 рас. 103

Положеніе Саяна. — Китайско-русскія пограничныя доски. — Бураты-земледѣльцы. — Черный Иркутъ. — Рыбная ловля на Байгалъскомъ озерѣ. — Гроза. — Гранитныя горы Алдобра. — Гранитъ въ Турудавскомъ уездѣ. — Союты-охотники. — Долина Оси. — Восхождение на Мунку-Сардикъ. — Наскочныя на ледникахъ этой горы. — Легенда о Мунку-Сардикѣ. — Сусуны на Мунку-Сардикѣ. — Долина Иркутъ. — Путешествіе Перемкина къ Косоголу. — Начальникъ урѣнховъ. — Яел. — Юрта джанина. — Посѣщеніе буддійскаго монастыря. — Игра въ шахматы у урѣнховъ. — Намангя. — Сѣдѣнія о Косоголѣ.

VII. Байкальское озеро и его береговые виды. съ 9 рас. 136

Положеніе, величина и притоки Байкала. — Суды и тумакъ. — Вода. — Бури. — Скалы-баллавы. — Судовщики. — Бурятскіе идолы. — Островъ Ольховъ и Малое море. — Бурятскія юрты. — Растительность. — Тюлени. — Хвойныя лѣса. — Горчичныя источники. — Хищныя птицы. — Бураты. — Образъ правленія. — Буддизмъ и шаманизмъ. — Бурятскій обрядъ. — Одежда, нравы и обычаи. — Переходъ отъ кочевнаго къ осѣдлости. — Шапаны. — Ламы. — Погребеніе. — Ловля омуловъ въ сѣверной Ангартѣ. — Озеро Френхъ — Гимнастическія игры тулгузовъ. — Выхухоль и кабарга. — Туркменскіе минеральныя источники. — Байкальскіе мхи. — Тулгузы на восточномъ берегу и ихъ образъ жизни. — Землетрясеніе.

VIII. Источники Амура. съ 2 рас. 175

Область Амура. — Гора Сохонда и восхождение на нее. — Сѣвер-

ПУТЕШЕСТВІЕ
ПО
АМУРУ И ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ
А. МИЧИ.

СЪ ПРИДАВЛЕНІЕМЪ СТАТЕЙ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЙ

Г. РАДДЕ, Р. МААКА и ДР.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО П. ОЛЬХИНА.

Съ 80 рисунками.

ИЗДАНИЕ КНИГПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ,

МОСКВА.

Гостиница Дюро, №№ 18, 19 и 20.

Бутырской мосту, в. Рубин.

1868.

ИЗДАНИЕ

ИЗДАНИЕ ПОДРОБНОЕ И ЧИСТА

ВРНИ

ИЗДАНИЕ ПОДРОБНОЕ И ЧИСТА

ИЗДАНИЕ ПОДРОБНОЕ И ЧИСТА

ИЗДАНИЕ ПОДРОБНОЕ И ЧИСТА

Дополнено писурой. С.-Петербургъ, 29-го Января 1868 г.

ВЪ ТИПОГРАФИИ К. О. ВОЛГА (СПБ., НАГАВАННАЯ, № 24).

ные тунгусы. — Истоки Онона. — Нагода. — Нерчинскъ. — Торго-
вые сношенія. — Шалия. — Шалинский заводъ. — Яриарки. — Рѣка
Керлуиъ. — Далайский озеро. — Аргуиъ.

IX. Бурейскія стены. съ 7 рис. 189

Географическое положеніе двухъ нѣсколькихъ нагорныхъ стеней. — Искус-
ственные дойки. — Зима на казанской станицѣ. — Выюга. — Степ-
ные волки. — Ловля воробьевъ. — Антилопы. — Перелетныя птицы
весной. — Путешествіе ихъ, съ наполненными тавиной желудками. —
Солонны испаренія почвъ. — Весенніе цвѣты. — Образъ жизни и
ловля степныхъ сурковъ. — Зайцы-сивустуны. — Зеленыя мыши. —
Зайцы-сиахуны и хонкии. — Растительность въ стенахъ. — Сады
и перелеты ихъ въ Гержалію. — Степной козодъ лѣтомъ. — Ти-
ннотые столбы. — Монголы не убираютъ водныхъ животныхъ. —
Китайско-русская граница. — Дингетти и охота за ними. — Дикая
овца. — Солончаковыя травы. — Переселенія животныхъ.

I. Верхнее Амура. съ 8 рис. 215

Низ „Амуръ“. — Названія этой рѣки. — Верхнее теченіе. — Оро-
чоны и мангры. — Нравы, обычаи, жилища. — Музыкальные ин-
струменты. — Охота и рыбная ловля. — Развалины Албазина. —
Первые русскіе поселенцы на Амурѣ. — Осада Албазина. — Храб-
рый Бейтенъ. — Притоки. — Салинскій хребтъ. — Фантазіи Ан-
кисова. — Путешествіе Усольцева и борьба съ голодной смертью. —
Новый городъ Благовещенскъ. — Цивилизованный китайскій берегъ
Амура. — Айгунъ. — Даурцы и ихъ нравы. — Глубина Амура.

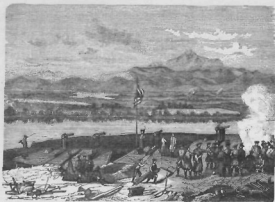
II. Бурейскія горы. съ 6 рис. 241

Названіе по Амуру. — Возведеніе каменнаго дома. — Бурейскія горы. —
Климатъ. — Тунгусы. — Бирары. — Сказаніе о медвѣдяхъ. — Зима
въ горахъ. — Стенные пожары. — Животныя. — Странствованіе бѣ-
лока и медвѣдей. — Растительность сѣверной Мандчуріи. — Луга. —
Подѣлочки. — Хвойныя деревья. — Казачья станица.

III. Нижнее Амура. съ 12 рис. 262

Путешествіе Мамы. — Устье Зунгара. — Берегъ низиннаго Амура. —
Развалины Ачинска. — Усури и Хабаровка. — Охота за лосями. —
Ловля лисицъ. — Серебряныя горы и ихъ духъ. — Растительность. —
Лѣса. — Воронство собакъ. — Мангунъ. — Ихъ пища и одежда. —
Жилище и занятіе. — Рыболовство. — Самоотрѣлы. — Религія. —
Гробницы. — Число жителей у Амура. — Маринскъ. — Казань. —
Острова у Амура. — Памятникъ у Тара. — Николасенскъ. — Истоки
Амура. — Дикіе гиланы и лось дальневосточный. — Изобиліе рыбъ въ
Амурѣ. — Охота за тигренками. — Какъ гиланы похищаютъ своихъ
медвѣжьихъ боговъ. — Зимнее путешествіе Мамы вверхъ по рѣкѣ. —
Переговоры и платъ въ Айгунѣ. — Борьба съ лядинами. — Пре-
бываніе у маньчжуровъ.

XIII. Зунгары, съ 2 раз.	306
Зунгары.—Важное значение их для Китая.—Пограничная страна.— Путешествіе Максимовича до Саянъ-Синя. — Миссіонера Франкел (Frankel).—Обходъ Великой Стѣны.—Гуринъ. — Плаваніе по Зун- гари.—Пребываніе въ Саянъ-Синя.—Ужасное наводненіе.—Голды.— Плаваніе по Амуру. — Деревья голдовъ. — Столбы-идолы. — Раз- сказы о тиграхъ.	
XIV. Усури.	328
Усури. — Путешествіе де-ла-Вроньера. — Саянъ-Синя. — Сухой путь въ Усури. — Китайцы и голды. — Вызыванія духовъ. — Пу- тешествіе Вено (Venault). — Мирный договоръ съ гиланскими убій- цами. — Викиновъ плыветъ вверхъ по Усури. — Дамасиновы план- таціи. — Золототыкатели. — Переходъ черезъ береговой хребтъ.— Колонизація по Усури. — Манджурская береговая пойма. — Гор- ный хребтъ Шихота-Алинь. — Заливъ Кастрисъ и Александр- овскъ. — Барракута. — Ороча. — Заливъ Ольга. — Заливъ Вик- торія. — Городъ Хунъ-Чунъ.	

Фортъ въ Маринскѣ.

Введение.

Значеніе Сибири. — Русскіе въ Сибирѣ. — Россія и Китай. — Амурскія страны и ихъ произведенія. — Торговля. — Недостатокъ земли. — Русско-американскіе телеграфы.

Сибирь день-о-то-дня приобретаетъ все болѣе значенія. Еще недавно названіе этой страны рисовало въ воображеніи непривѣтливыя картины, потому что Сибирь представляли себѣ страню, покрытою саваномъ вѣчныхъ снѣговъ, вспоминали о мѣстахъ ссылки, гдѣ преступники ведутъ грустный образъ жизни, подвергаясь заслуженному ими наказанію, и думали о мрачныхъ хвойныхъ лѣсахъ, въ которыхъ охотятся волудикари за пушными звѣрями.

О произведеніяхъ земли говорили мало и молчали о существованіи большихъ пространствъ, которыя ожидаютъ

лишь воздѣлыванія, чтобы обратиться въ плодородныя поля. Такъ же мало говорили о прекрасной системѣ рѣкъ, облегчающей сообщеніе, и о странахъ съ умѣреннымъ климатомъ и прекрасною растительностью на югѣ Сибири. Никто не могъ представить себѣ, какое важное значеніе можетъ имѣть эта страна. Конечно, о такомъ значеніи нельзя было и говорить, пока Сибири принадлежали лишь рѣки, которыя изливаются въ Полярное Море, скованное вѣчными льдами, представляющими путь народамъ, ведущимъ морскую торговлю.

Все это измѣнилось съ того времени, какъ рѣка Амуръ, изливающаяся въ Татарскій Проливъ, была уступлена Россіи, и великолѣпныя гавани у манджурскихъ береговъ обращены въ надежныя убѣжища для судовъ всѣхъ народовъ.

Россія неуспѣшно исполняетъ въ Азіи историческую свою задачу. Благодаря осторожной политикѣ и постоянству въ своихъ стремленіяхъ, Россіи предстоитъ въ Сибири великая будущность. Страна, доставлявшая одинъ только мѣхъ, начинаетъ заселяться, и возникшія колоніи обшаруютъ много. Всѣ туземцы чувствуютъ себя счастливыми подъ русскимъ правленіемъ и безъ всякаго сопротивленія выплачиваютъ свой ясакъ мѣдами или деньгами. Въ самомъ дѣлѣ, средствами, совершенно противоположными тѣмъ, къ которымъ прибѣгаютъ англичане, русскіе умѣютъ поступать съ покоренными полупросвѣщенными и непросвѣщенными народами, соотвѣтственно ихъ потребностямъ, предоставляя имъ привычный кругъ дѣйствій и, особенно, не оскорбляя безъ особенной нужды ихъ религіозныхъ возрѣзій.

Переселенцы и осѣлые въ Сибири уже издавна представляли хорошіе элементы для заселенія. Между ними находятся не только земледѣльцы и ремесленники, но также лица изъ высшаго сословія, съ развитыми умственными способностями. Оттого мы видимъ въ Сибири не только матеріальныя успѣхи, но и умственное развитіе. Въ настоящее время, въ этой странѣ замѣтно движеніе, въ которомъ видны стремленія, по крайней мѣрѣ, уравниваться съ европейскою

Россією, что весьма естественно, тѣмъ болѣе, что населеніе Сибири живетъ при благопріятнѣйшихъ условіяхъ, такъ какъ тамъ вовсе не существовало крѣпостнаго состоянія, и потому нѣтъ надобности бороться съ неблагопріятными послѣдствіями такого учрежденія. Умственное движеніе Сибири выразилось даже весьма рѣзко въ предложеніи учредить сибирскій университетъ. Кроме того, въ новѣйшее время въ Сибири является нѣсколько мѣстныхъ газетъ, издающихся довольно успѣшно.

Само собою разумѣется, что матеріальныя успѣхи стали также значительнѣе, и правительство всѣми мѣрами старается поддерживать ихъ. Всего болѣе стремятся привлечь къ Сибири внутреннюю торговлю Азіи. Съ самаго начала, торговая политика въ Азіи была предусмотрительна и разумна, въ чемъ убѣждаютъ превосходныя ея успѣхи. На востокѣ Амурская область стала владѣніемъ Государя, вслѣдствіе чего границы Россіи распространились до Кореи; въ то же время вліяніе русскихъ въ Монголіи становится болѣе и болѣе значительнымъ, а въ западной и внутренней Азіи мы видимъ, что присоединеніе большихъ пространствъ успѣшно продолжается каждый годъ. Судьба влечетъ насъ въ Азію все дальше впередъ, и это движеніе значительно облегчается слабостью китайскаго правленія. Точно также намъ не могутъ долго противостоять туркоманскія ханства, столь превосходно описанныя въ новѣйшее время Германомъ Вамберомъ. Стараясь возстановить миръ между воюющими племенами и отбросить разбойничьи набѣги киргизовъ и туркменовъ, мы были вынуждены постепенно двигаться все далѣе къ югу. Такимъ образомъ учредилась Семиналатинская область и была построена подъ 43° 15' с. ш. крѣпость Вірная, для охраны мѣстности около Исси-Кула и у горъ Алатау на границахъ Китая. Затѣмъ намъ пришлось рѣшительно выступить противъ Коканскаго ханства, и мы уже овладѣли важнымъ городомъ Ташкентомъ, подъ 42° 17' с. ш. Вся торговля Туркестана съ Сѣвѣрною Азією уже въ нашихъ рукахъ, и ка-

раваны изъ Хивы и Бухары, распространяющіе свои торговлыя сношенія до Афганистана, приходятъ къ Ново-Петровской крѣпости у Каспійскаго моря, гдѣ встрѣчаются съ пароходами изъ Астрахани и устьямъ Волги. Такимъ образомъ, корабли пустыни и пароходы подаютъ другъ другу руку.

Особенно измѣнялись отношенія Китая къ Россіи. Они всегда были лучше, чѣмъ къ другимъ европейскимъ государствамъ. Одна только Россія пользовалась правомъ отправлять, въ опредѣленное время и по предписанному пути, посольства въ Пекинъ. Вліяніе Россіи въ Китай было всегда значительнѣе, чѣмъ остальныхъ западныхъ державъ, какъ это подтверждаютъ всѣ европейскіе путешественники, ознакомившіеся со страной на мѣстѣ. Русскія посольства самыя старинныя. Въ то время, какъ англичане и французы тратили милліоны на войну съ Китаемъ, и кровь ихъ сыновъ лилась потоками въ Небесномъ царствѣ, границы наши раздвигались просто, на основаніи политическихъ договоровъ, и этихъ путемъ Китай уступалъ намъ цѣлыя провинціи.

Россія и Китай были покорены въ XIII вѣкѣ монголами; та и другой впоследствии сбросили съ себя наложенное на нихъ иго. Съ того времени постоянно поддерживались сношенія между русскими и китайцами. Россія распространяла свои владѣнія на востокъ, а Китай на западъ, и теперь границы обоихъ государствъ, на протяженіи многихъ сотенъ верстъ, тянутся по внутренней Азіи. Успѣшное движеніе наше въ Азію и покореніе безчисленныхъ племенъ въ Сибири прервалось, когда мы встрѣтились съ просвѣщенными китайцами, имѣвшими хорошо организованное войско. Была пора, когда Китай еще могъ предписывать намъ условія, какъ напр. при договорѣ въ Нерчинскѣ, въ 1689 году. Но Россія, со свойственнымъ ей терпѣніемъ и непоколебимостью, шла все впередъ, поднимая оружіе лишь въ крайности и пользуясь преимущественно искусною дипломатіею. Такимъ образомъ росли наши успѣхи въ Азіи, и, наконецъ, въ 1860 году, генералъ Игнатьевъ отважною оперціею ути-

часть все дѣло. Безъ всякаго сопротивленія и жертвъ онъ приобрѣлъ берега отъ устья Амура до Корея.

Когда Китай впервые столкнулся съ Россією не совсѣмъ приязненно, всѣ выгоды были на его сторонѣ. Могущественному въ то время Китаю стоило только сдѣлать воззваніе къ повинственнымъ манджурамъ, чтобы собрать грозное войско. Денегъ у китайцевъ также было вдоволь, гораздо больше, чѣмъ у насъ; населеніе Китая было прележно, производило очень много и потому составляло неисчерпаемый источникъ поборовъ. Китайцы защищались, мѣсто ихъ военныхъ дѣйствій находилось въ родной странѣ, а правительство было сильное и пророзливое. Оттого Россія во многомъ уступала въ то время китайцамъ, не имѣя возможности соперничать съ ними, тѣмъ болѣе, что мѣсто боя находилось очень далеко отъ родины.

Петръ Великій вдохнулъ въ свое царство новую жизнь. Кромя многихъ внутреннихъ улучшеній, онъ заботился также объ увеличеніи могущества своего государства и, сверхъ того, не оставлялъ безъ вниманія интересовъ отдаленнаго Востока. Но для него самого и для его наслѣдниковъ манджурскіе императоры были равносильные противники, и со времени Хань-Ся, который вытѣснилъ русскихъ изъ Амурскихъ странъ въ 1688 г. до повѣйнаго времени, намъ нельзя было получить что-либо болѣе, какъ разрѣшеніе отправлять въ Пекинъ, торговля посольства, которыя пользовались самымъ скромнымъ положеніемъ въ Китай, потому что члены его походили почти на просителей или данниковъ.

Все это, однако, нисколько не ослабляло неунынной дѣятельности Россія, которая, между тѣмъ, пользовалась чужимъ опытомъ и вслѣдствіе этого сдѣлалась могучимъ военнымъ государствомъ. Петръ Первый, Екатерина Вторая и Николай Первый расширяли границы своего царства. Въ то время, какъ Россія преуспѣвала безпрерывно, Китай не дѣлалъ ни одного шага впередъ. Первая англійская война, въ 1839 г., была значительнѣе паденія этого государства и подала по-

водъ къ растлѣвающей роскоши, быстро распространившейся по всему Китаю. Развращенные манджурскіе императоры совершенно забыли добродѣтели своихъ отцевъ и предались удовольствіямъ. При дворѣ укоренилась безнравственность, и китайскій народъ сталъ терпѣть несправедливости и притѣсненія. Шайки разбойниковъ опустошали прекраснѣйшія провинціи государства, вслѣдствіе чего потряслось все зданіе въ своихъ основаніяхъ, и теперь недостаетъ только человѣка, который взялъ бы бразды правленія изъ рукъ неспособныхъ правителей. Не смотря на то, ослѣпленіе пекинскаго двора оставалось безмѣрнымъ. На западныхъ варваровъ глядѣли съ презрѣніемъ и были вполне убѣждены въ своей необходимости, пока взятіе Пекина, въ 1860 г., однимъ ударомъ не уничтожило всѣхъ этихъ ложныхъ представлений. Для насъ настала пора воспользоваться представившимися выгодами. Во время споровъ съ западными государствами, Россія стояла на сторонѣ Китая и въ награду за оказанныя услуги получила при-амурскія страны. Китай находился въ положеніи, въ которомъ долженъ былъ сдѣлать эту уступку. Договоръ былъ заключенъ, и мы приобрѣли огромную страну, не пожертвовавъ ни одною каплею крови своихъ соотечественниковъ.

Важность этого приобретенія еще нельзя вполне оцѣнить. До этого времени мы не обладали ни одною хорошею гаванью въ Восточномъ морѣ, по крайней мѣрѣ, такою, которая не была бы закрыта льдами въ теченіе полугода. Теперь же на нашихъ берегахъ, особенно на югѣ, много удобныхъ гаваней, открытых нѣсколько мѣсяцевъ позже, чѣмъ Николаевскъ при устьѣ Амура.

Настоящая безпомощность Китая зависитъ преимущественно отъ уничтоженія военнаго порядка во время продолжительнаго мира. Сами китайцы не охотники до войны; они прилежны, стремятся къ приобретеніямъ и потому не любятъ жертвовать людьми, временемъ или деньгами изъ-за споровъ. Поэтому они вполне покоряются чужеземнымъ арміямъ и туземнымъ шайкамъ разбойниковъ. При такихъ об-

стоятельствах могущество и значеніе правительства окончательно падаетъ.

Перевѣсъ же Россіи безпрерывно увеличивался при усовершенствованіи военной ея организаціи. Постоянная борьба съ Европою побуждала ее развить свою армию, и самыя операціи въ Азіи требовали значительнаго войска. Такимъ образомъ соединялись многія обстоятельства, заставлявшія Россію сдѣлаться большимъ военнымъ государствомъ. Россіи убѣждалась, что татарская орда, руководимая могучею волею, можетъ покорить Азію и Европу. Отчего же не отразить заблаговременно такого удара? Впрочемъ, какимъ путемъ ни возникла мысль о покореніи Азіи, исторія Россіи послѣднихъ двухъ вѣковъ указываетъ на постоянные успѣхи ея политики на Востокѣ.

Никто не можетъ отвергать, что политика Россіи очень полезна. Богатства, мертвое лежаніе въ пустынныхъ областяхъ, раскрываются; торговые пути пролагаются въ дремучихъ мѣстахъ, гдѣ донынѣ господствовали только охотники и лютые зѣбри; плугъ проходитъ по прежнимъ полямъ битвъ, и цѣлующія селенія возникаютъ тамъ, гдѣ прежде была только пустыня. Вотъ благословенные плоды русской политики, которые являютъ въ то время, какъ разслабленный Китай распадется, стремясь во что бы то ни стало поддержать миръ.

Всѣ приведенныя обстоятельства, измѣнившія характеръ обоихъ государствъ и самую судьбу ихъ, только случайныя и зависятъ отъ вѣнскихъ условій. Существенная же причина возвышенія Россіи и паденія Китая лежитъ гораздо глубже. Россія обладаетъ ювенискою силою, и народъ ея началъ разцѣплять послѣ того, какъ сталъ заботиться о своемъ просвѣщеніи. Китай же давно созрѣлъ; его промышленность и искусства, коротко сказать, все, что составляетъ цивилизацію, достигло вершины, и дальнѣйшіе успѣхи невозможны. Но ошибаются тѣ, кто подумаетъ, что вслѣдствіе этого Китай долженъ совершенно пасть. Въ самомъ дѣлѣ, устарѣло только

правительство, китайскій же народъ не извращаетъ. Онъ еще сѣбѣ и могучъ, предавъ мирнымъ занятіямъ и перекладетъ, можетъ быть, много династій.

Сибирь, не имѣя хорошихъ гаваней въ Тихомъ океанѣ, почти совершенно не могла войти въ торговля сношенія съ остальнымъ міромъ. Она походила на человека, который силенъ и полонъ жизни, но не можетъ выказать своихъ способностей, по неимѣнію рукъ. Мы весьма хорошо сознавали это и, потому совершенно естественно, стремились приобрести амурскія страны, съ того времени, какъ въ XVII вѣкѣ на короткое время вступили въ эту область, но при заключеніи нерчинскаго мира должны были возвратитъ ее Китаю. Уже въ 1741 г. историкъ Е. Г. Мюллеръ указалъ на то, какъ выгодно было бы для Россіи свободное судоходство по Амуру даже для того, чтобы доставлять камчатскимъ колоніямъ жизненные припасы водою, а не провозить съ большимъ трудомъ и расходами сухимъ путемъ. До середины этого столѣтія дѣлали предположенія о средствахъ приобрести Амуръ. Средства эти, однако, сдѣлались, нѣсколько осуществимыми лишь въ 1847 г., когда генералъ губернаторомъ Восточной Сибири назначили графа Муравьева. Однимъ изъ первыхъ его дѣйствій было отправить Ваганова въ Амурскую область. Последний выступилъ изъ Усть-Стрѣлки весною 1848 г. и не возвращался. По всей вѣроятности, туземцы умертвили его, такъ какъ и китайскія власти объявляли, что ничего не знаютъ о немъ. Все это нѣсколько не остановило движеній нашихъ въ Азію. Графъ Муравьевъ былъ неутомимо дѣятеленъ; онъ приказалъ изслѣдовать Охотское море и устье Амура и въ 1851 г. учредилъ тамъ торговые посты: Николаевскъ и Маріинскъ, а при устьяхъ Амура — Александровскъ, у близлежащаго залива Кастри.

1854 годъ особенно замѣчателенъ въ исторіи Амура. Тогда совершили первый военный походъ къ Амуру, подъ личнымъ управленіемъ графа Муравьева. Въ то время, при началѣ восточной войны, русскимъ военнымъ судамъ въ Тихомъ

океанѣ скорѣе надо было доставить необходимыя сѣбствныя припасы и огнестрѣльные принадлежности. Нельзя было терять времени, и графъ поплылъ съ маленькимъ флотомъ и арміею на помощь русскимъ. Пароходы, 50 большихъ судовъ и множество шлюзовъ съ оружіемъ и 1,000 казаками отира-вились вверхъ по Амуру и стали на якорѣ у манджурскаго города Айгуна, гдѣ находились плохо вооруженные китайскіе солдаты, которые нисколько не воспрепятствовали дальнѣйшему плаванію русскихъ, до устьевъ Амура.

Такимъ образомъ графъ Муравьевъ ознакомился со слабостью китайцевъ и превосходствомъ Амура, какъ воднаго пути сообщенія, воспользовався собранными свѣдѣніями и въ слѣдующемъ году началъ устраивать на рѣкѣ станція. Такимъ образомъ уже въ 1858 г. русскіе заняли страны, лежащія на сѣверъ отъ Амура, и всѣ эти области были отданы Россіи айгунскимъ договоромъ съ Китаемъ, 28 мая 1858 г. Что касается области между рѣкою Уссури и манджурскимъ берегомъ, гдѣ уже находились русскіе, то было опредѣлено, что она принадлежитъ обоимъ государствамъ сообща. Въ такомъ положеніи были дѣла еще два года. Въ 1860 же г. Китай вполне уступилъ Россіи и эту область, вслѣдствіе чего наши границы распространились до Кореи.

Колонизація береговъ Амура стала развиваться весьма дѣятельно. Уже 28 мая 1858 г. графъ Муравьевъ заложилъ новый городъ — Благовѣщенскъ. Затѣмъ учредилъ Хабаровку у истоковъ Уссури, а Софійевскъ у низовья Амура обратилъ въ главное мѣсто: такъ какъ положеніе Маріинска было непрактично, и протекающій тутъ рукавъ Амура не весь годъ судоходенъ. Къ Амуру привлекли колонистовъ и на границахъ учредили казачьи посты.

Въ короткое время у береговъ Амура сдѣлано много; но всего болѣе такъ ощутительныя недостатки въ людяхъ. Во всей Восточной Сибири будетъ около милліона жителей, вмѣстѣ съ туземцами, и изъ нихъ, конечно, немногіе заселяютъ при-амурскую область. Въ самой этой области находится,

можетъ быть, 24,000 туземцевъ и, сверхъ того, приблизительно 40,000 русскихъ, въ томъ числѣ 15,000 войска. Такое населеніе ничтожно, въ сравненіи съ огромнымъ пространствомъ. За исключеніемъ немногихъ городовъ, русскія колоніи представляютъ не болѣе какъ бѣдныя деревни, состоящія изъ деревянныхъ домовъ.

Всего болѣе, конечно, стараются развить торговлю Восточной Сибири. Оттого обращали особенное вниманіе на улучшеніе таможней, построили маяки и доки, а Николаевскъ на 20 лѣтъ сдѣлалъ свободнымъ портомъ. Теперь товаръ можетъ быть отправленъ вверхъ по всему Амуру и Восточной Сибири безъ малѣйшей помехи. Благопріятное дѣйствіе такого учрежденія уже замѣтно и было бы желательно, чтобы прѣсмычки графа Муравьева продолжали дѣйствовать въ его духѣ. Сдѣланное же имъ должно считать хорошею основой, на которой, однако, еще надобно возвести частности великаго зданія. Во всякомъ случаѣ, зачатки развитія существуютъ, и они дадутъ хорошіе плоды, если у береговъ Амура будетъ довольно жителей.

Уже одинъ обзоръ произведеній Восточной Сибири и превосходнаго положенія Амура указываетъ, что тамъ должна развиться значительная торговля, если прилежащія колоністы откроютъ источники богатства этой страны, разовьютъ промышленность, проложатъ дороги, устроятъ таможни и привлекутъ къ амурскимъ берегамъ корабли всѣхъ націй.

Огромные лѣса богаты превосходнѣйшимъ строевымъ лѣсомъ. Орѣшникъ, ясень и кленъ доставляютъ твердый подѣлочный лѣсъ, а хвойныя деревья, кромѣ великолѣпныхъ строевыхъ стволовъ, даютъ еще смолу, скипидаръ и деготь. Яблони и сливыя деревья, которыя плохо растутъ въ остальной Сибири, превосходно прозябаютъ у Амура. Отъ разведенія винограда едва ли можно ожидать успѣха, такъ какъ зима очень холодна даже и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ средняя годовая температура не препятствуетъ произрастанію лозы. Близъ Залива Викторія, прилетающаго къ Корей, ви-

ноградъ растеть превосходно, потому что тамъ климатическія условія благоприятѣе. Весьма много успѣха можно ожидать отъ вывоза лѣса, вспоминая при этомъ развитіе лѣсной торговли въ Канадѣ, также богатой лѣсами. Тогда какъ у Николаевска и залива Кастри едва можеть расти ячмень, между Сесю и Маринскомъ созрѣваютъ всѣ европейскія хлѣбныя растенія, а также мансъ и сахарное сорго. Значительная влажность, въ обширныхъ лѣсахъ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр. по Уссури, еще мѣшаютъ развитію земледѣлія, но оно, вѣроятно, будетъ процвѣтать послѣ уничтоженія лѣсовъ. У Амура есть также благоприятная почва для табаку, конопли и льна, и туземцы разводятъ видъ крапивы, весьма богатой волокнами, изъ которыхъ приготовляютъ веревки.

Изъ произведеній животнаго царства должно упомянуть прежде всего о рыбѣ и пушныхъ звѣряхъ. Рыба, составляющая главную пищу туземцевъ, при полномъ развитіи колонизаціи страны, безъ сомнѣнія, уменьшится, какъ уже въ настоящее время пушные звѣря. Но, съ другой стороны, Амурскія страны представляютъ превосходную почву для скотоводства. Сотни квадрат. миль могутъ служить превосходнымъ пастбищемъ для милліоновъ овецъ, лошадей и рогатаго скота.

Изъ пушныхъ звѣрей въ Амурской области соболь все еще занимаетъ первое мѣсто. Онъ составляетъ золотое руно, для полученія котораго ходять въ лѣсъ многіе охотники, существенно содѣйствующіе открытію страны и ознакомленію съ нею. Русскіе искатели приключеній, которые съ XVII вѣка проникали въ Восточную Сибирь все далѣе, получали отъ туземцевъ богатую дань соболями и отправляли добытые мѣха въ Якутскъ и Москву. Полярковъ, который перезимовалъ въ 1644 г. близъ истоковъ Амура, получилъ отъ гиляковъ первую дань соболями. Позднѣе эта дань не доставлялась правильно, вслѣдствіе войны китайцевъ съ русскими.

Леопольдъ Шренкъ, который путешествовалъ по Амурской области съ 1854 по 1856 г., встрѣчалъ соболя повсюду

въ Манджуріи. Тамъ, гдѣ между тунгузами не въ ходу деньги, соболь составляетъ единицу мѣры для опредѣленія цѣны всѣхъ мѣховъ и служитъ самой - общеупотребительной замѣной монеты при мѣховой торговлѣ и мѣриломъ благосостоянія. На правомъ берегу Аргуня (одного изъ двухъ главныхъ притоковъ Амура) соборей стало гораздо меньше, какъ и вообще у верхняго Амура. Теперь охотники обращаютъ главное вниманіе на бѣлокъ, которыя значительно размножились одновременно съ уменьшеніемъ числа важнѣйшаго ихъ преслѣдователя — соболя. Послѣдній водится также на лѣвомъ берегу Сунгари, въ областяхъ богатыхъ лѣсомъ. У береговъ Уссури онъ тоже встрѣчается весьма нерѣдко. Къ югу соболь распространяется до 44° сѣв. шир., и, вѣроятно, совершенное исчезновеніе хвойныхъ лѣсовъ полагаетъ ему предѣлъ въ горахъ на югѣ. Гдѣ болѣе нѣтъ хвойныхъ лѣсовъ и гдѣ у низовья Уссури берега лугообразны, соболь встрѣчается только въ горахъ. То же самое наблюдаютъ у Амура. Китайское правительство всегда дорожило обладаніемъ лѣсистыхъ горъ къ сѣверу отъ Амура, именно потому, что эта страна богата соболями. Ниже Уссури, тамъ, гдѣ Амуръ направляется къ сѣверу и течетъ въ гористой, лѣистой странѣ соболи вмѣстѣ съ хвойными лѣсами приближаются все болѣе, и болѣе къ берегамъ рѣки. Лѣса эти доходятъ до самыхъ береговъ у истока Горина. Далѣе Шренкъ встрѣчалъ много соболей у береговъ Амура, до самаго его впаденія въ море. Это животное распространялось также на близлежащіе острова, напр. на Шантарскіе и на Сахалинъ, гдѣ его больше, чѣмъ на материкѣ, почему онъ составляетъ тамъ важный предметъ торговли японцевъ.

Соболь не имѣетъ однообразнаго цвѣта, но представляетъ многіе оттѣнки отъ почти чернаго до свѣтлобурого, рыжаго или желтоватаго. При оцѣнкѣ мѣховъ, оттѣнокъ шерсти весьма важенъ. Чѣмъ мѣхъ темнѣе, тѣмъ онъ дороже; чѣмъ свѣтлѣе, тѣмъ дешевле. Опытный знатокъ соболей однимъ взглядомъ можетъ опредѣлять, изъ какой мѣстности Сибири

или у какой рѣки убить соболь. Въ Амурской области считается за правило, что чѣмъ далѣе соболь водится на востокѣ и югѣ, слѣдовательно, чѣмъ болѣе онъ удалется отъ внутренней страны къ морскимъ берегамъ и отъ сѣверныхъ пустынь Сибири къ умереннымъ странамъ, тѣмъ хуже становится его мѣхъ, потому что шерсть теряетъ черноту и густоту. Камчатскіе соболи свѣтлы, между тѣмъ какъ водившіеся у береговъ Охотскаго моря относятся къ лучшимъ сортамъ. Превосходнѣйшихъ соболей получаютъ съ береговъ Олехмы.

Палласъ утверждаетъ что чернота мѣха зависитъ отъ лѣса, въ которомъ водится соболь. Самые лучшіе соболи находятся въ хвойныхъ лѣсахъ, менѣе темные въ осиновыхъ и ивовыхъ и, наконецъ, самые свѣтлые въ чащахъ лиственныхъ и сибирскаго кедра. Съ этимъ замѣчаніемъ вполне согласуются наблюденія Шренка. На островѣ Сахалинѣ, гдѣ находится самый дурной соболь, растетъ очень много сибирскаго кедра. Впрочемъ, характеръ лѣса не можетъ считаться единственною причиною оттѣнка собольяго мѣха. На цѣль его одновременно имѣютъ вліяніе многія обстоятельства.

Въ Амурской области, кромѣ собольихъ мѣховъ, всѣхъ важнѣе, безспорно, бѣлчьи; сверхъ того, въ торговлю поступаетъ много лисьихъ мѣховъ. Медвѣжьи мѣха, болѣею частью, тратятся на мѣстѣ и ихъ рѣдко продаютъ въ Сибирь.

Минеральная сокровища Амурской области обѣщаютъ также весьма много. Въ этомъ отношеніи все зависитъ, конечно, отъ будущихъ дѣятельныхъ изслѣдованій. Во многихъ мѣстностяхъ у самаго Амура найдены каменный уголь, который есть также и на Буреѣ, и на Сахалинѣ. Во многихъ мѣстностяхъ есть золото и еще болѣе драгоцѣнное—железо, а при дѣятельныхъ изысканіяхъ, во всей вѣроятности, найдутся и другіе полезные металлы.

Не слѣдуетъ упускать также изъ виду живзента, разводимого китаицами у верховьевъ Уссури и составляющаго важный предметъ вывоза. Тутъ растетъ настоящая порода

этого растения (рапах *ginseng*), между тѣмъ какъ ненастоящій жинсѣнгъ (рапах *sessiflorum*), вывозимый изъ Соединенныхъ Штатовъ, доставляется ежегодно 200,000 долларовъ.

Это главныя произведенія страны. О промышленности теперь, разумѣется, говорить нечего, хотя нѣкоторыя отрасли обѣщаютъ блестящую будущность. При увеличеніи скотоводства станетъ процвѣтать производство кожи, а когда обширные луга будутъ прокармливать стада овецъ, безъ сомнѣнія, разовьется сукнодѣліе. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи не слѣдуетъ питать большихъ надеждъ, такъ какъ во многихъ случаяхъ несравненно выгоднѣе вымѣнивать сырыя произведенія на готовый европейскій товаръ.

Ввозятъ въ Амурскую область преимущественно такіе предметы, которые требуются неприсѣщенными туземцами, особенно сукно, бумажныя ткани, даба (грубая шерстяная ткань), простой русскій табакъ, порохъ, свинецъ, воскъ, вода, игрушки, стекло и бусы. Кромѣ того, есть довольно охотниковъ на красную, черную и синюю краски. Самый же вѣрный сбытъ имѣютъ спиртные напитки. Русскіе же покупаютъ различные предметы, употребляемые въ Европѣ.

Всего важнѣе для развитія торговли въ Восточной Сибири пути сообщенія. Превосходныя рѣки, особенно Амуръ, конечно, составляютъ самый лучший путь. Вверхъ по ней далѣе Сем могутъ плавать суда, сидяція въ водѣ до глубины 4-хъ фут., а до впаденія Шалки лишь суда съ посадкою въ 2 фута. Впрочемъ, весною, во время прибыви воды, эти суда доходятъ до Читы. Плаваніе въ лодкѣ внизъ по рѣкѣ продолжается 50 дней, а вверхъ 100, между тѣмъ какъ пароходъ внизъ по рѣкѣ идетъ 20, а вверхъ 30 дней. Въ 1861 году по Амуру плавало уже 14 пароходовъ; число ихъ ежегодно увеличивается. Впрочемъ, товарные транспорты отправляются преимущественно на грубо сколоченныхъ баркахъ въ 25 тоннъ. Ихъ строятъ у верховья Амура и сплавляютъ до Николаевска, гдѣ разнимаютъ и употребляютъ для топлива.

Корабль во время бури въ степи.

Дорогъ еще проложено мало, но правительство обратило уже вниманіе на этотъ важный предметъ и приступило къ проложенію многихъ правильныхъ дорогъ. Отъ Николаевска проведена дорога къ Селенгѣ, единственная чрезъ Яблоновыя горы и проходима въ всѣ времена года. Отъ Маріинска у низовья Амура идетъ дорога мимо Софійска и озера Кидри къ важному заливу Кастри, откуда намѣреваются провести желѣзную дорогу, такъ какъ этотъ заливъ годится для гавани гораздо лучше Николаевска.

Торговля въ Амурскихъ странахъ еще весьма мало развита. О предметахъ вывоза едва ли стоитъ упоминать, а многія европейскія или американскія суда, приплывающія въ Николаевскъ или заливъ Кастри, доставляютъ предметы, нужные русскому гарнизону и поселенцамъ, или покрываютъ потребности туземцевъ. Еще до прибытія русскихъ, китайцы вели иѣновую торговлю, впрочемъ, довольно значительную. Они отправлялись до гилакской деревни Пуль, снабжали самогировъ и другія племена, живущія на сѣверъ отъ рѣки, порохомъ, свинцомъ, ружьями, водкой и табакомъ и получали за это мѣха.

Забайкалье, доставляющее Амуру поселенцевъ, должно снабжать ихъ также собственными припасами и другими предметами. Торговля эта находится въ рукахъ сибирскихъ купцовъ. Что касается торговли съ иностранными судами, то она въ рукахъ Русско-Американской компаніи и чужеземныхъ купцовъ, живущихъ въ Николаевскѣ. Между ними весьма многочисленны иѣнцы и американцы. Амурская Русско-Американская компанія основана въ 1858 году съ капиталомъ въ 45,000 фунтовъ стерл. Она получила право закладывать у Шилки и Амура торговыя станицы, брать, гдѣ нужно, уголь и дрова и вести торговлю съ русскими и туземцами. Кромѣ того, ей выдають порохъ и свинецъ изъ Нерчинска по своей цѣнѣ. Слѣдовательно, компанія представлялось превосходное поле дѣйствія, но участники ея не успѣли воспользоваться своими правами съ выгодой. Вскорѣ въ Бла-

говѣщенскій стали жаловаться, что она продѣтъ изъ своихъ магазинныхъ товаръ дороже, нежели онъ обошелся бы при выпискѣ прямо изъ Петербурга, и, сверхъ того, товаръ весьма низкаго качества. Вслѣдствіе этого, цѣна акцій компаній весьма быстро понижалась. Ввозная торговля въ Амурской области безпрерывно усиливается. Въ 1859 году въ Николаевскѣ прибыло 8 судовъ, въ 1,836 тоннъ выѣстимости, съ товаромъ на 96,075 фунт. стерл.; въ заливъ Кастри 5 судовъ въ 2,578 тоннъ, съ грузомъ на 56,173 фунта стерл. *Корабли* эти, большею частью, американскіе. Какъ мы уже замѣтили, ввозная торговля незначительна, такъ что многія суда должны отплывать безъ груза. Въ 1859 году цѣна навозенныхъ предметовъ составляла только 2,967 фунт. стерл. Шерсть, сырая кожа, солонина и бѣличья мѣха—главные предметы вывоза.

Добываніе желѣза въ Восточной Сибири относится къ отраслямъ промышленности, которыя поданоутъ большую надежду въ будущемъ, потому что топлива и руды есть вдоволь. Въ настоящее же время страна весьма бѣдна желѣзомъ. Вотъ что разсказываетъ Радде въ описаніи своего путешествія: „Вообще въ тѣхъ пограничныхъ мѣстностяхъ, гдѣ я странствовалъ, я не находилъ ни обработаннаго, ни сыраго желѣза, почему должно удивляться, какъ безъ этого драгоценнаго металла, которому человечество обязано съ древнѣйшихъ временъ множествомъ успѣховъ, жители въ состояніи дѣлать постройки и т. д. Мнѣ случалось видѣть у богатыхъ казаковъ зеркала, стоявшія по 600 рублей ассигнаціями: такихъ излишнихъ вещей находилось четыре въ одной комнатѣ; но въ томъ же самомъ домѣ нельзя было найти гвоздя, и если хозяинъ отправлялъ работниковъ въ лѣсъ рубить дрова, то брали у сосѣда займы топоры. Въ Колусутѣ ежедневно выковываютъ не болѣе 3—4 пудовъ желѣза. Кузнецъ, почти ослѣпшій тунгузъ, который, какъ цыганъ, имѣетъ мастерскую подъ открытымъ небомъ и изготовляетъ молотомъ и наковальнею все, что въ состояніи сдѣлать, именно

нѣсколько дюжинъ скобокъ, плоскихъ гвоздей и, въ случай крайней нужды, ободъ на колесо. Въ рѣзущихъ орудіяхъ въ тѣхъ областяхъ такой недостатокъ, что рѣдко случается видѣть даже самые необходимые предметы."

Въ томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ находится этотъ первобытный кузнецъ, есть богатъ, имѣющій болѣе тысячи лошадей и 800 головъ рогатаго скота. Лѣтомъ у него постоянно въ 125 горшкахъ есть молоко. Что же дѣлается изъ этого огромнаго количества въ теченіе года и сколько изъ него выручаютъ денегъ? Не продавалось ничего и два раза въ недѣлю въ кухни на печку раскладывали тѣлеса для выпущиванія, не безпокоясь о томъ, что мухи буквально покрывали его. Частаго масла почти нигдѣ нельзя получить, потому что все дѣлается испортно и небрежно. Но сколько выгоды доставляло бы въ этой мѣстности масло и сыръ. Поэтому видно, что по Амуру можно сдѣлать много, но предварительно необходимо развиться торговлѣ, промышленности и земледѣлію и вообще распространяться просвѣщенію.

Въ этомъ отношеніи мы можемъ ожидать весьма утѣшительныхъ результатовъ. Тамъ, гдѣ недавно суетливый идолопоклонникъ кочевалъ и проникать во мракъ лѣсовъ, преслѣдуя соболя, гдѣ дикарь велъ бѣдственную свою жизнь, или нѣсколько шаговъ далѣе лѣнивый туземецъ, равнодушный къ будущности, работалъ лишь столько, сколько нужно, чтобы не умереть съ голода, теперь мы должны ожидать пріятнаго зрѣлища дѣятельной жизни и благотворнаго вліянія соревнованія. Первый толчокъ къ тому данъ торговлею, которая вообще самый могучій цивилизаторъ въ наше время. Охотничья и кочевая жизнь отбѣсняется все далѣе. Звѣроловъ замѣщается мирнымъ земледѣльцемъ, который своими благоразуміемъ и прилежаніемъ увеличиваетъ производительность природы.

Весьма важно также и то, что Восточная Сибирь дѣлается мѣстомъ проведенія всемірнаго телеграфа. Послѣ затрудненій, встрѣченныхъ при проложеніи обѣихъ подводныхъ телеграф-

ныхъ проволокъ въ Атлантическомъ океанѣ, приступили къ устройству азіатско-американскаго телеграфа, значительная часть котораго уже готова. Мы можемъ надѣяться, что это громадное русско-американское предпріятіе вскорѣ исполнѣ осуществится, не смотря на невозможныя трудности, представляющіяся и здѣсь со стороны суроваго климата и непривычнаго населенія.

Бѣгъ собакъ въ степи.

Ущелье Нань-Ке-У.

I.

Путешествіе отъ Пекина до Калгана вдоль Большой стѣны.

Открытие Китая. — Отъ Шанхая до Пекина. — Прогнозъ изъ путешествія. — Носилки на мулахъ. — Караванъ отправляется въ путь. — Проходы Нань-Ке-У. — Китайскіе мушкетеры. — Бараній супъ. — Мостъ безъ рѣки. — Нападеніе монголова. — Китайскія охотники. — Рѣка Янгъ-Хо. — Прибытіе въ Калганъ. — Его значеніе, какъ торговаго города. — Сѣньские народцы. — Намъ верблюда. — Большая стѣна. — Конный рыцарь. — Погода. — Погоня за верблюдами.

Въ началѣ прошлаго столѣтія, англичанинъ Джонъ Бель совершалъ, съ русскимъ посольствомъ, путешествіе отъ С.-Петербурга до Пекина. Онъ обнародовалъ донесеніе объ этомъ путешествіи, написанное имъ весьма наивно, но притомъ очень увлекательно. Описаніе этого путешествія читалъ Але-

Александръ Мичи, и такъ какъ онъ жилъ въ значительномъ китайскомъ торговомъ городѣ Шанхаѣ, то у него пробудилось желаніе подражать примѣру своего земляка, но въ обратномъ направленіи, т. е., пропутешествовать отъ Пекина сухимъ путемъ до С.-Петербурга.

Нѣсколько лѣтъ раньше исполнить это было бы такъ же легко, какъ отправиться изъ Пекина на луну. Въ ту пору Пекинъ былъ кинголою, запечатанною семью печатами, которыми китайское правительство сторожило глазами аргуса. Со времени Марко Паоло, только іезуитскіе миссіонеры и русское посольство доставляли нѣкоторыя свѣдѣнія о Небесной имперіи. Но завѣса, скрывавшая громадный городъ отъ взоровъ европейцевъ, теперь разорвана. Чужеземцы имѣютъ право странствовать вдоль и поперекъ во всей странѣ и разсматривать ее, сколько душѣ угодно. Тысячипский договоръ и конвенція, подписанная въ ноябрѣ 1860 г. въ Пекинѣ, открыли страну европейцамъ, какъ занимающимся торговыми дѣлами, такъ и странствующимъ для собственнаго удовольствія. Немедленно послѣ этого страну изыскали вдоль и поперекъ любознательные путешественники. Большія путешествія сухимъ путемъ по Монголіи и Сибири уже описали англичанинъ Грантъ (1861 г.), госпожа Бурбулонъ, жена французскаго посланника въ Китаѣ, и, наконецъ, Александръ Мичи. Европейскіе пароходы уже ѣздятъ по волнамъ исподлинскихъ китайскихъ рѣкъ и проникаютъ по нимъ глубоко въ сердце цѣточнаго царства Средины. Оттого мы вскорѣ будемъ судить по донесеніямъ европейскихъ путешественниковъ о томъ, о чемъ знали лишь по рассказамъ китайскихъ географовъ.

Монголія, также подвластная императору Китая, открыта по договорамъ для европейцевъ. Такимъ образомъ уничтожились всѣ искусственныя препятствія для путешествія сухимъ путемъ отъ Пекина до С.-Петербурга. Мичи познакомился въ Шанхаѣ съ однимъ молодымъ французомъ изъ Ліона, который рѣшился сопутствовать ему и тотчасъ сталъ

готовиться къ странствованію. Для путешествія по Монголіи всего нужныѣ пантлѣ, и ее вскорѣ удалось купить у одного французскаго охотера. Кромѣ того добыли пробковый матрацъ, нѣсколько воздушныхъ подушекъ и надсыжающее количество легкой и теплой одежды, потому что на продолжительномъ пути отъ 31° до 60° сѣверной широты предстояло переносить и зной, и холодъ. О Монголіи идетъ слава, что она голодная пустыня, гдѣ можно добыть только баранину, почему Мичи позаботился о достаточномъ количествѣ състныхъ припасовъ.

28-го іюля 1863 года онъ отправился на пароходѣ „Нанцингъ“ къ заливу Пе-Чи-Ли, по Желтому морю, а затѣмъ поѣхалъ по рѣкѣ Пейхо, впадающей въ этотъ заливъ. На этой рѣкѣ находится городъ Тьенцинъ съ 400,000 жителей, знаменитый по заключенному въ немъ договору. Тьенцинъ составляетъ влѣтъ къ Пекинѣ, и до него Мичи достигъ 1-го августа. Послѣ кратковременнаго пребыванія въ немъ, Мичи продолжалъ свое путешествіе далѣе, до Тунгъ-Чей, въ лодкѣ. Плаваніе продолжалось 4 дня и было весьма скучно, такъ какъ берега по обѣимъ сторонамъ плоскій и однообразный. Городъ Тунгъ-Чей не представляетъ никакого особеннаго интереса и находится близъ самаго Пекина, куда Мичи отправился верхомъ 10-го августа, остановился въ китайской гостинницѣ и сталъ готовиться къ дальнѣйшему странствованію.

Извѣстно, что китайцы искусные торговцы и умѣютъ извлекать пользу изъ самаго ничтожнаго дѣла. Мичи нужны были мулы и носилки. Когда онъ сталъ спрашивать у торговцевъ, гдѣ можно получить эти предметы, ему сказали, что ихъ вовсе нѣтъ въ Пекинѣ. Они, однако, говорили это только для того, чтобы получить, по возможности, высокую плату. Хитрые китайцы тотчасъ поняли, что Мичи сдѣлалъ. На другой день кунцы объявили, что можно достать муловъ и носильщиковъ, сколько угодно. Мичи нанялъ 8 муловъ, каждый по 8 рублей, и трес носилокъ, каждыя по 8 руб.

Башня в г. Уфе.

50 к., за провозъ на протяженіи 400 китайскихъ ли (т. е. 4 дней пути) до селенія Калтанъ у Большой стѣны, которое китайцы называютъ Шанъ-Киа-Кей. Намъ вьючныхъ животныхъ съ принадлежностями стоить всего 60 тязловъ, или 120 руб. сер. Одну третью этой суммъ должно было выплатить при подписаніи договора, другую — при нагруженіи муловъ, а послѣднюю — по прибытіи въ Калтанъ. Кромѣ того, Мичи нанялъ китайскаго слугу, или ма-юу, который былъ, впрочемъ, совершенно излишнимъ, умѣлъ разсказывать довольно хорошо о различныхъ бояхъ пѣтуховъ, но притомъ всевозможными способами обманывалъ своего господина и постоянно утверждалъ, что онъ прекрасный малый. Но такъ какъ Мичи вѣрдо убѣждался въ его обманѣ, то и называлъ своего лакея неопытнымъ мошенникомъ, потому что ловкій китаецъ обыкновенно сумѣетъ надуть европейца такъ, что тотъ не замѣтитъ этого.

Современно, рано утромъ, явились нанятые мулы съ носилками къ мѣстопребыванію Мичи. Тотчасъ же по ихъ прибытіи приступали къ нагруженію вещей. Работа эта вовсе нелегкая, потому что тюки складываютъ не на спину животныхъ, но по обѣимъ ихъ сторонамъ, такимъ образомъ, чтобы было равновѣсіе. Вся кладь вѣсила 90 пудовъ, а на одного мула полагается 16 пудовъ груза. Вмѣсто нанятыхъ восьми муловъ, китайцы привели девять, потому на каждого мула пришлось среднимъ числомъ около 10 пудовъ груза.

Носилки, которые въ сѣверномъ Китаѣ тащатъ мулы, представляютъ родъ салазки, прикрѣпленнаго къ двумъ жердямъ. Концы этихъ жердей привязаны къ сѣдлу двухъ муловъ, изъ которыхъ одинъ становится передъ носилками, а другой позади ихъ. Жерди эластичны, и потому путешественнику сидѣть довольно хорошо. Странствовать въ носилкахъ вообще несравненно пріятнѣе, чѣмъ терпѣть толчки телеги. Сверхъ того, носилки довольно длинны, почему въ нихъ можно вытянуться. На днѣ носилокъ находится помѣщеніе для различныхъ путевыхъ принадлежностей.

17-го августа 1863 года, утромъ въ 10 часовъ, караванъ пустился въ дорогу. Безъ всякаго сожалѣнія Мичи покинули грязную китайскую гостиницу и поѣхалъ по длиннымъ, пыльнымъ улицамъ Пекина къ сѣвернымъ воротамъ. Онъ бросилъ послѣдній взглядъ на знаменитый городъ, который не произвелъ на него пріятнаго впечатлѣнія, но не было видно ничего, кромѣ высокихъ и хорошо сохранившихся стѣнъ. Двойныя ворота съ широкими балками въ три этажа какъ бы прощались съ нимъ. Путешественники совершенно спокойно расположились въ носилкахъ, которыя медленно несли мулы.

Въ Шахо, лежащемъ на разстояніи 60 лн, или 15 верстъ отъ Пекина, остановились, чтобы пообѣдать, и затѣмъ пустились въ дорогу лишь вечеромъ. Земля тутъ обработана очень хорошо, и на ней воздѣлывается барбадосское просо, имѣющее въ вышину до 15 футовъ, и хлопчатникъ. Начавъ, въ 11 часовъ, караванъ прибылъ на постоянный дворъ Нань-Ке-У и своимъ пріѣздомъ во дворѣ произвелъ немалое смѣшеніе. Тамъ было множество вещей и путешественниковъ; довольно долго трудился, чтобы пріискать свободное мѣстечко для новоприбывшихъ. При тускломъ свѣтѣ плохого фонаря, достаточнаго только на то, чтобы сдѣлать болѣе лютвенною темноту, путешественники пробирались между ногъ лошадей, муловъ и ословъ, наполнявшихъ дворъ. При ругательствахъ пробужденныхъ людей, прибывшихъ раньше ихъ, путешественники, наконецъ, пріискали себѣ гадкое мѣстечко для ночлега.

Деревня Нань-Ке-У лежитъ близъ ущелья, по которому рѣшительно нельзя ѣздить, и потому черезъ него проѣзжихъ переносить въ носилкахъ. Остальная же часть большого торговаго пути довольно хороша, такъ что по ней могутъ ѣздить повозки. Ущелье имѣетъ въ длину около 13 англійскихъ миль (19¼ верстъ), и однообразный видъ отѣсныхъ скалъ почти ничѣмъ не прерывается на всемъ этомъ протяженіи. Развалины вѣковыхъ старыхъ вѣрностей указываютъ, что этотъ проходъ имѣлъ въ прежнія времена нѣкоторую важ-

ность въ военномъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ, ущелье составляетъ ключъ къ Пекину и отъ природы расположено столь благопріятно, что горсть людей можетъ противостоять большой арміи.

Медленно, съ большимъ трудомъ, но весьма ловко, мулы пробирались съ своимъ грузомъ по скалистому проходу, на концѣ котораго существуетъ развалившаяся часть Большой стѣны. Тутъ находится небольшой городъ Ча-Тау. Путешественники остановились здѣсь, и Мичи, къ величайшему удивленію, пошелъ въ отличную гостиницу. Всѣ постоянные дворы въ этой мѣстности содержатся мухамеданами, которыхъ китайцы называютъ хвуй-хвуй. Известная степень цивилизаціи, какую они приобрѣли, принявъ религію пророка, съ выгодной стороны отличаетъ ихъ отъ согражданъ. Хотя они и не очень строго держатся предписаній корана и не считаютъ за большой грѣхъ выпить вина, тѣмъ не менѣе они живутъ между собою очень дружно. Въ Тьенцзинѣ и Пекинѣ, а также въ большей части значительныхъ городовъ въ сѣверномъ и западномъ Китаѣ, они имѣютъ мечети, куда не пускаютъ никого, кто могъ бы помѣшать имъ въ исполненіи обрядовъ ихъ богослуженія. Китайское правительство весьма вѣротерпимо. Сыны Небесной имперіи сами очень мало привержены къ дѣламъ вѣры и вовсе не фанатики. Строгимъ оказалось правительство только относительно христіанской вѣры. Но оно имѣло на это весьма основательныя причины, потому что миссіонеры и особенно іезуиты, не ограничивались распространеніемъ вѣры, но мѣшались въ дѣла правленія. Вообще китайцы въ дѣлѣ вѣротерпимости гораздо выше жителей многихъ христіанскихъ государствъ.

Въ гостиницѣ Ча-Тау, посреди кухни, стоялъ на огнѣ большой котелъ, въ которомъ клекотало и кипѣло съ утра до вечера огромное количество воды съ бараниной. Одинъ мальчикъ занимался приготовленіемъ клецекъ, которыя бросалъ въ отваръ и затѣмъ подавалъ это вкусное и питательное блюдо путешественникамъ. Ощеводство весьма процвѣ-

часть въ этой области, почему баранина дешева и составляет главную пищу. На открытых пастбищахъ и холмахъ встрѣчаются огромныя стада барановъ, отправляемыхъ въ Пекинъ.

Изъ Ча-Тау Мичи выѣхалъ на обширную равнину, ограниченную двумя горными цѣпами, направляющимися къ востоку и находящимися, по крайней мѣрѣ, на 1,000 футовъ надъ уровнемъ моря. Воздухъ тутъ гораздо свѣжѣе, чѣмъ въ Пекинѣ, а почва менѣе плодородна. Поля съ просомъ и другими произведеніями имѣли довольно тощій видъ. Холмы были голы, и лишь изрѣдка на равнинѣ видѣлись деревья.

Мичи остановился въ весьма красиво расположенномъ городѣ Хвай-Лай-Хіенъ. Предъ этимъ городомъ былъ возведенъ большой каменный мостъ, отъ котораго осталось пять готическихкихъ арокъ. Видна еще шестая арка, на разстояніи 200 футовъ отъ остальныхъ. Это указываетъ, очевидно, что мостъ разрушенъ силою. Въ руслѣ рѣки, подъ мостомъ, нѣтъ ни одной капли воды; оно занято превосходными полями, между прежними берегами. Какимъ образомъ это случилось? Куда дѣвалась рѣка? Кто разрушилъ мостъ? Это объясняется въ упомянутомъ нами описаніи путешествія Джона Беля. Онъ рассказываетъ: „У города Хвай-Лай-Хіена протекаетъ широкая рѣка, которая, кажется, судоходна; черезъ нее переннута превосходный мостъ со многими арками, усиленный большими четырехугольными камнями.“ Старинный англійскій писатель сообщаетъ еще о землетрясеніи, отъ котораго много потеряна эта часть страны, а, вѣроятно, также и превосходный мостъ. Рѣка, можетъ быть, нынѣшняя Хвай-Хо, приняла, вѣроятно, другое направленіе.

Черезъ городъ безпрерывно проходятъ караваны муловъ и ословъ, съ различнымъ товаромъ, и отправляются въ Пекинъ. Особенно много провозятъ угля и прогоняютъ стада овецъ и табуны лошадей въ громадный городъ, который имѣетъ вліяніе на столь значительное разстояніе.

Окрестности Хини-Лая-Хиса представляют почву историческую, потому что здѣсь Чингисъ-ханъ разбилъ въ 1212 году манджуровъ, и одинъ изъ его генераловъ занялъ даже ущелье Навъ-Кей-У. Повсюду видны развалины старыхъ крѣпостей, и цѣлыя линіи четырехугольныхъ башенъ стоятъ вдоль дороги. Это нѣмые свидѣтели кроваваго боя, происходившаго здѣсь между монголами и китайцами и сохранившагося въ памяти народа въ различныхъ сказаніяхъ. Одно изъ нихъ напоминаетъ извѣстную басню о пастухѣ и волкѣ, и мы сообщаемъ ее со словъ Мичи. „Въ ту пору, когда подавали знаки о предстоящей опасности огнемъ, зажигаемымъ на башняхъ, женѣ одного императора отъ скуки издумалось просить государя приказать зажечь огни, чтобы собрать всѣхъ генераловъ и офицеровъ страны. Сказано — сдѣлано. Огни запылали на всѣхъ башняхъ китайской имперіи, и вотъ съ юга и сѣвера, съ востока и запада прибыли мандарины, чтобы помочь изгнать враговъ государства. Но, увидѣвъ, что они были только игрушкой капризной женщины, они возвратились озабоченные. Когда дѣйствительно прибыли враги, татары (точно такъ же, какъ въ извѣстной баснѣ волки), то сигналы на башняхъ показались совершенно напрасно, и императоръ остался предъ врагомъ одинъ.“

Китайцы, какъ мы видимъ, не лишены романтизма. О всякой болѣе или менѣе значительной мѣстности по этой дорогѣ есть какое-нибудь сказаніе, точно такъ же, какъ и каждой развалинѣ на Рейнѣ свойственно какое-нибудь преданіе.

Мичи достигъ рѣки Янгъ-Хо, протекающей по прекрасной долинкѣ, гдѣ находятся въ красивыхъ рощахъ пріятныя деревеньки. Эта долина защищена отъ холоднаго сѣвера горами, и превосходная растительность разстилается здѣсь сѣжимъ ковромъ. Тутъ китайскіе монахи построили себѣ монастырь, потому что духовныя лица въ Китаѣ весьма любятъ селиться въ красивыхъ мѣстностяхъ. Близъ этого романтическаго мѣста, посреди равнины, выдается высокая скала, на которую можно изобраться только съ запада, по страш-

ной тропинкѣ. Наверху находится храмъ и женскій монастырь, который снизу имѣеть весьма величественный видъ. Такая замѣчательная мѣстность не могла остаться безъ легенды. Говорятъ, что здѣсь нѣкогда жила красивая и добродѣтельная принцесса, которая имѣла весьма много гордыхъ и отважныхъ жениховъ изъ самыхъ благородныхъ семействъ, но не отдавала своей руки никому, кто не исполнитъ трудной задачи. Она хотѣла собственными руками въ одну ночь возвести на вершинѣ скалы монастыря и храмъ, а желающій сдѣлаться ея супругомъ долженъ былъ въ ту же ночь построить на рѣкѣ, также собственными руками, каменный мостъ. Всѣ женихи убѣдали ошеломленные, и только одинъ вужеземецъ отважился предпринять исполнискую постройку. За дѣло принялись въ одно время, и до восхода солнца постройка принцессы была готова. Въ нѣмецкихъ легендахъ, отважный женихъ навѣрное получалъ бы за свою смѣлость руку принцессы, но китайцы имѣють другой образъ мыслей. Дѣло въ томъ, что когда показывалась утренняя заря, мостъ былъ готовъ лишь до половины, и бѣдная принцесса осталась безъ мужа; послѣ этого она прожизня конецъ своей жизни въ монастырѣ, построенномъ собственными руками.

Янгъ-Хо, незадолго до прибытія Мячи, затопить всю мѣстность, и потому теперь къ нему со всѣхъ сторонъ водопадами стекала вода. Рѣка нѣлась проходить чрезъ ущелье, гдѣ свергается съ высоты 200 футовъ на протяженіи $7\frac{1}{2}$ верстъ, причемъ безпрестанно шумитъ такъ сильно, что пугаетъ лошадей. Съ большимъ трудомъ удалось пробраться по крутой дорогѣ, къ ночи, до слѣдующей деревни. Шесть монголовъ хранили, лежа одинъ вождѣ другого на землѣ, и нисколько не беспокоились. Поэтому путешественнику не оставалось другаго выбора, какъ только проспать въ носилкахъ. 20-го августа, въ часъ полудня, Мячи вступили въ большой торговый городъ Калгань. Этотъ городъ лежитъ подлѣ $40^{\circ} 15'$ сѣверной широты въ большой долинѣ и съ трехъ сторонъ окруженъ горами, а съ четвертой обнесенъ знаме-

Высокий верблюд.

нитомъ Большою стѣною, которая здѣсь перекрещивается горами и спускается въ долину. Калгань имѣетъ вполне характеръ торгового города и приобрѣла значеніе мѣстности того, что здѣсь сосредоточилась китайско-русская торговля. Весь товаръ, отправляемый изъ Кяхты къ Желтому морю, долженъ пройти чрезъ этотъ городъ. Оттого сюда сходятся китайцы со всѣхъ мѣстностей имперіи, многіе изъ нихъ проводятъ значительную часть жизни въ Кяхтѣ, хорошо говорить по-русски и обыкновенно обогащаются цвѣтущею китайско-русскою торговлею.

Такъ какъ Калгань городъ пограничный между Китаемъ и Монголіей, то здѣсь поселилось довольно много монголовъ, торгующихъ овцами, рогатымъ скотомъ и лошадьми и предлагающихъ своихъ верблюдовъ для провоза вѣды по пустынямъ. Скотъ они обыкновенно мѣняютъ на кирпичный чай и различную мелочь, напр. трубки, табакъ, ножки и т. д. Русскіе купцы имѣютъ также факторію въ Калганѣ и нерѣдко встрѣчаются въ этомъ городѣ, находящемся посреди Небесной имперіи. Названіе Калгань есть испорченное монгольское слово Халганъ, что означаетъ ворота. Но этого слова болѣе не употребляютъ въ такомъ смыслѣ на монгольскомъ языкѣ, и самый городъ гораздо чаще называютъ по-китайски Шань-Ки-Кей. Улицы въ Калганѣ узки, грязны и поныни и притомъ плохо расположены. Жителей здѣсь весьма много, около 200,000. Вдоль домовъ всегда тѣснятся пѣшеходы, между тѣмъ какъ середина улицы совершенно занята повозками, верблюдами, ослами и лошадьми.

Мичи надобно было помыслить о томъ, какъ бы достать себѣ верблюдовъ для дальнѣйшаго путешествія. Всѣ переговоры, которые онъ заводилъ объ этомъ предметѣ съ китайцами, не имѣли никакого успѣха. Къ счастью, онъ познакомился съ русскими, живущими въ Калганѣ и принявшими его весьма ласково. Они очень хорошо знали мѣстные условія и умѣли обходиться съ китайцами, считавшими Мичи за жирную птицу, которую можно обжаривать. Одинъ русскій,

который зналъ все приемы и хитрости китайцевъ и говорилъ по-монгольски, какъ природный монголъ, взялся все удалить. На разстояніи двухъ дней пути отъ Калгана находится монгольскій монастырь, съ ламаями котораго этотъ русскій былъ знакомъ. Эти жрецы имѣютъ большое вліяніе на своихъ земляковъ, и съ ихъ-то помощью онъ старался добыть верблюдовъ. Впрочемъ, все это оказалось излишнимъ, потому что на второй день къ Мичи явились два монгола, изъ которыхъ одинъ былъ курьеръ, доставляющій въ Кяхту почтовый чемоданъ и ожидающій срочнаго дня, чтобы выѣхать. Съ этими людьми можно было устроить дѣло, и они обѣщали въ 4 дня добыть нужное число верблюдовъ. За 8 животныхъ, которыхъ нужно было пройти 1200 верстъ, требовали около 420 рублей. Сверхъ того, было определено выплатить 2 киринча чаю провознику при переправѣ чрезъ рѣку.

Пока Мичи поджидать верблюдовъ, онъ имѣлъ довольно времени ознакомиться съ городомъ. Сперва онъ осмотрѣлъ знаменитую Большую стѣну, камни которой почти совершенно развалились, такъ что можно различить лишь направленіе, въ какомъ она была возведена. Нѣсколько багнетъ еще сохранилось въ цѣлости. Далеѣ, къ востоку стѣна находится въ лучшемъ состояніи, а у Калгана ее содержать въ исправности. Подъ стѣною выведенъ сводъ воротъ, черезъ который проходятъ все караваны, прибывающіе изъ Монголіи.

Каждое утро на площади, у Большой стѣны собирались продавцы лошадей, и Мичи посѣщалъ этотъ рынокъ для удовольствія. На продажу выставляли нѣсколько сотенъ, болѣею частью, монгольскихъ лошадей. Онѣ разставлялись рядами, и русскіе обязали ихъ предъ покупателями. Торги заключали китайскіе посредники пальцами. По крайней мѣрѣ, дѣло начиналось съ того, что представители покупателя и продавца засовывали другъ другу руки въ рукава и подъ ними, посредствомъ пальцевъ, переговаривались о цѣнѣ. При полномъ разгарѣ этого безмолвнаго спора, раздавались нерѣдко и голоса.

Почти съжжасно изъ Монголіи привозятся многочисленныя телѣги, запряженные волами. Въ этихъ телѣгахъ нѣтъ ни кусочка желѣза. На нихъ подвозятъ дрова изъ горъ Урси, находящихся въ странѣ монголовъ-калгановъ, на разстояніи 1,000 верстъ отъ Калгана. Этотъ дальній путь привозаается въ пеѣлю, причеъ животныя питаются только травой, которая растетъ у дороги. Для такого товара находить обильный сбытъ въ этой мѣстности, весьма бѣдной деревомъ. Изъ привозимаго лѣса приготовляютъ также гробы.

Въ Калганѣ погода значительно измѣнилась. Въ первые дни пребыванія Мичи было жарко. Но такъ какъ Калганъ лежитъ на высотѣ 2,050 футовъ, то воздухъ здѣсь гораздо разрѣженнѣе, чѣмъ въ Пекинѣ, и измѣненія атмосферы обнаруживаются гораздо рѣже. Дѣйствительно, зной смѣнился ужасной грозой, послѣ которой послѣдовалъ жестокій холодъ, и путешественники нѣсколько не сообразили, что занасились шубами и одѣялами.

Въ Калганѣ растетъ отличная капуста, картофель, морковь и другіе овощи. Мичи запасся въдоволь всѣми этими предметами и сѣксамъ мясомъ; сверхъ того, онъ приобрѣлъ двѣ прочныя китайскія повозки, которыя были войлокомъ. На дорогу надо было вынести различныя предметы, такъ какъ въ Монголію нельзя рассчитывать во время путешествія на какое-либо пособіе отъ мѣстныхъ жителей. Оттого взяли съ собою даже жира для смазыванія колесъ, угольень, фонарей и множество другихъ вещей. Весьма важный предметъ потребности составляетъ теплая одежда, потому что безъ хорошихъ валеныхъ сапоговъ и полушубка изъ овчины европеецъ не можетъ тутъ обойтись даже лѣтомъ.

Съ крикомъ и ревомъ прибыли 26 августа верблюды. Монголы водятъ ихъ на веревкѣ, прилазанной къ палкѣ, продернутой сквозь носовую хлясть, и заставляютъ становиться на колѣни, покрикивая: сохъ, сохъ! Для предохраненія спины животного отъ осадковъ, особенно между горбами, ее покрываютъ войлокомъ. Приведенныя животныя, дѣйствительно,

представляли собою корабли пустыни, съ которыми намъ надо было пройти по травянистому океану монгольской степи. Въ сравненіи съ своимъ ростомъ, монгольскій верблюдъ весьма слабъ. Главная сила его сосредоточивается въ спинѣ, на которой онъ въноситъ довольно значительный грузъ. Хотя это животное идетъ довольно медленно, но въ пустынѣ оно необходимо, потому что много дней можетъ оставаться безъ пищи и довольствуется тѣмъ, что ему удастся найти на дорогѣ.

Главнымъ погонщикомъ верблюдовъ былъ буддѣйскій ламъ, весьма простой человѣкъ. Онъ назывался Тунчунъ и соединялъ въ себѣ всѣ недостатки и достоинства своего племени. Первый его помощникъ назывался Телангъ. Этотъ отличный человѣкъ при всѣхъ обстоятельствахъ оставался веселымъ, былъ всегда прилеженъ и доброхотливъ и вообще отличался хорошими нравами. У втораго помощника лице имѣло хитрое выраженіе, а такъ какъ Мичи трудно было произносить монгольское его имя, то онъ прозвалъ его китайцемъ. Сначала проводникъ возставалъ противъ ненавистнаго для него прозвища, но вскоре привыкъ къ нему.

Привітє каравана.

II.

Странствованіє по Монголії.

Отвідає изъ Кашгара. — Китайскіє земелѣдѣльцы. — Вступленіє въ степь. — Оупленіє навоюма. — Антилопа. — Посѣщеніє монгольскъ изъ юртъ. — Насла-
щеніє. — Монголы любятъ мянись. — Какъ монголы взрѣмывають и ѣдятъ бара-
носа. — Собаки. — Исканіє монгольскъ. — Оазисъ Цаганъ-Тугуръ и его
храмъ. — Приютленіє. — Равнина. — Русскій курьеръ. — Гора Уланъ-Дала. —
Сѣверный эскуръ. — Приютленіє съ прихотливомъ каравана. — Лѣтъ. — Мо-
лодой богословъ. — Обѣдъ и монгольскій чертъ. — Гора Цаганъ-Динси. — До-
лина рѣки Нуль. — Длинноперотный бѣсъ. — Степь у Толки. — Майицкиа. —
Русское консульство. — Урга. — Рынокъ. — Ламейскій монастырь. — Богословъ.
— Верховный ламъ въ Ургѣ. — Путешествіє до Кашга.

Въ сопровожденіи русскихъ друзей, Мичи началъ са-
мую интересную часть своего путешествія. Если бы онъ

вѣрять въ дурныя предзнаменованія, то долженъ былъ бы ожидать весьма неблагоприятнаго странствованія. Въ самомъ дѣлѣ, лошадь сбросила его за Калганомъ, отчего у него сильно повредилося лицо. Затѣмъ животное убѣжало въ просовое поле и принялось пастись, вслѣдствіе чего Мичи едва не разбранился съ хозяиномъ поля.

Непосредственно за Калганомъ дорога проходить чрезъ узкое ущелье между крутыми холмами. Почва поднимается на протяженіи 20 верстъ до высоты въ 2,000 футовъ. Далѣе путь лежить чрезъ возвышенную равнину, которая находится на высотѣ 5,000 футовъ надъ уровнемъ моря. Китайцы распространились до предѣловъ пустыни и съ неутомимымъ прилежаніемъ занимаются земледѣліемъ даже на мало плодородной землѣ. На правильное состояніе атмосферы здѣсь рассчитывать нельзя: нерѣдко бываетъ засуха, буря навѣваетъ пески, а ураганы и сильные проливные дожди портятъ посѣвъ. Вслѣдствіе этого нерѣдко бываетъ дурная жатва со всѣми ея послѣдствіями. Монголы весьма непріязненно смотрятъ на распространеніе китайцевъ, столь же ненавидимыхъ для нихъ, какъ и для манджуровъ, въ странѣ которыхъ китайское населеніе увеличивается также очень быстро, отчего первобытныхъ обитателей теперь стало сравнительно меньше.

Хотя солнце весь день свѣтило съ полнымъ силою, вечеромъ при постановкѣ палатки, руки у Мичи такъ околѣли, что онъ едва могъ держать молотокъ, которымъ вбивалъ колья. И это происходило 26 августа, надъ 41° сѣверной широты! Послѣ холодной ночи настало прекрасное ясное утро; жаворонки весело пѣли, летая по воздуху, и вскорѣ солнце уничтожило крупныя капли росы, которыми была обременена трава. На зеленомъ коврѣ луга паслись большіе табуны лошадей и стада рогатаго скота, въ которыхъ поддерживали порядокъ монгольскіе пастухи, разбѣжавшіе верхомъ; крики ихъ разносились далеко. Мичи теперь находился въ странѣ шатровъ и былъ удаленъ отъ всякой цивилизаціи. Монгольскій храмъ надолго былъ для него послѣднимъ каменнымъ

зданіемъ. Онъ находился въ травяной мѣстности и былъ вполне свободенъ и независимъ отъ людей.

Путешественники шли въ слѣдующемъ порядкѣ. Одинъ монголъ на верблюдѣ ѣхалъ впереди, а за нимъ слѣдовали остальные верблюды, привязанные мордою къ предшествующему; другой монголъ заключалъ шествіе, между тѣмъ какъ лама постоянно разбѣгалъ взадъ и впередъ вдоль всей линіи. Этотъ лама отличался превосходнымъ голосомъ, и когда онъ ѣхалъ вмѣстѣ съ Телнгомъ, то звучныя его пѣсni были слышны далеко. Монголы поютъ охотно и всегда груднымъ голосомъ, а не фистулою, какъ китайцы, пѣніе которыхъ отвратительно. Лама часто опережалъ караванъ, чтобы заѣзжать въ монгольскія палатки, гдѣ благословлялъ жителей и пилъ съ ними чай. Мичи ѣхалъ верхомъ. На верблюдѣ, движущемся медленно, ему скучно было ѣхать. По приблизительному расчету, верблюду надобно было водить ноги, по крайней мѣрѣ, 700,000 разъ до прибытія въ Кяхту. Намъ путешественникъ рѣдко садился въ повозку, гдѣ ему приходилось переносить страшную вонь запряженного верблюда. Ночью онъ зашмыгивался въ одеяло и спалъ, между тѣмъ какъ верблюды спокойно продолжали тащить повозку. Нерѣдко къ вечеру раскидывали палатку. Монголы шили собственную палатку изъ синей бумажной ткани, которая съ теченіемъ времени совершенно почернѣла отъ дыма. Посреди палатки разводили огонь, надъ которымъ вѣшали котелъ для варки. Дымъ выступалъ чрезъ входъ въ палатку и несколько не былъ тягостенъ монголамъ, между тѣмъ какъ европейцы отъ него задыхались. Впрочемъ, отъ дыма у монголовъ большею частію глаза красны, что вовсе не удивительно, такъ какъ огонь поддерживаютъ только конскимъ и коровьимъ навозомъ. Степь не доставляетъ другаго горючаго матеріала. Какъ скоро монголы видятъ, что близъ нихъ раскидываютъ палатку, они посылаютъ къ ней женщину съ топливомъ изъ навоза, который называется *аряломъ* или *архоломъ*. Раздача топлива въ обычай у монголовъ и находится въ тѣсной связи

съ ихъ гостеприимствомъ. Палатка всегда раскидывается близъ источниковъ, которые въ Гоби многочисленны, но не легко могутъ быть открыты незнакомыми съ мѣстностію, между тѣмъ монголы находятъ ихъ какъ бы по инстинкту.

Часть Монголіи, по которой проѣзжалъ Мичи, состоитъ изъ ряда равнинъ и волнистыхъ пространствъ. Мѣстами почва становится холмистою, и вообще вся степь походить на море. На обширномъ пространствѣ нельзя открыть ни одного дерева или какого-либо другаго предмета, и глаза могутъ отдохнуть только на какомъ-нибудь стадѣ или на палаткѣ. Восходъ и закатъ солнца еще болѣе увеличиваютъ сходство мѣстности съ моремъ. Слѣдательно, названіе корабля пустыни, которое даютъ верблюдамъ, кажется тутъ чрезвычайно уместнымъ. Впрочемъ, и здѣсь есть нѣкоторое разнообразіе. Иногда показываются стаи гусей и стада дикихъ козъ. Китайцы называютъ послѣднихъ желтыми баранами, вангъ-ингъ, а монголы гурунъ. Собственно говоря, оказывается, что эти животныя не козы, ни бараны, а нѣкій видъ антилопы (*procapra gutturosa*) величиною съ ланью, желто-бураго цвѣта, который переходитъ у ногъ въ бѣловатый. Эти антилопы бѣгаютъ стадами въ нѣсколько сотъ штукъ, чрезвычайно боязливы и проворны, и къ нимъ, по видимому, почти невозможно приблизиться на разстояніе выстрѣла. Мичи нѣсколько разъ тщетно пытался застрѣлать такую антилопу. Его лошадь не могла утнаться за проворнымъ животнымъ. Впрочемъ, монголы иногда подстерегаютъ ихъ и застрѣливаютъ изъ ружья, которое опираютъ на сонку.

Мало-по-малу хорошая трава стала исчезать, мѣстность становилась пустынище, и несчастныя лошади и верблюды находили мало корма. Стада рогатаго скота и табуны болѣе не встрѣчались. Казалось, что тутъ могли прокормиться только бараны и верблюды. 29 го августа Мичи въ первый разъ раскинулъ палатку въ мѣстности, близъ которой не было видно шатровъ. Поэтому никто не посѣтилъ его, между тѣмъ какъ до того времени къ его монгольскимъ спутникамъ

со всѣхъ сторонъ сѣдѣли сосѣди, съ которыми, по мѣстному обычаю и этикету гостепріимства, приходилось бесѣдовать, отчего въ теченіе ночи едва удавалось поспать нѣсколько часовъ. Такимъ образомъ, можно было издремнуть лишь во время странствованія, потому что ширка кушанья и раскидываніе шатра также отнимали много времени. Чтобы избавиться отъ труда устанавливать собственную палатку, путешественники вѣрѣе отправлялись въ ближайшую юрту, въ которой готовили себѣ узангъ или зантраки.

Юрта простое жилище монголовъ, которое на ихъ языкѣ называется гирай. Этотъ шатеръ существенно отличается отъ дорожнаго или майчунга. Гирай состоитъ изъ рѣшетчатого деревяннаго остова, покрытаго войлокомъ. Такое сооруженіе кругло и имѣетъ коническую, довольно плоскую крышу съ отверстіемъ для дыма. Отверстіе на ночь закрывается. Посрединѣ юрты горитъ костеръ аргала, который на ночь гасятъ. Боковыя стѣны юрты имѣютъ вышину немного болѣе 5-ти футовъ. При входѣ въ юрту надобно наклониться, потому что дверь состоитъ только изъ висѣщаго куска войлока. Весь гирай имѣетъ около осьми шаговъ въ поперечникѣ. У монголовъ нѣтъ постели; они спятъ въ одеждѣ и закрываются нѣсколькими одѣялами. Если ночь холодная, то въ юрту, которая и безъ того очень тѣсна, помѣщаютъ еще агнать. Когда въ окрестности сѣдена вся трава, монголы складываютъ свою лижину, вьмываютъ ее на спину верблюда и отправляются на лучшее пастбище.

Монголъ, такъ сказать, сросъ съ юрточк. Безъ нея онъ не можетъ существовать. Даже въ Ургѣ, гдѣ довольно дерева для постройки домовъ, онъ все-таки остается въ юртѣ, которую окружаетъ досчатый заборомъ. На всемъ своемъ длинномъ пути Мичи не нашелъ ни одного монгола, живущаго въ домѣ. Съ приближеніемъ къ ихъ юртѣ и при вступленіи въ нее необходимо соблюдать опредѣленный этикетъ. Такимъ образомъ, не должно входить въ юрту съ кнутомъ. Вступленіе человека съ кнутомъ въ шатеръ считается же-

стокимъ оскорбленіемъ. Къ двери подходить также по опредѣленному правилу, къ которому Мичи никакъ не могъ привыкнуть. Предъ юртой обыкновенно лежатъ веревки, прикрѣпленныя къ кольямъ и служащія для привязыванія скота. Черезъ или вокругъ нихъ должно ходить извѣстнымъ образомъ. Если при своемъ приближеніи къ юртѣ Мичи не удавалось идти надлежащимъ образомъ, то ему отказывали въ гостепріимствѣ, не смотря на обычное привѣтствіе: „Мендо! мендо!“ Такіе обычаи происходятъ изъ суевѣрія монголовъ.

Общая юрта.

Устройство юрты самое первобытное. Неподвиженъ одинъ очагъ посреди палатки, все же остальное состоитъ изъ движимаго имущества. Главную домашнюю утварь составляютъ сковороды, чугушники, горшки для варки баранины, нѣсколько чашекъ и кружекъ для храненія молока и деревянныя чашки, ей-иги, которыя монголы носятъ съ собою на груди. Сверхъ того, монголъ имѣетъ при себѣ ножъ для разрыванія баранины. Платье всего семейства хранится въ деревянномъ сундукѣ. Столы и стулья для монгола столько же изысканныя вещи, какъ и умывальникъ. Онъ лежитъ и сидитъ на нѣсколькихъ войлокахъ, разложенныхъ на землѣ.

До сихъ поръ путешествіе было довольно благопріятно, но теперь одна негода послѣдовала за другою. Никто не смѣлъ отлучаться отъ каравана, чтобы не потеряться. Должно замѣтить, что вообще путешествуютъ по дорогѣ, протоптанной верблюдами и довольно замѣтной даже въ нескѣ. Зимой такая дорога, конечно, заносится снѣгомъ, но и тогда монголы умѣютъ отыскать ее.

Внезапно сильный сѣверный вѣтеръ съ дождемъ подулъ прямо въ лице нашимъ путешественникамъ. Они заблѣ и не могли обогрѣться подъ войлокомъ въ повозкѣ, притомъ терпѣли жажду, потому что не имѣли ни воды, ни молока. Въ одной юртѣ этому горю, однако, помогли. Затѣмъ верблюды опять обратили морды противъ вѣтра и балстро попили посреди бурной ночи. Когда прекратился дождь, сильный вѣтеръ наносилъ столбомъ нескѣ. Ко всѣмъ этимъ негодамъ еще издохъ одинъ верблюдъ, съ котораго пришлось снять грузъ и переложить на другихъ, уже и безъ того очень обремененныхъ животныхъ. Что подобныя несчастія случались также съ другими путешественниками, свидѣтельствовали поблѣвшіе скелеты верблюдовъ, валявшіеся на дорогѣ. Животныя несутъ взваленный на нихъ грузъ, пока могутъ, а затѣмъ падаютъ и издыхаютъ. Мертвыхъ животныхъ оставляютъ на дорогѣ, которая и обозначается ихъ костями. Мѣстность, гдѣ остановились наши путешественники, называется Минганъ и бѣдна травой; отсюда тамъ рѣдко встрѣчаются юрты.

На этомъ мѣстѣ столники къ ламѣ пришло много посѣтителей, и онъ тотчасъ началъ переговариваться съ ними при помощи пальцевъ подъ рукавомъ. Дѣло шло у нихъ о продажѣ большого верблюда. При подобнаго рода сдѣлкахъ бутылка обходитъ монголовъ весьма дѣятельно, и ливнившій большой сосудъ самну, или рисовой воды, скоро опорожняется. Въ короткое время стало замѣтнымъ дѣйствіе этого напитка, обнаружившееся весьма непріятно. Большая часть собутыльниковъ начала покачиваться, и одинъ изъ нихъ упалъ

на полку налатки и переломлять ее. Спутники окружили его, сѣтуя не о товарищѣ, а о сломанной полкѣ, которую въ этой мѣстности, бѣдной деревомъ, замѣнить трудно. Хотя пьяный не могъ болѣе стоять на ногахъ, его, однако, посадили на лошадь и дали ему въ руки поводья, и онъ уѣхалъ. Казалось, лошадь замѣтила состояніе всадника, повеселась во весь опоръ и сбросила его. Добрые пріятели поймали коня и привязали его близъ хозяина, котораго оставили всю ночь на открытомъ воздухѣ. Такъ какъ всѣ перепились, то лама не могъ окончить дѣла и сожалѣлъ объ истраченномъ имъ самшутѣ и о сломанной полкѣ.

Монголы лютеіе ѣзжеходы, но отличные всадники. Съ ранней молодости они уже ѣздятъ верхомъ, и въ этомъ отношеніи женщины нисколько не уступаютъ мужчинамъ, потому что превосходно ѣздятъ на несѣдланыхъ лошадяхъ, волахъ и верблюдахъ.

Въ первый день сентября караванъ достигъ степи Гуншандака, гдѣ нѣтъ никакого слѣда травы. Впрочемъ, здѣсь растетъ много дикаго лука, линейные листья котораго весьма походятъ на траву. Это растеніе встрѣчалось путешественникамъ и раньше, но здѣсь оно росло чрезвычайно обильно. Овцы и верблюды охотно ѣдятъ лукъ, и лошади не презираютъ его. Мясо рогатаго скота приобретаетъ отъ этого корма запахъ лука. Мичи раскинулъ тутъ свою шалатку и купилъ у сосѣднихъ монголовъ за 2 руб. барана. Хотя у этого народа все обихаживается на кирпичный чай, тѣмъ не менѣе они очень хорошо знаютъ серебряныя деньги и охотно берутъ ихъ.

Барана надобно было зарѣзать. Такъ какъ монголы, сопроваждавшіе Мичи, уже занимались разрѣзываніемъ козы, то онъ обратился къ продавцамъ съ просьбою убить животное. Когда же они рѣшительно отказались отъ этого, Мичи объяснилъ, что онъ священнослужитель и поэтому не смѣетъ умерщвлять животное.

— Значить, ты лама? Это дѣло другое! сказали они.

Послѣ того они немедленно принялись за работу, очень ловко вошли ножомъ въ животъ, подъ грудною костью, вслѣдствіе чего баранъ тотчасъ издохъ, а кровь почти вся осталась въ его тѣлѣ. Сниманіе кожи продолжалось лишь нѣсколько минутъ. Барана опрокинули на спину и, отдѣливъ кожу отъ тѣла, разложили ее на землѣ, причеиъ ее не сняли со спины. Такимъ образомъ растянутая кожа служила столомъ, на которомъ барана разрѣзали на части, вслѣдствіе чего на мясо не могло попасть песку. Монголы превосходно знаютъ анатомію барана и поэтому отдѣляютъ каждую его часть очень легко, пользуясь только небольшими ножомъ. Кровь собираютъ въ глубокую сковороду, тигу, и варятъ, смѣшавъ съ мукою или просомъ. Приготовленіемъ такого нуддинга обыкновенно занимаются женщины. Монгольскій баранъ вообще очень тощъ и имѣетъ лишь чрезвычайно жирный хвостъ, весомъ иногда до 10 фунтовъ. Внутренности и мясо бросаютъ въ котелъ, гдѣ вода едва покрываетъ ихъ, и быстро отвариваютъ. Затѣмъ одинъ изъ членовъ общества засовываетъ руку въ котелъ, очень ловко, не обжигаясь вытаскиваетъ одинъ кусокъ за другимъ и раздѣляетъ ихъ большими долями между присутствующими. Зрѣлище монголовъ, поющихъ барана, возбуждаетъ въ просвѣщенномъ европейцѣ отвращеніе. Засунувъ въ зубы длинную полосу мяса, они отрѣзываютъ ее кусокъ за кускомъ у самого рта и съѣдаютъ баранину безъ соли, хлѣба или похлебки. Въ заключеніе оскабливаютъ кости и разламываютъ ихъ, чтобы достать мозгъ. Всего важнѣе у барана хвостъ. Этотъ лакомый кусокъ получаетъ лама или почетный гость, который великодушно раздѣляетъ его между присутствующими.

Когда мясо съѣдено, монголы вытираютъ маленькіе свои ножи объ одежду и прячутъ ихъ; послѣ этого хлѣблютъ мясной отваръ, къ которому иногда прибавляютъ немного проса, черпая маленькими деревянными чашками. Когда уничтожены весь такой супъ, въ жирномъ котлѣ варятъ кирпичный чай.

Монголы предпочитают жарное мясо, причѣмъ покоряется произвольно истиннѣму, такъ какъ жиръ долженъ замѣнять ему недостатокъ мучной пищи. Они находятся въ такомъ же положеніи, какъ эскимосъ, который, по климатическимъ условіямъ, не можетъ воздѣлывать земли и потому замѣняетъ хлѣбъ перьями. Во всякомъ случаѣ, желудокъ монгола столь же выносливъ, какъ у любого лютатаго звѣря. Монголы ѣдятъ, когда могутъ, и голодаютъ въ случаѣ нужды, что нисколько не разстроиваетъ ихъ пищеваренія. Въ этомъ отношеніи они походятъ на верблюдовъ, такъ какъ тѣ также обладаютъ дорогою способностью голодать. Монголы, сопровождавшіе Мичи, послѣ своего отѣзда изъ Калгана ни разу не ѣли хорошенько, но семь дней постились и притомъ мало спали. Тѣмъ яростнѣе они бросились на козу, которою наѣлись опять на цѣлую недѣлю.

Въ пустынной степи Гуншандака Мичи видѣлъ только двѣ юрты. Его весьма озабочивали верблюды, потому что у многихъ показались раны. Значительный грузъ продавить у нихъ мясо до самыхъ реберъ, и въ твоящихся мѣстахъ завелись черви, которыхъ монголы выскабливали щенкой. Животныя, казалося, не страдали отъ этого. Когда они спокойно паслись, то на нихъ садились вороны и выклевывали червей изъ ранъ. Лошади также ослабли, и надобно было чѣмъ-нибудь помочь животнымъ. Ни одинъ караванъ не встрѣчался съ путешественниками, и лишь мѣстами попадались повозки съ дровами, запряженные быками и сопровождаемые собаками. Монгольскія собаки той же самой породы, какъ и китайскія, но нѣсколько крупнѣе и волосистѣе. Объ ихъ прокормленіи хозяева заботятся мало, тѣмъ не менѣе онѣ отлично служатъ имъ.

Мичи чрезвычайно удивился тому, какъ легко монголы узнавали мѣстности въ степи. Послѣ ночного путешествія, на другое утро, они весьма точно опредѣляли, гдѣ именно находится. Имъ не нужно было никакихъ дорожныхъ столбовъ и указокъ, чтобы отыскать извѣстный колодезь. Какой-то

особенный инстинктъ, которымъ они въ высокой степени одарены природою, руководить ихъ совершенно вѣрно. Подобнымъ же образомъ, китайскіе судовики посреди ночи и въ густой туманъ совершенно самоувѣренно плывають вдоль опасныхъ береговъ. Просвѣщенный человѣкъ въ подобныхъ случаяхъ вынужденъ замѣнить такой инстинктъ искусственными средствами; но кочующій народъ изощряетъ свои чувства непрерывнымъ упражненіемъ, потому что только при нихъ содѣйствіемъ добываетъ себѣ насущный хлѣбъ.

У одной скалы, гдѣ протекала небольшой ручеекъ, путешественники увидѣли необычайную рѣдкость: нѣсколько маленькихъ, весьма уродливыхъ деревъ. Здѣсь были весьма обиліе луку вмѣстѣ съ степною травою, что составляло признакъ улучшенія мѣстности.

7-го сентября Мичи достигъ обитойной земли въ пустынѣ, хорошо орошаемой травянистой равнины Цаганъ-Тугуръкъ, которая вся устлана юртами и многочисленными стадами, и гдѣ находилась родина ламы Тупчуна. Прежде, нежели путешественники дошли до этого оазиса, Теллигъ уже очень много наговорилъ о зумѣ, или монгольскомъ храмѣ, который находится тамъ. Это небольшое красивое каменное зданіе, самый маленькій храмъ, какой Мичи случалось видѣть. Ламы съ большою готовностію показали ему это зданіе, внутри котораго было много пыли. Храмъ наполненъ матеріаломъ для постройки юртъ, что, конечно, не даетъ особенно благоприятнаго понятія объ уваженіи къ нему. Ламы вытащили нѣсколько старыхъ бронзовыхъ трубъ, похожихъ на китайскія, и привалясь играть на нихъ. Концертъ, однако, не удался: чѣмъ сильнѣе жрецы дули въ трубы, тѣмъ больше изъ нихъ вылетало пыли и тѣмъ меньше издавалось звуковъ.

Тутъ же Мичи познакомился съ однимъ молодымъ и очень умнымъ монголомъ, Хачундорики, который хорошо умѣлъ писать и читать по-монгольски и тангузски и вообще былъ хорошо воспитанъ, хотя не считался ламою. Съ утра

до позднего вечера онъ оставался у Мячи и съ большою готовностью исполнять различныя порученія: приносилъ артапы, разжигалъ огонь, мылъ посуду и водилъ лошадей на водопой.

Особенно досаждалъ онъ былъ тѣмъ, что разгонялъ множество своихъ земляковъ воровъ, которые сходились со всѣхъ сторонъ; затѣмъ онъ, сколько могъ, училъ Мячи по-монгольски. Являющіеся туземцы просили сухарей, водки и пустыхъ бутылокъ. Требования ихъ становились все настоятельнѣе, и они безпрерывно осаждали палатку Мячи. Если бы онъ уступалъ ихъ просьбамъ, ему пришлось бы лишиться всѣхъ своихъ запасовъ. Оттого онъ сталъ прибѣгать къ различнымъ забавнымъ средствамъ, чтобы избавиться отъ назойливости монголовъ. Напримѣръ, требовавшихъ водки, онъ давалъ отвѣдать горькаго портеру, тогда монголы морщились и отходили, покачивая головой. Пустыя бутылки выдавались только за какую-нибудь услугу. Одна старая вѣдьма потребовала водки слѣдующимъ образомъ: „Ты лама, и я также лама, знаешь, мы братъ и сестра, и наши сердца имѣютъ сочувствіе, оттого ты долженъ подарить мнѣ бутылку вина.“ Когда Мячи отказалъ ей, она стала требовать настоятельнѣе. Чтобы избавиться отъ нея, Мячи далъ ей немного крѣпкаго спирту, которымъ старуха обожгла себѣ языкъ и тотчасъ же исчезла, страшно корчась.

Оказалось также, что нѣкоторыя вещи были украдены. Разсерженный этимъ, Мячи собралъ нѣсколько ламъ, чтобы заклинаніемъ отыскать вора. При этомъ употребляли книги, звонки и свѣчи, читали молитвы и пили вино. На другой день одинъ лама объявлялъ, что вора открыли, но нѣтъ никакой возможности изловить его и получить украденное.

Монголъ, прозванный китайцемъ, находился нѣсколько дней въ отсутствіи, отыскивая убѣжавшую лошадь, причемъ онъ лишился верблюда. Тутъ онъ покинулъ караванъ. Оттого наняли другого ламу, умѣвшаго немного говорить по-китайски, почему его и прозвали ламою-китайцемъ. Утомленныхъ верблюдовъ замѣнили другими, плотные горбы которыхъ сви-

дѣйствовали о полнотѣ ихъ тѣла и силѣ. Освѣжившись такимъ образомъ, караванъ могъ выѣхать изъ травянистой равнины Цаганъ-Тугуръ.

Мичи миновали нѣсколько соляныхъ равнинъ, отчасти съ водою, а отчасти сухихъ и покрытыхъ слоемъ соли. На ихъ краю растутъ темнозеленыя соляныя травы, охотно поживаемыя верблюдами. Затѣмъ слѣдуетъ болотистая почва, по которой верблюды, по строенію своихъ ногъ, не могутъ ходить. Одинъ караванъ уже засѣлъ въ болотѣ, и поэтому предводитель каравана Мичи сдѣлалъ большой кругъ, чтобы обойти болото. По другую его сторону находился также караванъ болѣе чѣмъ въ 60 верблюдовъ. Онъ шелъ изъ Кяхты и отправился въ Пекинъ на счетъ китайскихъ купцовъ. Два чрезвычайно веселые парня китайца стерчали товаръ, и Мичи завелъ съ ними довольно продолжительный разговоръ, преимущественно о состояніи дороги и о мѣстностяхъ, гдѣ можно кормить скотину. Путешественники-китайцы обыкновенно лгутъ и говорятъ что ни вошло, утверждая, напримѣръ, что погода прекрасная, когда дождь льетъ ливнемъ.

Въ совершенно безлюдной пустынѣ Тариаги опять остановились у мутной лужи. Монголы наполнили воды, очень богатой известью, какъ ни въ чемъ не бывало, между тѣмъ европейцы не могли бы взять ея въ ротъ. Ночью пошли далѣе. Но нѣкоторые животныя разбѣжались, и потому ихъ принялись искать съ калганскими фонарями. Всѣ старанія оказались, однако, безуспѣшными. Было совершенно темно; не смотря на то, монголы знали, какъ взяться за дѣло. Они бросались на землю и стали осматривать горизонтъ, пока не замѣтили на совершенно плоской равнинѣ темныя очертанія животныхъ.

Далѣе слѣдуютъ степи Баутинъ-Тола и Саниъ-Кутуль. За этою степью къ каравану присоединился русскій курьеръ, который ѣхалъ на верблюдѣ и былъ лама. Обыкновенно курьеры ѣдутъ на верблюдахъ и лошадяхъ. Курьеръ, говорившій по-русски, принялъ англичанина за русскаго, потому

Почта из степи Тобол.

что не знают никаких других европейцев, кромѣ русскихъ. По понятіямъ монголовъ, ихъ страна находится въ серединѣ земли, которая съ одной стороны кончается Китаемъ, а съ другой — Россією.

Почтовое сообщеніе въ Монголіи русскіе поручаютъ большому частію ламамъ, которые охотно странствуютъ. Съ перемѣнными лошадьми они совершаютъ путешествіе отъ Калгана до Кяхты, значить, около 1,120 верстъ въ 10 или 12 дней. Если эти курьеры спешатъ, то могутъ проѣхать то же самое пространство въ 6 дней. Но они вовсе не спешатъ, а спокойно останавливаются у всякой юрты, благословляютъ жителей, пьютъ чай и по часамъ болтаютъ со своими земляками. Три курьера проѣзжаютъ этотъ путь ежегодно. Одного содержитъ русское правительство и отправляетъ въ Пекинъ, а двухъ другихъ китайскіе кунцы посылаютъ въ Тьенъ-Цинъ. Съ 17-го октября 1865 г. установлено почтовое сообщеніе между Кяхтою, Пекиномъ и Тьенъ-Цинемъ. Почта отходитъ 4 раза въ мѣсяцъ. Простое письмо стоитъ только 30 коп.

Характеръ мѣстности измѣнялся лишь постепенно; стали появляться неправильныя возвышенія и трава. Путешественники миновали самую дурную часть дороги, и Мичи увидѣлъ передъ собою горы Улинъ-Дабы. Здѣсь дорога поднимается отъ 3,700 до 4,900 футовъ высоты въ глубокомъ, легко проходимомъ ущельѣ, которое открывается на сѣверѣ въ красивую долину. Тутъ все кишѣло жизнью, потому что живущіе тамъ монголы собирались переселиться на зимнія кварталы. Юрты снимали и нагружали на синю верблюдовъ или на простыхъ телѣги и угоняли стада овецъ и рогатого скота. Кочевыя племена разскны по всей пустынѣ и при наступленіи зимы отыскиваютъ болѣе защищенное мѣсто, чтобы имѣть достаточно травы въ теченіе грустнаго зимняго времени. Сѣверный вѣтеръ, предвѣщающій приближеніе зимы, всегда приводитъ монголовъ въ ужасъ, и онъ дѣйствительно страшенъ. Каковъ же онъ въ январѣ! Такой хойнарь-салхинъ

является внезапно. При теплой, ясной погоде показывается облако, из которого падает несколько капель, но немедленно вслѣдъ затѣмъ дуетъ очень холодный вѣтеръ, и въ нѣсколько часовъ тропическій климатъ обращается въ полярный.

При такомъ вѣтрѣ Мачи достигъ степи Гуанту-Гулу. Мимо него шли въ Китай безконечныя вереницы повозокъ, запряженныхъ быками. Одинъ изъ этихъ обозовъ состоялъ изъ ста или двухъ сотъ повозокъ, слѣдовавшихъ одна за другою непрерывной цѣлю. Колокольчики, повѣшенные на шею животныхъ, производятъ особенный звонъ, который далеко раздается по степи. Тутъ съ нашими путешественниками случилось происшествіе, которое могло имѣть важныя послѣдствія, но, къ счастью, окончилось благополучно и лишь на короткое время задержало ихъ. Мачи наѣлъ въ повозкѣ заряженный ружья. Одно изъ нихъ случайно выстрѣлило, и пуля пролетѣла мимо постели и заднюю стѣнку повозки вдоль всего каравана до ушной мочки старшаго ламы. Къ несчастію, уши монголовъ далеко отстоятъ отъ головы и у бѣднаго ламы не представляли исключенія въ этомъ отношеніи. Когда подстрѣленный замѣтилъ на себѣ кровь, онъ сталъ странно ржать, считая себя почти убитымъ. Караванъ долженъ былъ остановиться. Раскинули налатки; не смотря на ничтожность поврежденія, монголы чрезвычайно встревожились. Когда рану промыли аринкой и заклеили англійскимъ пластыремъ, перепуганный лама отказался продолжать путешествіе, а съ трепетомъ легъ, утверждая, что у него болитъ голова, шея и грудь, и что ему необходимы дальнѣйшія врачевныя пособія, въ которыхъ Мачи и не отказалъ. Сначала путешественникъ приказалъ ему выпить стаканъ воды; которую больной проглотилъ съ жадностью; затѣмъ монголъ принялъ пить чай, и, когда вслѣдствіе этого опять оживился, ему захотѣлось баранины, которую ему и подали. Трубка табаку закончила леченіе, и на другой день караванъ опять тронулся.

Степь, по которой теперь путешествовалъ Мачи, чрезвычайно богата сурками и пищухами. Мы ознакомились съ этими

четверюглыми похитѣе, при описаніи Даурской степи, прилегающей на сѣверо-востокѣ къ Гоби. 17-го сентября утромъ Мичи замѣтилъ первый ледъ, и съ этого дня морозъ не прекращался во все время его путешествія.

22 дня онъ уже находился въ Монголіи и привыкъ къ степной жизни. Ничто не прерывало однообразія ландшафта, ни одной башни или гостиницы, ни одного верстового столба! Различныя сбивчивыя названія мѣстностей такъ ничѣмъ не характеризуются и могутъ быть приданы любому мѣсту, какъ въ океанѣ. Въ самомъ дѣлѣ, степь повсюду одинакова. Наскучившись такимъ однообразіемъ, Мичи вздыхалъ о Кяхтѣ, какъ свереи о Хананѣ. Но до Кяхты ему надобно было пройти еще чрезъ монгольскій городъ Ургу.

Однажды къ каравану присоединился молодой богомалецъ-лама, который учился въ большомъ монастырѣ въ Ургѣ. Это былъ еще мальчикъ, но онъ совершилъ вѣнкомъ путешествіе въ 300 или 450 верстъ. Кромѣ одежды, онъ не имѣлъ ничего, за исключеніемъ нѣсколькихъ лоскутковъ пожелтѣвшей бумаги, несвязанной молитвы и рачительно хранимой между двумя дощечками. У него не было съ собою ни съѣстныхъ припасовъ, ни денегъ, потому что онъ вполнѣ полагался на гостепріимство и милосердіе земляковъ. Когда европейскіе путешественники выразили удивленіе, что 15-лѣтній мальчикъ столь отважно предпринималъ такое путешествіе, монголы отвѣчали ему, что это дѣло совершенно обыкновенное. Молодой богомалецъ могъ теперь продолжать странствованіе совершенно удобно, потому что, присоединившись къ каравану, онъ считался его членомъ. Этотъ мальчикъ какъ бы спалился съ неба, потому что его нашли въ налатьѣ, не замѣтивъ, какъ онъ вошелъ въ нее. Мичи прозвалъ его нага-лама, т. е. маленький лама. За нѣсколько дней, когда было еще жаркое лѣто, мальчикъ этотъ вышелъ изъ юрты своей матери, а теперь была уже зима. Въ Монголіи нѣтъ осени и весны, и несчастный ребенокъ былъ въ чрезвычайно тонкой одеждѣ. Оттого погонщики верблюдовъ дали ему теплую одежду, а

такъ какъ у бѣдняка изъ разорванной обуви выглядывали пальцы, то ему позволили вѣхать на верблюдѣ, за что молодой лама былъ весьма благодаренъ.

Послѣ продолжительнаго странствованія по пустынѣ, путешественники увидѣли предъ собою неожиданное зрѣлище. Они пришли къ мѣсту, гдѣ дорога какъ бы внезапно прерывалась, потому что вдругъ спускалась по крутизнѣ, надъ которой открывалось поразительно величественное зрѣлище. На равнинѣ поднимался амтеатромъ островъ горныхъ хребтовъ, изгроможденныхъ одна на другой, какъ волны бурнаго моря. Между ними видѣлись многіе холмы, поросшіе лѣсомъ. Это зрѣлище доставляло путешественникамъ особенное наслажденіе, потому что они вовсе не ожидали его и увидѣли впервые послѣ продолжительнаго странствованія по пустынѣ. Склонъ къ долинѣ былъ крутъ и имѣлъ въ вышину около 500 фут. На его вершинѣ находился обонъ, или монгольскій алтарь, состоящій лишь изъ кучи камней. Такихъ обоновъ въ Монголіи много, они высоко почитаются кочевыми племенами и имѣютъ суеверно-религіозное значеніе. Каждому путешественнику имѣается въ обязанность положить на него камень для его увеличенія. Лама, сопровождавшій Мичи, по лѣни не хотѣлъ слѣзть, чтобы сыскать камень. Онъ ограничился тѣмъ, что вырвалъ изъ горба верблюда клочекъ волосъ и, произнесъ молитву, бросилъ его на воздухъ, представляя вѣтру донести шерсть до обона.

Монголы весьма боятся злыхъ духовъ и вѣруютъ въ существованіе злаго легіона ихъ. Они никогда не говорятъ легкомысленно о *чудура*, или своемъ чертѣ, такъ что въ этомъ отношеніи не походятъ на китайцевъ. Впрочемъ, хотя монголы и приписываютъ дьяволу всѣ свои несчастія, которыя можно отворотить лишь молитвами ламы, они все-таки не полагаютъ, чтобы его можно было увидѣть. Когда Мичи начиналъ подсаживаться надъ чертомъ монголовъ, они всегда казались испуганными.

Въ умственномъ отношеніи монголы стоятъ не на высокой степени. Жизнь въ обширныхъ пустынныхъ простран-

Монгольскій обонъ.

ствахъ внутренней Азии и удаленіе отъ всѣхъ просвѣщенныхъ племенъ неизбѣжно обусловливаютъ ихъ невежество.

Единственное ихъ стремленіе заключается въ приобритеніи большого стада. Если у нихъ есть вдоволь травы для стада и достаточно барановъ для удовлетворенія голода, то они совершенно довольны, живутъ беззаботно и не волнуются никакими мыслями. Конечно, это весьма низкая форма земного существованія и болѣе напоминаетъ жизнь животнаго, нежели человека. Монголы не знаютъ различныхъ умственныхъ возбужденій, имѣющихъ существенное значеніе въ жизни просвѣщенныхъ народовъ, почему умственные и нравственные ихъ качества находятся на весьма низкой степени. При такихъ условіяхъ суеверіе распространяется между монголами весьма легко и вполне предаетъ ихъ власти духовенства.

Люди, которые дни и ночи проводятъ въ одиночествѣ и видятъ предъ собою только пустынную степь и голубой сводъ неба, мало или вовсе не заботятся объ остальномъ мірѣ. Даже въ просвѣщенной Европѣ пастухи, проводящіе одинокую жизнь на лугахъ, весьма склонны къ представленіямъ таинственнаго, населяютъ воздухъ дугами и становятся суеверными. Слѣдовательно, нечего удивляться, что монголы, при ихъ уединенномъ образѣ жизни, создали міръ демоновъ, которые навѣваютъ на нихъ бурные вѣтры и подвергаютъ различнымъ негодамъ. Кого слытъ стеной считаетъ понимающимъ эти таинства, того онъ глубоко почитаетъ. Вотъ почему монголы боятся ламъ и благоговѣютъ передъ ними безгранично.

Монголы — буддисты, но только по имени, потому что сущность этой религіи мало понимается и простолюдинами, и жрецами. Ламы машинально бормочутъ молитвы, не понимая тибетскаго языка, на которомъ онѣ написаны. Оттого вѣру монголовъ слѣдовало бы лучше назвать ламайствомъ, потому что она состоитъ только изъ объясненій философскихъ вопросовъ, высказываемыхъ каждымъ ламой по-своему, совершенно безъ системы. Обыкновенно жрецъ нисколько не заботится о вѣрныхъ вопросахъ, если только его мѣшекъ наполненъ возжелѣвными богословскими сочиненіями, гдѣ означены всѣ

18 адовъ и 26 небесъ. Писанная служба составляетъ для него средство, которымъ онъ имѣетъ на весь народъ. Чѣмъ длиннѣе молитва, тѣмъ она считается у ламъ дѣйствительнѣе. Чтобы, однако, избавить себя отъ чтенія такихъ длинныхъ молитвъ, усердные ламы укрѣпляютъ ихъ къ молитвенному колесу, которое приводится ими въ движеніе. Еще болѣе облегчается трудъ, если къ молитвенному колесу приделываются крылья, и оно вслѣдствіе этого вращается, какъ вѣтряная мельница. Пока вертится полоса бумаги съ молитвою, она и производить свое дѣйствіе, изъ чѣмъ не сомнѣвается ни одинъ монголъ. Одна изъ такихъ молитвъ, въ буквальный переводѣ, читается такъ: „Охрани меня и всѣхъ людей отъ гнѣва короля, отъ разбойниковъ, отъ огня и воды, отъ утратъ, отъ враговъ, отъ голода; охрани меня отъ молніи, отъ скорострѣльной смерти, отъ землетрясенія, отъ наказанія королей и отъ лютыхъ звѣрей.“

Во всѣхъ религіозныхъ представленіяхъ монголовъ преобладаетъ матеріализмъ. Преимущественно они молятся о предохраненіи себя отъ различныхъ невзгодъ и о достиженіи земныхъ благъ; мысль о вѣчной жизни имѣетъ у нихъ второстепенное значеніе. Лама, который есть посредникъ въ исполненіи молитвы, считается священною особою. Куда онъ ни придетъ, его принимаютъ съ открытыми объятіями и укладываютъ ему въ юртѣ почетное мѣсто. Каждое семейство считаетъ за честь посвятить, по крайней мѣрѣ, одного изъ своихъ членовъ духовному званію. Большею частью, ламою становится второй сынъ, который съ ранняго дѣтства занимаетъ въ семействѣ почетное мѣсто. Какъ скоро мальчикъ въ состояніи сидѣть со скрещенными ногами, онъ занимаетъ въ кругу семьи почетное мѣсто, и родители оказываютъ ему величайшее почтеніе. При первой возможности, его отправляютъ въ монастырь, для обученія тибетскому языку. Когда миновала пора ученія, лама возвращается къ своимъ родственникамъ и къ племени и считается великимъ человѣкомъ. Если родственники бѣдны, и ему невозможно пропитаться

получаемыми отъ нихъ подарками и внуждаемыми дарами, то онъ поступаетъ, какъ всѣ остальные монголы, т. е. становится скотоводомъ. Впрочемъ, многіе отказываются отъ такого рода жизни и бродятъ по всей Монголіи, заходя въ шатры и обирая ихъ обитателей.

При могуществѣ ламъ и влияніи, которое они имѣютъ на своихъ земляковъ, христіанскимъ миссіонерамъ, перѣдко посѣщавшимъ Монголію, не было никакой возможности обращать жителей въ христіанство. Лама, такъ сказать, укоренился въ семействѣ, чему не мало способствовало и то, что онъ не только лице духовное, но и врачъ. Именно въ медицинской практикѣ высказывается шаманизмъ монгольской религіи, еще не вытѣсненное буддизмомъ. Лама лечитъ людей и скотину, восстановленіе здоровья которой для монгола перѣдко важнѣе выздоровленія иного больного родственника, какъ напр. старца или ребенка. Лама предотвращаетъ также будущія невзгоды. Скотину предохраняютъ отъ грозы пожертвованіемъ лошади, а такъ какъ богъ грозы любитъ преимущественно бѣлыхъ и буланыхъ лошадей, то лама всего охотнѣе беретъ коней такой масти. Лошадь привязывается къ палаткѣ хозяина; затѣмъ лама ставитъ ей на спину чашку съ молокомъ и начинается церемонія, послѣ которой лошадь отвязываютъ. При первомъ движеніи чашка съ молокомъ опрокидывается и проливается на животное, которое считается послѣ этого священнымъ. Никто не смѣетъ пользоваться имъ, а если оно издыхаетъ, то ему срѣзаютъ гриву и хвостъ, которые привязываютъ къ хвосту другихъ лошадей, считающихся тогда также священными.

Когда Мичи выѣхалъ въ долину, пошелъ рѣдкій, но крупный дождь. Монголами овладѣлъ страхъ, потому что дождь идетъ у нихъ рѣдко, и они боятся сырости, какъ куры.

— Дождь идетъ! закричали они и принялись ставить палатки.

Прежде, нежели они успѣли окончить это дѣло, дождь лился уже потокомъ и промочилъ путешественниковъ до кос-

тей. При такихъ обстоятельствахъ нечего было и думать о продолженіи путешествія. Къ довершенію несчастія, промокшіе аргалы не загорались. Мичи сидѣлъ въ палаткѣ, дрожа отъ холода, и, наконецъ, рѣшился разрубить старый ящикъ, чтобы развести огонь.

На другое утро земля была повсюду покрыта снѣгомъ. Не смотря на то, пустился въ путь къ горамъ Цаганъ-Динси. Цаганъ значитъ бѣлый и названіе это дано горамъ весьма удачно, потому что онѣ покрыты снѣгомъ и во бѣлизнѣ видны издалека. Лишь изрѣдка солнце протѣкало сквозь облака и согрѣвало ошелощенные члены путешественниковъ, которые не могли выносить стужи ни на лошадяхъ ни въ повозкѣ и потому шли пѣшкомъ. Верблюды были совершенно бодры, потому что любятъ холодъ, и шли теперь гораздо веселѣе, чѣмъ въ жаркіе дни.

Черезъ красивую долину рѣки Куль, впадающей въ Толлу или Туллу, Мичи вступалъ въ Цаганъ-Динсійскія горы, поросшія здѣсь еловымъ и березовымъ лѣсомъ, въ которомъ лежали голуби и сороки. Въ лѣсу нагружали деревомъ обозы быковъ, подобные тѣмъ, какіе столь часто встрѣчались на пути. Кромѣ облаковенныхъ быковъ, здѣсь встрѣчаются также длинношерстные, или яки. Это козлатое животное водится здѣсь, какъ и въ Тибетѣ, и употребляется для перевозки тяжестей. Тошеніе аргаломъ прекратилось, и онъ зашѣлся дровами. Это уже было улучшеніе и признакъ просвѣщенія.

Когда Мичи завидѣлъ рѣку Туллу, опять надвинулась страшная ятель, которой не могли противостоять ни животные, ни люди. Пришлось снова раскинуть палатки, чтобы сколько-нибудь защититься отъ непогоды. Буря, однако, не смотря на свою силу, нисколько не мѣшала монголамъ, живущимъ въблизи, посѣщать путешественниковъ. По этому случаю Мичи узналъ, что Тулла выступила изъ береговъ и произвела весьма опустошительное наводненіе. Паромъ унесло, причеиъ утонуло два человѣка и лошади. Все это, конечно, было весьма неутѣшительно. Путешественники надѣялись скоро

добраться до города Урги и отдохнуть тамъ послѣ вынесенныхъ трудностей странствованія, а теперь имъ предстояло оставаться на открытомъ воздухѣ. Оттого шатры устроили какъ можно удобнѣе и, чтобы разогнать скуку, болтали съ монголами, которые забавлялись самыми пустыми, ребяческими шутками. Такъ напр. всѣ разражались громкимъ смѣхомъ, когда Мичи спрашивали ламу о здоровьи его супруги, потому что буддйское духовенство не вступаетъ въ бракъ.

Весьма многіе караваны раздѣляли судьбу нашихъ путешественниковъ, почему у береговъ Толлы собралось множество народа. Хотя монголы вообще считаются людьми честными, однако, при случаѣ охотно воруютъ, и потому надобно было ставить ночью стражу, которая не смѣнялась до самого утра. Откровенный монголъ говорить, что онъ охраняетъ свою собственность отъ злыхъ людей, между тѣмъ какъ хитрый китаецъ утверждаетъ, что стража стоитъ лишь для охраненія людей отъ палковъ и тигровъ. Когда Телягъ исполнялъ должность сторожа, онъ подходилъ къ палаткѣ Мичи и, если видѣлъ въ ней свѣтъ, то просовывалъ сквозь занавѣску голову, оставляя тѣло на открытомъ воздухѣ. Онъ настойчиво просилъ позволенія выкурить трубку, потому что на открытомъ воздухѣ ее задуваетъ вѣтеръ. Послѣ того, онъ принимался болтать и рассказывать съ наивнымъ краснорѣчіемъ, что дома осталась любимая его жена и два мальчика 4-хъ и 2-хъ лѣтъ, которые составляютъ его гордость и радость. Юрта его находилась въ Чаганъ-Тугуркѣ, гдѣ онъ имѣлъ нѣсколько скотины. Между тѣмъ вѣтеръ завывалъ и колебалъ палатку, какъ парусъ.

20-го сентября утромъ было очень холодно. Мичи спустился къ рѣкѣ, чтобы на мѣстѣ убѣдиться, въ какомъ положеніи находится ея берега. У воды было много жизни. Всадники раздѣлали вѣдь и впередъ между караванами, которые дожидались спада воды. Монголы кричали, размахивали руками и давали другъ другу совѣты, которые, однако, ни къ чему не вели. Единственный паромъ уплылъ, а плотъ изъ

бревенъ нельзя было употребить, потому что Толла пѣнилась и шумѣла, какъ водопадъ, и была столь глубока, что доходила до подбородка человѣку. Дно рѣки покрыто круглыми глыбами, затрудняющими переходъ даже при низкомъ уровнѣ воды. Слѣдовательно, путешественникамъ оставалось съ терпѣніемъ ждать и пока насладиться величественными видами. Долина Кула направляется здѣсь къ сѣверу и подъ прямымъ угломъ соединяется съ долиною Толлы, которая стекаетъ съ *отдаленныхъ восточныхъ горъ*, на всемъ своемъ протяженіи прикрыта ивами и кустарникомъ и становится открытою у Кула, гдѣ она какъ бы выступаетъ изъ отверстія. Горы въ окрестностяхъ Урги голы или покрыты, большею частью, жидкимъ лѣсомъ.

Подъ вечеръ вѣтеръ затихъ, и звѣзды ярко засверкали на ясномъ небѣ. На слѣдующій день солнце вошло на чистомъ голубомъ сводѣ. Воздухъ былъ спокоенъ, и земля подмерзла. Скотина мычала, а собаки лаяли, радуясь переменѣ погоды. Наконецъ, вода нѣсколько упала, и многіе верблюды переправились на другой берегъ. Тогда, около полудня, тронулся и караванъ Мичи. Такъ какъ на обыкновенномъ мѣстѣ переправы вода была слишкомъ глубока, то избрали бродъ нѣмого повыше, тамъ, гдѣ два островка раздѣляютъ рѣку на три рукава. Монголы сѣли верхомъ на лошадей, засучивъ панталоны, и повели верблюдовъ въ холодную воду за веревку, продѣтую сквозь носъ. Животныя дрожали, но человѣкъ двѣнадцать толкали и били ихъ, вслѣдствіе чего они, наконецъ, пошли въ воду. На круглыхъ глыбахъ верблюды не могли ставить надежно ногу и потому должны были напирать всѣ свои силы, чтобы потокъ не увлекъ ихъ. Телѣги, сдѣланныя изъ одного только дерева, плыли на водѣ и едва не были умычены ею. Коротко сказать, лишь съ большимъ трудомъ удалось переправить животныхъ и людей на другой берегъ. По окончаніи переправы легкомысленные монголы хохотали, хотя ноги ихъ совсѣмъ покраснѣли отъ холодной воды.

Между тѣмъ стемнѣло. Караванъ находился вдали отъ дороги и въ темнотѣ не могъ идти далѣе. Мичи не хотѣлъ раскидывать своей палатки и охотно воспользовался гостепріимствомъ въ ближайшей юртѣ. Какъ же онъ удивился, когда узналъ въ хозяинѣ юрты монгола, котораго онъ въ шутку называлъ китайцемъ, и который покинулъ его въ степяхъ Цаганъ-Тугурка. Монголъ весьма обрадовался, что можетъ угостить Мичи, приказавъ своей женѣ сварить баранины, а самъ подалъ молока и сыру, вполнѣ выказывая прославленное гостепріимство монголовъ.

На другое утро Мичи отправился въ китайскій городъ Маймачинъ, котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ городомъ того же имени у Кяхты. Маймачинъ лежитъ въ двухъ верстахъ отъ Толы. Монголы утверждаютъ, что этотъ городокъ заложенъ лишь для того, чтобы обманывать ихъ. Дома въ немъ болѣею частью деревянные и окружены заборами изъ колючихъ. Такимъ образомъ китайцы, преимущественно купцы изъ провинціи Ханъ-Си, охраняютъ себя отъ монголовъ, которые ненавидятъ ихъ. Улицы въ Маймачинѣ очень грязны. Мичи сравниваетъ ихъ со сточными канавами, которые едва проходимы даже для животныхъ. Онъ былъ весьма радъ, когда увидалъ первый городъ, послѣ продолжительнаго странствованія по пустынь.

На дорогѣ къ Ургѣ, въ прекрасной мѣстности, на возвышенной равнинѣ, находится русское консульство, въ которомъ англійскаго путешественника весьма приѣтливо принялъ консулъ Шинмаревъ и позавтракалъ европейскимъ завтракомъ, на бѣлой скатерти. Подали даже свѣжихъ яицъ. Мичи былъ изумленъ такою роскошью, такъ какъ въ Монголіи вовсе не держатъ куръ. Шинмаревъ получаетъ нужные для него припасы болѣею частью изъ Кяхты, находящейся на разстояніи 160 верстъ. Кромѣ китайскаго мандарина и монгольскаго хана, онъ не имѣлъ для своего общества ни одного просвѣщеннаго человѣка. Впрочемъ, при немъ находится 20 человѣкъ казаковъ и достаточное число русскихъ ремесленниковъ.

Переходъ черезъ Толлу. •

Урга значить мѣсто стоянки. Обыкновенно же это наименование не употребляется, а селеніе называютъ: Куреномъ или Та-Куреномъ, что значить огороженное мѣсто. Положеніе города очень живописно. Онъ находится по ту сторону Толды, на обширной равнинѣ, и за нимъ видѣются крутыя горныя цѣпи, охраняющія его отъ сѣверныхъ вѣтровъ. Населеніе разбѣлено на равнинѣ безъ всякаго порядка; улицы нѣтъ вовсе, и лишь различныя закоулки отдѣляютъ одно жилище отъ другаго. Единственными зданія заключаются въ храмѣ, присутственныхъ мѣстахъ и въ домахъ русскихъ и китайцевъ. Монголы же живутъ тутъ, какъ въ пустынѣ, въ юртахъ, но, чтобы предохранить себя отъ воровъ, окружаютъ ихъ заборомъ. Лавокъ въ Ургѣ нѣтъ, потому что такое учрежденіе вовсе не соответствуетъ монгольской натурѣ. Всѣ потребности стеной жизни монгольскія женщины продаютъ на площади за кирпичный чай. На этомъ базарѣ можно получить лошадей, рогатый скотъ, павтики, сѣдла, мясо, сбрую, женскія украшенія, шяпки, войлокъ, — коротко сказать, все, что требуется монголу. Мычи закупили нужные для него вещи и были рады, что, наконецъ, имѣеть дѣло съ честными монголами, потому что такъ долго находился въ зависимости отъ хитрыхъ китайцевъ.

Средоточіе монгольскаго населенія находится здѣсь въ большомъ ламайскомъ монастырѣ Гивонъ Тамбы, или короля ламъ Монголія. Въ этомъ монастырѣ и въ маленькихъ прилегающихъ зданіяхъ живетъ 3,000 ламъ. Впрочемъ, нельзя быть вполне убѣжденнымъ въ вѣрности этого числа. Въ низинахъ горъ, лежащихъ на сѣверъ отъ Урги, расположены большіе монастыри Дободорша и Дайшесѣлонъ. Мычи не имѣли времени посетить ихъ, но узнали, что принадлежащія имъ зданія весьма обширны и содержатся, какъ казармы. Немногія украшенія этихъ зданій выполнены со вкусомъ, но совершенно отличаются отъ китайскихъ и походятъ болѣе на тибетскія. На склонѣ, надъ монастыремъ, сдѣлана надпись,

Улицы въ Ургѣ.

буквы которой составлены из бѣлыхъ камней, такъ что на разстояніи 1½ версты можно прочитать ее.

Такъ какъ Мичи не былъ внутри монастырей, то мы воспользуемся ихъ описаніе у одного англійскаго путешественника, посетившаго Куренъ годомъ позже. Различные монгольскіе храмы походятъ одинъ на другой. Внутри господствуетъ полумракъ. Громады ламъ, съ ужасно-отвратительными изображеніями боговъ, колышутся и ударяются объ стѣну, какъ нарутъ въ бурю, и прерываютъ иступленію свѣта. Дѣтъ длинныя полосы раскаленныхъ углей, насыпанныхъ отъ одного конца храма до другого, то гаснутъ, то воспламеняются, и, при ихъ неравномѣрномъ свѣтѣ, можно видѣть предметы лишь въ неопредѣленныхъ очертаніяхъ. Въ храмѣ находилось около тысячи человекъ. Это были молящіеся ламы, стоящіе на коѣннѣхъ, на каменныхъ плитахъ пола. Они то появлялись, то исчезали при колеблющемся свѣтѣ, причемъ можно было видѣть ихъ желтую и красную одежду и головы съ коротко остриженными волосами. Внезапно раздирающимъ голосомъ они запѣли пѣсню, состоящую изъ однообразной смѣны четырехъ тоновъ. Они прославляли ея Будду, уродливое бронзовое изображеніе котораго во временахъ осѣдлалось у стѣны. Иногда нѣкоторыя мѣста пѣсни сопровождались ударами въ большой барабанъ, по которому колотили съ страшною яростью, такъ что все выстѣ образовало какую-то адекую музыку.

Великій хорошій лама считаетъ своею обязанностію, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ побывать въ Ургѣ, и потому изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей Манджуріи, съ границъ Тибета, сюда сходятся множество народа. На равнинѣ стоитъ много божницъ, предъ которыми богомолцы преклоняются, прославляя Будду. Мичи видѣлъ, какъ одинъ странникъ подошелъ къ божницѣ. Пройдя три шага, этотъ богомалецъ бросился планья на землю, дѣлалъ разныя движенія, молился, всталъ и, пройдя три шага, снова бросился на глинистую землю. Откуда пришелъ этотъ человекъ, Мичи уз-

нать не могъ, но во всякомъ случаѣ онъ странствовалъ долго прежде, нежели успѣлъ достигнуть мѣста назначенія.

Верховный лама въ Ургѣ почитается монголами почти за бога. По ихъ мнѣнію, онъ никогда не умираетъ, но его душа переходитъ изъ одного тѣла въ другое. Всѣ монголы-калки находятся подъ его властью, и оттого китайское правительство слѣдитъ за нимъ съ мнительностью. Впрочемъ, китайцы весьма хитро организовали систему ламъ и, можно сказать, именно они создали власть тибетскаго духовенства. Последний независимый король Тибета, уставъ отъ вѣнннихъ и внутреннихъ безпокойствъ, отказался отъ правленія и сдѣлался ламой. Это случилось около 1000-го года, и вскорѣ затѣмъ Тибетъ сдѣлался подвластнымъ Китаю. Когда позднѣе Кублай былъ возведенъ на китайскій престолъ, онъ сдѣлалъ ламу королемъ Тибета. Слѣдующій затѣмъ китайскій императоръ поступилъ точно такъ же и вручилъ власть восьми ламамъ, которые съ 1426 г. приняли титулъ великихъ ламъ. Старѣйшій изъ нихъ сдѣлался Далай-Ламой Тибета. Ему одному было невозможно управлять кочующими племенами, разбѣянными по обширному пространству, почему онъ утратилъ свою силу, когда китайская Татарія, при императорѣ Хань-Си, была объявлена независимою, подъ властью верховнаго ламы монголовъ-калковъ. Выступъ съ тѣмъ китайскіе послы въ Ласѣ успѣли вліять на Далай-Ламу такимъ образомъ, что Гизонъ Тамба успѣлъ сдѣлаться самостоятельнымъ.

Урга калковъ не всегда находилась на томъ мѣстѣ, гдѣ она теперь. Въ 1720 г. она была перемѣщена у рѣки Орхона, тамъ, гдѣ этотъ потокъ впадаетъ въ Селенгу, на сѣверъ отъ нынѣшней Урги.

Когда Мичи окончили всѣ свои дѣла въ Ургѣ, караванъ опять пустился въ дорогу и отправился на сѣверъ, къ Кялтѣ. Путешествіе въ горахъ было очень затруднительно, потому что снѣгъ таялъ. Затѣмъ дорога стала лучше и показалась рядъ прекрасныхъ плодородныхъ долинъ, орошаемыхъ рѣками, въ которыхъ вода стояла весьма высоко. Здѣсь пре-

обладали березы и сосны. Нѣсколько долинъ съ обильною травою служили зимнимъ мѣстопробываніемъ монголовъ, а въ долинѣ Боро эти кочевыя племена водѣлывали грубый видъ ржи, называемой тамъ *буша*. Слѣдовательно, монголы, повидимому, могутъ сдѣлаться и земледѣльцами.

Шангайскія горы на югозападъ отъ Урги образуютъ, такъ сказать, край Гоби и представляютъ весьма удобное сборное мѣсто для большой арміи. Въ водѣ здѣсь недостатка нѣтъ, а роскошныя луга доставляютъ довольно корма. Уже до христіанскаго лѣтосчисленія гунны расползались около нынѣшней Урги. Каракорумъ, другой городъ монголовъ, находился въ 45 верстахъ къ югозападу. Отсюда монголы отъправились въ походъ, для покоренія Азии и Европы, и туда же опять собрались, когда ихъ изгнали изъ Китая въ 1368 г. Тогда они основали новое могучее государство. Въ Каракорумѣ царствовалъ Чингисъ-Ханъ. Какъ буря пронесся монгольскій народъ подъ предводительствомъ Чингисъ-Хана, опустошая міръ. Просвѣщеніе Азии и восточной Европы было затоптано этими дикими толпами, нахлынувшими съ желтаго песчаннаго моря и распространившимися къ западу до Одера и къ востоку до Японскаго моря и прошедшими отъ Персидскаго залива до сѣвернаго полярнаго круга. Но, послѣ смерти могучаго хана, громадное государство распалось, внутреннее единство уничтожилось, и отдѣльныя племена стали подвластными особымъ государямъ, которые, однако, при Тамерланѣ еще разъ привели въ ужасъ весь міръ.

Наши путешественники снѣдали теперь добраться до Россіи и потому день и ночь погоняли своихъ монголовъ. На шестой день по выѣздѣ изъ Урги, 29-го сентября, Теллигъ показалъ съ возвышенія двѣ бѣлыя точки. Это были башни Кяхты. Странствованіе по пустынѣ продолжалось 34 дня, и теперь Мичи приближался къ сибирской границѣ.

Китайцы.

III.

Кяхта и русско-китайская торговля.

Прибытие из Кяхты. — Пограничный городок Маймаинь и русская граница. — Кяхта. — Троицкославск. — Цивилизация в Кяхтѣ. — Эпизоды. — Сибирь на родегах. — Восстание калмыков. — Дорога в Кяхтѣ. — Рынок. — Пудовыми мѣрами, продажа меховыхъ. — Дома. — Торговля. — Отаваля.

Сильно забилось сердце Мичи, когда онъ приблизился къ сибирской границѣ. Послѣ продолжительнаго странствованія по дикимъ областямъ, онъ тутъ приблизился къ отблеску европейской цивилизаціи и вступать въ христіанскую

страну. Сперва ему слѣдовало пройти чрезъ китайскій городъ Маймачинъ, окруженный палисадами и снаружи имѣющій весьма ничтожный видъ. Улицы въ немъ правильны и, по китайскимъ понятіямъ, широки и довольно опрятны. Весь городъ построенъ четырехугольнымъ, который пересѣкается тремя главными улицами. Въ городѣ находится великолѣпная восьмиугольная башня, на которой стеклянные колокольчики и металлическія палочки при вѣтрѣ издаютъ пріятные звуки. Одноэтажные, прочной постройки дома безъ оконъ имѣютъ башни, на которыхъ золотыми буквами красуется имя пладѣнца. Такіе дома смѣняются часовнями съ пестро-расписанными идолами.

Неизбѣжные бумажные фонари раскачиваются посреди улицъ на веревкахъ. Симунъ, или домъ городского правленія, гдѣ повелѣваетъ монгольскій правитель, находится на концѣ города. Въ послѣдній въѣзжаютъ чрезъ три воротъ, изъ которыхъ одинъ имѣетъ многозначительную надпись: „Благо и счастье“.

Дугъ позади Маймачина считается нейтральной почвой между Китаемъ и Россією. Тутъ представилась весьма занятельная пестрая толпа продавцовъ скота изъ Монголіи и сибирскихъ крестьянъ, которые на своихъ телегахъ проѣзжали мимо путешественниковъ. Здѣсь изъ черной войлочной юрты выглядываетъ желтое лицо монгола, а тамъ покачиваясь идутъ пьяные калмыки. Тунгузы или бураты расположились вокругъ котла съ чаемъ и съ наслажденіемъ причмокиваютъ губами послѣ каждаго глотка жирнаго кариичнаго чаю. Между китайцами въ длинной шелковой одеждѣ и жителями степей въ шубахъ и кожаномъ платьѣ попадаются мушкетеры русскихъ офицеровъ, таможенныхъ чиновниковъ и пограничныхъ казаковъ, а также кзетаны русскихъ купцовъ. Тутъ то и дѣло, что торгуются. Одни расхваливаютъ свой товаръ, другіе хулятъ его, здѣсь продаютъ и покупаютъ, кутить и наслаждаются; однимъ словомъ, представляются картины, о которыхъ нельзя составить себѣ понятія по европейскимъ

рынкамъ. Но едва въ Кяхтѣ быють зорю, а въ Маймачинѣ поднимается на вечернемъ вѣбѣ огненный шаръ, служащій знакомъ, что наступилъ пора закрыть ворота, какъ толпы расходятся, и въ обоихъ городахъ умолкаетъ многоязычный говоръ.

Отсюда путешественники подѣхали къ воротамъ и достигли чрезъ нихъ въ Кяхту, куда крыльями русскаго двуглаваго орла, который величественно глядитъ во все стороны. Далѣе путешественнику встрѣчались помѣстные столбы, красивые дома съ бѣлыми штукатуренными стѣнами, великолѣпныя церкви съ высокими башнями, широкія пустыя улицы и стража у воротъ.

Кяхта, собственно говоря, небольшое селеніе съ малымъ числомъ жителей. Тамъ, на мѣстѣ тамъ, живутъ купцы, которые ведутъ торговлю съ китайцами, между тѣмъ какъ главная часть населенія находится въ Троицкосавскѣ, на разстояніи трехъ верстъ отъ Кяхты.

Мичи отправился туда съ своимъ караваномъ и скоро нашелъ себѣ хорошее убѣжище при садѣнствѣ одного землака. Верблюдовъ разгрузили въ послѣдній разъ, лама получила условленную плату, Теланга путешественника наградила особенными подарками. Послѣ этого монголы приготовились къ обратному путешествію, получить грузъ для провоза, и опять пустились въ дальній путь по зимней дорогѣ. Не смотря на все невзгоды путешествія по пустыннымъ монгольскимъ степямъ, эти люди всемо прокладываютъ плачевную свою жизнь на спинѣ вонючаго верблюда.

Первое удобство, просвѣщенной Кяхты, которымъ пользовался Мичи, была баня, смывшая съ него пыль и грязь, накопившуюся на его тѣлѣ въ продолженіе мѣсячнаго путешествія. Монголы никогда не выкупаются мыться. Они рады, если находятъ довольно воды, чтобы приготовить себѣ чай и сварить баранину, и никогда не ставятъ своихъ юрты у колодезя. Мичи не могъ объяснить этого обычая, и предполагалъ, что вѣровство у монголовъ существуетъ, заботъ, предотвращающій монополизированіе колодезя какимъ-нибудь

однимъ семействомъ. Хотя монголы никогда не моются, но по темнотѣ цѣта кожи не кажутся столь грязными, какъ не мытый европеецъ. Монгольская же опрятность ограничивается утираніемъ жирнаго рта волою каатана.

Дома въ Троицкосавскѣ большею частью велики и устроены удобно. Всѣ они деревянные, бревенчатые. Лучшіе дома обшиты досками, выкрашенными бѣлой краской, и покрыты зелеными или красными крышами, вслѣдствіе чего все селеніе получаетъ весьма привлекательный видъ. Три церкви съ зелеными куполами весьма красиво возведены изъ кирпича, а улицы опрятны, сухи и содержатся въ порядкѣ. На многихъ изъ нихъ настланы боковые деревянные мосты, въ которыхъ, однако, бываютъ такіа дыры, что ночью легко переломать ноги.

Всякій русскій, проживающій въ Кяхтѣ, за исключеніемъ крестьянъ, имѣетъ собственный экипажъ. Тутъ можно видѣть повозки всевозможныхъ сортовъ, отъ простыхъ дрожекъ съ парой косматыхъ сибирскихъ лошадокъ до роскошной франтовской коляски съ кучеромъ и ливрейнымъ лакеемъ. Для удовольствія русскіе не любятъ ѣздить верхомъ. Въ этомъ отношеніи они походятъ на китайцевъ, которые никогда не катаются, не гуляютъ и не пляшутъ для собственнаго удовольствія. Ходить пешкомъ здѣсь считается неприличнымъ, и лишь больные, которыхъ врачи предписываютъ моционъ, прохаживаются въ Кяхтѣ и Троицкосавскѣ.

Въ Кяхтѣ ревностно занимаются модами, за которыми слѣдятъ вортныя и модистки. Посѣтить кяхтинскаго купца въ охотничей одеждѣ было бы страшнымъ преступленіемъ. Когда однажды Мичи принялъ одного кяхтинца рано утромъ у себя на квартирѣ въ туфляхъ и китайскомъ халатѣ, посѣтитель пришелъ въ ужасъ и минуты двѣ не могъ произнести ни одного слова. Для удовлетворенія своего тщеславія кяхтинцы носятъ весьма дорогія шубы и пьютъ ан-

гдѣйскій портеръ, за который приходится платить по 4 рубля за бутылку.

На улицахъ города жизнь очень дѣятельна. Тутъ длинноволосые русскіе мужики, всегда готовые пинить, ходятъ воелѣ грязныхъ бурить, а около нихъ можно видѣть монгола и хлопотливаго сына Небеснаго Царства съ свѣтложелтымъ лицомъ и чрезвычайно длинною косою.

Кяхтинскіе купцы славятся богатствомъ, милліонеры тамъ не рѣдкость. Впрочемъ, все эти сокровища существуютъ нерѣдко лишь въ воображеніи. Такъ какъ здѣсь не могутъ похвалиться чѣмъ другимъ, кромѣ денегъ, то названіе милліонеръ весьма часто служитъ не болѣе какъ выраженіемъ уваженія къ купцу, о которомъ говорятъ. Тѣмъ не менѣе нѣтъ сомнѣнія, что кяхтинскіе купцы богаты, хотя нельзя сказать, чтобы все добыли свой достатокъ честнымъ образомъ. Если купецъ полагаетъ, что для его плоти, онъ отправляется въ Нижній Новгородъ или въ Москву, чтобы свести свой кредитъ и расчитаться, можетъ быть, по пятидесяти копѣекъ за рубль. Предложеніе его приходится принять, потому что громадное разстояніе затрудняетъ изысканіе съ должниками. Кяхтинцы же возвращаются затѣмъ спокойно домой и покупаютъ новые участки земли.

Мичи упоминаетъ, что ему показывали многихъ крезовъ, которые приобрѣли свои богатства такимъ путемъ. Самые большіе доходы доставляетъ кяхтинцамъ русская транзитная торговля. Почти всякій купецъ имѣетъ въ Кяхтѣ и Троицко-савскѣ лавку и держится правила, что лучше продать съ большею выгодною хотя и мало, нежели, занимаясь большими дѣлами, пользоваться малымъ барышнемъ. Благотворная конкуренція Европы здѣсь не существуетъ. Торговцы стовариваются между собою и соглашаются о цѣнѣ, которая оказывается непомѣрно высокою, даже если принять въ соображеніе большіе расходы на провозъ. Русское правительство гораздо прозорливѣе этихъ эгоистовъ-купцовъ, которые очень сердятся, что русскія гавани открыты теперь для

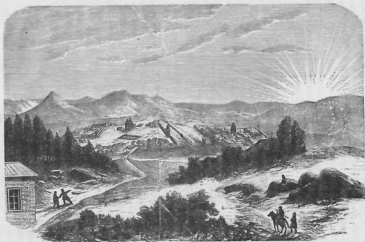
ввоза чая моремъ. Караванная торговля казалась имъ наслѣдственнымъ достояніемъ, и они полагали, что всегда будутъ пользоваться монополіею чайной торговли и доставлять товары изъ Китая въ Россію сухимъ путемъ.

Маймачинскіе китайцы также считаются богачами. Такое предположеніе, судя по ихъ наружности, должно быть вѣрно. Дѣло въ томъ, что въ Китаѣ толщина тѣла составляетъ вѣрный признакъ богатства, почему слитокъ золота и кусокъ жира выраженіи равнозначущія.

Китайцы живутъ въ Маймачинѣ безъ семействъ. Они питаютъ непреодолимое отиращеніе къ удаленію своего семейства отъ мѣста, гдѣ родились ихъ отцы и они сами. Оттого даже въ предѣлахъ своего отечества они путешествуютъ неохотно и лишь когда этого требуетъ необходимость.

Отношенія русскихъ и китайцевъ въ торговлѣ и дипломатіи особенныя. Уже давно замѣчено, что русскіе весьма хорошо умѣютъ обращаться съ азіатцами; этимъ объясняется отчего они тихо и мирно проложили себѣ путь въ Китай, между тѣмъ какъ англичане вторглись въ него съ огнемъ и мечемъ. Русскіе обращаются съ китайцами, какъ греки съ греками. При взаимныхъ сношеніяхъ они дѣйствуютъ силою противъ силы, учтивостію противъ учтивости и терпѣніемъ противъ терпѣнія: одинъ понимаетъ другаго отлично. Если нужно сдѣлать какое-нибудь дѣло, то, само собою разумѣется, разговоръ начинается съ чего-нибудь, не имѣющаго никакой связи съ цѣлью бесѣды. Толкуютъ о томъ, о другомъ, накуриваютъ много трубокъ и выпиваютъ много чашекъ чаю прежде, нежели рѣчь зайдетъ о настоящемъ дѣлѣ. Такимъ образомъ, разумѣется, терлется много времени; но такого рода торговля предпочтается, и въ Кяхтѣ не знаютъ другого способа вести дѣла.

Самое значительное зданіе въ Кяхтѣ таможня; она, однако, болѣе не исполняетъ первоначальнаго своего назначенія, потому что недавно уничтоженъ всякій таможенный сборъ у китайской границы. Теперь въ этомъ домѣ помѣ-

Ехъвъ.

щается почтамтъ. Это зданіе находится на возвышенномъ мѣстѣ, въ концѣ Троицкосавска. Для исполненія своихъ дѣлъ въ различныхъ частяхъ города, Мичи наняли дрожки за два рубля въ день. Это былъ старый, поломанный экипажъ, съ плохими рессорами и парой дикихъ лошадей, запряженныхъ веревками. Извозникомъ былъ растрепанный мужикъ. Мичи было совѣстно ѣхать въ такомъ экипажѣ и хотѣлось лучше идти пѣшкомъ; но въ сибирскомъ городѣ порядочный человѣкъ долженъ ѣздить: онъ лишился бы всякаго уваженія, если бы надумалъ ходить, — и Мичи покорился. Въ этомъ дрянномъ экипажѣ онъ разѣзжалъ по улицамъ Кяхты.

Кяхта лежитъ въ долинѣ между песчаными холмами съ сосновымъ лѣсомъ. Долина открывается къ югу, на сторону Монголіи, и защищена отъ сѣверныхъ вѣтровъ. По долинѣ протѣкаетъ ручеекъ, направляющійся къ западу въ песчаные равнины Монголіи. Говорятъ, что Кяхта съ Троицкосавскомъ имѣетъ 20,000 жителей, которые получаютъ все необходимое изъ внутренней Россіи. Каждое утро подъѣзжаютъ къ Кяхтѣ длинные обозы съ овцами, говядиною и бараниною. Последнюю русскіе ѣдятъ мало. Все это привозится издалека, и крестьяне должны выскатся въ путь задолго до зари, чтобы прибыть на рынокъ во-время. Мужикъ обыкновенно ведетъ лошадей, между тѣмъ какъ его жена, закутанная въ множество одежды, возсѣдаетъ на возу съ капустою или другимъ товаромъ. Большая площадь въ Троицкосавскѣ служитъ сѣннымъ и хлѣбнымъ рынкомъ, гдѣ все продается по вѣсу, подъ надзоромъ городского правленія. Въ Китаѣ также продаютъ все по вѣсу, даже живыхъ цыплятъ, вѣсъ которыхъ увеличиваютъ тѣмъ, что набиваютъ имъ въ зобъ нѣсколько песку, отчего они скоро издыхаютъ. Въ Кяхтѣ вдоволь рыбы, особенно осетровъ изъ Селенги, и въ этомъ городѣ Мичи ѣлъ въ первый разъ свѣжую икру.

Кяхтинскія дамы гуляютъ по общественному парку, окруженному красивою рѣшеткою. Тамъ онѣ дышатъ свѣжимъ воздухомъ и въ теченіе короткаго лѣта показываютъ свои

наряды. Этотъ паркъ называютъ садомъ, и, можетъ быть, онъ лѣтомъ дѣйствительно походить на садъ; но въ сентябрѣ, когда Мичи былъ тамъ, онъ имѣлъ грустный видъ замерзшей земли и холмовъ, покрытыхъ снѣгомъ.

Во всякомъ случаѣ, старанія кяхтинцевъ заслуживаютъ похвалы, потому что они устроили свой садъ при весьма неблагоприятныхъ климатическихъ условіяхъ. Цвѣты у нихъ можно разводить почти только въ комнатахъ, но во многихъ домахъ столь много цвѣтущихъ кустовъ, что लोकъ походятъ на оранжереи.

Климатъ Кяхты зимою очень холоденъ, а лѣтомъ довольно жарокъ. Воздухъ сухъ и почва песчана. Снѣгу и дождя выпадаетъ мало. Городъ лежитъ подъ 50° 15' сѣверной широты, 2,200 футовъ надъ уровнемъ моря. Здоровье жителей превосходно, и старцы за 80 лѣтъ еще совѣтъ свѣжи. Дома уютны и особенно теплы. Толстыя бревенчатые стѣны, тщательно законопаченныя, отлично удерживаютъ теплоту. Въ окна вставлены двойныя рамы, щели которыхъ заткнуты хлопчатой бумагою. Большія печи служатъ въ одно время и для отопленія, и для жарки хушанья. Но, къ сожалѣнію, комнаты очень мало провѣтриваются, и оттого воздухъ въ нихъ душный. Для Мичи комнатный воздухъ былъ очень непріятенъ, между тѣмъ какъ русскихъ онъ, повидимому, нисколько не безпокоилъ. Обыкновенно въ комнатахъ поддерживаютъ температуру въ 16° по Реомюру. Топятъ дровами, которыхъ очень много въ сосѣднихъ лѣсахъ.

Чиновники въ Кяхтѣ родъ кочующаго племени. Ихъ часто мѣняютъ, но многіе изъ нихъ остаются съ своимъ семействомъ въ городѣ. Купцы также часто переселяются далѣе на западъ, и постоянными жителями остаются ремесленники и люди низшихъ сословій. О Петербургѣ и Москвѣ говорится мало и то съ какою-то благоговѣніемъ, какъ о высшемъ мірѣ. Иркутскъ составляетъ средоточіе всѣхъ мыслей кяхтинцевъ. Чего нѣтъ въ Кяхтѣ, то въ Иркутскѣ существуетъ въ полномъ совершенствѣ: тамъ находятся луч-

нія гостиницы, лошади, экипажи, врачи, дома, церкви и лавки. Въ Иркутскъ изъ Кяхты ѣздить часто, а въ Москву или Петербургъ, можетъ быть, только разъ въ жизни.

Кяхта-основана въ 1728 году для сосредоточенія караванной торговли съ Китаемъ. Главный предметъ торговли—чай. Но эта торговля значительно упала со времени ввоза чая въ балтійскіе порты. Въ послѣднее время купцы пытались соперничать съ новыми торговцами, покупая чай тамъ же, гдѣ и послѣдніе; но весь образъ торговли измѣнился. Мѣна на русскія произведенія почти совсѣмъ прекратилась, и длинный караванный путь не можетъ соперничать съ болѣе удобнымъ морскимъ.

Отъѣздъ Мичи замедлился высту́пленіемъ Селенги изъ береговъ. Но онъ между тѣмъ не терялъ времени, а готовился къ отъѣзду. Сперва онъ вымѣнялъ китайскія деньги на русскія съ потерей лишь одного процента. Лошадей свою онъ продалъ въ Кяхтѣ, а повозку въ Маймачинѣ безъ особеннаго большаго убытка, и купилъ русскій тарантасъ и нѣсколько китайскихъ козыихъ шкуръ съ шерстью длиною въ футъ, для покрыванія ногъ. Надо было вооружаться противъ морозовъ, потому что приближалась зима, а путешествовать приходилось по Сибири. Начиная уже выпадать снѣгъ (было начало октября), и перспектива странствованія по полузамершей землѣ и черезъ рѣки безъ мостовъ вовсе не казалась пріятною.

Всего же необходимѣе оказалась для Мичи подорожная. Онъ получалъ ее безпрятственно отъ кяхтинскихъ чиновниковъ, предупредительностью которыхъ путешественники не могутъ похвалиться. Наконецъ, 7 октября 1863 года онъ съ тяжело нагруженнымъ тарантасомъ пустился въ дорогу.

Мы прибавимъ тутъ еще нѣсколько словъ о чайной торговлѣ Россіи съ Китаемъ, по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ въ Сѣверной Почтѣ. Въ Кяхтѣ была сосредоточена чайная торговля обоихъ государствъ. Но послѣ первой, такъ называемой, опійской войны англичанъ съ китайцами, стала развиваться ком-

трабандная торговля чаемъ. Англичане вывозили чай громадными количествами въ Гамбургъ, а отсюда евреи тайно перевозили его въ Россію, такъ что очень много такого чаю распространялось не только въ западной Россіи, но поступало даже на ярмарку въ Нижній Новгородъ. Затѣмъ кяхтинская торговля разстроилась еще возстаніемъ въ Китаѣ. Подъ конецъ 1852 года закрылись всѣ ярмарки и торговые пути въ Китаѣ, вывозъ изъ Сибири въ Китай прекратился совершенно, китайцы стали требовать за чай серебряныхъ денегъ, и русскіе кунцы были вынуждены уступать свой товаръ за безцѣнокъ. Кяхтинцы увидѣли, что чайная торговля вскорѣ совершенно перейдетъ въ руки англичанъ, и потому рѣшились закупать и другія произведенія, хлопчатую бумагу, шелкъ, песочный сахаръ и т. д. по совершенно покинутому караванному пути. Между тѣмъ китайцы все настоятельнѣе требовали золота и серебра. За чеканенную монету они уступали цибикъ чаю по 40 или 50 рублей, а при обмѣнѣ на товаръ онъ обходился въ 100 и 120 рублей. Наконецъ, въ 1855 году была разрѣшена свободная торговля въ Кяхтѣ и допущенъ вывозъ золота и серебра въ Китай. Вслѣдствіе этого торговля поднялась такъ, что въ 1860 году китайцы продали 159,316 цибиковъ листового чаю и 43,658 цибиковъ кирпичнаго. Но вслѣдствіе этого въ Сибири не осталось и пятачка серебра.

Послѣ похода англичанъ и французовъ въ Пекинъ въ 1860 году, генералъ-адъютантъ Игнатьевъ заключилъ съ Китаемъ договоръ, по которому возстановлена прежняя караванная торговля, и подданнымъ Россіи и Китая разрѣшено проѣзжать по обоимъ государствамъ. Для споспѣшествованія торговлѣ уменьшили ввозную пошлину на кяхтинскій чай и уничтожили въ Кяхтѣ таможеню, которую перемѣстили въ Иркутскъ. Послѣ этого караваны снова стали отправляться въ середину Небеснаго Царства; но морская торговля тогда уже основательно преобразовала всѣ отношенія, и на долю Кяхты осталась собственно торговля съ Монголією. Монголы

покупаютъ все у русскихъ, а послѣдніе получаютъ отъ жителей степей одинъ скотъ, потому что земля ихъ ничего другаго не производитъ. Монголія притомъ давно уже желаетъ присоединиться къ Россіи и лишь ждетъ для этого удобнаго случая.

Русская изба.

IV.

Отъ Кяхты до Байкальскаго озера.—Иркутскъ.

Дорога изъ Байкальскому озеру. — Трудности путешествія. — Селенгинскъ. — Почтовая дорога. — Почтовая станція. — Селенга. — Земледѣліе. — Гавани у Байкальскаго озера. — Бури на Байкалѣ. — Дорога на южный конецъ озера. — Пароходство по Байкалу. — Западный конецъ озера. — Иркутскъ. — Сибирская гостиница. — Общественная жизнь въ Иркутскѣ. — Хорошее общество.

Дорога изъ Кяхты

Дорога изъ Кяхты къ Байкальскому озеру направляется къ сѣверозападу, по долинѣ Селенги. Дорога эта весьма неровная, и во многихъ мѣстахъ путешествіе затрудняется глубокими песками. Имицы Миши были бураты, а такъ какъ языкъ, которымъ говорятъ бураты, мало отличается отъ монгольскаго, то путешественникъ могъ бесѣдовать съ ними. Впрочемъ, бураты съ ранней молодости изучиваются по-

русски, но при этомъ упорно сохраняють прежніе свои обычаи и между собою говорятъ только по-бурятски.

Первая станція, до которой доѣхалъ путешественникъ, была красивая деревня Усть-Кяхтинскъ, состоящая изъ деревянныхъ домиковъ и небольшой церкви. Мичи предполагалъ, что онъ остановится въ полуварварской станціи, а вмѣсто того увидѣлъ новый, красиво-устроенный домъ. Четыре клачи, уже оставившія за собою четыре станціи, были выражены въ тарантасъ и снова пущены въ дорогу. Оттого неудивительно, что бѣдные животныя скоро останавливались, и пришлось послать еще за пятою лошадию. Съ крикомъ, стеганіемъ и ласковыми словами догналъ бураты свою пятерку до холма, чрезъ который лежала дорога. Тутъ, однако, силы животныхъ совершенно истощились. Настала ночь, и Мичи со своимъ товарищемъ устроили себѣ въ тарантасѣ постель; лошадей же пустили пастись. Ямщикъ развелъ огонь, у котораго заснулъ спокойно.

На другое утро прошло добрыхъ полтора часа, пока тарантасъ съ большимъ трудомъ перетаскался чрезъ холмъ. На слѣдующей станціи Мичи принужденъ былъ нанять кибитку для поклажи. Вдоль дороги часто видны обработанныя пространства съ русскими хуторами и стадами скота. Боковой лошадиной доѣхали путешественники до рѣки Селенги, которая течетъ по глубокому руслу, въ широкой долинѣ, ограниченной лѣсистыми холмами. На хорошемъ паромѣ повозки, лошади и люди были быстро переправлены на другой берегъ. Перевозчики были — русскіе и бураты. Какъ глубоко бышетъ русло Селенги, путешественники лучше всего могли судить по знакамъ, оставленнымъ водою на скалѣ. По нимъ было видно, что въ настоящее время вода упала не менѣе какъ на 12 футовъ.

Недалеко отъ мѣста переправы находится маленькій, но красивый городокъ Селенгинскъ. Тутъ опять перемѣнили лошадей, и путешествіе продолжалось по хорошо населеннымъ долинамъ. Было уже начало октября, и погода стала холод-

нѣе. Селенга своими разливами обратила берега въ болота и мѣстами повернула дороги. Видъ этихъ береговъ великолѣпенъ; иногда деревья опускаютъ свои вѣтви въ воду, которая медленно и безмолвно движется громадною массою къ Байкальскому озеру, ускоряя свое теченіе лишь тамъ, гдѣ русло суживается высокими скалами, поросшими хвойнымъ лѣсомъ и березами. Въ этомъ мѣстѣ проселочная дорога идетъ по скалѣ, на довольно значительной вышинѣ надъ уровнемъ воды, и мѣстами до того узка, что двѣ встрѣтившіяся повозки не могутъ разѣхаться. Прелесть вида, конечно, отходить здѣсь на второй планъ, когда посмотримъ въ глубокую пропасть, въ которую свалился не одинъ пыльный ямщикъ.

На станціи Половина собралось много проезжихъ, которые были задержаны разлитіемъ Селенги, а потому лишь съ трудомъ можно было получить лошадей. Многие русскіе офицеры разгоняли скуку ожиданія тѣмъ, что, усѣвшись вокругъ самовара, распивали чай. Ночь Миша провелъ въ весьма спротивномъ почтовомъ домѣ въ Ильинскѣ и съ возможною поспѣшностію продолжалъ дальше свое путешествіе, чтобы не опоздать на пароходъ, который два раза въ недѣлю ходитъ по Байкальскому озеру. Но что за дорога предстояла ему! Повсюду безконечныя лужи; каменные мосты были разрушены разливами Селенги. Чтобы сдѣлать возможнымъ проѣздъ, была проложена временная божья дорога, а вмѣсто мостовъ положили бревна и прикрыли ихъ сучьями. По такому пути пришлось пробираться тарантасу. Ямщикъ ругался, лошади, погруженные по брѣхо въ воду, пыhtѣли. Но вотъ, у Посольска окончилась забайкальская дорога, и путешественники достигли озера. На слѣдующее утро долженъ былъ отойти пароходъ, а потому почтовая станція была переполнена мужчинами, женщинами и дѣтьми, такъ что Миша не могъ получить не только постели, но и стула, а долженъ былъ провести ночь между своими вещами.

Селенга течетъ изъ Монголіи; на югъ отъ озера Косогола образуется она отъ соединенія нѣсколькихъ небольшихъ рѣ-

чекъ и въслѣдствіи принимается въ себя выходящую изъ Хинганъ-Уласкихъ горъ рѣку Орхонъ. Длина всего теченія Селенги, по словамъ Мичи, составляетъ 480 верстъ. Всего выше эта рѣка по обилію рыбы; особенно много въ ней осетровъ, которые составляютъ дѣйствительное благодѣяніе для населенія, питающагося почти исключительно одной рыбой. Селенга впадаетъ нѣсколькими устьями въ Байкальское озеро. Пристань для пароходовъ находится у южнаго устья. Самая рѣка судоходна. Вѣроятно, въ непродолжительномъ времени по ней будутъ плавать пароходы, содѣйствуя заселенію мѣстности, и теперь уже довольно хорошо обработанной. Разумѣется, здѣсь не слѣдуетъ оцѣнивать земледѣліе съ европейской точки зрѣнія; потому что тутъ почва легка и суха. Воздѣлываютъ преимущественно хлѣбныя растенія: ячмень, пшеницу и рожь. Громадныя пространства у этой прекрасной рѣки, однако-жъ, вовсе еще не тронуты и ожидаютъ только дѣятельности дровосѣка и земледѣльца, чтобы обратиться въ богатую, плодородную страну.

Теперь горы и равнины покрыты превосходнымъ лѣсомъ, который при удобствѣ воднаго сообщенія могъ бы представлять запасъ дровъ и подѣлочнаго матеріала для Сибири на сотни лѣтъ.

Въ почтовой станціи Посольскѣ всѣ съ нетерпѣніемъ дожидались самовара, потому что русскій не можетъ ни за что приняться, не выпивъ нѣсколькихъ стакановъ чаю. Разумѣется, почтальоны получали самоваръ всѣхъ раньше, по знакомству съ кухарками. Кухни почтового дома составляютъ также единственное мѣсто, гдѣ можно добыть нѣсколько воды для умыванія, которую, однако-жъ, за недостаткомъ рукомыльницы, приходится черпать руками.

Гавань, гдѣ пристають суда, находится въ девяти верстахъ отъ Посольска, и потому Мичи долженъ былъ отправиться туда въ своемъ тарантасѣ. Такъ какъ дорога, ведущая туда, не почтовая, то путешественникъ не могъ получить почтовыхъ лошадей и принужденъ былъ за громадную цѣну

нанять обывательскихъ. Гавань образуется косой, выдавшеюся въ озеро, и по своему мелководію много затрудняетъ торговлю. Нѣсколько русскихъ барокъ со снастями, наподобіе японскихъ, съ очень большою мачтою и около 150 тоннъ вмѣстимости, занимались перегрузкой. Эти суда имѣютъ первобытное устройство, чрезвычайно коротки, снабжены высокими бортами и приводятся въ движеніе столь же первобытными веслами, какъ лодки китайскихъ судостроиковъ. Вслѣдствіе этого, барки могутъ двигаться лишь по тому направленію, по которому дуетъ вѣтеръ. Народа на нихъ много и большею частію, буряты, которые то и дѣло, что возятся съ тяжелымъ парусомъ и огромными веслами или же заняты разгрузкою и нагрузкою.

Посмотрѣвъ на эти плохія суда съ ихъ ни къ чему негоднымъ экипажемъ, вполне поймешь преувеличенность разсказовъ о страшныхъ буряхъ на Байкальскомъ озерѣ. Что Байкаль, подобно горнымъ озерамъ, замкнутымъ со всѣхъ сторонъ высокими горами, подверженъ внезапнымъ и сильнымъ бурямъ, которыя наводятъ ужасъ на дурныя барки съ плохими матросами, — это понятно; но дѣло въ томъ, что на немъ самый тихій вѣтерокъ считается бурей. Весьма замѣчательно тутъ слѣдующее явленіе: иногда, въ совершенно тихую погоду, внезапно какъ бы подводною силою поднимаются большія волны. Явленіе это донынѣ еще не объяснено.

Самая гавань не безъ значенія. Песчаный бѣрегъ ея заваленъ всевозможнымъ товаромъ, который съ его азіатскою упаковкою въ коровья шкуры, рогажи и боченки представляетъ весьма оригинальный видъ. Произведенія, доставляемыя съ запада, отправляются отсюда въ Китай и на Амуръ, тогда какъ китайскіе товары нагружаются здѣсь на суда. Уже по этому можно судить о важности настоящаго пункта, и, однако-жъ, здѣсь находится (въ 1863 году) только одинъ домъ. Большая часть произведеній идетъ, конечно, съ запада, изъ Россіи, и состоитъ изъ предметовъ роскоши, одежды и другихъ вещей, въ которыхъ нуждаются въ сибирскихъ го-

родахъ. ама же Сибири доставляетъ только мѣха и благородные металлы, а также правонныя китайскія произведенія.

Такъ какъ путешествіе по озеру сопряжено съ большими затрудненіями и различными опасностями, то русское правительство приступило къ устройству хорошей дороги отъ Иркутска до Кяхты по южной окраинѣ Байкала. Лѣтомъ и зимою сообщеніе по озеру происходитъ довольно правильно, но въ неустановившіяся времена года — весною вслѣдствіе таянія льда, а осенью вслѣдствіе появленія большихъ льдинъ — становится до того опаснымъ, что вовсе прекращается. Не обходится тутъ также безъ несчастныхъ случаевъ. На поверхности озера, покрытой толстымъ, твердымъ слоемъ льда, устраиваются настоящія почтовые станціи. Случалось, что подобныя постройки при внезапномъ таяніи льда тонули вмѣстѣ съ людьми и лошадьми. Слѣдовательно, устройство дороги будетъ дѣйствительнымъ благодѣліемъ, хотя оно и сопряжено съ большими трудностями, такъ какъ приходится прокладывать ее тамъ, гдѣ еще и понинѣ, но отлѣснымъ склонамъ горъ, едва-едва пробирается иѣшеходъ или лошадь. Рабочія силы можно имѣть лишь зимою, когда фабричные съ золотыхъ приисковъ и крестьяне не заняты болѣе своимъ дѣломъ. Сильные морозы, доходящіе здѣсь до 30 и 40° ниже нуля не затрудняютъ работниковъ; напротивъ того, подобный холодъ много облегчаетъ имъ дѣло. Въ такую погоду, чтобъ оторвать часть скалы, стоитъ только разбѣсти на ней костеръ изъ лѣса, находящагося тутъ въ изобиліи. При этомъ холодные камни растрескиваются отъ сильного жара. Разумѣется, при такомъ ходѣ дѣла работы подвигаются весьма медленно, и пройдетъ много лѣтъ прежде, чѣмъ окончится эта важная дорога.

Пароходъ, поддерживающій сообщеніе между берегами Байкальскаго озера, называется по имени нынѣшняго генералъ-губернатора Восточной Сибири „Генералъ Корсаковъ“. Онъ представляетъ, однако, удивительный образецъ судостроительнаго искусства и можетъ соперничать развѣ только

съ неуклюжими бурятскими барками. Такую форму, по всей вѣроятности, имѣли первые пароходы, и мѣсто „Генерала Корсакова“ — въ какомъ-либо историческомъ мѣстѣ, а ничуть не на озерѣ. Все на немъ тѣпорою и неумѣстно, и лишь паровая машина въ 50 силъ, устроенная однимъ англичаниномъ въ Западной Сибири, соответствуетъ своей цѣли. За проездъ съ пассажира берутъ въ первой каютѣ 8 рублей, а на палубѣ 5, за поклажу платятъ по взаимному соглашенію. Это судно доставляетъ, однако, довольно выгоды своимъ владельцамъ. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что построить пароходъ на Байкальскомъ озерѣ, гдѣ нѣтъ никакихъ техническихъ пособій, дѣло не легкое. Судно это плаваетъ въ западно-юго-западномъ направленіи до гавани Людминой, на противоположномъ берегу, гдѣ южная Ангара вытекаетъ изъ озера. Видъ съ палубы величественный и живо напоминаетъ изюбривы альпійскихъ озеръ. Оба берега ограничиваются горами; вершины, лежащія на юго-востоцѣ, такъ какъ Мичи переправлялся черезъ озеро въ октябрѣ мѣсяцѣ, были покрыты снѣгомъ до самой подошвы, между тѣмъ какъ его еще не было на возвышенностяхъ западнаго берега. Вода озера имѣетъ темно-синій оттѣнокъ, который на серединѣ озера становится почти чернымъ.

Экипажъ судна состоятъ изъ бурятъ, которые, занимаясь своимъ дѣломъ, не забываютъ и объ удобствахъ. Оттого, чтобы добраться до Людминой, находящейся на разстояніи около 100 верстъ, потребовалось ровно 12 часовъ времени. Въ Людминой устроена каменная пристань, и суда поэтому имѣютъ надежное убѣжище; даже почтовая станція достаточно снабжена здѣсь лошадьми. Когда Мичи прибылъ въ Людминую въ 3 часа утра, было очень холодно; дорогу преграждалъ полосатый плагиауль, пламя котораго ярко горѣло огнемъ. При его свѣтѣ, русскіе солдаты въ сѣрыхъ шинеляхъ ходили взадъ и впередъ и вмѣстѣ съ таможеннымъ чиновникомъ принялись осматривать багажъ путешественниковъ. Всѣ

ящики были запечатаны, и Мичи получили свидѣтельство, которое его просили немедленно сдать въ Иркутскѣ.

Западный берегъ Байкала и мѣстности по дорогѣ въ Иркутскъ густо порасли лѣсомъ. Многія пространства, однако, хорошо обработаны и заселены, такъ что здѣсь земледѣіе сравнительно очень развито. Опрятные крестьянскіе домики и дѣятельное населеніе дѣйствительно представляютъ прекрасное зрѣлище, и англійскій путешественникъ считаетъ своей обязанностью похвалить русское правительство, которое

Иркутскъ.

воплотѣ понимаетъ свое назначеніе и распространяетъ порядокъ и просвѣщеніе въ страны, до того не приносявшія никакой пользы.

Большая дорога идетъ по правому берегу Ангары, вытекающей изъ Байкальскаго озера. Мѣстность здѣсь прекрасная. Высокія горы, окружающія озеро, сѣняются равнинами, на которыхъ разбросаны привѣтливыя деревеньки, а рачительно обработанныя поля напоминаютъ Европу. Прозрачныя воды текутъ въ высокихъ берегахъ, поросшихъ де-

ревями и кустарникомъ. Шоссе содержится весьма хорошо, и дорога между Байкальскимъ озеромъ и Иркутскомъ разделена на 3 станціи.

Солнце ярко освѣщало башни и куполы Иркутска, когда Мичи приближался къ городу, производящему очень пріятное впечатлѣніе бѣлыми стѣнками и зелеными крышами своихъ церквей. Ямщикъ слѣзъ съ облучка и сваялъ съ лошадей звонки, потому что по широкимъ и хорошо содержимымъ улицамъ Иркутска не дозволяютъ разбѣжать съ колокольчиками. Наверскарь желанію Мичи, который желѣлъ везти себя въ гостиницу Мецгир, кучеръ доставилъ его въ отель Амуръ, гдѣ путешественникъ, совершенно утомленный, приказалъ отвести себя въ комнату и имѣлъ случай вполне ознакомиться съ удобствами сибирской гостиницы. Мальчикъ повелъ его въ комнату, гдѣ, кромѣ деревянной софы, трехъ стульевъ и стола, не было никакого убранства. Печки топились извѣсткѣю, а окна на зиму были заколочены. Кромѣ нѣсколькихъ картинъ, на стѣнѣ висѣлъ преис-курантъ кушаньямъ и напиткиамъ; англичанинъ пришелъ въ восторгъ, когда открылъ на немъ названіе роднаго бифтекса. Оборванная, нечесынная женщина служила горничною гостиницы и являлась весьма часто, но не тогда, когда была нужна. Такъ какъ въ гостиницѣ нѣтъ звонковъ, то, если нуженъ былъ мальчикъ, приходилось звать, причемъ онъ являлся лишь когда ему хотѣлось. Кушанье вполне соответствовало прислугѣ: все было холодно, неоправно и гадко. Бифтексъ подали еще горячій, но ножъ и вилку привесли только черезъ четверть часа, ибо они оказались нечищеными. Все дѣлалось въ этомъ родѣ. Если кому вздумается спросить въ сибирской гостиницѣ яйце, то онъ получитъ навѣрно испортившееся. Такъ, по крайней мѣрѣ, утѣраетъ Мичи, который, впрочемъ, и требованія въ гостиницѣ Амуръ заявлялъ такіа, какъ будто бы дѣло было въ какомъ-нибудь Чарингъ-Кросъ-Отелѣ въ Лондонѣ.

Дома въ Иркутскѣ все большіе и красивые, насколько это позволяетъ матеріалъ, изъ котораго они построены. Темная ихъ окраска съ перваго взгляда нѣсколько непріятно поражаетъ глаза, но общій видъ города весьма недуренъ отъ множества церквей и нѣсколькихъ красивыхъ публичныхъ зданій. На улицахъ находятся лавки со всѣми европейскими предметами роскоши, и надъ ними есть даже французскія выѣски. Иркутскіе булочники большею частью нѣмцы, и приготовляемый ими французскій хлѣбъ разсылается весьма далеко. Иркутскіе табачные торговцы славятся папиросами, которыя они дѣлаютъ изъ турецкаго табаку.

Въ Иркутскѣ есть весьма хорошие извозчики, лошадки которыхъ исполняютъ свою обязанность несравненно лучше, чѣмъ во многихъ европейскихъ столицахъ. Въ книжной торговлѣ имѣется довольно большой выборъ новѣйшихъ сочиненій. Здѣсь выходитъ газета, есть театръ и нѣсколько ученыхъ обществъ. По всему этому англичанину пришлось отказаться отъ ложнаго мнѣнія о Сибири, такъ какъ здѣсь, въ ея сердцѣ вовсе не вѣдало могильнымъ холодомъ, и страна не была покрыта саваномъ, какъ обыкновенно представляютъ ее себѣ иностранцы.

Иркутскъ, какъ и большая часть сибирскихъ городовъ, называется по имени протекающей чрезъ него рѣчки, именно малаго Иркутъ, впадающаго въ Ангару. Населеніе состоитъ изъ 23,000 человѣкъ; но зимою, когда нельзя работать на золотыхъ приискахъ, къ этому присоединяется еще около 4,000 рабочихъ, просящихся въ городѣ свои заработки, до послѣдней конѣйки. Иркутскъ особенно важенъ тѣмъ, что здѣсь находится мѣстожительство генералъ-губернатора, — это главный городъ Восточной Сибири. Оттого здѣсь средоточіе правительственныхъ мѣстъ. Вслѣдствіе множества чиновниковъ различныхъ отраслей государственнаго управленія, въ городѣ образуется дѣйствительно просвѣщенное общество.

Разъ въ недѣлю для всѣхъ открытъ доступъ къ губернатору. Тогда заблаговременно сходятся къ назначенному

Борьба и победоносное омерт.

часу крестьяне изъ различныхъ мѣстностей съ своими прошеніями, которыя предварительно разсматриваются адъютантами. Такой пересмотръ, конечно, составляетъ необходимость, чтобы не задерживать губернатора пустыми дѣлами, такъ какъ онъ и безъ того очень занятъ. Въ самомъ дѣлѣ, у него занятій вдоволь, потому что нелегко управлять страной, которая больше всей Европы и притомъ еще находится на первой ступени своего развитія.

Иркутскъ составляетъ средоточіе Восточной Сибири, вслѣдствіе чего важность этого города увеличивается еще болѣе. Купцы, торгующіе въ Кяхтѣ, болѣею частью имѣютъ здѣсь главное мѣсто своего пребыванія. Здѣсь находится главный складъ товаровъ, идущихъ въ Китай и Россію. Вслѣдствіе этого, въ Иркутскѣ живетъ много богатыхъ купцовъ, но промышленность почти совсѣмъ не развита, такъ какъ существуетъ лишь нѣсколько кожевенныхъ и мыловаренныхъ заводовъ. Впрочемъ, при большомъ изобиліи сырыхъ произведеній необходимо лишь лишь нѣсколько предпріимчивое, чтобы пробудить дѣятельность промышленности.

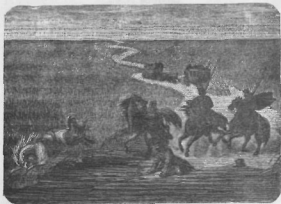
Иркутскъ, какъ и большая часть другихъ значительныхъ городовъ Сибири, имѣетъ хорошія школы, но очень многія достаточныя семейства держать для своихъ дѣтей домашнихъ учителей и гувернантокъ. Оттого высшія сословія весьма образованы, между тѣмъ какъ низшіе классы, къ которымъ въ Иркутскѣ можно причислить и купцовъ, еще мало развиты.

Многіе близлежащіе золотые прииски, принадлежатъ членамъ русской аристократіи, которые съ своими семействами восточно живутъ здѣсь. Хотя они не прерываютъ сношеній съ европейской Россіей, тѣмъ не менѣе считаютъ Сибирь своимъ настоящимъ отечествомъ. Они дѣлаютъ все, чтобы, по возможности, развить своихъ дѣтей, и приглашаютъ учителей и художниковъ, съ которыми обращаются съ высказанною предупредительностію, потому что просвѣщенные сибиряки особенно уважаютъ искусства и науки. Сибирскіе купцы

или, вѣрнѣе сказать, торговцы стоятъ на довольно низкой ступени общественной лѣстницы. Даже самыя богатые между ними, производящія обширѣйшія торговля операціи, по своему просвѣщенію, не могутъ сравняться съ европейскими купцами. Обычай ихъ мало отличается отъ крестьянскихъ, потому что болѣею частью эти торговцы происходятъ отъ простолюдиновъ. Хотя въ новѣйшее время и между купцами стало распространяться европейское образованіе, тѣмъ не менѣе они еще не сближаются съ высшими сословіями.

Бурятскій дама изъ селенгинской долины.

Варабинская степь.

V.

Отъ Иркутска до Екатеринбурга.

Сибирская почтовая дорога. — Первый телеграфный столб. — Неблаготворительные сибирских золотопромышленников. — Паромы. — Красноярск. — Томск. — Приключеніе у Тома. — Ночь въ крестьянской избу. — Телеграмма изъ Петербурга. — Варабинская степь. — Омск. — Тюмень. — Екатеринбург. — Уралъ.

Дальнѣйшее путешествіе Мича по большой дорогѣ, идущей чрезъ Сибирь отъ востока къ западу, указываетъ на многіе недостатки почты въ этой области. Должно замѣтить, что этотъ трактъ одинъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ путей въ мірѣ и единственная значительная въ Сибири дорога, въ которую открываются всѣ побочные пути, и вдоль которой проведенъ телеграфъ.

Почтовая дорога идетъ чрезъ Ангару, дѣлящую Иркутскъ на двѣ части понизу впаденія Иркутъ. Постоянные мосты въ Сибири составляютъ рѣдкость, а потому и тутъ чрезъ Ангару перекинутъ разводной мостъ. Прозрачныя воды Ангары текутъ здѣсь весьма быстро между живописными берегами. На юго-западѣ вдаль видѣются высокія горы; но вскорѣ видъ закрывается громадными лѣсами, которые прорѣзываются множествомъ маленькихъ рѣкъ. Чрезъ послѣднія можно переправиться лишь посредствомъ паромовъ. Смотря по свойству почвы, дорога идетъ то вверхъ, то внизъ, потому что нигдѣ не заботятся о болѣе горизонтальномъ продолженіи пути. Съ горъ лошади, запряженные обыкновенно въ очень грузныя повозки, бѣгутъ по весь споръ, потому что употребляемые тормазы весьма несовершенны. Вообще на лошадей обращаютъ весьма мало вниманія. Имъ даютъ довольно корма, но большіе о нихъ не заботятся. Разстояніе, какъ и на всѣхъ русскихъ дорогахъ, обозначено здѣсь пестрыми верстовыми столбами. Мичи оцѣнилъ какое-то особенное чувство, когда онъ прочиталъ за Иркутскомъ, что до Петербурга осталось еще около 6,000 верстъ. У рѣчки Баранъ Мичи увидѣлъ первый телеграфный столбъ и приветствовалъ его, какъ предѣстника высшей культуры. Большіе свертки проволоки лежали на дорогѣ, и работники прикрѣпляли ихъ къ телеграфнымъ столбамъ. Въ декабрѣ 1863 года телеграфъ былъ оконченъ до Иркутска.

Мы покидаемъ здѣсь большую иркутскую дорогу и нашего путешественника и на нѣсколько времени послѣдуемъ за Скарятиннымъ къ сѣверу, въ Енисейскую губернію, къ ледовитымъ тундрамъ, къ царямъ Тайгаскихъ горъ, т. е. къ золотопромышленникамъ, живущимъ въ роскоши и придумывающимъ новыя планы и средства къ добыванію все большаго и большаго количества золота, рискуящими даже для этого милліонами, которые доставляютъ выгоду массѣ народа. Жажда золота побуждаетъ милліонера обратиться на время къ простаго рабочаго. Въ сопровожденіи тысячъ наем-

ныхъ работниковъ, онъ устремляется въ неприступныя горы, проникаетъ въ лѣса, идетъ по тундрамъ, гдѣ никогда не раздавался человѣческій голосъ, разрываетъ здѣсь торчъ, погружаясь нерѣдко по поясъ въ воду и снѣгъ или работая при морозѣ въ 25°. Тамъ бродятъ эти крезы, которые не только могли бы жить безъ всякаго труда, въ избыткѣ, но въ состояніи даже обезпечить будущность своихъ дѣтей капиталомъ. Они пробираются по скаламъ и склонамъ, по болотамъ и пустынямъ, переносятъ чрезвычайныя страданія и лишения, голодаютъ, подвергаются жадѣ и холоду и не щадятъ ни жизни, ни даже здоровья. Тѣ самые сибариты, которые нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ наслаждались въ Енисейскѣ, Красноярскѣ или Томскѣ трюм-салонами, доставляемыми изъ-за тысячъ верстъ, и своласкивали ихъ однимъ шампанскимъ, утоляютъ свой голодъ самой гадкой пищей. Для чего же они подвергаются такого рода лишениямъ? Только для того, чтобы открыть новыя прииски и добыть больше золота. Между тѣмъ въ пустыни подъ тоноромъ, пилой и огнемъ исчезаетъ вѣковая лѣса, расчищаются золотоносныя поверхности, на которыхъ, какъ бы маговѣніемъ волшебства, воздвигаются дома, магазины и другія зданія. По непроходимымъ лѣсамъ пролагаются дороги, для перевозки громадныхъ запасовъ. Лѣтомъ, въ пору работы, на золотыхъ приискахъ трудятся тысячи людей, которые спятъ лишь нѣсколько часовъ, чтобы отдохнуть отъ тяжелыхъ занятій. Конечно, такіе труды, если они были удачны, смѣняются страшною невозддержанностью, потому что не только сами золотопромышленники, но и ихъ работники считаютъ, такъ сказать, своею обязанностію прокутить заработки. Нерѣдко у подобныхъ людей являются самыя безсмысленныя прихоти. Такъ напр. рассказываютъ, что одинъ работникъ купилъ въ Енисейскѣ за громадную цѣну кусокъ шелковой матеріи, разостлалъ ее по самой грязной улицѣ города и прошелъ по ней, чтобы не запачкать сапоговъ.

Впрочемъ, къ такого рода безалаберщинѣ, которая иногда переходитъ въ совершенно противозаконные поступки, нельзя быть слишкомъ строгимъ. Жажда къ золоту распространилась въ Енисейской губерніи еще въ то время, когда тамъ не было самостоятельнаго, образованнаго общества, даже такого, какое можно встрѣтить во всѣхъ другихъ губерніяхъ. Чиновники, которые прежде задавали тонъ обществу, уступили золотискателямъ, прибывавшимъ со всѣхъ концовъ, преклонились предъ ними и плясали по ихъ дудкѣ. Когда люди, которые выросли на щакѣ и кашѣ и считали свое имущество грошами, внезапно начинаютъ обѣдаться трюфелями, опиваться шампанскимъ и располагать громаднымъ имуществомъ, то простиительно, если у нихъ станетъ кружиться голова. Такіе люди, конечно, не считаютъ нужнымъ или возможнымъ отказать себѣ въ чемъ бы то ни было, если его только можно получать за деньги; достаточно, чтобъ оно было, а о цѣнѣ не спрашиваютъ. Оттого не удивительно, что торговля и промышленность потокомъ хлынули изъ европейской Россіи и Западной Сибири въ отдаленныя тундры и непригодныя горы востока. Все находило покупателей на чистыя деньги и за высокія цѣны. Въ городкахъ, обратившихся въ города, и въ деревняхъ не прекращались ярмарки. Населеніе увеличилось, сбытъ земледѣльческихъ и промышленныхъ произведеній возрасталъ и не ограничивался только Восточною Сибирью, но распространился на западъ и подействовалъ даже на ярмарки Ирбитскую и Нижегородскую. Оборотъ Ирбитской ярмарки, считая съ 1825 по 1830 годъ, составлялъ среднимъ числомъ 30 милліоновъ руб. сер., между тѣмъ какъ съ 1840 до 1860 годовъ онъ поднялся до 60 милліоновъ руб. сер. Такимъ образомъ, вслѣдствіе обращенія денегъ, благосостояніе сибирскихъ крестьянъ очень увеличилось. У нихъ поэтому все устроилось на городскую ногу; въ ихъ домикахъ находятся по нѣскольку комнатъ; они ежедневно сидятъ съ семействомъ у самовара и носятъ прекрасныя шубы, а ихъ жены и дочери имѣютъ даже шелковыя платья. Зажиточныя

крестьяне держать для гостей не только водку и наливку, но также вино, плоды и конфекты. Они развѣзжаютъ въ довольно красивыхъ повозкахъ тройкою и нанимаютъ работниковъ.

Теперь золотопромышленность въ Енисейской губерніи упала. По словамъ Скарятина, это зависитъ отъ двухъ причинъ: отчасти отъ истощенія золотыхъ приисковъ, отчасти отъ несообразныхъ правилъ относительно добыванія золота. Оттого на открытіе новыхъ приисковъ едва ли можно надѣяться. Послѣ такого отклоненія, указаннаго намъ на заимательныя стороны жизни сѣверо-восточной Сибири, возвратимся къ нашему путешественнику и послѣдуемъ за нимъ въ его странствованіи.

Въ Енисейской губерніи дороги гораздо лучше, чѣмъ въ Иркутской. Здѣсь устроено шоссе по системѣ Макъ-Адама, но мостовъ тоже не видно. Какъ это вредитъ сообщенію, можно судить по тому, что Мичи ночью прождалъ у берега рѣки Кана нѣсколько часовъ, пока перевозчику, заснувшему на другомъ берегу, вздумалось подъѣхать, чтобы перевезти тарантасъ. На западъ отъ этой рѣки нѣтъ лѣса, и мѣстность представляетъ почти совершенную равнину. Земледѣіе становится значительнѣе, и деревни встрѣчаются чаще. Но вотъ и широкій Енисей. По другой сторонѣ рѣки находится Красноярскъ. Въ немъ считается 10,000 жителей. Названіе этого города заимствовано не отъ рѣки, какъ это водится повсюду, но отъ скалъ, называемыхъ „Красными Яромъ“. Мѣстность здѣсь покрыта отличною травою и хорошо обработана. Городъ лежитъ на возвышенной плоскости, въ широкой долинѣ. Какъ и въ прочихъ городахъ Сибири, улицы въ Красноярскѣ хорошія, чистыя и прямыя. Тенные дома представляютъ рѣзкую противоположность съ совершенно бѣлыми стѣнами деревей. Мичи не получилъ въ Красноярскѣ лошадей и потому прибѣгнувъ къ книгѣ для записыванія жалобъ. Впрочемъ, англійскій путешественникъ замѣчаетъ, что почтовое сообщеніе, не смотря на встрѣчающіяся затрудненія во время

путешествія, все-таки производится по Сибири съ замѣчательною быстротою. Извѣстія изъ Кяхты достигаютъ до Петербурга въ 20 дней. Важныя политическія происшествія изъ Китая постоянно были извѣстны въ Петербургѣ раньше, чѣмъ въ Лондонѣ. Свѣдѣніе о подписаніи мирнаго договора въ Тянь-Цинѣ, въ 1858 году, прибыло въ Петербургъ нѣсколькими недѣлями раньше, чѣмъ въ Лондонъ; а такъ какъ теперь телеграфъ проведенъ до китайской границы, то извѣстія изъ Пекина получаютъ чрезъ Россію скорѣе, чѣмъ чрезъ Бомбай и Суэцъ.

На равнинѣ за Красноярскомъ было очень холодно. Морозъ много затруднялъ путешествіе. Мичи миновали Ачинскъ, послѣдній городъ Восточной Сибири, отличающійся двумя красивыми церквами. Во всей Енисейской губерніи дороги довольно хороши, и по бокамъ ихъ проведенны рвы. Напротивъ того, въ Томской губерніи самыя плохія сибирскія дороги, совершенно испорченныя отъ слишкомъ большой ѣзды. Въ сырые, осенніе мѣсяцы эти дороги превращаются въ широкую полосу грязи, въ которой колеса тяжелыхъ нагруженныхъ повозокъ прокладываютъ глубокія борозды. Но вотъ затѣмъ наступаетъ стужа, и эти бугры и рытвины, образовавшіеся въ мягкой массѣ, замерзаютъ такъ, что дорога дѣлается неудобною. Въ такомъ случаѣ повозки держатся то правой, то лѣвой стороны, пока выпавшій снѣгъ не сгладитъ искусственныхъ неровностей. Оттого возникла даже поговорка: что „между осенью и зимою въ Томской губерніи дороги не бывають“.

Перваго ноября Мичи прибылъ въ Томскъ, гдѣ его отлично приняли въ домѣ одной пожилой дамы. Комнаты были украшены не только обычными образами, но также видами Казани и Александровской колонны; тутъ же висѣло нѣсколько раскрашенныхъ литографій, изображавшихъ бомбардированіе Севастополя. Рядомъ со всѣмъ этимъ помѣщалось въ рамкѣ за стекломъ свидѣтельство, что хозяйка сдѣлала въ 1846 году приношеніе въ церковь.

Въ Томскѣ жителей меньше, чѣмъ въ Иркутскѣ, и улицы расположены въ немъ менѣе симметрично; кромѣ того, дома построены не такъ щеголевато; но при всемъ томъ они кажутся какъ-то привѣтливѣе. Недостатокъ архитектурной красоты здній болѣе чѣмъ вознаграждается прекраснымъ мѣстоположеніемъ Томска. Онъ находится на нѣсколькихъ холмахъ у береговъ Тома. Между нами проходятъ глубокія ущелья, придающія мѣстности живописный характеръ. Многие дома изъ кирпича, и на болѣе значительныхъ видны даже выѣски страхового общества „Саламандра“. Пожаровъ здѣсь весьма опасаются, по причинѣ деревянныхъ домовъ, почему запрещаютъ даже курить на улицѣ.

Климатъ Томска весьма холодный, потому что зимой температура понижается до 30 и 40° по Реомюру, что, впрочемъ, не тягостно для мѣстныхъ жителей. Мичи видѣли, какъ многія женщины старали въ проруби, сдѣланной во льду замерзшаго Тома. Тутъ даже самый бѣдный человѣкъ нѣстъ шубу, безъ которой, впрочемъ, здѣсь нельзя и существовать.

5-го ноября, послѣ обѣда, Мичи выѣхали изъ Томска въ кибиткѣ. Была уже ночь, когда они ѣхали по большому лѣсу, который тянется на западъ отъ города. Близайшая станція находилась въ восемнадцати верстахъ, у берега Тома; но когда путешественники прибыли на мѣсто, то, оказалось, что станція перенесена на другое мѣсто. Ямщики отказывались ѣхать дальше и остановились передъ станціоннымъ домомъ. Тогда, посреди ночи, на берегу замерзшаго Тома, возникъ весьма непріятный споръ съ ямщиками, въ который выѣхалъ и староста съ нѣсколькими крестьянами. Никто не рѣшался переправиться черезъ ледъ, и дѣло кончилось тѣмъ, что ямщики выпрягли лошадей и оставили Мичи одного въ его кибиткѣ у рѣки. Конечно, нельзя назвать удобствомъ провести ночь въ открытой повозкѣ, при жестокомъ холодѣ. Деревня, гдѣ случилась такая непріятность, называется Калтарская.

Въ избѣ, находившейся недалеко отъ повозки, раздавалась пѣсня мужика, и по временамъ слышны были ругательства. У дома стояли покинутыя лошади и терпѣливо сносили холодъ и голодъ. Къ утру стужа увеличилась, и Мичи, будучи не въ силахъ переносить ее, рѣшился войти въ избу. Когда онъ открывалъ дверь, то на него пахнуло теплымъ паромъ, и обоняніе его поразило страшный запахъ отъ миске-

Почтовая станція въ Аткарскѣ.

ства людей, лежавшихъ въ тѣсномъ помѣщеніи. По хранилищу, которое раздавалось изъ различныхъ угловъ, Мичи могъ опредѣлить, гдѣ лежать спать. Ловко пробираясь между ногами и головами этого общества, онъ наткнулся на столъ, который и послужилъ путешественнику до самой зори великолѣпною постелью. Когда онъ открылъ глаза, то увидѣлъ, что его товарищи занимались утреннимъ туалетомъ, т. е.

зѣвали, расправляли руки и ноги и ту же стигивали полса. Главная особенность при устройствѣ этого дома, точно такъ же, какъ и почтовой станціи, о которой у насъ рѣчь, заключалась въ удаленіи свѣжаго воздуха, для предохраненія отъ холода. Въ теченіе дня отопленіе большой печи поддерживаетъ пріятную, равномерную теплоту, между тѣмъ какъ ночью теплотѣ помѣщенія содѣйствуютъ тѣла хозяина, его семейства, ямщиковъ и путешественниковъ.

На слѣдующій день ямщики сдѣлались милостивѣе и повезли Мичи до слѣдующей станціи. Черезъ Обь переправились съ нѣкоторою опасностью, потому что по ней шелъ ледъ. Вскорѣ Мичи достигъ грустнаго Колывана, который, однако, показался Мичи самымъ просвѣреннымъ городомъ, послѣ его отъѣзда изъ Пекина. Тутъ онъ нашелъ первую телеграфную станцію, гдѣ, впрочемъ, какъ на второклассной, дѣлени пріимались лишь на русскомъ языкѣ. Петербургъ находится отъ Колывана на разстояніи четырехъ тысячъ верстъ. Дѣнеша, которую отправилъ Мичи, прибыла на мѣсто назначенія чрезъ 36 часовъ.

За Колываномъ дорога идетъ по скучной Барабинской степи, простирающейся обширною болотистою равниною на лѣвомъ берегу Оби до Тюмени. На югѣ эта степь прилегаетъ къ Каргизской и можетъ считаться сѣвернымъ ея продолженіемъ. Трава, растущая въ степи, длинна и груба, и почва ея лѣтомъ всегда болотиста, почему и не можетъ служить для пастбища. Лѣсу въ Барабинской степи вовсе нѣтъ, и на ней лишь кое-гдѣ растутъ съ большимъ трудомъ маленькія березки. Деревья составляютъ на этомъ пространствѣ рѣдкость. По наружности жителей, видно, что они ведутъ неселую жизнь. Всего поразительнѣе въ этихъ степяхъ вѣтряныя мельницы, которыя видны гораздо раньше самихъ деревень. Большая сибирская дорога была тутъ во время отъѣзда Мичи до того плоха, что цѣлые обозы ожидали снѣга. Путешественникъ не обращалъ на это никакого вниманія и продолжалъ ѣхать по болотистой почвѣ.

Гостиница „Москва“ въ городѣ Омскѣ была столь же дурнымъ убѣжищемъ, какъ и хваленая гостиница „Амуръ“ въ Иркутскѣ; не было почти никакихъ удобствъ, даже комнаты оказались холодными и неуютными, причемъ, само собою разумѣется, за все брали очень дорого. Городъ лежитъ на холмѣ у впаденія Омы въ Иртышъ, въ немъ считается около 12,000 жителей, и здѣсь находится мѣстопребываніе генералъ-губернатора Западной Сибири, подъ управленіемъ котораго состоятъ и Киргизскія степи. Не смотря на чрезвычайный холодъ, было мало снѣга, почему Мичи никакъ не могли пользоваться санями и должны были подвергнуться мучительной ѣздѣ въ кибиткѣ на колесахъ. При такихъ обстоятельствахъ, конечно, нельзя было спать ночью, и въ теченіе двухъ сутокъ путешественникъ долженъ былъ довольствоваться лишь легкою дремотою, причемъ ѣлъ, когда только удавалось. Не смотря на это, Мичи чувствовалъ себя совершенно здоровымъ. Безпрерывное пребываніе на сѣверномъ сибирскомъ воздухѣ дѣйствовало благотворно, и Мичи говоритъ, что, не смотря на обиліе снѣга и льда, нѣтъ въ мірѣ климата здоровѣе сибирскаго. Сперва путешественникъ переправился черезъ Иртышъ и затѣмъ прибылъ въ Тюмень, гдѣ купилъ себѣ сани. Начиная отъ этого города, почтовые станціи, лошади и дороги стали лучше, чѣмъ въ Восточной Сибири. Въ 35 часовъ Мичи доѣхалъ до Екатеринбурга. Въ этотъ городъ въѣзжаютъ мимо низкихъ, бѣдныхъ домиковъ, образующихъ предместье. Жителей считается въ Екатеринбургѣ около 19,000. Городъ расположенъ на обширной равнинѣ, орошенной рѣчкою Ирхетъ, расширяющейся здѣсь въ озеро, и съ своимъ мостомъ имѣетъ величественный и даже щеголеватый видъ, если на него смотрѣть съ почтовой дороги. Многочисленные каменные дома, красивыя церкви и публичныя зданія производятъ также благоприятное впечатлѣніе. Между всѣми зданіями особенно выдается монетный дворъ, въ которомъ чеканятъ мѣдную монету, обращающуюся въ Россіи; здѣсь есть заводъ для обдѣлыванія драгоценныхъ

каменей. Малахитъ, топазъ и аметистъ — камни, которые на многихъ языкахъ предлагаются профскимъ мальчиками. Почти такъ же дѣятельны заводы чугунолитейныя, получающіе чугунъ изъ ближайшихъ городовъ. Отсюда большая часть Сибири снабжается желѣзомъ, такъ напр. котлы и машины байкальскихъ пароходовъ сдѣланы въ Екатеринбургѣ, который самый западный городъ Сибири и лежитъ у подошвы Урала, отдѣляющаго Европу отъ Азіи. Мичи рассказываетъ: „я представлялъ себѣ эту торжую цѣпь величественною, но моя иллюзія совершенно исчезла, когда я спросилъ, гдѣ Уралъ, и мы указали на цѣпь холмовъ, покрытыхъ частымъ лѣсомъ и не производившихъ на меня болѣе величественнаго впечатлѣнія, чѣмъ Ламермурскія горы въ Шотландіи. Я не понимаю, къ чему ихъ оттѣняютъ на нашихъ картахъ, какъ будто бы они составляютъ дѣйствительно рѣзкую границу между обѣими частями свѣта. Конечно, эти холмы занимаютъ обширное пространство, но ихъ высота на самомъ дѣлѣ весьма незначительна и кажется еще незначительнѣе, особенно потому, что они поднимаются надъ равниной постепенно. На широтѣ Екатеринбурга горы эти не выше 2,000 ф. надъ уровнемъ моря, а равнина съ сибирской стороны находится на 800 до 1,000 ф., вслѣдствіе чего горная цѣпь становится совершенно незамѣтною.“ Такое же замѣчаніе сдѣлалъ Аткинсонъ, когда подъѣхалъ къ Уралу съ русской стороны. Здѣсь, на границѣ европейской Россіи, мы расстаемся съ Мичи, который чрезъ Казань поѣхалъ въ Нижній Новгородъ, а оттуда по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ.

ПУТЕШЕСТВИЕ ГУСТАВА РАДДЕ

ПО ЮГУ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ.

Графитныя язи Алябера въ Саянскихъ горахъ.

VI.

Путешествіе по восточному Саяну и восходъ на ледники Мунку Сардика.

Положеніе Саяна. — Китайско-русскія пограничныя дѣлочи. — Вурты-земле-
дѣлцы. — Черный Иркутъ. — Рыбная ловля на Камырскомъ озерѣ. — Грозы. —
Графитныя язи Алябера. — Графитъ въ Турфанскихъ уѣздахъ. — Союсти-охотки-
ки. — Долгая Ока. — Восхожденіе на Мунку-Сардику. — Настѣпая на ледни-
ки этой горы. — Лагери въ Мунку-Сардикѣ. — Суоки на Мунку-Сардикѣ. —
Долгая Иркутъ. — Путешествіе Шеринкина въ Косогому. — Начальники урі-
сиски. — Ямъ. — Юрта далакы. — Посѣщеніе буддійскаго монастыря. — Игра
въ палматы у урісиски. — Названія. — Сѣдѣнія въ Косогомѣ.

Восточная часть большой сибирской горной цѣпи, идущей
главнымъ образомъ по направленію между 50 и 51 градусомъ
широты, составляетъ на значительномъ протяженіи границу
двухъ величайшихъ государствъ на землѣ и называется Са-

янскими горами. До познѣйшаго времени эти горы были недостаточно извѣстны, и даже великій Карлъ Риттеръ, написавшій классическую географію Азіи, не зналъ высочайшей точки этой цѣпи, Мунку-Сардык; сомнительна даже тождественность горы, означенной въ Гумбольдтовой картѣ центральной Азіи, съ данной вершиной. Это тѣмъ поразительнѣе, что означенная гора находится лишь на разстояніи нѣсколькихъ сотъ верстъ отъ главнаго города восточной Сибири, Иркутска. Близживущіе народы называютъ значительный хребтъ Тунгузскими горами или же иногда даютъ ему болѣе общее названіе Урала. У подножій этой цѣпи съ южной стороны, уже въ китайскихъ владѣніяхъ, находится котловина, образующая большое озеро Косоголъ. Узкій гребень со многими зубцами и острою вершиною выдается надъ прочими горами, которая простирается съ сѣверной стороны непрерывными широкими хребтами. Посреди этихъ горъ Мунку-Сардыкъ воздымается высочайшею точкою, и нагорный ледникъ версты въ двѣ шириною, видѣющійся издали, указываетъ набожнымъ послѣдователямъ буддійскаго ученія въ Монголіи эти священные для нихъ мѣста. Далѣе къ югу находится плоская возвышенность отъ 3 до 4,000 футовъ надъ уровнемъ моря. Она прилежаетъ къ пустынѣ Гоби и своимъ степнымъ, безплоднымъ характеромъ представляетъ поразительный контрастъ съ сѣверными лѣсистыми возвышенностями Салнскихъ горъ, съ которыхъ въ Ангару, притокъ Байкала, стекають рѣки Иркутъ, Ока, Кинтой и Бѣлая.

Въ эту интересную область Радде отправился лѣтомъ 1859 года. Онъ налагалъ пробраться и на монгольскую сторону горъ, около озера Косогола, какъ вдругъ ему представилось особеннаго рода препятствіе. Племя уріенхонъ, обитающее у этого озера, было запугано военною рекогносцировкой, произведенною за годъ предъ тѣмъ генеральнымъ штабомъ изъ Иркутскѣ. Оттого они пропускали къ себѣ лишь тѣхъ лицъ, которые имѣли такъ называемыя пограничныя дощечки. Эти дощечки представляютъ собою двѣ продолгова-

Видъ въ восточную Саванскую гору.

тыя, четырехугольныя пластинки, взятые отъ одного и того же куска дерева, расколотого пополамъ. Одна изъ нихъ хранится въ монгольскомъ пограничномъ постѣ, а другая въ русскомъ. При officialномъ осмотрѣ границъ, который со стороны Россіи производится весною, а монголами осенью, приносятся въ соответственные посты обѣ половинки и накладываются одна на другую мѣстами раскола. Если онѣ подходятъ другъ къ другу, это считается признакомъ искреннихъ дружественныхъ отношеній обоимъ государствамъ. Радде не получилъ такой донцечки и потому не могъ продолжать путешествія за предѣлы русской границы. Кромѣ того, случилось, что въ то время одинъ буддійскій жрецъ изъ Дарактской страны былъ арестованъ русскими за нѣкоторые противозаконные поступки при переходѣ чрезъ границу. Это было извѣстно соседямъ и еще болѣе увеличивало ихъ мнительность по отношенію къ чужестранцамъ.

Упомянутый жрецъ поступилъ противъ законовъ русскаго правительства, которое строго запрещаетъ сообщеніе между ламами Сибири и Монголіи.

8 июля Радде вмѣстѣ со Льюисомъ отправился въ свое путешествіе изъ укрѣпленія Тунка, лежащаго по среднему теченію Иркутъ. Онъ намѣревался достигнуть до главнаго истока Иркутъ, Чернаго Иркутъ, который начинается у восточнаго конца узкаго Ильчирскаго озера. Тутъ предъ нимъ воздымался гребень Мунку-Сардыка, увѣнчанный снѣгомъ и имѣющій высоту въ 10,400 фут. Путешественникъ лишь медленно могъ продолжать свой путь по горамъ, которыя почти всѣ поднимаются выше предѣловъ произрастанія деревь и представляютъ только сѣверную растительность лишаевъ. Большіе валуны гнейса, увлеченные дождемъ и водою отъ тающаго снѣга и свнесенные въ долину, затрудняли верховую ѣзду. Дорога спускается въ долину Шолемуръ, обитаемую бурятами, надъ которыми Радде сдѣлалъ наблюденія, указывающія на практичность этого племени. Буряты устроили по крутымъ скатамъ значительное число мелкихъ отводныхъ

каналомъ для того, чтобъ лѣтомъ, при сильныхъ дождяхъ, отъ низкаго налива воды не попортились ихъ стѣноскосы. Они переняли отъ русскихъ кошеніе травы, что представляетъ переходъ монгольскаго кочующаго племени къ жизни пастушеской съ осѣдлостью и можетъ считаться первымъ шагомъ къ земледѣлію.

Растительность нижней части долины Шоломуръ и вообще нижней части Саяна весьма бѣдна. Надале видны только кусты ревеня съ широкими темными листьями, и нѣсколько рыцарскихъ широкъ украшаетъ собою сухіе, покрытые голышами скаты, дернъ которыхъ поросъ жидкою, жидкою травой. И лиственница является здѣсь, на высотѣ отъ 5 до 6,000 фут., единственнымъ представителемъ деревъ.

Во время путешествія Радде она была совершенно гола, и ея иглы едва только пустили почки. Время еще было холодное, а здѣсь вовсе не рѣдкость, что въ іюлѣ выпадаетъ снѣгъ по колѣны, губя проголодавшіеся стада.

На Радде произвела удивительное впечатлѣніе странная величественность и вмѣстѣ съ тѣмъ волшебная привлекательность альпійской природы. Онъ еще не знаетъ всѣхъ ужасовъ этой мѣстности и охотно остается въ ней. Со всѣхъ ея сторонъ упираются въ небо растрескавшіеся гранитныя стѣны. Предъ ними протекаетъ прелестный каскадъ низвергающейся чистой, свѣзкой воды между цѣпущимися кустами рододендрона, пока, наконецъ, за свѣтлозеленымъ холмомъ лишаевъ не достигаетъ предѣла произрастанія деревъ, который обозначается лиственницей. Сѣверныя вершины близлежащихъ горъ, позлащенные заходящимъ солнцемъ, окаймляютъ эту картину, которая внезапно можетъ принять совершенно иной характеръ. Однообразный, густой туманъ, чрезвычайно затруднявшій дальнѣйшее странствованіе, окутываетъ собою весь ландшафтъ. Только и слышно, какъ оступаются выючныя лошади, и самъ проводникъ съ безпокойствомъ слѣдить, какъ бы не потерять узкой тропинки въ этомъ царствѣ камней и лишаевъ. Уже нѣсколько часовъ бредутъ то туда,

то сюда, въ туманѣ, пузырьки котораго успѣли пропитать кожаную одежду до самаго тѣла. Вдругъ подулъ сѣверо-западный вѣтеръ съ градомъ и хлопьями снѣга, прямо въ лицо путешественнику, какъ бы для того, чтобъ ознакомить его и съ ужасающей стороной этой мѣстности.

Продолжая идти въ такомъ влажномъ туманѣ, Радис достигъ области истоковъ Иркутъ и Оки — рѣкъ, текущихъ на сѣверо-востокъ. Къ жалкимъ листовеницамъ, между которыми леталъ большой сороконутъ, присоединилось растеніе, которое придавало мѣстности совершенно особую прелесть. Сгруппировавшись повсюду небольшими кучками, болѣею частью вдоль ручьевъ, рядомъ съ альпійскими ивами и рододендронами, стоятъ *saagana jubata*, съ ихъ слегка искривленными и гибкими вѣтвями, густо усаженными колочками. Среди нихъ и между скудно одѣтой листовеницей бродить дикій сѣверный олень, всегда держащійся предѣла произрастанія деревь и питающійся лишаями. Въ лунную же ночь россомаха крадется по свѣжизнь слѣдамъ кабарги, служащей для нея главною пищею.

Лишь къ закату солнца путешественникъ добрался до рѣки *Тумалыка*, берега которой были покрыты совершенно мокрымъ мохомъ и не представляли ни малѣйшаго мѣстечка для ночлега. Онъ принужденъ былъ идти далѣе по едва распознаваемымъ тропинкамъ и уже съ наступленіемъ ночи достигъ восьми покинутыхъ соютами юртъ. Въ лучшей изъ нихъ путешественники и расположились на ночлегъ. Эти юрты были на самомъ южномъ предѣлѣ кочевья соютовъ, о которыхъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ. На другой день они достигли широкой долины Иркутъ, ограниченной съ обѣихъ сторонъ постепенно возвышающимися хребтами и нѣбной въ ширину отъ 8 до 10 верстъ.

Черный Иркутъ своими темносиними, прозрачными водами, медленно течетъ по разнообразно извивающемуся руслу. По обѣимъ сторонамъ тянутся горы съ мрачною, однообразною растительностію, которая наводитъ тоску, особенно въ

дождливую погоду. Въ болотистой, покрытой лишаями почвѣ глубоко вязли лошади и едва-едва могли подвигаться впередъ. Болото сѣнилось каменною почвою, и бѣдные животныя здѣсь также шли съ большимъ трудомъ, потому что неподкованныя ихъ копыта часто наступали на острые осколки камней. Такимъ-то путемъ достигли они *Ильчирскаго* озера, ограниченнаго горами только съ сѣвера и сѣверо-востока, между тѣмъ какъ къ югу онѣ разступаются. Это маленькое горное озеро будетъ длиною въ четыре или пять верстъ и шириною въ одну версту. 27-го іюня оно еще было покрыто толстымъ льдомъ, во многихъ мѣстахъ доходившимъ до двухъ футовъ толщины. Въ этомъ озерѣ, какъ и въ большей части другихъ горныхъ озеръ Саяна, много рыбы, особенно форелей тѣхъ же самыхъ видовъ, какіе водятся въ Германіи *salmo thymallus* и *flaviatilis*). Съ наступленіемъ осени онѣ заплываютъ въ Иркутъ, чтобы перезимовать въ его болѣе глубокихъ водахъ.

Орудіе для лова форелей въ озерѣ Ильчирѣ.

Ильчиръ — центральный пунктъ соютовъ; въ ихъ юртахъ Радде нашелъ жителей. Они ловятъ рыбу въ озерѣ помощію загнутой вилки съ двумя зубцами, прикрѣпленной къ деревянной рукояткѣ и называемой *манура*. Употребленіе этого простаго инструмента требуетъ нѣкоторой сноровки и проворства, и посредствомъ его въ короткое время можно натаскать изъ воды много рыбы. Ловлею ея особенно занимаются въ теплые лѣтніе дни, когда въ свободномъ, ото льда Ильчирѣ крупная рыба поднимается на поверхность воды и медленно плаваетъ вдоль береговъ. Въ то время, какъ рыба проплываетъ мимо опущенной въ воду вилки, рыбакъ быстрымъ движеніемъ руки назадъ поднимаетъ на одинъ изъ ост-

рыхъ зубцы свою добычу. Послѣ короткой остановки у Ипчира, Радде отправился дальше, взявъ съ собою проводника, чтобы добраться съ нимъ до обширной долины *Иркуариана*, рѣки, впадающей въ Иркутъ. Возвышенности съ береговъ поросли жиденькимъ лѣсомъ; растительность та же, что и прежде: лиственница, альпійская роза съ мелкими цвѣтами и приземистая береза. На болотистыхъ мѣстахъ одна порода бекасовъ, съ своимъ страннымъ шумомъ, занималась вечерними прогулками. Здѣсь наши путешественники переночевали и на другое утро (28-го іюня) отправились къ ущелью обнаженныхъ Ультуйскаго горъ. Въ мѣстѣ прохода чрезъ эти горы странствующіе туземцы, съ теченіемъ времени, набросали большую кучу камней, потому что считаютъ дѣломъ, пріятнымъ для горнаго духа, за неимѣніемъ лучшей жертвы, положить, по крайней мѣрѣ, камень въ этомъ молитвенномъ мѣстѣ. Странно, что и русскіе простолюдины поддерживаютъ такой языческій обычай. Такимъ образомъ, мы находимъ здѣсь тотъ же самый обычай, какой Мичи наблюдалъ въ пустынѣ Гоби. По минованіи прохода, Радде вступилъ въ горную область, гдѣ нашелъ настоящій лабиринтъ источниковъ, имѣющихъ множество параллельныхъ стоковъ, которые чрезъ Ангару посылаютъ свои воды въ Енисей. Здѣсь, гдѣ падаетъ много снѣга и лѣтомъ почва очень влажна, повсюду на вершинахъ произрастаетъ сибирскій кедръ.

Радде достигъ нижнихъ отлогостей горъ; тутъ лишаи закрывались уже мхомъ, и дорога сдѣлалась сноснѣе, такъ что охерные олени, нагруженные поклажею, шли гораздо веселѣе; какъ вдругъ около полудня разразилась страшная буря. Къ счастью путешественниковъ, въ близости оказалось нѣсколько покинутыхъ соіотскихъ юртъ, гдѣ они и нашли себѣ убѣжище. Между тѣмъ раздавались раскаты грома, и градъ падалъ въ юрту, въ которой странники помѣстались, чрезъ отверстіе для выхода дыма, и попадавъ въ огонь, который былъ разведенъ посреди юрты, и на которомъ ки-

пѣлъ котелюкъ съ бараньимъ супомъ. Перезидавъ грозу путешественники опять отправились въ путь; по словамъ проводника, они уже были недалеко отъ извѣстныхъ Алиберовыхъ графитныхъ копей. Нѣсколько крестовъ, поставленныхъ для обозначенія дороги, указывали, что они приближаются къ болѣе обработанной мѣстности. Хижина, доставившая путешественникамъ мѣсто для отдыха, стояла какъ разъ у начала довольно хорошей дороги, шириною въ сажень и съ большимъ трудомъ проложенной по довольно плохой почвѣ. Сибирскіе кедры преобладаютъ здѣсь надъ остальными деревьями, и къ альпійской розѣ присоединяются душистые растенія съ розовыми цвѣтками (*osmantus fragrans*). Черезъ ручьи перекинуты тщательно построенныя мосты. Дорога проложена между гранитными валунами. Когда Радде перешелъ черезъ одну горную вершину, предъ его взорами открылся обширный ландшафтъ, на переднемъ планѣ котораго находилось заведеніе Алибера, куда дѣятельные рабочіе доставляли графитъ въ тачкахъ или въ переносныхъ корзинахъ. Здѣсь, на высотѣ 7,600 ф. надъ уровнемъ моря, странствующій естествоиспытатель былъ ласково принятъ въ уютномъ помѣщеніи владѣльца. Заведеніе это стоитъ совершенно уединенно, выше границъ произрастанія деревъ, посреди непроходимыхъ горъ; и, не смотря на это, оно во всѣхъ отношеніяхъ, до малѣйшихъ подробностей, устроено весьма дѣльно и основательно и потому вполне справедливо возбуждаетъ уваженіе къ его владѣльцу. На постройки обращено большое вниманіе — отъ комнатъ самого владѣльца, которыя хотя малы, но очень уютно расположены и снабжены всѣми необходимыми предметами, до церкви, роскошно убранной, въ которой священникъ два раза въ году совершаетъ богослуженіе.

При высокомъ положеніи (7,353 ф.), совершенной уединенности мѣста и при настоятельной необходимости держать нѣсколько домашнихъ животныхъ, владѣлецъ долженъ былъ подумать о мѣрахъ къ ихъ прокормленію, вслѣдствіе чего

при заведеніи возникло довольно порядочное хозяйство. Съ огромными денежными пожертвованіями проложена дорога въ болѣе защищенное мѣсто. При ея устройствѣ надо было побѣдить многочисленныя препятствія, представляемыя почвою, но, благодаря терпѣнію и настойчивости, удалось таки окончить эту дорогу. Но высокому положенію горы, въ этомъ хозяйствѣ о хлѣбопашествѣ не могло быть и рѣчи, но зато тамъ получаютъ сѣно въ количествахъ, достаточномъ для прокормленія 20 лошадей и быковъ.

Алиберова гора, гдѣ находятъ гранитъ, состоитъ на южной сторонѣ изъ известняка и сланца, а на противоположной представляетъ гранитъ и сіенитъ съ постепенными переходами. Владѣлецъ приобрѣлъ въ 1847 г. значительное состояніе, которое и употребилъ на отысканіе золота. При этомъ въ восточномъ Саянѣ въ ручьяхъ онъ началъ на гранитные осколки и гальки и съ тѣхъ поръ сосредоточилъ всю свою дѣятельность на отысканіи мѣстонахожденія гранита. Ему посчастливилось въ этомъ отношеніи, — одинъ собою указать ему главную жилу; и вотъ послѣ многолѣтнихъ трудовъ и непрерывно одинаковой жизни, Алиберъ можетъ, наконецъ, насладиться плодами своихъ стараній. Гранитъ находится здѣсь въ жилѣ ширяною въ сажень, спускающейся почти отвѣсно въ крупнокристаллическій сіенитъ и гранитъ и въ шахтѣ глубже 80 футовъ, съ каждымъ шагомъ дальше внизъ, становящейся шире и добротѣе. Даже въ кристаллическомъ известнякѣ гранитъ встрѣчается, то какъ случайная примѣсь, то въ видѣ гнѣздъ; именно, въ немъ находятъ такіе куски гранита, которые болѣею частию имѣютъ длинную и узкую форму и представляютъ слегка волнообразную, сильно напоминающую строеніе дерева, поверхность. Этого рода гранитъ считается самымъ лучшимъ. Большія сіенитныя массы бывають весьма различной доброты; онѣ имѣютъ особенно въблизи сопровождающей ихъ породы раковидный изломъ и сильный перламутровый блескъ, но зато въ такихъ мѣстахъ онѣ

недоброкачественны. Большія массы графита, лежащаго въ главной жилѣ, составляютъ много сотенъ тысячъ пудовъ. Отдѣленіе графита, производимое посредствомъ пороховыхъ взрывовъ, потребуетъ сотенъ лѣтъ для очищенія жилы. Важность этой находки для искусства и техническихъ цѣлей усиливается тѣмъ обстоятельствомъ, что англійскія графитныя копи въ Борроудейлѣ совершенно истощены, а пассаускія въ Баваріи доставляютъ посредственный матеріалъ. Но сколько еще времени проходить, пока отторгнутая гряда графита превращается посредствомъ торговли въ звонкую монету!

Изъ пустынныхъ сибирскихъ горъ сырой матеріалъ отправляется въ Баварію. Но прежде, нежели нюрнбергскія пилы завода Фабера раздѣлятъ глыбу восточно-сибирскаго графита на куски, она должна быть провезена по протяженію, по крайней мѣрѣ, 7,000 верстъ. Такимъ образомъ, какъ ни ничтожны карандаши, которыми опытная рука художника дѣлаетъ свои очерки, однако-же, сколько рукъ занято его приготовленіемъ! Сколько трудовъ нужно было потратить, чтобы получить отъ природы этотъ матеріалъ! Графитъ провозится только зимою, потому что лѣтніе пути, изъ которыхъ одинъ обозначенъ въ маршрутѣ Радде, еще хуже. Проходить полгода прежде, нежели графитъ изъ сибирскихъ горъ ляжетъ въ Нюрнбергъ! Для этого провоза графитъ укладывается въ прочныя деревянные ящики совершенно одинаковой величины. Ящики изготовляются изъ гибкаго дерева сибирскаго кедра, имѣющаго пріятный запахъ. Въ каждый изъ нихъ укладывается отъ 5 до 6½ пудовъ графита.

Впрочемъ, не одні Саянскія горы богаты графитомъ. Сибирскій купецъ Сидоровъ, стремящійся основать университетъ на своей родинѣ, открылъ съ 1859 по 1862 годъ богатые пласты графита въ сѣверной Сибири, въ Туруханскомъ уѣздѣ Енисейской губерніи, у рѣкъ Курики и нижней Тунгуски, впадающихъ въ Енисей съ правой стороны, подъ 66°4' и 65°7'. Пласты эти находятся преимущественно въ известковой

породѣ, принадлежащей, вѣроятно, къ формацин сѣрой вакки. По вычисленію, при низшей Тунгускѣ находится около 13 милл. пуд. гранита, слѣдовательно, гораздо болѣе, чѣмъ въ горахъ Алибера. Образчики этого гранита уже находились на 2-й англійской всемірной выставкѣ, и годность его была признана всѣми. Онъ нисколько не уступаетъ самому лучшему кумберландскому. Разработка этихъ гранитныхъ копей скорѣе оживитъ Туруханскій уѣздъ. Такъ какъ потребность въ гранитѣ ежедневно увеличивается, то этому краю предстоитъ великая будущность. Такъ напримѣръ, особенно много гранита нужно для совершенно новой, быстро усиливающейся отрасли промышленности, именно, для литья стали, для чего употребляютъ только гранитные тигли.

Съ Алиберовскаго завода Радде отправился къ племени, живущему по близости и находящемуся на очень низкой ступени развитія. Это союты-охотники. Они обнаруживаютъ большія способности, какъ вообще народы, занимающіеся охотой, но сильно преданы грубому суевѣрію. Племя это, кажется, вымирать и, вѣроятно, въ непродолжительномъ времени совершенно исчезнетъ. Что же касается религіозности соютовъ, то объ этомъ можно сказать слѣдующее. Большою частью, союты крещены, но имѣютъ лишь очень поверхностное понятіе объ евангеліи. Христіанское ученіе составляетъ для нихъ мертвую вѣру, и большую часть ихъ привлекаетъ къ крещенію чистое бѣлье, которое даютъ священники по этому случаю.

Союты не понимаютъ сущности христіанства и остаются, наравнѣ съ большою частью тунгусскихъ племенъ, въ дѣйствительности идолопоклонникомъ, что всего яснѣе видно въ случаѣ болѣзни. При громкихъ звукахъ барабана и странномъ званіи бубенчиковъ, судорожно вадрогивая, прыгаютъ шаманы вокругъ разкалившихся угольевъ; если больной умираетъ, то они заклинаятъ душу возвратиться, причемъ, по ихъ вѣрованію, она улетываетъ внизъ по ручью. Благоговѣнно присутствующіе при этомъ во временахъ неожиданно

издаютъ громкіе крики, пока шаманъ отъ изнеможенія не повалится на землю, причѣмъ въ искаженномъ лицѣ его страшно отражается свѣтъ потухающихъ угольевъ. Точно также ихъ языческое суевѣріе выказывается во время затѣній луны. Въ страхѣ собираются они выѣсть, усыпаютъ своихъ собакъ противъ луны и стрѣляютъ въ нее изъ ружей въ полномъ убѣжденіи, что злой духъ старается закрыть ея серебристую поверхность своими черными волосами, и что

Шаманъ-соіотъ.

его можно испугать шумомъ. Вмѣсто того, чтобы соіоты перенимали отъ русскихъ обряды христіанства, здѣсь часто замѣчается совершенно противоположное. Русскіе крестьяне очень легко поддаются влиянію язычества и также становятся суевѣрными, вѣрять въ заговоры, радио какъ и въ заколдованіе золотыхъ розсыпей и граціозныхъ плістовъ.

Соіоты представляютъ совершенно особенное племя; о происхожденіи его Радде не могъ составить себѣ точнаго по-

пятия, но считаетъ его смѣшаннымъ народомъ, въ которомъ кровь сѣвернаго самоѣда соединена съ южною турецко-татарскою кровью. Въ настоящее время это племя говоритъ монгольскимъ нарѣчіемъ, употребляемымъ и у бурятъ. Союты утверждаютъ, что они забыли родной языкъ, и полагаютъ, будто урянхи на монгольско-сибирской границѣ ихъ братья. Тѣлоложеніемъ же въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ они походятъ на самоѣдовъ; большею частью они очень малюго роста. У женщинъ преобладаетъ монгольскій типъ, но формы тѣла у мужчинъ напоминаютъ татарскую расу. Сами союты называютъ себя *гайдурами*, а племя свое называютъ *ир-хилин-омины*. Этихъ соютовъ будетъ теперь всего около 200 человекъ, изъ которыхъ бѣлая часть крѣпче. Близъ Алиберовскихъ копей находится ихъ центральное мѣстопребываніе, откуда они бродятъ къ югу по цѣли Саяновъ; ихъ охотническія юрты стоятъ почти всегда на предѣлахъ произрастанія деревь, въ сравненіи съ зимними и лѣтними юртами построены очень слабо и не представляютъ, подобно имъ, правильнаго шести или осмьнутальника или квадрата въ своемъ основаніи, а имѣютъ продолговато-округлую форму. Онѣ очень малы и плохо покрыты; уже изъ этого видно, что онѣ построены лишь для непродолжительнаго пребыванія. Лѣтнія и зимнія юрты совершенно походятъ на бурятскія, которыя будутъ описаны дальше. Союты большею частью бѣдны. Самые богатые между ними обладаютъ до 30 штукъ сѣверныхъ оленей, нѣсколькими лошадьми и коровами. Если охота неудачна, то имъ приходится терпѣть отъ голода. Рядомъ встрѣтилъ однажды въ чащѣ сибирскаго кедра, куда всего охотнѣе заходятъ ночью соболѣ, жалкую фигуру человѣка, которая направлялась къ долинѣ, гдѣ огонекъ указывалъ на мѣстопребываніе его семейства. Уже въ теченіе пяти дней бѣднякъ этотъ ничего не убилъ: даже ушла изъ этой области. Мука была вся съѣдена, а послѣдній олень былъ убитъ незадолго предъ тѣмъ. На изможденномъ тѣлѣ были ослабшія мышцы; въ такомъ видѣ онъ возвратился къ своему семейству. Ни-

кто не сказалъ ни слова; грудной ребенокъ сосалъ соскутокъ кожи, а мать молча повернулась спиною къ огню, чтобы уснуть вѣчнымъ сномъ.

Богатые союты, напротивъ, держатъ кобылы, изъ молока которыхъ приготовляютъ кумысъ. Кобыламъ стригутъ гриву, а женщинамъ волосы и при этомъ нанино замѣчаютъ, что съ незапамятныхъ временъ съ гривой ходятъ только жеребцы, а потому одни лишь мужчины имѣютъ право не стричь головы. Свадьба и похороны совершаются точно такъ, какъ у бурятъ, то по ученію буддѣйскому, то по языческимъ обычаямъ шамановъ, — какъ издумается. Мертвого покрываютъ кусками гнилаго дерева и иглами лиственницы. Союты считаютъ грѣхомъ употреблять для этого свѣжее дерево. Лѣтомъ, когда луга покрыты свѣжею зеленью, и сытая стада даютъ молоко, ежедневно производится перегонка запасовъ кислаго молока, и начинается попойка, которая вскорѣ переходитъ въ откровенный разгулъ. Пыльная толпа въ грязныхъ, ободраныхъ кожаныхъ одеждахъ вступаетъ въ рукопашный бой. Женщина схватываетъ своего сына или супруга за высоко почитаемую косу и съ вѣною во рту сыплетъ на нихъ цѣлый адъ самыхъ откровенныхъ ругательствъ. Весьма обыкновеннымъ послѣдствіемъ подобныхъ дракъ бываютъ обиды жаловаться начальству. Но союты проснутся, изъ снова овладѣваетъ лучшее настроеніе духа, прежнее согласіе восстанавливается, съ дѣтскими добродушіемъ забываютъ о тяжелой обидѣ благородной косы, въ которой стало нѣсколькими волосами мѣсто. Призиреніе дѣло обыкновенное. Радѣ рассказывать, что при подобной попойкѣ одинъ соютецкій старшина, по имени Самсонка, откусилъ одному сѣмцу палецъ на правой рукѣ, но этотъ случай не имѣлъ никакихъ послѣдствій. Напротивъ того, снова всѣ сѣли къ переговорному котлу, опьяняющее произведеніе котораго вскорѣ опять подняло на ноги все общество дракунномъ.

Союты одѣваются по-монгольски. Они доживаютъ до глубокой старости, если только ихъ не губитъ какая-нибудь

эпидемія; но, какъ и большая часть обитателей юрты, подъ старость они обыкновенно страдаютъ глазами и теряютъ зрѣніе. Они полагаютъ, что самые престарѣлые люди не имѣютъ души. Однажды къ Радде подошла старушка и рассказала ему, какъ недавно проходившій лама формально взялъ у нея душу, и что она теперь должна жить безъ нея, причесть, однако, кушанье кажется ей весьма вкуснымъ. Вотъ свѣдѣнія, какія Радде удалось собрать объ этомъ незначительномъ племени, и мы должны быть весьма благодарны за это: ибо подобно тому, какъ на нашихъ глазахъ постепенно вымираютъ красные индіанцы Сѣверной Америки, такъ точно наступающій вѣкъ увидитъ, во всей вѣроятности, послѣдняго представителя умирающаго племени соютовъ.

Посѣтивъ соютовъ, Радде продолжалъ свое путешествіе по *верховью Оки*, чтобы по этому пути достигнуть главной массы Мунку-Сардыка. Съ Алиберовскихъ коней онъ отправился къ югозападу, мимо значительнаго числа озеръ, богатыхъ рыбою и соединенныхъ между собою. Долина Качаха, впадающаго въ Оку, имѣетъ болотный характеръ; тутъ попадаются приземистыя березы, между которыми случалось испугивать бѣлую куропатку съ ея птенцами. Затѣмъ Радде пересекъ чрезъ Оку и дошелъ до лѣтнихъ юртъ *марямскихъ бурятовъ*. Они представляютъ собою смѣсь различныхъ бурятскихъ племенъ, ведущихъ со своими стадами покойный кочевой образъ жизни.

На правомъ берегу Оки, имѣющей тутъ ширину въ 40 или 50 сажень и съ вѣной стремлящейся въ своемъ теченіи, лежитъ на правильномъ возвышеніи казачій пограничный постъ, гдѣ наши путешественники и остановились отдохнуть. Строенія, лежація на высотѣ 5,800 фут. надъ уровнемъ моря, находятся въ такомъ жалкомъ состояніи, что въ нихъ нельзя войти безъ страха и опасенія. Ихъ вѣдлость показываетъ, что они построены немногимъ позже начала восемнадцатаго столѣтія.

Съ 1856 года уставъ о пограничной службѣ казаконъ измѣнился. Въ прежнее время въ каждомъ постѣ на постоянной службѣ находилось около 20 человекъ, которые не знали что имъ въ такомъ числѣ дѣлать въ этомъ пустынномъ мѣстѣ. Теперь же на каждомъ постѣ находится 4 человека,

Вулканическ'я разсѣлины близъ Омъ въ восточномъ Саянѣ.

которые въ теченіе всего года не имѣютъ никакого другаго дѣла, кромѣ обмѣна пограничныхъ дощечекъ.

При этомъ можно замѣтить, что сибиряки худо пользуются своимъ временемъ. Они добиваются немногого и ограничиваются самою малостью. Охотнѣе всего они убиваютъ

время во снѣ, ѣдѣ, куреніи и, если можно, въ пьянствѣ. Подобнымъ же образомъ живутъ и казаки, размѣщенные на границѣ Сибири.

Черезъ много горныхъ потоковъ, впадающихъ въ Оку, Раде продолжалъ путешествіе въ началѣ іюля. Ландшафтъ становился все бѣднѣе и угрюмѣе. Сочная зелень горныхъ растений на воззвосткахъ холмовъ замѣнялась каменистою поверхностью, едва прикрытою мохомъ, лишаями и, много-много, нѣсколькими уродливыми лиственницами. На Окѣ еще были льдины фута въ два толщеюю, а правый ея берегъ всегда заваленъ льдомъ. У самаго верховья рѣки находится небольшое озеро, изъ котораго вода стекаетъ въ глубокое русло Оки. Вокругъ этого озера идутъ болота, поросшія ситникомъ и придающія мѣстности очень мертвый видъ. По черной, болотной почвѣ Раде съ трудомъ пробрался до источниковъ и достигъ широкаго хребта, разъединяющаго воды, къ югу отъ котораго стекаетъ Иркутъ съ его притоками. Вершина этого хребта (въ 6,687 фут.) совершенно сухая. Оленья лишая покрываютъ узловатые корни уродливыхъ лиственницъ, между которыми выдаются альпійскія розы и низкорастущія березы. На югѣ этого хребта расуется живописный провиль сѣверной стороны: Мунку-Сардыка, зубцы котораго, покрытые льдомъ, поднимаются надъ округленными предгорьями. Величественную картину часто покрываетъ туманъ; когда же продолжительный сѣверозападный вѣтеръ разгонитъ его, тогда ослѣпительная бѣлизна снѣжныхъ, ледяныхъ вершинъ блеститъ такъ сильно на голубомъ небѣ, что глаза несколько ищутъ карликовыхъ формъ тамошней флоры, чтобы отдохнуть на нихъ.

Предъ Мунку-Сардыкомъ находится еще гора, вышиною въ 7,100 фут., Нуку-Дабанъ. Она разъединяетъ источники Чернаго и Бѣлаго Иркутъ и состоитъ изъ пластовъ сѣраго известняка. На ея вершинѣ воздвигнута часовня, въ которой набѣжные профане и прохожіе оставляютъ мелкія монеты, а по неимѣнію денегъ какой-нибудь старый лоскутокъ сукна

или пуговицу. Осенью же, по окончаніи охоты, тамошніе охотники жертвуютъ по парѣ бѣлчихъ шкурокъ, за что отъ священниковъ получаютъ по освященной свѣчѣ. При спускѣ съ горы Нуку-Дабана по южному склону, предъ нами *открывается горная картина, которая своею прелестью и величавостію можетъ поспорить со всякимъ другимъ альпійскимъ видомъ.* Изъ темной зелени сибирскихъ елей, густыми группами покрывающихъ долину Иркутъ, поднимаются горы, одѣтыя лѣсомъ лиственницы. Посреди этихъ лѣсовъ выдаются, наподобіе развалинъ, скалы краснаго известняка, а надъ всѣмъ этимъ возвышаются снѣжные зубцы Мунку-Сардика, питающіе своими водами катящіеся струи Иркутъ. По правому берегу Иркутъ путешественники продолжали идти до самыхъ сумерекъ. Безмолвіе и темнота распространились надъ горами и долиною, и тишина ночи прерывалась только шумомъ плещущихъ волнъ Иркутъ и ударами увлекаемыхъ имъ камней. Радде переправился въ довольно опасномъ мѣстѣ чрезъ рѣку и послѣ продолжительнаго переезда достигъ Хангинскаго пограничнаго поста. Здѣсь онъ отдохнулъ на раскинутой шкурѣ медвѣди въ складѣ воста. Навискоокъ стояла луна, окруженная тѣнями. Серебристое отраженіе ледяныхъ горныхъ зубцовъ распространялось въ воздушной синевѣ, и полусвѣтъ таинственно скалывалъ по краямъ отвѣснаго смѣльчака Мунку, этого героя очаровательной монгольской поэзіи. Подкрѣпившись здѣсь сномъ, Радде могъ продолжать на слѣдующій день, въ сопровожденіи казаковъ, трудное странствованіе посреди густаго тумана. На Мунку-Сардикѣ можно войти только съ южной стороны. Радде же находился на восточной покатости. Ему слѣдовало перебраться еще чрезъ два горные хребта. Со втораго изъ нихъ предъ нимъ открылась зеркальная поверхность озера Косогола. Благополучно совершивъ и эту часть странствованія по горамъ, онъ увидѣлъ южную сторону Мунку-Сардика съ его южнымъ ледникомъ. Здѣсь гора совершенно другаго свойства, нежели съ описанной уже нами сѣверной стороны. Безъ всякаго пред-

горы Мунку-Сардикъ спускается облаженными хребтами къ сильно поросшей лѣсомъ сѣверной окраинѣ Косогола. Монголы утверждаютъ, что южная часть Мунку-Сардика принадлежитъ имъ; по крайней мѣрѣ, здѣсь нѣтъ пограничныхъ столбовъ, впрочемъ, потому только, что ихъ поставка сопряжена съ большими затрудненіями. Перейдя чрезъ Янгитъ, Радде нашелъ еще долину предъ Мунку-Сардикомъ. Тутъ онъ раскинулъ палатку и потомъ уже предпринялъ собственно восхожденіе на гору. Здѣсь преобладаютъ гнейсы и гранитныя валуны, нерѣдко встрѣчается чистый полевой шпатъ и сіенитъ, рѣзке кварцъ и сланецъ. Явнобразныя растенія исчезаютъ все болѣе и на высотѣ 10,514 ф. достигаютъ своего крайняго предѣла. 15 іюля путешественники нашли здѣсь еще снѣгъ. Набожный монголъ неохотно идетъ выше того мѣста, гдѣ начинаются ледники горы. Онъ смачиваетъ виски и лобъ священной влагой, вытекающей изъ ледника, преклоняется предъ духомъ, произноситъ молитву и проливаетъ нѣсколько капель водки на всѣ четыре страны свѣта. Съ этого мѣста, гдѣ начинаются ледники, взору представляется на югъ обширный, дикій и пустынный монгольскій ландшафтъ. На берегу Косогола едва замѣтно рисуются бѣлыя, войлочные юрты буддійскихъ ламъ, которые торжественно играютъ тутъ на саженныхъ своихъ трубахъ и съ серьезными минами въ несшитыхъ лѣстахъ своихъ книгъ вычитываютъ тибетскую мудрость. Предъ нами къ югу облаженная покатость Мунку-Сардика, усыпанная камнями, между которыми по мѣстамъ замѣчаются полосы бѣлой земли, составляющія первый признакъ альпійскаго ландшафта. Высокая горная область исчезаетъ въ неопредѣленныхъ очертаніяхъ на южномъ и восточномъ горизонтѣ. Точно также теряется изъ виду обширная поверхность прѣсноводнаго озера Косогола, посреди котораго между узкими полосами тумана выдается трепещущими бѣлыми линіями островъ Далай-Куи (морской нулокъ.)

Мимо вершины горы неслись рѣдкія облака. Такъ какъ сусѣдный монголъ не хотѣлъ идти выше этого, то Радде,

найдѣвъ подкованные сапоги, пустился въ путь въ сопровожденіи одного только казака, съ цѣлью добраться до самой высшей снѣжной вершины на западѣ. У подошвы ледника просачивается много воды, которая и стекаетъ ручьями въ Косоголь. На слояхъ льда, который здѣсь еще очень тонокъ, но быстро начинаетъ утолщаться, найдено было много мертвыхъ бабочекъ изъ породы паделицъ. Вѣроятно, онѣ заносятся сюда весною изъ области деревъ воздушными теченіями. Къ этому нужно прибавить еще кожескрылыхъ, которыя судорожно карабкались по льду своими обмерзшими ногами. Только одно, кажется, нѣжное сѣтчато-крылое животное находится по окраинамъ ледника, какъ у себя дома, и совершаетъ, можетъ быть, въ холодной водѣ свои превращенія. Не смотря на нѣжное строеніе и тонкость крылецъ, оно живо ползаетъ по льду.

Каждые 150 шаговъ, идя по слегка наклоняющемуся къ югу леднику, Радде долженъ былъ останавливаться для отдохновенія. Ледъ вскорѣ сталъ плотнѣе и имѣлъ различныя цвѣта, то синій, то мясной, — явленіе, по всей вѣроятности, зависящее отъ микроскопическихъ организмовъ, въ существованіи которыхъ Радде, къ сожалѣнію, не могъ убѣдиться, по неизмѣнно необходимымъ для того средствамъ. Точно также онъ не могъ опредѣлять толщины льда. Вдругъ казакъ провалился по поясъ и, къ счастью, отдѣлился отъ этого только испугомъ, хотя въ образовавшемся такимъ путемъ отверстіи не было видно дна, и глазу представлялась лишь глубокая трещина.

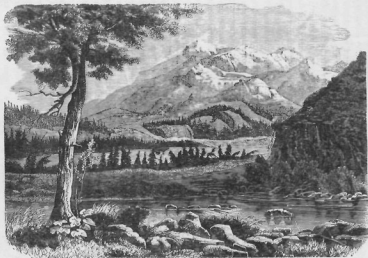
Наконецъ, достигли гребня Мунку-Сардика. Онъ идетъ прямо отъ запада къ востоку. На его хребтѣ поднимаются зубцами крутые обломки скалъ, на которыхъ снѣгъ не держится и спадаетъ къ югу. Если съ гребня, на которомъ едва можно повернуться, посмотрѣть внизъ къ сѣверу, то можетъ закружиться голова. Внизу надъ страшною крутизною лежатъ горный ледникъ въ 16 или 18 кв. верстъ, а за нимъ виднѣются группы озеръ. Оставалось теперь добраться до послѣдней вершины. Казакъ боялся идти дальше. Отъ

страха онъ сталъ складывать камни отъясти въ память о восхождѣ на гору, отъясти въ жертву духу Мунку. Такимъ образомъ, Радде оди́нъ съ барометромъ въ рукахъ пошелъ по крутой восточной повзлостости самаго высшаго зуба вершины. Сначала, пока онъ могъ ставить ногу на лежащіе другъ на другѣ гранитные обломки, дѣло шло хорошо, но потомъ нога стала уходить по волѣ въ рыхлый снѣгъ, и потому онъ долженъ былъ отказаться отъ попытки достигнуть высочайшей точки, находившейся выше него, можетъ быть, еще на 60 ф. Измѣреніе показало, что Мунку-Сардикъ поднимается на 10,452 ф. надъ уровнемъ моря.

У монголовъ существуетъ легенда объ этомъ ледникѣ, который видѣнъ очень далеко. Они говорятъ, что какой-то герой, по имени Мунку, отправился къ горѣ за царевною, сидѣвшею внутри ея, за золотымъ столомъ, съ золотымъ кубкомъ. Этотъ герой никогда не возвращался. Другіе говорятъ, что этотъ Мунку былъ просто отважный соіотъ-охотникъ, который дерзко рѣшился войти на гору и погибъ тамъ. Многіе называютъ гору Мунку-Цассу, что, по мнѣнію однихъ, значить снѣжный Мунку, а по словамъ другихъ, мѣчный снѣгъ.

Радде сталъ спускаться; но каково было его удивленіе, когда подъ однимъ гранитнымъ валуномъ онъ замѣтилъ мертвaго суслика (*arctophilus Evetsmanni*). Вѣроятно, это животное при своемъ странствованіи осмѣлилось перейти чрезъ ледникъ и сдѣлалось жертвою своихъ усилій, голода и холода. Животное находилось въ странномъ положеніи съ судорожно скорченною правою переднею лапою, съ когтями — какъ будто бы кого царапаетъ, положивши голову на лѣвую переднюю ногу и протянувши хвостъ между задними.

Восхождение на Мунку-Сардикъ послѣдовало 11-го іюля, и ровно въ 12 часовъ нашъ путешественникъ достигъ его вершины. Свои замѣтки о распространеніи растений по отѣсному направленію онъ собралъ, большею частью, спускаясь съ горы.

Мунгу-Сордикъ.

До начала ледниковъ не найдено было ни одного вида линобрачныхъ растений; лишь на высотѣ отъ 900 до 9,800 ф. встрѣчаются жакка съ виду веснянка (*draqua ochroleuca*), каменоломка (*saxifraga cernua*), альпійскій макъ (*papaver alpinum*) и селазеники (*chrysosplenium alternifolium*). На высотѣ 7,700 ф. появляются альпійскія розы, приземистыя березки и кое-гдѣ альпійскія явы, между тѣмъ какъ на высотѣ 7,244 ф. граница деревъ обозначается уродливыми листовицами.

13-го іюля Раде воротился къ Хангинскому пограничному посту, гдѣ остался до 24-го іюля, занимаясь охотою за сибирскими каменными баранами. Иркутъ, протекающій мимо этого поста, все еще направляется къ востоку и стремится къ Туранской равнинѣ, на высотѣ около 2,760 фут. надъ уровнемъ моря. На этой высотѣ еще воздѣлываютъ розы. Кочующіе тамъ буряты изъ номадовъ уже сдѣлались земледѣльцами и, хотя еще не совсѣмъ отказались отъ кочевой жизни, во всякомъ случаѣ производятъ столько хлѣба, сколько для нихъ нужно. Недалеко отъ впаденія Икѣ-Ухуна въ Иркутъ архіепископомъ Ниломъ устроены въ чрезвычайно живописной мѣстности скитъ, который посѣщается жителями Иркутска весьма часто, особенно по причинѣ существующихъ тамъ теплыхъ свѣрыхъ источниковъ. Здѣсь находится восточный предѣлъ распространенія мохнатой *caragana jubata*. Въ деревнѣ Култукѣ Раде достигъ области Байкальскаго озера. Иркутъ вступаетъ здѣсь въ мѣстность, гдѣ преобладаетъ земледѣліе, и впадаетъ въ Ангару у города Иркутска, неподалеку отъ Байкальскаго озера. Но прежде, нежели мы последуемъ за нѣмецкимъ путешественникомъ къ этому огромному горному озеру, ознакомимся съ изслѣдованіями Пермикина касательно озера Косогола, которое осталось недоступнымъ для Раде, потому что ему не удалось получить пограничной дощечки, а также и съ его изслѣдованіями касательно кочующихъ тамъ урісиковъ.

Въ 1851 году Пермикину поручено было министромъ Перовскимъ изслѣдовать область, лежащую на югъ отъ Саянскихъ горъ, съ цѣлью открыть мѣсторожденіе мѣди и лазуреваго камня. Подвѣей осенью пустился нашъ натуралистъ въ дорогу и достигъ Хангинскаго пограничнаго поста, о которомъ мы уже знаемъ изъ путешествія Радде. Проходы Саянскихъ горъ уже были занесены снѣгомъ и непроходимы для лошадей. Однако-жь, не смотря на грозящую опасность, Пермикинъ пустился въ путь съ однимъ бурятомъ, говорившимъ по-монгольски, и четырьмя бурятами-проводниками. Пролгая себѣ путь сквозь непроницаемый хвойный лѣсъ занесенный снѣгомъ, онъ достигъ 18 октября сибирско-монгольской границы, которая означена двумя башневидными грудями камней — одна на китайской сторонѣ, другая на русской. Вокругъ такой груды находится заборъ, вышиною въ $1\frac{1}{2}$ фута, а между обѣими насыпями остается полоса земли шириною въ сажень и считавшаяся нейтральною. Перейти изъ Россіи въ Монголію и наоборотъ можно чрезъ особенныя, для того назначенныя ворота. Русскія ворота состоятъ изъ двухъ столбовъ, вышиною въ 10 фут., врытыхъ въ землю, на сажень одинъ отъ другаго и соединенныхъ вершинами. На разстояніи $4\frac{1}{2}$ футовъ надъ землею, эти столбы связаны веревкою, скрученною изъ конскаго волоса, посредникъ которой неситъ пограничная печать, заключенная между двумя выдолбленными кусками дерева.

По прекрасной долинѣ Шаватъ Пермикинъ спустился къ озеру Косоголу. Однако, для безпрятственности своихъ изслѣдованій, онъ хотѣлъ попросить предварительно разрѣшенія на то у главы или дананна племени *yrienxovz*. Этотъ глава, по имени Шулгумъ-Комбо, кочуетъ лѣтомъ у самаго озера, но въ настоящее время уже находился на зимней стоянкѣ въ долинѣ Коль у южной подошвы Саяна. Пермикинъ отправился туда. Предъ нимъ открылась необозримая равнина, когда онъ спустился въ долину; при этомъ видъ оживлялся безчисленными стадами различнаго скота. Осо-

бенно же привлекли вниманіе путешественника яки (*boz grimmiana*), тѣмъ болѣе, что на сибирской сторонѣ Сална вовсе не знали, что эти животныя водятся здѣсь. Хотя длинношерстый быкъ и прирученъ, но все-таки еще сохраняетъ дикій характеръ. Движенія его чрезвычайно живы, и онъ карабкается, какъ коза. Лѣтній зной въ долинахъ для него невыносимъ, и потому, какъ бы помня о своемъ происхожденіи съ тибетскихъ возвышенностей, въ это время года онъ забирается въ горы или же большую часть дня стоитъ въ водѣ и страшно реветъ. Это животное водворять, должно быть, и на русской сторонѣ Сална. Ублюдковъ отъ этого быка съ обыкновеннымъ рогатымъ скотомъ, или такъ называемыхъ хайнуковъ, доставляютъ въ Иркутскъ на продажу. Стада, которые встрѣчалъ Перникинъ, состояли большею частью изъ бѣлыхъ яковъ съ длинною, достигающею до земли шерстью и съ хвостомъ, густо покрытымъ ею; однако же, у нихъ нѣтъ роговъ. Кромѣ яковъ, тутъ паслась также обыкновенный рогатый скотъ и овцы съ курдюками. Медленно прошелъ путешественникъ по этой прекрасной мѣстности и достигъ совершенно бѣлыхъ войлочныхъ юртъ. Три изъ нихъ были украшены красною китайскою вышивкою. Въ нихъ-то и жилъ дананиъ съ тремя женами; остальные же юрты были заняты прислугой. Цѣлая стая яростныхъ монгольскихъ собакъ бросилась на пришельцевъ, которыхъ прислугѣ нужно было избавить отъ этихъ мучителей. Перникинъ велѣлъ доложить о себѣ чрезъ переводчика, но лишь чрезъ четверть часа были допущены къ старшимъ.

При вступленіи въ юрту, его всего болѣе поразила чрезвычайная опрятность и порядокъ. Противъ входа находился алтарь съ тремя ступенями, а на немъ бронзовые идолы съ различными атрибутами буддѣйской вѣры. По лѣвой сторонѣ алтаря были разбиты въ два ряда сундуки, выкрашенные въ китайскомъ вкусѣ, а на правой открытый шкафъ съ посудой, мѣдными кружками, деревянными чашками и

китайскимъ чарооромъ. Между шкафомъ и алтаремъ стоялъ диванъ, а посреди шатра находился очагъ съ непрерывно горящимъ огнемъ. Данаинъ пощипался на коври. Онъ былъ одѣтъ въ монгольскую овчинную шубу и имѣлъ на головѣ баранью шапку. По лѣвую сторону сидѣла старшая жена, сороколѣтняя женщина весьма пріятной наружности.

При входѣ въ юрту, Пермикинъ поступалъ совершенно по обычаю урѣнховъ. Онъ приложилъ свою правую руку къ лѣвому боку данаина, а лѣвою взялъ его за правую руку, наклонился и произнесъ приветственный: „мендумуръ“. Князь повторилъ то же самое и милостиво справился о семействѣ Пермикина и о состояніи его стада. Пермикинъ отвѣчалъ черезъ переводчика и наговорилъ главѣ кочующаго племени столько любезностей, что тотъ былъ восхищенъ до крайней степени. Когда присоединялись еще подарки, состоящіе изъ зеркалъ, стеклянныхъ бусъ, колець и краснаго сукна, то Шултумъ-Комбо совершенно растрогался и осыпалъ путешественника безконечными вопросами. Хозяйка, между тѣмъ, принялась разливать чай въ деревянные чашки. Первую изъ нихъ слуга подаль Пермикину съ чрезвычайно подобострастнымъ движеніемъ. Послѣ этого стали готовиться къ обѣду. Въ честь гостя данаинъ приказалъ заколотъ барана, мясо котораго, изрубленное на мелкіе куски, было сварено въ котлѣ. Къ нему прибавили китайскаго вермишелю и получили довольно хорошій супъ на крѣпкомъ бульонѣ. Во время обѣда данаинъ старался узнать цѣну поднесенныхъ ему подарковъ, чтобы съ своей стороны одарить чѣмъ-нибудь соотвѣтственнымъ. Пермикинъ объяснилъ, что лучшимъ подаркомъ онъ считъ бы дозволеніе посѣтить озеро Косоголь, его окрестности и тамошній буддійскій храмъ. Отвѣтъ былъ благопріятенъ, и данаинъ позволилъ Пермикину странствовать по его землямъ, но только не въ сосѣднюю страну дархатовъ, и это по весьма многимъ причинамъ. Послѣ переговоровъ данаинъ принялся показывать свои сокровища, заключающіеся въ ниткахъ бусъ изъ краснаго сердолика, агатахъ

и превосходныхъ образцахъ лазурянаго камня. Всего интереснѣе была табатерка, точеная въ видѣ бутылки изъ оникса, вышлямошная такъ тонко, что она плыла на водѣ. Въ 9 часовъ вечера динамитъ всталъ и вылезъ изъ юрты.

Тогда Пермякину представлялась сцена, напоминающая поговорку, по которой „мышамъ полная воля, когда конки нѣтъ дома“. Какъ скоро глава отвернулся, его жена, прести-лѣтній сынъ и прислуга, державшіеся все время весьма почитительно и смирно, стали живѣе и свободнѣе. Когда Пермякинъ спросилъ, что значить эта перемѣна, ему отвѣчали, что хозяинъ отиравился въ другую юрту къ молодой женѣ и сегодня болѣе не вернется. Застѣчивая до тѣхъ поръ княгиня отважно подошла къ Пермякину, изслѣдовала его одежду, взяла часы и спросила скороговоркою, хороши ли русскія женщины, сколько женъ имѣютъ русскіе и любятъ ли ихъ. Около 9 часовъ вечера два служителя принесли большое одѣяло изъ овечьихъ шкуръ и стали грѣть его у огня, между тѣмъ какъ княгиня принялась снимать мѣховую одежду. Такъ какъ на ней не было рубашки, то она предстала предъ Пермякинымъ совершенно голою; затѣмъ снявъ съ себя обувь, она улеглась въ постель, завернувшись въ нагрѣтое одѣяло и, сверхъ того, еще прикрылась шубой, такъ что открытой осталась только одна голова. Когда хозяйка распорядилась такимъ образомъ, слуги не раздѣваясь легли у ногъ своей госпожи. Они помѣщались безъ постели и подушки на голой землѣ; однако-жъ, не смотря на то, спали очень крѣпко.

На другое утро слуги въ 7 часовъ приготавливали завтракъ. Они насыпали въ кипятокъ кирпичнаго чаю и прибавили туда нѣсколько верошка изъ коры лиственницы и цѣльнаго молока длинношерстой коровы; все это кипятили и время отъ времени помѣщивали деревянною ложкою. Княгиня оставалась въ постелѣ до тѣхъ поръ, пока не былъ готовъ чай. Тутъ она сбросила съ себя одѣяло и сѣла совершенно голая, не обнаруживая ни малѣйшаго признака стыда. Одинъ изъ слугъ подаль ей шубу, между тѣмъ какъ другой одѣвалъ китай-

скіе сапожки; послѣ этого ей поднесли въ мѣдномъ сосудѣ воды. Умывшись она за недостаткомъ полотенца посушилась у огня. Такимъ образомъ Пермякину удалось присутствовать при вечернемъ и утреннемъ туалетѣ княгини. Вскорѣ послѣ этого явился данаянъ и привѣтствовалъ гостя словами: „мендумуръ“; затѣмъ онъ занялъ свое прежнее мѣсто, закушалъ кружку упомянутого чая, который, не смотря на прибавку коры лавсеницы, имѣлъ довольно сносный вкусъ.

Съ рекомендаціями данаяна къ его сыну, другому важному урисуху, отправился Пермякинъ въ дальнѣйшій путь. Сынгъ данаяна принялъ его очень ласково; онъ жилъ въ такихъ же красивыхъ юртахъ, какъ и Шуатумъ-Комбо. Предложенные подарки были охотно приняты, и путешественнику дали проводника къ буддійскому монастырю или дцану, расположенному въ открытой равнинѣ на сѣверной сторонѣ Косогода и состоящему изъ трехъ великолѣпныхъ главныхъ храмовъ, окруженныхъ маленькими часовнями.

Въ архитектурѣ господствуетъ тибетскій стиль съ китайскими акцессуарами: яркость красокъ, позолота и искусная рѣзба производятъ весьма поразительное впечатлѣніе. На стѣнахъ самаго главнаго храма находятся открытые изваяны съ позолоченными и бронзовыми идолами. Эти идолы украшены бирюзою, рубинами и лазуревымъ камнемъ. Нѣкоторые изъ нихъ одѣты въ китайскія платья, а другіе помещаются за стекломъ, въ кіотахъ изъ розоваго дерева. Въ другомъ храмѣ Пермякинъ слышалъ монгольское многоголосное, стройное пѣніе, смѣнявшееся сильнымъ шумомъ барабановъ, трубъ, роговъ и колокольчиковъ. Пятьдесятъ ламъ совершали богослуженіе, и необыкновенно сильные и звучные голоса ихъ, такъ сказать, потрясли все зданіе. Такая чрезвычайная сила голоса становилась понятною, при видѣ исполинскаго роста этихъ жрецовъ.

По совершеніи предъ алтаремъ разныхъ поклоновъ и присѣданій со всею предписанною тщательностію, жрецы сѣли, а главный лама или ширету подошелъ къ алтарю, на кото-

ромъ стоялъ серебряный сосудъ, украшенный эмалью и представлявшій форму креста. Этотъ сосудъ имѣлъ крышку съ тремя воткнутыми павлиньими перьями и содержитъ священную воду, которую подали всѣмъ ламамъ и, наконецъ, Пермикину. Послѣ краткой молитвы каждый смачивалъ водою глаза и обтиралъ пальцы о свои волосы. По окончаніи церемоніи, ламы пили чай вкушъ въ своемъ храмѣ. Пермикинъ при нихъ же осмотрѣлъ алтарь, на которомъ лежало множество отшлифованныхъ драгоценныхъ камней и русскихъ монетъ. Въ благодарность за радушный приемъ въ монастырѣ, онъ съ своей стороны прибавилъ къ этимъ сокровищамъ нѣсколько стеклянныхъ бусъ.

Въ этомъ хуренѣ или монастырѣ живеть 130 жрецовъ, и такое же число ихъ находится въ соседнихъ войлочныхъ палаткахъ. Последніе являются только въ большіе праздники.

Послѣ осмотра монастыря Пермикинъ опять отправился къ сыну дамаина. Но Иринзинъ, такъ звали молодого человека, въ этотъ день не обратилъ на гостя никакого вниманія и даже не привѣтствовалъ его, такъ какъ весьма ревностно игралъ съ однимъ ламою въ шахматы. Эту игру называютъ у уренховъ *шешеръ* и въ ней употребляютъ точно такія же фигуры, какъ въ Европѣ, представляющія человеческія розки и довольно хорошо выточенные изъ кости. Иринзинъ былъ превосходный игрокъ и не сводилъ глазъ къ шахматной доскѣ. Наконецъ, онъ остался побѣдителемъ, и послѣ этого къ нему возвратилась прежняя привѣтливость. Подобно его отцу, онъ принялся показывать свои драгоценности и сокровища рѣдкихъ камней. Во время шахматной игры Пермикинъ бесѣдовалъ съ красивою молодою женою Иринзина, которая была весьма весела и отличалась отъ многихъ своихъ подружъ изысканнымъ, утонченнымъ обхожденіемъ. Она пригласила нѣсколькихъ женщинъ и дѣвушекъ, которыя обращались съ чужеземцами совершенно свободно и безъ застѣнчивости. Онѣ пилили, прыгали и громко смѣялись. Одежда ихъ была монгольскаго покроя и сдѣлана хорошо и

красиво. Какъ спрятыны взрослые, такъ грязны ихъ дѣти: потому что по господствующему суевѣрію уріенхи ни разу не молятся отъ рожденія до зрѣлаго возраста.

Судъ надъ преступниками у уріенховъ произноситъ даянхъ къ монастырѣ. Наказанія напоминаютъ собою устроительныя въ Китаѣ. Если кто-нибудь украдетъ быка, то въ теченіе сорока дней долженъ сидѣть въ колодахъ, стѣснанныхъ его во всѣхъ движеніяхъ. За похищеніе пары барановъ наказаніе удвояется. Украдшіи трехъ барановъ наказываются смертію. Въ нравахъ уріенховъ сохранилось очень много первобытнаго, потому что ихъ страна со всѣхъ сторонъ окружена горами. Поэтому здѣсь господствуютъ еще весьма многіе грубые обычаи. Больные и хилые предоставляются самимъ себѣ и остаются безъ всякой помощи, пока не погибаютъ самымъ плачевнымъ образомъ. Тѣла умершаго не погребаютъ, а бросаютъ воалѣ жилища, гдѣ оно помирается собаками, хищными животными и птицами.

Пермякинъ спалъ въ юртѣ Приизина, надъ тамъ чай съ корою ливъеницы и молокомъ длинношерстныхъ коровъ, ѣлъ жирную баранину и видѣлъ невѣстку въ точно такомъ же райскомъ костюмѣ, какъ за нѣсколько дней предъ тѣмъ ее тещу. На другое утро къ нему явились проводники и предложили тотчасъ отправиться въ обратный путь, потому что свѣжыя облака собирались надъ Мунку-Сардиномъ и грозили занести переходы чрезъ горы. По необходимости нужно было пуститься въ дорогу. Простившись съ хозяевами, у которыхъ видѣлъ столь много интереснаго, Пермякинъ благополучно возвратился къ Хангинскому пограничному посту.

Объ озерѣ Косоголѣ, къ которому стекаетъ множество рѣчекъ, онъ узналъ отъ уріенховъ много подробностей. Озеро это имѣетъ длину въ 250 и ширину въ 50 вер., богато рыбою и называется у прибрежныхъ жителей Байкаль-Далагъ. Единственный истокъ изъ него Эга впадаетъ въ Селенгу, которая въ свою очередь изливается въ Байкальское озеро.

Посреди Косогола находится островъ Далай-Ки (Морской пупокъ), поросшій ельникомъ. Такъ какъ урѣсхи незнакомы съ употребленіемъ лодокъ, то они заходятъ на этотъ островъ лишь зимою, когда озеро покрыто льдомъ.

Противъ „Морскаго пупка“ на обѣихъ сторонахъ изъ береговъ выдвигаются далеко въ озеро два мыса, изъ которыхъ одинъ, у восточнаго берега, является въ озеро въ видѣ широкаго выступа Кирбита, съ крутизною, устланною на южной сторонѣ глыбами камней; тогда какъ другой у западнаго берега простирается въ озеро нѣсколькими узкими по-

Иль.

лосами. На южномъ концѣ это большое озеро замѣтно отклоняется къ западу и суживается каналомъ, который постепенно переходитъ въ рѣку Эгу.

Для такого кочующаго племени, какъ урѣсхи, побережье, или область, прилегающая къ Косоголу, можетъ быть весьма удобна; но такъ какъ это мѣсто лежитъ слишкомъ высоко (уровень озера находится въ 5,400 фут. надъ моремъ), то можно утверждать, что здѣсь разведеніе многихъ хлѣбныхъ растений невозможно, особенно если принять во вниманіе,

что при значительной высотѣ, воздухъ очень сухъ, и зимою иногда вовсе не бываетъ снѣгу, по крайней мѣрѣ, въ равнинахъ. Словомъ, здѣсь представляются всѣ неблагоприятныя условія суроваго континентальнаго климата. Затѣмъ должно еще замѣтить, что Саянскія горы, по крайней мѣрѣ, въ этомъ мѣстѣ представляютъ границу, съ одной стороны, между поверхностью земли, имѣющей болѣе или мѣнѣе характеръ монгольскихъ возвышенныхъ степей, на югѣ, — а съ другой, между очень болотистыми тундрами, которыя только въ широкой долинѣ Ангара пропадають и становятся годными для земледѣлія, — на сѣверѣ.

Пещера у Байкала.

VII.

Байкальское озеро и его береговые виды.

Поселеніе, возмѣзье и притоки Байкала. — Суда и туманы. — Вода. — Вура. — Сила бѣлантика. — Судосащия. — Вуратовіе идола. — Острова Ольхонъ и Малое море. — Вуратскіе юрты. — Растительность. — Топани. — Хвѣстное лѣсо. — Горныя источники. — Хищная пища. — Вураши. — Обрѣзъ правленія. — Вудимъ и шаманство. — Вуратскій собѣтъ. — Сидѣла, яраны и обѣды. — Переходъ ста коневъ къ сойдѣсони. — Шамаши. — Ламы. — Погребенія. — Ломы огулы на сѣверной Ангарѣ. — Озеро Франца. — Гуманитарныя игры тунгусовъ. — Выгузовъ и кабарга. — Туринскіе минеральныя источники. — Байкальскій обходъ. — Тунгусы на восточномъ берегу и ихъ образъ жизни. — Визитированіе.

Окруженное высокими горами, питаемое почти двумястами рѣкъ и ручьевъ, недалеко отъ южной границы лежитъ одно

изъ величайшихъ прѣсноводныхъ озеръ свѣта — Байкалъ. Оно занимаетъ поверхность въ 6,023 квадр. миль, имѣетъ болѣе 2,000 верстъ въ окружности, простирается на четыре градуса широты (отъ 51° 43' до 55° 50' сѣверной широты) и находится 1,360 фут. надъ уровнемъ моря. Его окружаютъ горы, вышиною до 3 или 4 тыс. фут., между которыми возвышаются вершины въ 7,000 фут. Эти горы состоятъ изъ гранита, сіенита и рѣже изъ порфира. Повсюду съ вершины горъ идутъ углубленія, похожія на рвы, вслѣдствіе чего мѣстность получаетъ мрачный видъ. Тамъ, гдѣ горы отступаютъ отъ береговъ во внутрь страны, онѣ принимаютъ особенную форму усѣченныхъ конусовъ, отъ чего въ общемъ получается волнистая мѣстность съ выдающимися вершинами. *Каменные берега Байкала имѣютъ ширину, большою частью, лишь въ нѣсколько футовъ; зато во многихъ мѣстахъ, на высотѣ 20 фут. отъ воды, замѣчаются отложенія, подобныя тѣмъ, какія происходятъ еще и теперь, изъ чего слѣдуетъ заключить, что въ прежнія времена уровень озера стоялъ выше.* Единственнымъ истокомъ изъ Байкала является низкая Ангара, производящая пониженіе уровня. Но эта убыль тотчасъ же восполняется притокомъ воды изъ ручьевъ и рѣкъ: Селенги, Баргузина и верхней Ангары. Только весною, вслѣдствіе наплыва сѣвѣрной воды происходятъ колебанія въ уровнѣ отъ 3 до 4 фут. Удовлетворительнаго измѣренія глубины до сихъ поръ еще не сдѣлано; впрочемъ, во многихъ мѣстахъ дно весьма близко отъ берега быстро опускается на 5 или 700 фут. Самая значительная глубина, какую нашли на пароходномъ пути между Посольскомъ и Лиственничной, составляетъ 803 сажени.

Съ того времени, какъ Георгі въ прошломъ столѣтіи посѣтилъ берега этого озера, ихъ не изслѣдовали въ научномъ отношеніи. Радде предпринялъ рѣшеніе этой задачи. Съ такою цѣлю, подвергая себя величайшимъ трудамъ и многимъ опасностямъ, въ теченіе времени, съ 29-го іюня по 14-е сентября, онъ осматривалъ почти всю окружность озера, причемъ

не могъ пользоваться быстро-плавающей и хорошо снаряженной лодкою сиверской конструкции. Они располагали лишь рыбачьей лодкой безъ кила, длиною въ 25 фут. Дно этой лодки состояло изъ выдолбленнаго ствола сосны, къ которому были приколочены доски въ видѣ бортовъ. Для служенія было наниято 5 человекъ, изъ которыхъ одинъ управлялъ лодкою, а четверо гребли. Обыкновенно подобныя лодки не имѣютъ мачтъ, потому что рѣдко попутный вѣтеръ дуеть довольно продолжительное время; къ тому же рыбаки и не умѣютъ обходиться съ парусами. Они ѣздятъ только при полномъ вѣтрѣ, но не рѣшаются установить паруса такъ, чтобы пользоваться боковымъ вѣтромъ.

Въ маленькомъ суднѣ весѣна было тѣсно, потому что, кромѣ Радѣ, въ немъ находился еще ученикъ сибирскаго отдѣленія географическаго общества, который долженъ былъ учиться, какъ собирать и готовить предметы для естественной исторіи, но, къ сожалѣнію, годился только для сна и ѣды. Большой деревянный ящикъ и двѣ бочки со спиртомъ были назначены для принятія собираемыхъ предметовъ. Также не было недостатка въ нужныхъ приборахъ и охотничьихъ снарядахъ.

Плаваніе началось 29-го іюня отъ деревни Лиственничной, въ сѣверномъ направленіи. Одновременно съ пароходомъ, который поддерживаетъ сообщеніе въ теченіе лѣта съ Забайкальемъ, Радѣ отправился въ путь около 8 часовъ утра вдоль западной стороны Байкала, берега котораго еле-еле можно было различать, такъ какъ все было покрыто густымъ вуалемъ сильнаго тумана. За небольшими исключеніями эти туманныя массы висятъ надъ озеромъ цѣлое лѣто, причемъ каждое спокойное утро онѣ бываютъ до того густы, что на разстояніи 40 шаговъ совершенно не видно очертанія береговыхъ скалъ, между тѣмъ на небольшомъ разстояніи отъ берега страна обыкновенно совсѣмъ свободна отъ этихъ холодныхъ и вредныхъ для растительности паровъ. Едва разсѣялся туманъ, съ которымъ Радѣ часто приходилось бо-

роться, какъ обыкновенно начинался противный вѣтеръ, заставлявшій бросать якорь. Это часто повторялось по нѣскольку разъ въ день и чрезвычайно замедляло путешествіе. Но въ то же время это позволяло нашему естествоиспытателю выходить на берегъ для отысканія растений, охоты за птицами и для собиранія насекомыхъ. На другой день подъ вечеръ Радде проѣхалъ мимо двухъ промышленныхъ заведеній, единственныхъ, какія онъ встрѣтилъ въ все время своего путешествія, продолжавшагося три мѣсяца съ половиною. При впаденіи одного прозрачнаго ручья находится стеклянный заводъ, на которомъ работаютъ только зимою, и который состоитъ изъ деревянныхъ построекъ. Кроме того, путешественнику удалось видѣть еще заводъ, гдѣ промываютъ золото, единственный у Байкальскаго озера. У этого мѣста лодка стала на якорь, и путешественникъ развелъ ночной костеръ на каменистой окраинѣ озера. Береговые возвышенности были пустынным и изрытымъ, надъ ними въ дикой пляскѣ проносились облака, а волны, поднятыя западнымъ вѣтромъ, съ шумомъ разбивались о берегъ. Понедѣль дождь и заставилъ Радде вытащить лодку на берегъ, чтобы подъ нею укрыться отъ непогоды.

На слѣдующій день путешественникъ доѣхалъ до мѣста у деревни *Голустной*. Вода въ озерѣ была повсюду чрезвычайно прозрачна, такъ что на глубинѣ шести саженъ можно было совершенно различать мельчайшіе камешки. Нитеобразныя водоросли наклонялись туда и сюда, и каждая ниточка на означенной глубинѣ была видна въ отдѣльности. На болѣе значительной глубинѣ отчетливость предметов нѣсколько ослабляется; впрочемъ, болѣе, крупные камни и особенно кварцевые валуны можно было различить еще на глубинѣ 8 или 9 саженъ. Даже у устья ручья въ водѣ озера находится такъ мало постороннихъ веществъ, что она не мутится ими замѣтно.

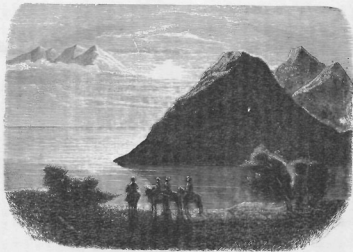
Голустная лежитъ въ широкой долинѣ и отъ озера защищена каменною платиною вышиною отъ 3 до 5 фут. Де-

режня дѣлится на двѣ части, одну занимаютъ буряты, а въ другой поселились закиточные русскіе. Сильная буря помѣшала путешественнику пройти дальше. Дождь лилъ потоками на его палатку, и одинъ разъ вѣтеръ даже опрокинулъ ее. Во время бури Байкаль чрезвычайно опасенъ для безпомощныхъ лодокъ, и волненіе его представляетъ много особеннаго. Съ ужасною силою ударяетъ вѣтеръ о поверхность, и движеніе распространяется вѣсьма далеко. Въ рѣдкій лишь вечеръ озеро представляетъ спокойную поверхность, и почти не бываетъ минуты, когда бы лодки не начали на широкихъ длинныхъ волнахъ, которыя никогда не накладываются на берегъ сверху, а плывутъ вскатыливаются по нему. Это-то и есть то, что называютъ *зыбью*. Если же дуетъ *ледянистый* сѣверный или сѣверозападный вѣтеръ, то озеро клокочетъ подпрыгивающими волнами, вышиною въ 4 фут., которыя до того сильны, что передвигаютъ на протяженіи нѣсколькихъ футовъ береговые валуны, величиною съ голову. Такая буря называется *зармою* и опасна какъ для лодокъ, такъ и для людей.

Берегъ отъ этого мѣста становится совершенно обнаженнымъ, и каменные породы сіенита, гнейса и кристаллическаго сланца откровенно спускаются къ самой водѣ. Одно мѣсто, отличающееся большою живописностію, извѣстно подъ именемъ скалы *баклановъ* (морскихъ воронъ, *phalacrocorax asarbo*) и постоянно оживлено этими водными птицами, которыя бокалѣю взлетаютъ при приближеніи лодки. Въ незначительномъ разстояніи отъ этой скалы, около полуторы версты отъ берега, изъ озера выдается острый конусъ, вышиною въ 360 фут. На немъ въ обществѣ сидятъ на лѣщахъ тысячи баклановъ, этихъ извѣстныхъ разбойниковъ. Уже издали видно, какъ къ этой скалѣ тянутся цѣлыя сложенные ряды птицъ, между тѣмъ какъ другія стаи оставляютъ ее. Каждый малѣйшій выступъ занятъ гніадами, изъ которыхъ выссовываются длинныя шеи молодыхъ выводковъ, съ открытыми ртами и зажмуренными глазами наслаждающихся теплымъ полуден-

нымъ солнцемъ. Взрослыя птицы съ распущенными крыльями сидятъ близъ гнѣзда и рачительно сторожатъ своихъ любимцевъ. Если иному изъ дѣтенышей гнѣздо покажется тѣснымъ, то иногда за неумѣстную прыткость и смѣлый прыжокъ имъ приходится платить жизнью. Радде подплылъ къ главной скалѣ и однимъ выстрѣломъ убилъ нѣсколькихъ изъ этихъ птицъ. Въ одно мгновеніе извились цѣлая сотня ихъ и спустились потомъ на озеро вдали отъ мѣста своихъ гнѣздъ. Радде взобрался на скалу, и тогда ему представилось необыкновенное зрѣлище: въ изверженіяхъ птицъ, образующихъ слой въ футъ толщиной, валялись остатки мелкой рыбы. Тутъ незамѣтно ни травинки, не видать даже лишая. Известно, что большія, здоровыя деревья гибнуть, какъ скоро бакланы избираютъ ихъ мѣстомъ для своихъ гнѣздъ. Отъ сѣбѣкаго изверженія скалы повсюду были очень скользкія, и только съ величайшею осмотрительностію и съ большимъ трудомъ можно было идти дальше. Яйца, только-что вылупившіеся птенцы и полуовсрившіеся птицы находились тутъ другъ надъ другомъ и перѣдко до десяти штукъ въ одномъ гнѣздѣ. Самка кладетъ яйца даже во время высидыванія, и потому семейство постоянно увеличивается. Разумѣется, что при скопленіи столь огромнаго количества нечистоты, на скалѣ распространены воистинѣ аммоніакальныя испаренія. Бакланы живутъ обществомъ и большими стаями посѣщаютъ берега озера, на которыхъ рыбаки выкидываютъ негодную для нихъ рыбу; такъ тысячами покрываютъ оныя осенью Баргузинскую и Селенгинскую бухту и чернымъ облакомъ поднимаются съ воды.

Бурятское селеніе, *Буулдееха*, куда Радде прибылъ 5 іюля, находится у большого горнаго ручья того же имени. Этотъ ручей нанесъ въ теченіе нѣкотораго времени столько гольшеи, что наполнилъ ими два широкой бухты и, кромѣ того, образовалъ значительную косу, выдающуюся въ озеро. Бураты покинули деревню и отправлялись со своимъ скотомъ на лѣтнія пастбища. Зимой же здѣсь живетъ въ пло-

Видъ у береговъ Байкала.

хихъ хижинахъ около сорока семействъ. Радде остановился тутъ на ночлегъ и на другое утро отправился дальше. Береговые скалы имѣли повсюду одинаковый характеръ. Онѣ отвѣсно спускались въ воду, были темнаго, буровато-сѣраго цвѣта и покрыты желтыми лишаями. Въ заливѣ *Амга* безвѣчно раскинуты были по берегу сѣти и разная простая домашняя утварь. Буряты между собою весьма честны, а такъ какъ здѣсь лишь въ исключительныхъ случаяхъ бывають чужестранцы, то эти вещи, не имѣющія почти никакой цѣнности, и не воруются. Впрочемъ, Радде сдѣлалъ небольшое похищеніе. Недалеко отъ одной бурятской хижины, онъ замѣтилъ три кола, выкинутоя изъ 6 сундовъ. На среднемъ изъ нихъ было прибито двѣ дощечки, въ родѣ вышѣски, а на другомъ висѣли два мѣшка изъ шерстянаго войлока, прикрѣпленные къ верхней части кола кожанымъ ремнемъ. Радде сдѣлалъ эти мѣшки съ находившимися въ нихъ идолами и поспѣшно удалился.

8-го іюля путешественникъ увидѣлъ ближайшую цѣль своихъ странствованій, именно югозападный конецъ острова Ольхона съ его сѣровато-бурыми мысами. Черезъ день послѣ этого лодка достигла Ольховскихъ воротъ, или пролива, отдѣляющаго островъ отъ материка и далѣе расширяющагося въ такъ называемое *Малое море*. Отъ бухты во внутрь острова идутъ безлѣсные горные хребты, вышиною отъ 20 до 80 ф., на которыхъ множество баклановъ сидѣло на яйцахъ. По западной сторонѣ острова путешественникъ вышелъ въ Малое море. Слѣва отъ Радде берегъ опускался въ воду крутыми гранитными массами, за которыми поднимались террасами хребты горъ. Характеръ мѣстности все еще грустный и пустынный, и лишь незначительные слѣды растительности указывали, что далѣе къ сѣверу видъ улучшится.

Вечеромъ разразилась страшная буря съ сѣвера, почему Радде былъ вынужденъ выйти на островъ и раскинуть налѣтку. Дождь шелъ ливнемъ и не останавливался въ теченіе 36 часовъ. Съ материка неслись на островъ все новыя и но-

выя массы облаковъ. Малое море пѣнилось, разбиваясь бѣлыми волнами о крутой берегъ. Казалось, ужасная заря поднимала озеро съ его дна. Сусетные лодчиники говорили: „это — море сердится“. Радде собралъ между тѣмъ свѣдѣнія о близлежащей бурятской деревнѣ *Голонуринуа*, въ которой считалось не болѣе 300 жителей, изъ коихъ лишь 100 находилось дома. Большею частью это бѣдные люди, незанимающіеся хлѣбопашествомъ, а прокармливающіеся рыбною ловлею и скотоводствомъ. Далѣе путешественникъ плывалъ по Малому морю все вдоль береговъ большого острова, которые снова становились привѣтливѣе. Въ самомъ морѣ разсыяны мелкіе, необитаемые и безлѣсные гранитные острова. По окраинѣ большого острова находились старательно огороженные зеленые луга, а въ бурятской деревнѣ *Коранзика* домъ деревенскаго старосты отличается особою крышею и стеклянными окнами. Радде ходилъ въ деревню купить рыбы и молока и по этому случаю въ первый разъ посѣтилъ бурятское семейство. Въ сопровожденіи казака, умѣвшаго говорить по-бурятски, онъ вошелъ около полудня въ одну изъ шестиугольных юртъ. На лавкахъ по сторонамъ лежали хозяинъ и его братъ—голые, покрывшіеся только оборванными овчинами; они сильно хранили, хозяйка же занималась съ двумя нагими мальчиками.

Срисовавъ этихъ людей, Радде спросилъ себѣ проводниковъ на восточную сторону острова. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ проводники явились. На другое утро путешественникъ выѣхалъ верхомъ на возвышенность, по которой скоро достигъ соснового лѣса; тутъ онъ воѣхалъ вдоль черной берозды, шириною въ лугъ, образовавшейся отъ тасканья срубленныхъ деревь. Подлѣсокъ состоялъ изъ множества даурскихъ рододендровъ, которые вообще весьма распространены по всему Байкалу. Уже въ средній мал на безлистныхъ вѣтвяхъ этого кустарника, вышиною отъ 4 до 5 фу., распускается такое множество темнорозовыхъ цвѣтѣвъ, что вся мѣстность получаетъ въ это время особенный красноватый

тый оттенокъ. Дорога шла въ гору до куполообразныхъ отроговъ первой горной цѣпи, спускающихся въ глубокую котловину, густо поросшую лѣсомъ.

Но весьма грудной дорогѣ добрался Раде до восточнаго берега Ольхона, гдѣ также находится крутая гора, поросшая лѣсомъ. Въ спокойныхъ водахъ плавали тюлени, потому что ихъ не тревожатъ здѣсь ни жители, ни суда. Но временами они показывали свои головы и спины, а нѣкоторые изъ нихъ грѣлись на солнцѣ, разлѣгавшись по склонамъ берега. Видѣлись тутъ животныя не обыкновенныя, а вонючіе тюлени (*phoca annellata* или *fetida*). Они распространены по озеру не равномерно, именно въ сѣверной части ихъ встрѣчаютъ сравнительно рѣже. Лѣтомъ они большею частію, находятся въ упомянутомъ мѣстѣ, тогда какъ осенью чаще попадаются у восточнаго берега Байкала, между устьями Баргузинна и Селенги. Раде выѣхалъ въ 4 часа утра и, перерѣзавъ островъ Ольхонъ поперекъ, возвратился въ 8 часовъ вечера къ своей лодкѣ. При этомъ нужно замѣтить, что бурятскія лошади довольно быстры въ бѣдѣ.

17-го июля Раде снова поплылъ по Малому морю къ западному берегу Байкала. Здѣсь ландшафтъ опять принимаетъ дикій характеръ. Платообразно растрескавшіеся гранитныя скалы круто поднимаются «утовъ» на 20 вверхъ; по сторонамъ разбросано множество осколковъ кубической формы, погружающихся въ озеро, а во мѣстамъ въ камнѣ часто замѣтны щели.

Близъ большой деревни *Тонкашары* снова показался роскошный хвойный лѣсъ. Отъ вершины горъ до самого озера росли лиственницы и сосны и рѣже сибирскіе кедръ, которые любятъ преимущественно высокіе хребты, между тѣмъ какъ сибирская ель (*abies sibirica*) и сибирская пихта (*pisca obovata*), большею частію, встрѣчаются въ закрытыхъ долинахъ, орошаемыхъ ручьями. Весьма рѣзкій контрастъ съ этими вѣчными деревьями представляетъ собою свѣтлолиственная береза. Тѣнистой зелени бука, вяза и величественнаго

дуба, произрастающихъ въ западной Европѣ подъ тою же широтою, здѣсь не существуетъ. Это однообразіе байкальской растительности сначала поражаетъ зрителя, но затѣмъ весьма скоро утомляетъ.

Сѣверозападный берегъ Байкала отъ Тонкашира представляетъ величественные, дикіе и прекрасные виды для того, кто можетъ довольствоваться контрастами между скалистыми массами и зеленью сосны и лиственницъ. Здѣсь Раде удалось также насладиться нѣсколькими прекрасными вечерами, во время которыхъ озеро стояло, какъ зеркало, и среди безмолвія природы до слуха путешественника доходилъ шумъ свергающихся каскадами ручьевъ; онъ слышалъ плесканье красныхъ утокъ, которыя купались, хлопая крыльями и быстро описывая по водѣ малые круги. Звуки эти отражались отъ скалъ и далеко раздаются посреди ночной тишины. Конечно, здѣсь не слышно пѣнія нашего соловья, потому что хотя Сибирь и обладаетъ весьма красивою породой этой пѣвчей птицы, въ видѣ славки (*sylvia calliope*), которая поетъ въ зелени березъ или ивъ какъ днемъ, такъ и ночью, во всякомъ случаѣ пѣніе этой птицы нельзя сравнить съ мелодическими трелями нашего соловья.

Берегъ Байкальскаго озера замѣчателенъ по присутствію тамъ горячихъ источниковъ. Раде посѣтилъ одинъ изъ нихъ у сѣверозападнаго берега. Отъ бухты, гдѣ онъ вышелъ на берегъ, во внутрь страны тянется глубокая долина, ограниченная горною цѣлю, надъ которою возвышаются горы, покрытыя снѣгомъ. Въ небольшомъ разстояніи отъ мѣста, гдѣ причалило судно, въ озеро свергался прекрасный, дикій ручей, а недалеко отъ него бѣлые пары указывали на близость горячаго источника, который былъ огороженъ, какъ колодезь. Камни около этого источника были нагрѣты, потому что температура его простирается до 53°, градусомъ по Реомюру, а распространяющійся, хотя и слабый запахъ ясно указывалъ на присутствіе сірководорода. На вкусъ вода отличается нѣсколько этимъ газомъ, но, впрочемъ, она чиста,

прозрачна и не содержитъ ни желѣза, ни соли. Изъ источника поднимается православный крестъ, служащій символомъ христіанства. Но тутъ же рядомъ висѣлъ бѣлый заступъ, котораго бураты принесли въ жертву духу этого источника. Кроме того, въ источникѣ лежали мѣдныя монеты, брошенныя въ него и обратившіяся въ сѣристую мѣдь, а на сосѣднихъ кустахъ, висѣли травки и разнообразныя ленты: все это по-жертвованія бураты. Такимъ образомъ здѣсь соприкасаются христіанство и язычество. Недалеко отъ этого источника находится русское поселеніе *Горемыки*, въ которомъ Раде радушно были приняты крестьянами. После продолжительнаго странствованія по мѣстностямъ, совершенно удаленнымъ отъ европейской цивилизаціи, Раде не могъ налюбоваться благоденствіемъ крестьянъ и цвѣтущимъ состояніемъ ихъ хлѣбныхъ полей, на которыхъ воздѣлывались рожь, ячмень и картофель. Рожь жнутъ лѣтомъ, въ концѣ августа, а яровой хлѣбъ въ срединѣ сентября. Зимой крестьяне занимаются охотою на соболей и бѣлокъ. У береговъ озера Раде часто видѣлъ хищныхъ птицъ. Бѣлоголовый орланъ (*Haliaeetus albicilla*) встрѣчается гораздо чаще, нежели большой орелъ (*chrysaetos*), потому что послѣднему для добычи нужна болѣе крупная дичь, между тѣмъ какъ орланъ довольствуется рыбою. Одинъ крестьянинъ рассказывалъ Раде, какъ эта птица разъ бросилась, съ значительной вышины, на рыбу въ Ангарѣ и, вѣшавшись въ нее, не могла подняться, такъ какъ рыба оказалась ей не по силамъ и утонула ее неоднократно подъ воду, пока обѣ не были увнесены подою. Самая обыкновенная хищная птица, питающаяся падалью и всегда сопровождающая рыбаковъ, это черный коршунъ (*milvus ater*). Онъ постоянно подстерегаетъ бросаемые остатки и цѣлымъ обществомъ садится не далѣе какъ на разстояніи 10-ти шаговъ отъ рыбаковъ. Въ этой же мѣстности встрѣчается пустельга и голубятникъ.

Миновавъ Горемыки, Раде потерпѣлъ первое несчастіе. Прибой волнъ къ берегамъ и вѣтеры были такъ сильны, что

судно откинулось въ сторону и засѣло на плоской скалѣ. Его лишь съ трудомъ могли опять стащить въ воду и завести въ бухту, гдѣ путешественникъ дождался окончанія бури. Когда озеро нѣсколько поуспокоилось, Радде поплылъ далѣе и вскорѣ увидѣлъ скалистый островъ *Буючанъ*, который Георга называетъ садомъ Байкала. Къ сожалѣнію, опять поднялась буря, и Радде долженъ былъ снова пристать къ берегу, не достигнувъ острова. На мѣстѣ стоянки онъ встрѣтилъ бураты, приготовлявшихъ изъ дерева сибирскаго кедра весьма красивые боченки, при помощи топора обыкновеннаго и бочарнаго. Это мѣсто принадлежитъ *тунгузамъ*. Въ деревнѣ Сининдѣ, находящейся нѣсколько сѣвернѣе, живутъ вѣстѣ тунгузы и бураты. Дальше этой мѣстности къ сѣверу по Байкалу бураты не встрѣчаются; потому здѣсь будетъ кстати сообщить нѣкоторыя подробности объ этомъ народѣ.

Въ южной части Иркутской губерніи, изъ Нерчинскѣ и особенно въ Верхнеудинскѣ, бураты кочуютъ въ равнинахъ отъ китайской границы къ сѣверу до истоковъ Лены и отъ рѣки Аги къ западу до Оки, впадающей въ Ангару. Большая часть бураты живетъ по ту сторону Байкальскаго озера, вдоль Селенги, у ея устья, а также по ея притокамъ, равно какъ и на островѣ Ольхонѣ.

Бураты, какъ извѣстно, монгольскаго происхожденія. При завоеваніи Сибири, въ первой половинѣ 17-го столѣтія, казаки наняли это племя на мѣстѣ его кочевническихъ пастбищъ; но имъ нескоро удалось покорить его и заставить платить дань. Бураты дѣлятся на нѣсколько племенъ, начальники которыхъ называются тайша. Каждое племя распадается на колѣна, во главѣ которыхъ стоятъ шуденга. Бураты говорятъ монгольскимъ языкомъ, распадающимся на нѣсколько нарѣчій. Живущіе у китайской границы владѣютъ чистымъ калха-монгольскимъ языкомъ и совсѣмъ не отличаются по своимъ обычаямъ отъ жителей настоящей Монголіи. Кочующіе же по сю сторону Байкальскаго озера переняли многіе

Сорока, обыкновенный орлан и сыръ у Байкала.

русскіе обычаи и много русскихъ словъ, однако же, еще не умѣютъ читать и писать по-русски.

До покоренія Сибири, бураты всѣ безъ исключенія были преданы шаманизму. Лишь подъ конецъ семнадцатаго столѣтія живущіе по ту сторону Байкала приняли буддійскую вѣру, между тѣмъ какъ по сю сторону распространилось православіе. Прежде появленія русскихъ въ этой странѣ, каждый тайша былъ совершенно независимымъ властелиномъ своего племени; время и обстоятельства ослабили могущество этихъ князьковъ, и теперь у бураты нѣтъ рѣзко разграниченныхъ сословій. Кромѣ чиновниковъ и духовныхъ, всѣ бураты выплачиваютъ ясакъ. Послѣдній состоялъ первоначально изъ мѣховъ, но теперь, вслѣдствіе распространенія денегъ, выплачивается деньгами. Сверхъ того, бураты платятъ правительству поземельную подать.

При тучности ихъ пастбищъ, бураты переживаютъ свое мѣсто жительства обыкновенно не больше двухъ или трехъ разъ въ году. Бураты всегда живутъ большими общинами, образуя деревни. Нѣсколько такихъ селеній обыкновенно называются однимъ именемъ. Тѣлосложеніе бураты крѣпкое, и между ними рѣдко встрѣчаются люди худощавые. Мышцы у нихъ, впрочемъ, мало развиты, хотя и сильны. Вообще бураты расположены къ тучности. Они имѣютъ черные, щетиныстые волосы, толстое лицо, съ выдающимися скулами, широкій ротъ и притупленный, обыкновенно надернутый носъ. Темпераментъ у нихъ, очевидно, преобладаетъ флегматическій; имъ, кажется, вродено, въ извѣстной степени, отвращеніе къ труду, и нерѣдко только голодъ заставляетъ ихъ встать за дѣло. Права они скрытнаго, упрямы, неразговорчивы, мало услужливы и предпочитаютъ мѣховую торговлю всякому другому занятію. Черезъ русскихъ они ознакомились съ употребленіемъ табаку и спиртныхъ напитковъ и стали страстными любителями того и другаго; встрѣчаются даже девятилѣтніе мальчики съ китайскою трубкою во рту. Изъ кислаго молока бураты готовятъ слабую водку, кото-

рую называютъ у нихъ *даросъ-юмъ*. Они пьютъ ее обществомъ при каждомъ жертвоприношеніи и пьютъ уже отъ нѣсколькихъ чашекъ этого слабого напитка. Относительно пищи они неразборчивы и нисколько не брезгаютъ внутренностями животныхъ и даже свѣжею падалью. Кишки рогатаго скота наворачиваются на налку, поджариваются на огнѣ и затѣмъ съдаются. Тюленье сало составляетъ для нихъ лакомство. Длинные полосы такого сала захватываются зубами и отрываются кусками у самого рта.

Тамъ, у опушки лѣса, поднимается столбъ дыма, рѣзко отдѣляющійся отъ темной зелени хвойныхъ лѣсовъ. Вокругъ господствуетъ безмолвіе, и мы уже давно не видѣли въ этой сибирской пустынѣ ни одного человѣческаго существа. Итакъ, мы идемъ на этотъ признакъ присутствія людей. Вотъ стоятъ нѣсколько низкихъ, но довольно уютныхъ хижинъ, сложенныхъ изъ бревенъ и имѣющихъ шестигугольную форму. Мы вступаемъ въ домъ чрезъ низкія двери и находимся въ атмосферѣ густого дыма, такъ что въ первое мгновеніе не въ состояніи различить окружающихъ насъ предметовъ. Но дымъ уходитъ чрезъ четырехугольное отверстіе въ крышѣ, и мы въ скоромъ времени можемъ обозрѣть настоящее бурятское семейство, со всеми его пожитками. На стѣнѣ виситъ кожаная одежда; хозяйка занимается переливаніемъ молока изъ долбленнаго въ желѣзный котелъ, который виситъ надъ огнемъ посреди хижины. Затѣмъ она всыпаетъ туда грубой муки, получасомъ толченіемъ зерна въ ступкѣ, и размѣшиваетъ все это въ ванну. Такимъ образомъ готовится бурятская саламата, любимое кушанье туземцевъ, и все желтое населеніе хижины наслаждается этою превосходною пищею. Такъ какъ глава семейства человѣкъ достаточный, то онъ можетъ еще выпить нѣсколько чашекъ кирпичнаго чаю, приправленнаго саломъ и саломъ. Передъ домомъ пасутся его овцы, животные съ длинными ушами и жирными хвостами; волна ихъ довольно плохого достоинства и находится въ продажѣ пополамъ съ грязью. Нашъ зажиточ-

ный бурятъ, сверхъ того, имѣть нѣсколько головъ рогатаго скота и лошадей. Его лошади, правда, далеко не красивы, но удивительно неустойчивы и, что еще замѣчательнѣе, все бѣлыя. Если же почему-либо бурятъ не располагаетъ лошадью, то онъ садится на быка, которымъ управляетъ при помощи веревки, продернутой сквозь носовую хрипку.

Нангъ бурятъ также рыбакъ. Въ заливѣ озера, находящемся по близости, онъ круглый годъ добываетъ подсырые для своего хозяйства. Его длинныя сѣти совершенно находятъ на русскій неводъ. Но за недостаткомъ соли для приготовления рыбы въ прокъ, бурятъ нерѣдко ѣстъ селитряную. Отправляясь въ озеро, онъ садится въ узкій, длинный челнъ собственного издѣлѣ, въ которомъ нѣтъ ни малѣйшаго кусочка металла, и гребетъ однимъ весломъ, вставленнымъ въ высокую уключину. Уже издали, по движенію весла, можно опредѣлять, плыветъ ли бурятъ, или русскій. Гребцами бывають по большей части десяти и двѣнадцатилѣтніе мальчики, а нерѣдко и взрослые дѣвушки.

Въ одеждѣ бурята всего ощутительнѣе недостатокъ опрятности. Онъ носитъ очень длинную овчинную шубу; единственное ея украшеніе составляетъ нашитый на спинѣ продолговатый кусокъ краснаго сукна. Бѣлье и лѣтнюю шапку бурятъ покупаетъ у русскихъ; зимою же покрываетъ голову коническій колпакъ изъ мѣха козули. Обувь неуклюжа и груба. Мужчины коротко стригутъ волосы и отращивають ихъ лишь на макушкѣ. Эти длинные волосы они заплетаютъ въ косы, спускающіяся ниже затылка, и на концѣ украшаютъ ихъ кольцами и металлическими штучками. Борода у бурятъ жесткая, очень небольшая и рѣденькая. Они охотно носятъ въ ушахъ и на пальцахъ желѣзные кольца.

Буряты народъ очень мирный. Убийство составляетъ у этого племени неслыханное преступленіе. На грабежъ они также не рѣшаются, но нѣсколько склонны, къ воровству. Хотя отъ природы они вспыльчивы, но въ обыкновенныхъ сношеніяхъ, болѣею частью, кротки и спокойны. Пообще

они горды, всегда гостеприимны, любопытны, легковѣрны и неуныренны въ пищѣ и питіи. Бураты въ состояніи и чрезъ 20 лѣтъ описать человека, котораго онъ встрѣтилъ только одинъ разъ, причемъ свои описанія онъ сопровождаетъ замысловатыми или же остроумными замѣчаніями. Бураты отличныя стрѣлки и, такъ сказать, чуютъ присутствіе звѣря. Они умѣютъ отличать на травѣ слѣды волка, медвѣдя или какого-либо другаго животнаго. На медвѣдя бураты смѣло идутъ въ сопровожденіи только своей собаки.

Съ русскими бураты весьма скрытны и осторожны, но питаютъ живѣйшую привязанность къ государю. Такъ на-примѣръ, когда въ 1812 году они узнали о покарѣ Москвы то ихъ съ трудомъ можно было удержать отъ похода противъ французовъ. Во взаимномъ обхожденіи бураты учтивы; здороваясь они подаютъ другъ другу правую руку, а лѣвой захватываютъ ее повнѣе кисти. Подобно калмыкамъ, они не цѣлуютъ своихъ возлюбленныхъ, но обнюхиваютъ ихъ; поцѣлуй у этого племени вовсе не въ модѣ.

Лишь очень недавно бураты начали заниматься земледѣліемъ; особенно хорошіе успѣхи въ этомъ отношеніи сдѣлало племя, обитающее по Шалкѣ. Бураты очень способны къ ремесламъ и, если что-нибудь перенимаютъ отъ русскихъ, то обыкновенно становятся искусѣе своихъ учителей. Въ прежнее время они сами выплавляли желѣзо, но теперь покупаютъ его у русскихъ. Особенно замѣтны ихъ успѣхи со времени открытія въ 1833 г. въ Троицкосавскѣ монгольско-русскаго училища для дѣтей бурятскихъ казаковъ.

Бураты очень недолговѣчны; рѣдкіе достигаютъ глубокой старости, большая же часть умираетъ до 60-го года. Въ случаѣ болѣзни они обращаются къ своимъ ламамъ, которые даютъ имъ лекарства, выписываемыя ими изъ Китая за весьма дорогую цѣну. Между этими средствами нѣкоторыя дѣйствуютъ очень сильно и быстро; оттого благонамѣренныя ламы прописываютъ лишь малое количество, причемъ нужно замѣтить, что имъ рѣдко удается спасти страждущихъ отъ

смерти. Иногда же они исцеляютъ или врачуютъ и сверхъестественными средствами или же даютъ лекарства, свойства которыхъ имъ извѣстны такъ же мало, какъ и причины самой болѣзни. Всего чаще буряты страдаютъ недостаткомъ аппетита и безсонницей, а также глазами. Причина первыхъ двухъ болѣзней заключается въ потѣнной неутомимости относительно пищи, а послѣдняя зависитъ отъ дымности жилищъ. Для леченія, кромѣ средствъ, доставляемыхъ шамани, буряты употребляютъ также перчинскія кислыя воды и горное масло, добываемое у береговъ Байкала.

Буряты.

Теперь мы переходимъ къ интереснѣйшей и важнѣйшей сторонѣ жизни этого народа, именно къ его религiи, которая состоитъ отчасти изъ буддизма, отчасти изъ шаманства, или же изъ смеси этихъ двухъ вѣръ. Даже буряты, обращенные въ православіе, одни втайнѣ, другіе открыто преданы какому-либо изъ этихъ двухъ вѣроученій. Буряты у Байкала приносятъ жертвы и молятся верѣдко и безъ своихъ шамановъ, причемъ они признаютъ ре-

лигиознымъ своимъ главою ламайскаго (буддѣйскаго) верховнаго жреца въ Забайкальѣ и верѣдко склоняются то къ одной, то къ другой религiи, смотря по тому, къ которой, въ данный моментъ, питаютъ болѣе довѣрія. Но, по словамъ Радде, они преимущественно слѣдуютъ обряду шаманства; многія мѣста у Байкальскаго озера, особенно мысы, отдѣльныя скалы, горячіе ключи и горы они считаютъ священными и полагаютъ, что въ нихъ обитаютъ злые и добрые духи; оттого при всѣхъ важныхъ событіяхъ они оставляютъ въ жертву въ такихъ мѣстахъ кожу, ленты и конскіе волосы. Домашнія жертвоприношенія состоятъ изъ варенаго молока и кожи животныхъ. Почти каждый бурятъ обладаетъ

нѣсколькими идолами, которые вырѣзаются изъ тонкихъ пластинокъ латуни и изображаютъ людей. Сверхъ того, бураты почитаютъ нѣкоторые каменные поро́ды.

Шаманская вѣра, сохранявшаяся лишь путемъ устнаго преданія, была распространена первоначально между всѣми народами восточной и сѣверной Сибири. Но какъ ученіе, не опирающееся ни на какіе письменныя памятники, оно не могло долго устоять противъ систематически развитаго, обработаннаго и имѣющаго богатую литературу ламаизма. Прежде, нежели установилась русско-китайская граница, около сорока лѣтъ тому назадъ, въ русскія владѣнія безпрерывственно прибывали тибетскіе и монгольскіе ламы и проповѣдовали между бурятами свою вѣру, которая и не замедлила стать преобладающею.

Русское правительство, по большей части, весьма вѣрно понимавшее потребности покорныхъ ему нецивилизованныхъ племенъ, постановило для бурятъ, въ 1741 году, верховнаго ламу. Всѣхъ ламъ клятвенно обязали не странствовать за границу и не имѣть сношеній съ жителями вѣй ея. Послѣ такихъ мѣръ построили храмы, причемъ, однако, ограничили число духовенства, потому что оно освобождено отъ всякой подати.

Буддійское духовенство въ Сибири имѣетъ три іерархическія степени: гелунъ, гегулъ и банди. Ламы жрецы первыхъ двухъ степеней называются *ламами*, всѣ же три степени вмѣстѣ носятъ общее названіе ховарахъ. Все это сословіе отличается грубымъ невѣжествомъ. Многіе старые ламы совершенно не въ состояніи перевести на обыкновенный языкъ текста священныя книги, писанныя по-тибетски и употребляемыхъ при богослуженіи. Они рѣшительно не понимаютъ ничего, что вычитываютъ изъ нихъ, хотя монгольскіе переводы большей части этихъ книгъ печатаются въ

Буратка.

Китай. Не смотря на такое невѣжество, это духовенство Восточной Сибири чрезвычайно ревностно старалось распространять буддизмъ, пытісія шаманство и затрудняя распространіе христіанства. Не менѣе того рѣзко бросалась въ глаза и ихъ жадность. Такъ какъ ламы, по своей многочисленности, разсѣяны по странѣ и иногда вынуждены жить весьма далеко отъ храмовъ, то они переходятъ изъ юрты въ юрту, гдѣ принимаются съ величайшимъ уваженіемъ и пользуются всѣмъ лучшимъ, что только имѣтъ хозяинъ. Во время ихъ пребыванія въ юртѣ бурята, все принадлежитъ ламѣ, и устроиваются празднества. Находясь подъ вліяніемъ всѣхъ мірскихъ соблазновъ, лама становится пьяницею и распутнымъ.

Каждый лама, за исключеніемъ лишь немногихъ старцевъ, держитъ у себя хозяйку, или такъ называемую шабинку, съ которой и живетъ; иные имѣютъ двухъ или трехъ шабинокъ. Сынъ отъ такого незаконнаго брака считается племянникомъ и обыкновенно становится такимъ же ламою, какъ и отецъ. Ныѣшній бандида-хамбо (глава сибирскихъ ламъ), родной сынъ своего предшественника, самъ имѣетъ сына, который современемъ наследуетъ его знаніе. Имѣть женщину или наложницу вовсе не считается нарушеніемъ обязанностей ламы, и такое воззрѣніе укоренилось до того, что нѣкоторые ламы даже празднуютъ свадьбу. При этомъ они стараются родниться съ знатнѣйшими семействами, чтобы увеличить свое вліяніе. Кромѣ разныхъ непроизвольныхъ средствъ къ обогащенію, лама имѣетъ и законный источникъ доходовъ. Когда строится храмъ, или какой-нибудь мальчикъ посвящается въ ламы, — за это берутъ деньги. Каждый бурятъ-буддистъ обязанъ ежегодно приобрести себѣ нѣсколько кусочковъ бумаги съ изображеніемъ Будды и молитвами и носить ихъ при себѣ въ кожаномъ мѣшкѣ. Ламы говорятъ: кто не имѣетъ такого священнаго предмета, не можетъ считаться истиннымъ приверженцемъ буддійской вѣры и не долженъ надѣяться на прощеніе грѣховъ. Такія разрѣшительныя грамоты

имѣютъ таксу. Бѣдные платятъ за нихъ отъ 1 до 5 руб., а богатые до 25 руб.

Какъ знакъ особеннаго расположенія и какъ бы въ награду за хорошее поведеніе лама раздаютъ, разумѣется, не даромъ, такъ называемыя *оркиджы*, т. е. священные пояса изъ краснаго шелка или бумаги. Буриты платятъ отъ 5 до 50 руб. за такіе поясы, которые считаются особенно дѣйствительными противъ разныхъ болѣзней. Когда дѣло идетъ о леченіи больныхъ и предохраненіи отъ вліянія злыхъ духовъ, шарлатанство ламъ неминуемо, и перѣдко они лишаютъ больного всего имущества. Жреца является къ пациенту и немедленно беретъ въ руки книгу, въ которой отыскиваетъ способъ леченія и читаетъ идущія къ данному случаю молитвы, такъ какъ молитва считается безусловно необходимою при леченіи. Если болѣзнь происходитъ отъ злаго духа, то лама является въ юрту ночью съ своими товарищами, ибо безъ посторонней помощи онъ не можетъ изгнать демона. При этомъ разводятъ огонь каюе сильнѣе обыкновеннаго и ставятъ на него котелъ съ свѣжей бараниной для господъ врачей. Противъ больного ставится маленькая скамейка; на ней помѣщаютъ нѣсколько уродливыхъ изображеній изъ дерева и тѣста, представляющихъ собою злыхъ духовъ. Нѣкоторые изъ этихъ изображеній одѣты въ лохмотья и вооружены маленькими копьями. Больной обращается лицомъ къ этимъ чертенятамъ. На раскинутомъ войлочномъ коврѣ, окоймленномъ цвѣтнымъ сукномъ, садятся ламы полукругомъ, по старшинству, открываютъ книги и начинаютъ свои молитвы и заклинанія. Вдругъ старшій лама начинаетъ звонить или стучать, сосѣдь его ударяетъ въ огромный барабанъ, слѣдующіе же — кто колотитъ въ тазъ, кто дуетъ въ рогъ, отъ чего возникаетъ раздражающій уши концертъ, продолжающійся около 3-хъ минутъ и прекращающійся внезапно по знаку старшаго ламы. Послѣ короткой паузы, такая демонская музыка возобновляется, и концертъ дѣтся за полночь. Наконецъ, старшій лама разбиваетъ маленькихъ уродцевъ

о скамейку и приказываютъ ихъ бросить въ ту сторону, въ какую указано въ книгахъ. Если эти заклинанія отъ одного раза не имѣютъ успѣха, то ихъ повторяютъ до тѣхъ поръ, пока больной или не укрепитъ, или не выпдоровѣетъ.

И въ цивилизованныхъ странахъ рожденіе и смерть necessarily сопряжены съ расходами, почему же непросвѣщеннымъ бурятамъ это должно обходиться даромъ? По понятіямъ буддистовъ, самый лучший и почетнѣйшій способъ погребенія состоитъ въ зарытіи трупа въ землю или же въ помѣщеніи его въ гробу подъ открытымъ небомъ. Последняго способа погребенія удостоиваются только самые набожные или, лучше сказать, самые зажиточные буряты. При этомъ нужно замѣтить, что для подобнаго торжества выбираютъ счастливый день. Близость или отдаленность такого для большаго частью опредѣляется сообразно съ дарами, которые дѣлаются ламамъ родственниками умершаго. Покойниковъ рѣдко сжигаютъ, потому что, по словамъ ламъ, дымъ грѣшника коититъ небо. По старому обычаю, при похоронахъ вся одежда умершаго и лучшая его лошадь вмѣстѣ съ сѣдломъ поступаютъ въ собственность духовной особы, такъ что нерѣдко погребальные расходы поглощаютъ значительную часть наслѣдства. Для приѣбра приведенъ слѣдующій случай. Въ 1834 году умеръ отецъ втораго тайши селенгинскаго, а въ 1836 году его братъ. Похороны обоихъ были справлены со всѣмъ бурятскимъ великолѣніемъ и обошлись семейству покойныхъ въ тысячу головъ скота. Сверхъ того, ламы получили шесть ящиковъ кирпичнаго чаю, нѣсколько кусковъ разныхъ матерій, пять шубъ, извѣстное число серебряныхъ чашъ и т. д., такъ что всего было истрчено на 6,000 руб. ассигнаціями.

Естественно, что подобное духовенство, главная цѣль котораго эксплуатировать народъ, можетъ содѣйствовать лишь нравственному упадку бурятовъ. Оно не довольствуется, однако-жь, вышесозначенными неблагородными средствами приобритенія, но также весьма дѣятельно занимается торгов-

лею. Немного найдется такихъ ламъ, которые бы или сами лично, или чрезъ комиссіонеровъ не отправляли нѣсколько сотенъ головъ скота для мѣновой продажи въ Маймачинт. Эта торговля, при ловкости ламъ и ихъ вліяніи на простыхъ бурятъ, доставляетъ имъ громадную выгоду и сверхъ того, служить прикрытіемъ для ихъ сношеній съ иностранными ламами, что русскимъ правительствомъ строго воспрещено.

Мы возвращаемся къ Радде, котораго покинули въ Сининдѣ, деревнѣ на сѣверозападномъ берегу Байкала. Тутъ онъ впервые встрѣтился съ тунгузами, считающими свою собственностью область, лежащую на сѣверъ отъ Байкала и стоящими гораздо выше тувоумныхъ бурятъ. Въ самомъ дѣлѣ, это веселый, живой, безмятный, откровенный, скромный и отважный охотничій народъ, рожденный въ сумракѣ хвойныхъ лѣсовъ и уже отъ колыбели привыкшій къ опасностямъ, которыми грозятъ лютыя звѣри.

Въ Сининдѣ Радде увидѣлъ уже сѣверныхъ оленей, совершенно ручныхъ и дававшихъ себя гладить. Тутъ нѣсколько тунгузовъ расположилось вокругъ дымящагося костра, разложеннаго чтобы отгонять невыносимыхъ комаровъ и слѣсней. Одинъ изъ этихъ тунгузовъ весьма хорошо говорилъ по-русски и разсказалъ, что онъ на своемъ вѣку убилъ уже 20 медвѣдей, но въ то лѣто не былъ такъ счастливъ, потому что ему удалось застрѣлить только двухъ медвѣдей и одного сѣвернаго оленя.

При дальнѣйшемъ странствованіи, нашему путешественнику неоднократно пришлось испытать бурю и промокнуть подъ проливнымъ дождемъ. Наконецъ, 10 августа, достигъ онъ устья сѣверной Ангары, т. е. сѣвернаго конца Байкала. Стало быть, онъ сдѣлалъ уже половину своего путешествія.

Эта сѣверная Ангара, которую не слѣдуетъ смѣшивать съ южнымъ истокомъ озера того же имени, протекаетъ по глубокой низменности, между густою болотною растительностію, и у своего устья дѣлится на два рукава, соединенныхъ между собою озеромъ *Таларомъ*. Эта рѣка наноситъ,

особенно весной, много песку, лѣсу и голышей, образуя тѣмъ въ Байкалѣ мели и даже острова. Множество зали-
вовъ и обширныхъ трясины, находящихся почти повсюду и
покрытыхъ зеленою болотныхъ травъ, уничтожаетъ опреде-
ленную линію рѣчныхъ береговъ и сдѣлываетъ болота съ
островами. Выше рукавовъ устья лежить естественная пло-
тина изъ свѣтлаго, крупнаго песку, вышиною отъ 6 до
30 фут. Со стороны озера эти песчаные холмы поднимаются

Тригунъ.

постепенно, между тѣмъ какъ по теченію рѣки они имѣютъ
крутые скаты. Эти холмы сдѣ-
лались неподвижны влѣдствіе
произрастанія тамъ нѣкоторыхъ
растений, особенно сибирскаго
кедра, представляющаго здѣсь
лишь кустарникъ, тогда какъ
на близлежащихъ горахъ онъ
стоитъ прекраснымъ деревомъ.

Чистая, холодная вода Бай-
кала, его каменистое дно и
множество впадающихъ въ него
ручьевъ весьма благоприятству-
ютъ нѣкоторымъ породамъ ло-
сося; эта рыба обильнѣе вся-
кой другой въ Байкальскомъ
озерѣ. Главнѣйшіе виды ея,
встрѣчающіеся здѣсь, суть зал-
то

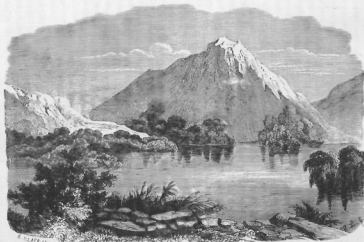
oxymurichus, salmo flaviatilis, s. thymallus, s. coregonus
и *s. omul*. Ловлю этой рыбы нельзя назвать незначитель-
ной, такъ какъ ежегодно она даетъ дохода около 23,000 руб.
При этомъ не берется въ расчетъ ловля омуля, дающая
прибыли въ 4 или 5 разъ больше означенной суммы, по-
тому что его ежегодно поступаетъ въ продажу на 120,000
руб. Ловлю и солениемъ омуля, составляющаго главную
пищу населенія ближайшей мѣстности въ теченіе постовъ,
занимается значительная масса народа.

Уже около середины июня сходятся рыбаки изъ различныхъ мѣстъ къ устью Ангарты для ловли омуля. Суда ихъ имѣють длину отъ 30 до 60 фут., и на нихъ бывають отъ пяти до десяти человекъ. Во время же лова на многихъ судахъ находится до 15 человекъ, а на большихъ до тридцати. Рыбаки, большею частью, буряты съ острова Ольхона. Каждое судно находится подъ начальствомъ боньшика, которому всѣ должны покоряться безусловно. Неводы чрезвычайно длинны, они имѣють до 2 тысячи ф. длины и стоятъ каждый среднимъ числомъ около 500 руб. Нижняя часть погружается въ воду камнями, обернутыми въ бересту, между тѣмъ какъ на противоположномъ краю привязаны подлавки изъ коры.

Итъя все наготовѣ и ставъ на опредѣленныхъ мѣстахъ, рыбаки ожидаютъ только, когда раздастся крикъ: омули показались!

Тогда берегъ оживляется, лодки съ сѣтями уходятъ въ озеро и направляются на привлекающую рыбу, которую не пускають даже до устья рѣки. Такая ловля продолжается до середины августа и доставляетъ около трети всей рыбы, ловойей въ Байкалѣ. Всего обильнѣе лова, когда омули уже вступаютъ въ Ангарту, такъ какъ здѣсь на маломъ пространствѣ рыбу гораздо легче захватить неводомъ.

Послѣ лова немедленно приступаютъ къ солению. Къ сожальнѣму, для этого употребляютъ до того горькую соль, что отъ нея портится вкусъ итъжной рыбы. Рыбу складываютъ въ корзины и доставляютъ въ деревянные сараи, гдѣ и бросаютъ въ кадки. Тунгузки отдирають у рыбы грудные плавники и раздѣзываютъ ее весьма лозко, такъ что она остается связанною лишь на спинѣ. Очистить ее, онѣ приступаютъ затѣмъ къ солению ея и укладѣ въ бочки изъ ливневницы съ обручами изъ молодой черешни. У Ангарты солить омулей длиною не менѣе какъ въ 10 или 14 дюймовъ, болѣе же мелкую рыбу варятъ въ большомъ котлѣ съ незначительнымъ количествомъ воды, вынимають затѣмъ

H. H. H. H.

Озеро Френка или Давидова

кости и вываривают отваръ на солнцѣ. Полученная такимъ образомъ свѣтло-желтая масса называется нерса и продается очень дешево. Изъ внутренностей же вываривается жиръ.

Ловля эта производится такъ неосторожно, что далеко ожидать значительнаго уменьшенія рыбы. Дѣйствительно, ее ловятъ именно во время мѣсяца неры и на весьма ограниченномъ пространствѣ. Радде рассчиталъ, что ежегодно уничтожается въ видѣ неры до 20,000 мил. омулей, — если предположить, что лишь десятая часть неры, вступающей въ торговлю, могла бы развиться въ рыбу. Радде предлагалъ запретить ловлю омулей, какъ въ самомъ мѣстѣ, гдѣ эта рыба мечетъ неру, такъ и на пространствѣ 8 квадратныхъ верстъ отъ устья Ангары, — самое сподручное средство остановить уничтоженіе этой рыбы. Этимъ запрещеніемъ обозначалась бы ловля омулей и на будущее время, и не уничтожалась бы такъ неосмотрительно.

17 августа Радде опять пустился въ дорогу и поплылъ по восточному берегу Байкальскаго озера. Священникъ маленькаго селенія *Верхнеангарска* благословилъ лодку и пожелалъ путешественнику благополучнаго странствованія. Радде предстояло теперь пройти пространство въ 400 верстъ, на которомъ у береговъ вовсе нѣтъ жителей. Путь его лежалъ сперва въ бухту Аянъ, откуда тропинка вела къ озеру Фрелиха, ближайшей цѣли его странствованія. Сопутствующій двумя тунгузскими проводниками, которые утверждали, что означенное озеро составляетъ ихъ собственность, Радде прошелъ 18 верстъ, отдѣляющихъ Фрелиху отъ Байкала. Въ долинѣ рѣчки Аянъ дорога идетъ то въ гору, то подъ гору, то по болотамъ, то по лѣсамъ лиственницы и сибирскаго кедра. Вода Аянъ очень холодна и немного горьковата. Тунгузы быстро приготовили себѣ сосудъ для питья, срѣзавши съ ближайшей березы кусокъ бересты, длиною и шириною въ 4 дюйма, и тотчасъ же устроили изъ нея плоскую чашку, изъ которой не вытекало ни капли воды. Дойдя до истоковъ Аянъ, гдѣ путешественникъ остановился на короткое

время отдохнуть, тунгузы считали только половину дороги до Фрелиха. При дальнѣйшемъ странствованіи часто стали замѣчать слѣды медвѣдей, а тунгузы показали даже на одну лиственницу, которая на высотѣ 5 футовъ отъ земли была прогрызена медвѣдемъ; на стволѣ весьма ясно можно было видѣть поврежденіе коры и древесины.

Озеро Фрелиха, Давачанда или Форелей имѣетъ отъ одной до 4 версты въ ширину и простирается отъ 10 до 12 версты въ длину, по направленію отъ сѣверозапада къ юго-востоку. Восточный и юговосточный берегъ представляетъ дикіе и крутые обрывы, доходящіе до горнаго хребта вышиною въ 3,000 футовъ. Верхнія части этихъ горъ совершенно обнажены. На сѣверозападѣ, напротивъ, тянутся лишь низкія цѣпи холмовъ. Озеро образуетъ здѣсь три залива, по берегамъ которыхъ множество погасшихъ костровъ указываетъ на пребываніе тутъ тунгузовъ. Озеро Фрелиха находится около 400 футовъ выше уровня Байкальскаго озера, слѣдовательно, почти въ 1,800 футовъ надъ океаномъ. По словамъ тунгузовъ это озеро неизмѣрно глубоко. Для измѣренія глубины у крутаго юговосточнаго берега тунгузы однажды разрѣзали 3 старыя березовыя лодки на узкія полосы связали ихъ между собою, но и такимъ способомъ не достигли дна. Тунгузское названіе Фрелиха Давачанда-Амутъ значитъ озеро Форелей. Это названіе ему дано потому, что здѣсь водятся весьма красивый видъ форели (*salmo erythrinus*), котораго до сихъ поръ еще нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не находили. Воды озера Фрелиха стекаютъ въ Байкаль.

Послѣ кратковременнаго пребыванія у береговъ озера, Раде отправился въ обратный путь лѣсомъ. Проводники показали ему одну лиственницу, толстая кора которой почти отъ самыхъ корней до 15 футовъ вверхъ испещрена была нарѣзками, сдѣланными одна надъ другой. Эти нарѣзки привлекли на себя особенное вниманіе обоихъ тунгузовъ. Они сосчитали ихъ и долго осматривали, а затѣмъ объяснили, что ихъ земляки занимались гимнастическою игрою при помощи

жердей. Они прыгаютъ къ стволу такимъ образомъ, что ноги касаются коры. Мѣсто прикосновенія означаетъ топоромъ, и тотъ вытравываетъ, кто коснулся ствола выше другихъ.

Въ пустошахъ по истокамъ Али водится много кабарги. Чтобы приманить это животное, тунгузы вырѣзали небольшіе мундштуки изъ коры, длиною въ дюймъ, а шириною въ полдюйма. Когда дуютъ въ этотъ инструментъ, то получаютъ звуки, весьма похожіе на рѣзкіе тоны дѣтскихъ дудокъ и совершенно сходные съ призывнымъ голосомъ кабарги. Хотя слѣды кабарги повсюду были весьма многочисленны на почвѣ, покрытой оленними лишаями, тунгузы понапрасну трубили въ свои инструменты до самой ночи. Тѣмъ не менѣе означенная мѣстность весьма богата этими животными, между тѣмъ какъ въ югозападномъ углу Байкальскаго озера они совершенно уже исчезли. Въ дурномъ расположеніи духа Радде возвратился къ своей лодкѣ, чтобы на другой день пуститься дальше въ дорогу.

Восточные берега Байкальскаго озера столь же высоки, какъ и западные. Сибирскіе едры, лѣса лиственницы, горячіе источники и покинутыя юрты тунгузовъ характеризуютъ эту часть берега. Многіе ручьи съ шумомъ свергаются съ горъ въ озеро, и люди встрѣчаются крайне рѣдко. Тутъ есть особенно богатый выборъ таволги. Новые виды съ бѣлыми цвѣтами, украшаютъ здѣсь берега и представляютъ восхитительное зрѣлище, особенно ночью, при лунномъ свѣтѣ, скальзавшемъ по горнымъ склонамъ. Между поверхностью воды и темною чернотою лѣса то выше, то ниже тянется рѣзкое бѣлое окаймленіе, образуемое множествомъ кустовъ таволги.

Наблюденія Радде у восточныхъ береговъ Байкала были менѣе обильны, чѣмъ на западномъ, потому что съ 20 августа онъ жестоко страдалъ лихорадкою. Болѣзнь приняла опасный характеръ, отчего путешественникъ болѣе не могъ углубиться далеко отъ берега. Иногда ему удавалось застрѣ-

лить чайку (*Larus caschianus*) въ стаѣ, съ отвратительнымъ крикомъ вышедшей около лодки. Чайки встрѣчаются у Байкала чаще другихъ птицъ и въютъ гнѣзда на неприступныхъ скалахъ. Въ этихъ этихъ птицъ Радде нашелъ много желтоватыхъ тонкихъ червей, длинѣ дюйма, встрѣчаемыхъ подъ береговыми гальками.

27 августа Радде доплылъ до Святого носа, вдающагося въ Байкальское озеро и видимаго слабыми очертками на горизонтѣ съ острова Ольхона. Обѣжавъ носъ, путешественники вступили въ большой заливъ, въ который впадаетъ довольно значительная рѣка Баргузинъ, посреди роскошной растительности. Тутъ на берегу стоитъ лишь нѣсколько деревянныхъ хижинъ. По водѣ плавали водныя птицы, которыхъ встрѣчаютъ здѣсь рѣдко, потому что, по недостатку болотистыхъ мѣстъ и плоскихъ береговъ, онѣ не находятъ удобства для высиживания яицъ. Оттого тутъ вовсе не встрѣчаютъ красиваго крахаля (*Anas rutila*), который предпочитаетъ островъ Ольхонъ и вщеры у западнаго берега. Эта прекрасная птица отличается особенною нѣжностью обращенія съ птенцами, а также хитростью и осторожностью, съ которою охотнику трудно бороться.

Въ Баргузинскомъ заливѣ много занимаются рыбною ловлею, преимущественно изгианные стрелы, которые, однако, сами не ходятъ въ воду, а нанимаютъ для этого работниковъ. Отъ устья Баргузина идетъ параллельно съ берегомъ почтовая дорога къ Туркваскимъ минеральнымъ водамъ. Превосходные лѣса покрываютъ береговыя горы, которыя весьма круто возвышаются. Радде въ первый разъ увидѣлъ тутъ лѣса бальзамнаго тополя (*populus balsamifera*). Хвойные лѣса уступаютъ здѣсь мѣсто преобладающей березѣ. Радде воспользовался дорогой, чтобы доѣхать до минеральныхъ водъ, находящихся на разстояніи 56 верстъ.

Посреди березоваго лѣса блещетъ церковный куполь. Близъ этого зданія находится деревушка, больница и купальное заведеніе самыхъ знаменитыхъ сибирскихъ водъ Тур-

кинскя. Эти воды выдѣляютъ довольно много сѣроводорода, сильный запахъ котораго распространяется по долинѣ. Главный источникъ рачительно окруженъ стѣной и храмообразною надстройкою. Горячая вода проводится прямо въ больницу, въ которой отдаются въ наемъ отдѣльныя комнаты, по 7 рублей въ мѣсяцъ. Больные, при этомъ, сами должны хлопотать о своемъ уходѣ и пропитаніи. За сотни ванъ берутъ очень мало, только 10 рублей. По этому видно, что Туркинскія воды еще не поднялись на такую степень, какъ Спа или Висбаденъ, хотя туда отправляется вся аристократія Сибиря. Впрочемъ, вода довольно невкусна и мало дѣйствительна. Составныя ея части глауберова соль и сѣроводородъ. Температура воды $+43^{\circ}$ по Реомюру.

Уже обиліе горячихъ минеральныхъ ключей у береговъ Байкала указываетъ на существованіе вулканическихъ силъ въ этой мѣстности. Хотя здѣсь нѣтъ дѣятельныхъ вулкановъ, тѣмъ не менѣе видны ихъ слѣды въ видѣ угасшихъ жерлъ. Чѣмъ болѣе удаляются отъ средоточія огненной дѣятельности, тѣмъ меньше горячихъ источниковъ. Воду этихъ источниковъ можно сравнить съ громаднымъ облакомъ пара, который въ теченіе дней и недѣль восходитъ изъ дальнихъ жерлъ. Горячіе источники, безъ сомнѣнія, лучшее средство для медленнаго охлажденія, потому что они отнимаютъ у расплавленныхъ подземныхъ массъ жаръ. Впрочемъ, настоящій процессъ химическихъ измѣненій, которыя происходятъ при содѣйствіи воды и жара внутри земли, долго еще останется неизвѣстнымъ.

У Байкальскаго озера связь горячихъ источниковъ съ вулканическою дѣятельностью подтвердилась многочисленными землетрясеніями. Одно изъ величественнѣйшихъ и продолжительнѣйшихъ, происходило съ декабря 1861 по апрель 1862 года. Средоточіе его находилось въ городкѣ Селенгинскѣ, у Селенги. Это землетрясеніе произвело въ Забайкальѣ страшныя опустошенія. Разрушились половина деревни Степны, лежащей къ сѣверу отъ Посольска, у берега Бай-

кала. Отъ подрывныхъ силъ, часть деревни провалилась и за-
лилась водою, такъ что были видны надъ нею лишь крыши.
Напротивъ того, другая часть, съ церковью, осталась на
прежнемъ мѣстѣ, 60 футовъ надъ провалившася половиною.

Въ Туркинскѣ лихорадка заставляла Радѣ отказаться отъ
продолженія путешествія по Байкалу. Подите онѣ наблю-
далъ озеро зимою, когда берега и горы были покрыты снѣ-
гомъ. Уже въ августѣ и сентябрѣ у Байкала начинаются
ночные морозы, иней покрываетъ растенія, бури усилива-
ются, и волны перекатываются; почему тогда лишь рѣдко
кто рѣшается ѣздить на лодкѣ по изволнованной стихіи.
По наступленіи зимы представляются новыя величественныя
явленія. Вѣтеръ шумно носится по вершинамъ старыхъ
лихъ и голыхъ лиственницъ, между тѣмъ, какъ въ долинѣ
все спокойно. Надалека слышны удары дятла, который по
временамъ издаетъ однообразный свистъ, по воздуху пер-
хаетъ синица. Въ темномъ словомъ лѣсу, который иногда
до того чистъ, что не пропускаетъ ни одного луча солнца,
нитями тянутся съ одного сука на другой зеленоватобѣлые
лишай, покрывающіе всолинокъ растительности отъ вер-
шины до корней. Въ чащѣ слышенъ стукъ клыва длиннохвост-
той синицы, а подъ деревьями шумно несутся къ Байкалу
воды ручьевъ. Старые, повалившіеся стволы служатъ сибир-
ской куницѣ (*mustela sibirica*) мостами черезъ ручьи, и по
слѣду въ снѣгу можно узнать, гдѣ она странствовала, пре-
слѣдуя бѣлку, поспѣвшее бѣгство которой видно по отпечатку
двухъ ея ногъ. Въ чащѣ беретъ постъ чечетка, а на тонкомъ
лду, совершенно у края воды, водяной дроздъ неподвижно
подстерегаетъ мелкихъ водяныхъ животныхъ.

Мы покидаемъ тихую долину, гдѣ зимою находятъ себѣ
убѣжище итицы, и возвращаемся вверхъ. Вершины стоятъ
куполомъ, и мы не видимъ далеко съ достаточною ясностью.
Тамъ все сливается въ общемъ сѣромъ оттѣнкѣ, на кото-
ромъ выдается лишь чернота слоного лѣса. Лисица и дикія
козы рыскаютъ, оставая въ снѣгу слѣды, а въ сумерки бѣ-

лая сова неслышно вылетаетъ изъ лѣса, чтобы подстеречь рябчика.

Но зимняя природа Байкала не всегда представляется въ этомъ прелестномъ видѣ. Уже черезъ нѣсколько дней мы видимъ совсѣмъ другую картину. Обильный снѣгъ покрываетъ деревья, буря носится по лѣсу, свѣжая снѣгъ, улегшійся на деревняхъ, отчего весь лѣсъ окруженъ облаками. Къ этому присоединяется трескъ ломающихся стволовъ и сильные морозы. Груды снѣга изгибаются вѣтромъ, и солнце является на сіромъ небѣ среди свѣтлаго круга. Постепенно количество снѣга увеличивается, и, наконецъ, не знаешь, берется ли онъ съ неба или съ земли, когда поднимается сибирская буря, или пурга.

Узкую тропинку въ лѣсу, протоптанную животными, вскорѣ нельзя болѣе распознать, и странствующій охотникъ долженъ считать себя счастливымъ, если онъ во-время находитъ шалаши изъ сваленныхъ стволовъ, покрытый сосновыми сучьями, гдѣ онъ можетъ обжидать бурю и развести костеръ. Нерѣдко буря длится нѣсколько дней. Прорывающіеся лучи солнца освѣщаютъ горныя высоты, гдѣ пробіраются олени, за которыми слѣдуетъ волкъ. Такъ какъ человѣкъ болѣе не можетъ избираться по покатостямъ горъ съ развѣливами, занесенными снѣгомъ, то гребни становятся вѣрнымъ убѣжищемъ для кабарги, лося и оленя, но они не могутъ избавиться и тамъ отъ лютыхъ рясей, россомахи и волка.

Такъ какъ мы уже ознакомились съ бурятами, то намъ остается сказать нѣсколько словъ о другомъ племени, живущемъ у Байкала, именно о тунгузахъ. Бураты живутъ на восточномъ берегу и на большомъ островѣ Ольхонѣ, а тунгузы странствуютъ по сѣверной сторонѣ Байкала до впаденія Баргузина. Эти желтобурые, черноволосые люди считаютъ дремучіе лѣса настоящею своею родиною. Въ немъ они какъ дома. Каждая скала, каждое дерево имъ знакомы. Они обладаютъ изумительною способностью помнить мѣст-

Промысловое деревня у Байкальского озера.

ность. Темпераментъ ихъ сангвиническій, и даже при самой тяжелой работѣ они шутятъ. Тунгузы услужливы, открытвенны и разговорчивы. Неутомимо лазаютъ они въ гору и подъ гору, пробираются въ чащу и прыгаютъ съ кочки на кочку въ непроходимыхъ болотахъ. Это люди, довольные малымъ, добрые и получающіе все необходимое отъ одного животнаго и одного дерева, именно отъ сѣвернаго оленя и березы. Всего лучше тунгузы умѣютъ обрабатывать кожу сѣвернаго оленя, изъ которой женщины шьютъ одежду, причемъ ниткою имъ служатъ сухожиліе животнаго. Изъ березовой коры они изготовляютъ лыжи, коробки, люльки и покрывшу юрты съ коническимъ остовомъ изъ жердей.

Странствующій тунгузъ всегда имѣетъ съ собою семь предметовъ, составляющихъ въ сущности все его достояніе: медвѣжье копы (гидла), сдѣланное изъ березовой жерди, съ желѣзнымъ наконечникомъ, въ 9 дюймовъ длины, ружье съ кремнемъ, рачительно завернутое въ оленью кожу, конскій хвостъ (ариукъ) для отпихиванія мухъ и комаровъ, китайскую трубку (улла) изъ латуни, острогу для ловли рыбы и, наконецъ, челнокъ изъ березовой коры, которымъ тунгузы управляютъ искусно. Судно это имѣетъ длину лишь въ 6 фут., стоитъ два рубля и чрезвычайно полезно въ болотахъ и на мелкихъ озерахъ.

Холодъ и жажду тунгузы переносятъ терпѣливо и, не смотря на нужду, которую испытываютъ зимою, они не рѣшаются поступить на службу къ русскимъ. Радѣ предложить своему тунгузскому проводнику отправиться съ нимъ въ городъ заниматься тамъ работою, обѣщая ему даже теплую комнату и ежедневно хлѣба и чаю. Все это не соблазнило тунгуза, и онъ отказался, говоря: „Наша вѣра повѣлываетъ намъ жить и умереть въ лѣсу.“ Такой отвѣтъ далъ крещеный тунгузъ.

Одежда тунгузовъ въ своемъ родѣ щеголеватая и легкая, особенно въ сравненіи съ неуклюжею и грязною одеждою бурята. При полной свободѣ тунгузовъ, жены ихъ нахо-

дятся въ полномъ рабствѣ. Жена тунгуза строитъ хижину, дубитъ кожу, шьетъ одежду, печется о хозяйствѣ, пасетъ сѣверныхъ оленей или скотъ, словомъ, дѣлаетъ все, и иногда помогаетъ даже на охотѣ. Оттого женщины для странствующихъ тунгузовъ необходимы, и безъ нихъ мужчины пропали бы. Большая часть бѣдныхъ тунгузовъ, которыхъ видѣлъ Раде у Байкальскаго озера, были крещены. Впрочемъ, они имѣютъ слабое понятіе о христіанской вѣрѣ и исполняютъ ея обряды лишь въ присутствіи русскихъ, а на свободѣ, въ лѣсу, преданы шаманству. Оба тунгуза, съ которыми Раде странствовалъ по Форельному озеру, почтительно цѣловали руку русскому священнику и знали церковные обряды. Въ лѣсу Раде спросилъ ихъ, что означаютъ фигуры животныхъ на его поясѣ? Тунгузъ отвѣтилъ ему, что вѣра предписываетъ носить такіе поясы, если желаютъ сдѣлать богатую добычу или быть счастливыми. Слѣдовательно, кромѣ христіанскаго Бога и вѣры, тунгузы имѣютъ еще особенную вѣру и боговъ, почитаемыхъ наравнѣ съ евангелиемъ. Поэтому видно, что религіозныя воззрѣнія у нихъ точно такія же, какъ у бурятъ, при всемъ различіи этихъ племенъ.

Камоза.

Мѣсто стоянки монголовъ у Аргуни.

VIII.

Источники Амура.

Область Амура. — Гора Сохонта и восхождение на нее. — Сѣверные туземцы. — Источн. Оюна. — Игаода. — Нерчинск. — Торговые сношенія. — Шань. — Шань-инский заводъ. — Ярмунга. — Рѣка Керуль. — Далайское озеро. — Аргунь.

Амуръ — одна изъ величайшихъ рѣкъ Азіи и вмѣстѣ со своими притоками орошаетъ обширную котловинообразную область, ограниченную на югѣ Шань-Алискими горами у предѣловъ Кореи и чертой, проведенной отсюда въ сѣверо-западномъ направленіи до Кентейскихъ горъ. На сѣверѣ притоки Амура отдѣляются Яблоновыми горами и Становымъ хребтомъ отъ рѣкъ, впадающихъ въ Сѣверное Полярное и Охотское моря. Наконецъ, береговая горы у Татарскаго пролива отдѣляютъ рѣчную систему Амура отъ ручьевъ и рѣкъ, впадающихъ въ тотъ проливъ.

Китайцы главной рѣкой считаютъ самый большой притокъ Амура Сунгари, между тѣмъ какъ русскіе, а съ ними

и остальные народы полагають, что источники Амура нужно искать въ горахъ Сохонды и Кентейскихъ, откуда, въ сѣверовосточномъ направленіи, стекаетъ множество рѣкъ, которыя своимъ соединеніемъ при Усть-Стрѣлкѣ образуютъ Амуръ.

На сѣверъ отъ Сохонды беретъ начало *Инода*, а на югъ отъ этой горы *Онона*. Обѣ эти рѣчки соединяются въ Шилку, одинъ изъ главныхъ притоковъ Амура. Второй главный притокъ Амура, Аргунь, называемая въ своемъ верховьѣ Кайларомъ, стекаетъ съ Хинганскихъ горъ, проходящихъ по Монголіи. Прежде Керуль, вытекающую изъ Кентейскихъ горъ, принимали за верховье Аргуни, пока Радде не обнаружилъ ошибки и не указалъ, что между Керульню и Аргунью существуетъ лишь временное соединеніе. Изъ этого видно, какъ различно опредѣляли истоки Амура. При всемъ томъ, гидрографія этой рѣки вовсе не запутанна, и сбивчивость зависѣла лишь отъ разныхъ названій, какія даются притокамъ.

Воды Онона и Иноды раздѣлены горнымъ хребтомъ, высочайшую точку котораго составляетъ Сохонда. Эта горная цѣпь вовсе не составляетъ главной отрасли Яблоновыхъ горъ, идущихъ къ сѣверу отъ Кентейскаго узда; она образуетъ скорѣе побочную вѣтвь, отдѣляющуюся отъ южной части этихъ горъ. Какъ большая часть горъ Восточной Сибири, и эта цѣпь очень богата водой и представляетъ тупыя конусообразныя вершины, то отдѣльныя, то сгруппированныя вѣтви. Главный хребетъ горъ образуетъ на своей вершинѣ громадную равнину, съ безпорядочно разбросанными обломками гранита.

Множество маленькихъ горныхъ потоковъ стекаетъ съ этихъ горъ и посылаетъ свои воды, черезъ Иноду и Ононь къ Амуру. У подошвы горъ эти потоки питаютъ собою непроходимыя болота, такъ много затрудняющія прониканіе въ эту пустыню. Впрочемъ, по вершинамъ замѣчается нѣкото-

рая горная растительность, образующая оазисы въ разрозненныхъ скалистыхъ мѣстностяхъ.

Издали Сохоидскія горы, которыя русскими ошибочно называются Чокоидскими, представляютъ однообразный хребтъ, раздѣленный по самой срединѣ впадиной на двѣ приблизительно равныя части. Немногія пропасти, наполненныя свѣгомъ, блещутъ въ синѣющей дали. Впрочемъ, днесь вершины Сохойды почти постоянно покрыты густымъ туманомъ и дождевыми облаками; лишь вечеромъ, когда солнце уже скрывается за горы, свѣтъ виденъ ясно и бывають залиты свѣгомъ. Для тунгузовъ эта гора, постоянно одѣтая въ туманъ и дождевыя облака, даетъ поводъ къ разнымъ религіознымъ вѣрованіямъ. Ихъ воображеніе создаетъ разнѣваннаго духа, обитающаго на вершинахъ Сохойды, враскѣбнаго человѣку и грозящаго опасностью всякому, кто вступитъ въ его области. Такимъ образомъ, эти интересныя горы неизвѣстны даже мѣстнымъ жителямъ, и лишь съ трудомъ путешественнику можно достать проводника.

Когда Радде, въ 1856 году, взошелъ на Сохойду, то онъ съ трудомъ нашелъ какого-то стараго тунгуза, который рѣшился, съ нѣсколькими казаками, сопровождать его. Дорога шла по долинѣ рѣчки Агуцакана. Горы, подымающіяся по обѣимъ сторонамъ, весьма красиво порасли лѣсомъ. Береза образуетъ здѣсь рѣдкѣе перелѣски, а луга покрыты густою травою. Такая роскошная растительность обуславливается двумя причинами: избыткомъ воды и черноземною почвою. Узкая тропинка, проложенная въ этой красивой мѣстности, скоро теряется, и Агуцаканъ, по мѣрѣ восхожденія, становится все уже и уже. Прозрачныя его воды часто пьются вокругъ камней, преграждающихъ ему путь. Рои крупныхъ комаровъ, составляющихъ бичъ Восточной Сибири, преслѣдуютъ путешественника, безпокоя его самого и лошадей. При дальѣйшемъ поднятіи исчезаютъ богатопоросшіе луга, и на высотѣ 4,000 фт. начинаютъ попадаться болотистыя мѣста, гдѣ растутъ ива и береза, вмѣстѣ

со мхомъ и брусничкой. Здѣсь цѣлый лабиринтъ родниковъ, пробивающихся изъ мягкаго ковра мховъ. Она весьма затрудняютъ дальнѣйшее слѣдованіе въ гору. Мохъ скрываетъ опасныя мѣста, и лишь невѣрными, медленными шагами подвигается впередъ лошадь, привыкшая къ подобнаго рода путешествіямъ, причемъ она нерѣдко погружается по грудь въ болото. Лиственница здѣсь повсюду преобладаетъ. Часто прогалины расчищены огнемъ, а не рубкою лѣса, причемъ, однако, расчистка простирается нерѣдко далѣе желаемыхъ границъ.

Едва ли кому удастся выйти на Сохонду, не испытавъ грозы. Такъ было и съ Радде. Желтыя молніи сверкали въ черныхъ, медленно надвигающихся тучахъ, и громъ раскатывался съ такою силою, что бѣдный тунгусъ трепеталъ отъ страха и рассказывалъ разные страсти о разгнѣванномъ духѣ Сохонды. Проливной дождь заставилъ раскинуть палатку, въ которой Радде и провелъ ночь со своими спутниками.

На другой день онъ пошелъ далѣе по долинѣ Агуцакана. Эта рѣчка свергается многими водопадами съ одной ступени на другую; шумный ропотъ воды причудливо раздается здѣсь въ тишинѣ перелѣсковъ, въ которыхъ встрѣчаются только волосатыя бѣлки. Тамъ, гдѣ на высотѣ 5,200 ф. перестаетъ расти береза, и почва становится суне, начинаютъ преобладать древовидные сибирскіе кедры. Подошва настоящей вершины горы находится еще выше, въ области произрастанія кустарникообразнаго сибирскаго кедра, т. е. на высотѣ 6,700 фут. При частыхъ и сильныхъ сѣверныхъ и сѣверозападныхъ вѣтрахъ, даже это растеніе, нерѣдко въ слѣдствіе ихъ ивѣющее иѣтъ безъ иголъ, не можетъ прозябать надлежащимъ образомъ. Въ этой области Радде провелъ вторую ночь подъ громомъ и молніей. Злой духъ Сохонды, по мнѣнію проводника, былъ очень разгнѣванъ, и потому, на его взглядъ, всего благоразумнѣе было вернуться. Тунгусъ расположился подъ сибирскими кедрями, защищавшими его, и кожанымъ кафтаномъ закрылъ свою голову, украшенную

косою. Эта, подверженная вѣтрамъ, обнаженная вершина, куда красная дичь заходитъ лишь въ жаркіе лѣтніе дни, спасаясь отъ комаровъ, служитъ любимымъ мѣстомъ для кабарги. Растительность имѣетъ тутъ шибко альпійскій характеръ. Растенія малорослы, рѣдко бывають съ цвѣтами и большею частью образуютъ дернъ.

На третій день началось опасное восхожденіе на вторую горную террасу, покрытую обломками гранита. Бока камней, которые сверху гладко омыты, покрыты черношатыми или желтовато-красными лишаями. Между гранитными скалами журчатъ и шумятъ тысячи ручейковъ, то улаждая слухъ, то напоминая сусѣднимъ тунгузамъ своимъ ревомъ о горномъ духѣ. Здѣсь постоянно водится одно четвероногое, сѣноставецъ (*lagomys alpinus*), который накопляетъ между скалами запасы сѣна на зиму.

Гранитная вершина Сохонды имѣетъ крутой склонъ на южную сторону, и у подножія вершицекулярной стѣны находятся два маленькія озера, снабжаемая водою изъ подземныхъ источниковъ. Въ этихъ озерахъ водится одинъ видъ форели (*salmo coregonus*), а по берегамъ летаютъ альпійскія вороны (*fregilus graculus*) и бѣлые куропатки. Вершина Сохонды покрыта дико-нагроможденнымъ гранитомъ и лежитъ выше озеръ на 1,500 ф. Отсюда представляется величественный горный видъ; теряющійся въ равнинахъ Монголіи.

По извѣщеніямъ Радде, вершина Сохонды поднимается на 8,259 фут. надъ уровнемъ моря; слѣдовательно, она еще не лежитъ въ предѣлахъ вѣчныхъ снѣговъ, и потому здѣсь видны слѣды довольно разнообразной животной и растительной жизни. Даже медвѣдь заходитъ на эту вершину въ жаркіе дни, чтобы прохладиться здѣсь, между тѣмъ какъ тутъ почти непрерывно слышенъ пискъ сусликовъ, карканье альпійскихъ воронъ и свистъ сѣноставца.

Сохонда, съ многочисленными своими притоками и ручьями, доставляетъ главную массу воды Амуру. Ононь и Ин-

года, образующіе Шилку, и Берлуна, стоящая въ тѣсной связи съ Аргунью, суть три рѣки, которыя мы и рассмотримъ прежде всего. Мѣстность, находящаяся между ними, весьма разнообразна по внѣшнему виду. Сѣверная и сѣверо-восточная часть гориста и образуетъ горную или заводскую область Нерчинскіе; между тѣмъ какъ на востокъ и юговостокъ въ эту рѣчную область идетъ пустыня Гоби своею крайнею полосою, составляющею Даурскую степь.

По берегамъ Онона идутъ обширные высокоствольные лѣса, въ которыхъ преобладаетъ сосна. Эти, очень густые лѣса шириною нерѣдко въ 15 верстъ, весьма интересны въ ботанико-географическомъ отношеніи, потому что составляютъ рѣчную границу между рѣкой и степью. Чѣмъ далѣе идешь по Онону къ востоку, тѣмъ рѣже становится лѣсъ и, наконецъ, совершенно исчезаетъ въ тонъ мѣстъ, гдѣ отроги Адончоловскихъ горъ заставляютъ ее уклониться къ сѣверу. Паденіе рѣки по этому направленію незначительно, но она нерѣдко бываетъ стѣснена между гранитными берегами и до соединенія съ Шилкой тянется по мѣстности лѣсистой или поросшей кустарникомъ.

Ингода возникаетъ на сѣверъ отъ Сохонды и течетъ въ сѣверо-восточномъ направленіи до Читы, главнаго города Забайкальскаго края, съ 1,500 жителями, у подошвы Яблоновыхъ горъ. Ниже этого города Ингода имѣетъ ширину отъ 120 до 200 футовъ, течетъ очень стремительно и образуетъ весьма много острововъ. Скалистыя горы у ея береговъ облекаются иногда до того, что между ними остается лишь узкій промежутокъ. Берега эти покрыты густымъ лѣсомъ. Между подлѣскомъ здѣсь встрѣчаются прекрасные папоротники, а въ болѣе теплыхъ мѣстахъ произрастаетъ ревенъ. Лодки и плоты могутъ плавать до Читы; однако судоходство довольно опасно по множеству мелей и пороговъ. Немного повыше Кручины стоитъ посреди рѣки скала *Капитана*, которая при мелководіи претраждаетъ путь. Самый опасный

порогъ, называемый Бойцежъ, находится ниже Воровской впадины, гдѣ Ингода извивается по ущелью.

Шилка образуется соединеніемъ Онона съ Ингодой. Въ началѣ ея теченія она несудоходна для крупныхъ судовъ, потому что здѣсь много пороговъ и острововъ. По лѣвому берегу идутъ холмы, поросшіе ивами, между тѣмъ какъ правый низмененъ и очень болотистъ. Съ сѣвера выдаетъ въ Шилку, по красивой лѣсистой долинѣ, рѣка Нерча, и въ этой мѣстности построены Нерчинскъ.

У европейскихъ путешественниковъ, которые, послѣ труднаго странствованія внизъ по рѣкѣ чрезъ Монголію, внезапно видятъ церкви, башни и сибирскіе дома, конечно, пробуждается мысль о родинѣ. Но пріятность значительно уменьшается, когда вспомнишь, гдѣ находишься. Климатъ въ Нерчинскѣ вовсе не такъ дуренъ, какъ нерѣдко утверждаютъ; лѣто здѣсь, конечно, не такъ долго, какъ въ средней Европѣ, но оно очень жаркое и производитъ великолѣпную растительность. Земледѣіе и огородачество идутъ здѣсь очень успѣшно. Овощи произрастаютъ превосходно, равно какъ и табакъ, который продается бурятамъ и тунгузамъ.

Нерчинскъ лежитъ надъ 51° 58' сѣверной широты и надъ 117° 40' восточной долготы отъ Гринича, на лѣвомъ берегу Нерчи, на разстояніи почти трехъ верстъ отъ ея впаденія въ Шилку. Первоначально поселились у самаго берега Шилки, но частыя наводненія этой рѣки заставляли перемѣститься въ занимаемую нынѣ мѣстность, впрочемъ, также не вполнѣ надежную. Самое большое наводненіе, погубившее половину города, было въ 1840 году, когда вода поднялась на три сажени выше нормальнаго уровня.

Торговля въ Нерчинскѣ весьма дѣятельная. Тутъ построены гостинный дворъ по образцу восточныхъ караванъ-сараявъ. Около него можно видѣть пеструю толпу русскихъ, туркменовъ, манджуровъ и другихъ монгольскихъ и тунгузскихъ народовъ. Казаки покупаютъ уаду или ножикъ, русскіе и бураты пришли на рынокъ со своими дѣтьми, тутъ стоять

Площадь въ Нижнемъ.

верблюды, нагруженные товаромъ, отправляемыми до Байкальскаго озера, а вверху по Амуру—сюда прѣзжаютъ нѣмецкіе и американскіе торговцы изъ Калифорніи. Тутъ можно встрѣтить бухарцевъ изъ западно-азіатскихъ ханствъ; ихъ блѣдныя, обыкновенно красивыя лица рѣзко отличаются отъ широкихъ, желтыхъ лицъ кочующихъ племенъ сѣверо-восточной Сибири. Главнѣйшіе предметы торговли составляютъ здѣсь чай, порохъ, свинецъ и мѣха.

Въ городѣ будетъ около 5,000 жителей. Въ немъ находятся двѣ православныя церкви, астрономическая обсерваторія и горное училище, построенныя изъ кирпича, между тѣмъ какъ всѣ остальные зданія деревянные. 30 лѣтъ послѣ основанія этого города (въ 1689 г.), Россія заключила первый договоръ о границахъ съ Китаемъ, причемъ, въ слѣдствіе посредничества французскаго миссіонера Гербильона, особенно было въ выгоду китайское правительство. Отважный предводитель казаковъ, Бекетовъ, отправился въ 1652 году изъ Енисейска, чтобы завладѣть для Россіи странами по ту сторону Яблоноваго хребта, о которыхъ тогда очень много говорили. Въ слѣдующемъ году онъ дошелъ до Ингоды, проплывъ внизъ по этой рѣкѣ, открылъ Шилку и заложилъ у устья Нерчи поселеніе. Съ живущихъ тутъ тунгузовъ онъ собралъ дань и началъ обрабатывать землю. Нѣсколько времени все шло хорошо, но затѣмъ тунгузы возстали и прогнали казаковъ. Губернаторъ Енисейска не унывъ духомъ отъ такой неудачи и въ слѣдующемъ же году отправился къ Шилкѣ съ 566 человекъ. Конечно, пришлось много страдать отъ недостатка пищи, тѣмъ не менѣе ему удалось тамъ утвердиться и устроить Нерчинскъ, который въ 1781 году сдѣлалъ городомъ.

Нерчинскъ составляетъ средоточіе очень обильныхъ свинцовыхъ и серебряныхъ рудниковъ, расположенныхъ на весьма обширномъ пространствѣ; въ нихъ занимается около 5,000 человекъ. Въ эти рудники отправляются на работу каторжанки, совершившіе тяжкія преступленія, и за ними над-

зируютъ очень строго. Несовершенство же такихъ преступленій пользуются лучшимъ обращеніемъ. Обыкновенно осмыльные получаютъ ежемесячно пашъ и два рубля, мастеровымъ же выплачиваютъ ежедневно по 15 коп. Работавшіе въ рудникахъ ежемесячно освобождаются на цѣлую недѣлю отъ работы. Большею частью осмыльные, послѣ безпорочнаго поведенія въ теченіе 20 лѣтъ, получаютъ свободу и кусокъ земли, за который не платятъ никакихъ податей.

Рудники находятся подъ управленіемъ комитетнаго въ горномъ дѣлѣ человека, которому помогаютъ значительное число инженеровъ. Многие русскіе минералогіи начали свою карьеру въ Нерчинскѣ. Нерчинскій свинецъ отправляется не въ европейскую Россію, а въ Барнауль, гдѣ его употребляютъ для обработки алтайской руды. Провозъ свинца въ европейскую Россію былъ бы слишкомъ дорогъ, такъ что нѣмецкій и англійскій свинецъ оказался бы въ пять или шесть разъ дешевле сибирскаго. Въ Нерчинской области добываютъ олово, цинкъ и золото; послѣднее во многихъ долинахъ Яблоновыхъ и Чинганскихъ горъ.

Понизже Нерчинска въ Шилку впадаетъ множество маленькихъ, большею частью золотосыныхъ рѣчекъ, стекающихъ съ Яблоновыхъ горъ. Въ слѣдствіе этого рѣка значительно увеличивается. Въ Шилкѣ находится много острововъ, поросшихъ ивямъ; у ея берега расположены маленькія казачія деревни съ деревянными избами. На южномъ краѣ находится казачье селеніе Срѣтенское, одно изъ первыхъ въ этой области. Около него видны цвѣтущія поля, и тутъ весьма успѣшно разводятся всякаго рода огородныя растенія. По мѣрѣ приближенія къ Шилкинскому, лѣвый берегъ становится все болѣе и болѣе населеннымъ. Почва здѣсь хороша и доставляетъ все необходимое для поддержанія жизни. Рыбы и дичи вдоволь.

До окрестностей деревни Боти господствуютъ гранитныя скалы съ округленными вершинами, а затѣмъ появляется известнякъ, живописно изгибающійся видъ. Скалы становятся

выше, и ихъ вершины раздѣляются на множество живописныхъ башенокъ, между тѣмъ какъ у подошвы видны пещеры, весьма богатая асфальтомъ. Слѣдовательно, и въ этомъ отдаленномъ амурскомъ краѣ можетъ развиваться добываніе горнаго масла (керосина).

При устьѣ рѣчки Чалбучи, текущей съ Яблоновыхъ горъ, находится довольно значительное населеніе, Шилкинский заводъ, средоточіе Нерчинскаго горнаго округа. Тутъ развилась довольно значительная промышленность. По южному берегу Шилки находятся горные заводы, на которыхъ добываются свинецъ и серебро; а въ недавнее время устроили также желѣзные заводы, дающіе весьма хорошій доходъ. Известны также кожвенные шилкинскіе заводы, на которыхъ кожу дубятъ березовой корой. Эту кожу отправляютъ далеко въ Монголію; даже сибиряки получаютъ отсюда свои запасы. Послѣ открытія Амурскаго края Шилкинское стало для русскихъ очень важнымъ мѣстомъ. Для маленькихъ судовъ Шилка судоходна до этого мѣста, а болѣе крупныя должны перегружаться.

Ниже Шилка принимаетъ въ себя Кару, у береговъ которой открыты золотые прииски, обѣщающіе очень много въ будущемъ. Шилка течетъ здѣсь еще въ довольно узкомъ руслѣ, между известковыми горами, поросшими густымъ лѣсомъ, до впаденія въ нее Габрицы, у деревни того же имени. Эта рѣчка течетъ съ Яблоновыхъ горъ, и недалеко отъ ся впаденія у минеральныхъ ключей Богдоя, ежегодно бываетъ ярмарка. Русскіе купцы и казаки занимаются здѣсь мѣшовой торговлею съ манджурами, которые привозятъ сюда съ Айгуна и промѣниваютъ бумажныя ткани, шелкъ, табакъ и китайскую водку на стекло, мыло и олсній рогъ.

Эта мѣстность весьма богата минеральными ключами, которыми туземцы пользуются весьма часто. Вблизи упомянутого ярмарочнаго мѣста Богдоя, известковые камни смѣняются сильно растрескавшимся гранитомъ. Безчисленное множество горныхъ ручьевъ свергается съ живописныхъ скалъ;

по берегамъ этихъ потоковъ преобладаетъ сосна, между тѣмъ какъ въ болѣе высокихъ областяхъ растутъ березы и лиственницы.

Последній значительный притокъ, впадающій также съ сѣвера, называется Желтуха. Ея прозрачныя, обильныя воды смѣшиваются съ водами Шилки лишь послѣ того, какъ каждая изъ нихъ протекла какое-либо разстояніе одна подлѣ другой. Казаки утверждаютъ, что даже породы рыбъ въ той и другой половинѣ различныя. Рыболовствомъ тутъ занимаются очень сильно. У впаденія рѣчки Банковыя, притекающей съ юга, также бываетъ ярмарка, причемъ должно удивляться точности, съ какою туземцы сходятся сюда въ извѣстному времени изъ различныхъ мѣстностей. Около нѣсколькихъ тѣнистыхъ дерезъ, у береговъ рѣки, они собираются на три дня, въ теченіе которыхъ ведутъ переговоры такъ серьезно, какъ будто бы дѣло шло объ обширныхъ торговыхъ операціяхъ.

Ниже этого мѣста берега Шилки представляютъ мало измѣненій. У поста Усть-Стрѣлки рѣка соединяется съ Аргунью подъ $53^{\circ} 19'$ сѣверной широты и $121^{\circ} 50'$ восточной долготы отъ Гринича.

Если считать Керлунь верховьемъ Аргуни, хотя въ вѣрности этого предположенія, по изслѣданію Радде, можно очень сомнѣваться, то источники этого потока находятся на югѣ Кентейскихъ горъ, которыя идутъ къ сѣверо-востоку отъ монгольскаго города Урги и къ югу отъ Сохондскихъ горъ, столь богатыхъ водами. Описывая большую дугу преимущественно въ восточномъ направленіи, течетъ Керлунь по монгольской степи, и во многихъ мѣстахъ берега ея, говорятъ, величаны романтической прелести. Точныя свѣдѣнія объ этой рѣкѣ еще не обнародованы. Оттого ея гидрографія остается неразъясненною. Во всякомъ случаѣ извѣстно, что Керлунь протекаетъ по китайской территоріи и впадаетъ въ большое озеро Далай-Норъ, или Кулунъ.

Связь между Керлуною, Далай-Норомъ и Аргуною разъясняетъ Радде. Далай-Норъ озеро прѣсноводное, а первыя свѣдѣнія о немъ мы получили отъ Гербильона (1698 г.) и Месеринида (1724 г.). По мнѣнію пограничныхъ казаковъ, оно имѣетъ въ длину, по направленію отъ юга къ сѣверу, 150 верстъ, и въ ширину отъ востока къ западу 50 верстъ. Кромѣ Керлуны, въ озеро впадаетъ еще Ургуунъ, днащія стоки водамъ озера Буйра-Нора, лежащаго далѣе къ югу. До нашего времени предполагали, что Аргуунъ составляетъ стоки Далай-Нора, но Радде приводитъ весьма многое противъ такого мнѣнія. Такъ, съ этими не согласуются свѣдѣнія, полученные отъ прибрежныхъ жителей, даже переходъ рыбы изъ Далая въ Аргуунъ, происходящій не постоянно, а только по временамъ, и, наконецъ, утверженіе монголовъ, что лишь при высокомъ уровнѣ воды въ некоторое время образуется нечто въ родѣ соединительнаго канала между Далаемъ и Аргуною.

Рѣку-мать Аргуни составляетъ Кайларъ. Монголы говорятъ о Кайларѣ и Агуни постоянно какъ объ одной и той же рѣкѣ, которая только различно называется ими и русскими, и вовсе не считаютъ Кайлара притокомъ Аргуни. Около трехъ верстъ на югъ отъ границы въ китайской территоріи, съ лѣвой стороны въ Кайларъ впадаетъ каналъ, сѣверный конецъ котораго касается Далая. Этотъ каналъ монголы называютъ *Далайготъ*, а русскіе, по свойству его воды, Мутнымъ. Именно этотъ каналъ, при высокомъ уровнѣ Кайлара, медленнымъ теченіемъ спускаетъ часть воды въ Далай-Норъ. Черезъ него-то и проливается тогда множество рыбы изъ озера въ Аргуунъ. Кайларъ несетъ въ началѣ іюня громадное количество сѣвжной воды и верблюда, подобно Аргуни на русской территоріи, до половины іюля, затопляетъ всѣ низменности. Къ сожалѣнію, при такихъ разливахъ вода наноситъ почти одинъ песокъ и весьма мало плодороднаго ила.

Что касается самаго названія Далай-Норъ, то въ буквальномъ переводѣ это значить большое озеро. Но монголы

считаютъ его скорѣе моремъ въ томъ смыслѣ, что Далай не имѣетъ стока и, между тѣмъ, принимаетъ много притоковъ. Пока озеро останется на китайской территоріи, пограничные жители Россіи будутъ имѣть, по крайней мѣрѣ, временно, очень много рыбы, потому что монголы, густо заселяющіе берега Далая, не занимаются рыболовствомъ.

По верховьямъ Аргуни рыба находитъ глубокое русло, со многими заливами, гдѣ ей гораздо удобнѣе метать икру, чѣмъ въ Керлуни и Ургуни. Далѣе, особенно за казачьимъ постомъ Цурухайтуя, Аргунь принимаетъ совершенно другой характеръ. Ея русло становится каменистымъ, и у береговъ встрѣчается много краснаго и бѣлаго халцедона и агата. Гранитныя горы, поросшія лѣсомъ, сдвигаются низменностями, представляющими богатые луга, благоприятныя для скотоводства, особенно къ юговостоку, гдѣ проходятъ Чинганскія горы, и кочуетъ много монголовъ.

Отъ Далайскаго озера Аргунь составляетъ границу между Забайкальемъ и Монголією. На лѣвомъ, русскомъ берегу разставлено много казачьихъ постовъ, изъ которыхъ самые значительные—Абагайтуй, Цурухайтуй, Нерчинскій заводъ и Аргуньскій острогъ. Изъ Нерчинскаго горнаго округа течетъ самый значительный притокъ Аргуни, Газимуръ, и, скорѣе послѣ его впаденія, Аргунь соединяется при Усть-Стрѣлкѣ съ Шилкою, образуя при этомъ Амуръ. Но прежде, нежели перейти къ изслѣдованію этой рѣки, ознакомимся съ степной областью между Онономъ и Аргуною.

Камчатка стоящая въ степи.

IX.

Даурскія степи.

Географическое положеніе даурскихъ нагорныхъ степей. — Непустынные холмы. — Зима на западной границѣ. — Высота. — Степные вошки. — Лошади киргизовъ. — Антилопы. — Перелетные птицы весной. — Путешествіе изъ, съ малосиними камнями мелодурами. — Солонные испаренія почвы. — Весенній цвѣтъ. — Образъ жизни и dress степныхъ оураковъ. — Зайцы-снегурки. — Земляные мыши. — Зайцы-скакуны и хомяки. — Растительность въ степяхъ. — Сады и переломы изъ въ Германію. — Степной помалъ животъ. — Тинистые столбы. — Монголы не убираютъ водныхъ животныхъ. — Китайско-русская граница. — Двигатели и слоты въ нихъ. — Дни въ степи. — Солончаковые травы. — Перелетные животные.

На югъ отъ знаменитаго горнозаводскаго города Нерчинска, въ Забайкальской области между Шилкой и Аргунью, двумя притоками Амура, тянутся даурскія нагорныя степи Большая монгольская пустыня, Гоби, сѣверо-восточнымъ краемъ своимъ въается въ эту страну, изслѣдованную въ послѣдній разъ Палласомъ (1772). Она имѣетъ, въ зоологическомъ отношеніи, много общаго съ фауной средне-азиатскихъ

возвышенностей и замѣчательна множествомъ живущихъ на ней характеристичныхъ животныхъ. Обозначая точнѣе положеніе границъ даурскихъ степей, мы найдемъ, что онѣ занимаютъ лишь узкую полосу земли, между $130^{\circ} 30'$ и 137° на востокъ отъ Ферра; главное протяженіе ихъ идетъ отъ запада къ востоку и пересѣкается частію 50° сѣв. ш. Сѣверную границу этой нагорной степи образуетъ высокоствольный сосновый лѣсъ, идущій вдоль берега Онона, впадающаго въ Шилку; далѣе Ононберза, текущій къ западу притокъ Онона, южныя отрасли Адошанскихъ горъ, съ которыхъ беретъ начало Гаалемуръ; потомъ рѣка Урулунгуй, несущая свои воды въ восточномъ направленіи къ Аргуни, и, наконецъ, юго-восточную и южную границу самая Аргуни и опредѣленная въ 1727 г. китайская граница. Вся страна, занимающая пространство въ 830 кв. миль, имѣетъ въ самыхъ низменныхъ мѣстахъ своихъ 2,200 ф. высоты надъ моремъ, въ высочайшихъ же пунктахъ 3,000. Многочисленныя возвышенности, идущія въ различныхъ направленіяхъ, окружаютъ большія солончаковыя долины, въ которыхъ мало водосмоль, а чаще всего встрѣчаются кристаллы соды и глауберовой соли, и случается, что въ теченіе нѣсколькихъ годовъ средѣ озера лѣтомъ бываютъ сухи и иногда совершенно исчезаютъ; родниковыхъ же болотъ найдется чрезвычайно мало, за исключеніемъ рѣкъ встрѣчающихся изрѣдка ручейковъ, происшедшихъ отъ тающей снѣговой воды. Принимая въ расчетъ такой страшный недостатокъ въ водѣ и высокое положеніе мѣстности, мы впередъ можемъ разсчитывать, что въ ней весьма сухъ воздухъ, особенно, если припомнимъ, что съ юга къ ней примыкаетъ большая пустыня, а съ сѣвера она защищена густыми лѣсами, привлекающими дождевыя тучи.

Радѣ 1 марта 1856 г. выѣхалъ изъ Иркутска, имѣя цѣлью изслѣдовать эти степи. Описаніе ихъ составляетъ самое блестящее мѣсто въ его путевыхъ замѣткахъ. Онъ перешелъ черезъ Яблоновый хребетъ, переплылъ Ингоду, главный

притокъ Шилки, и, пройдя по нѣсколькимъ прилежащимъ къ ней долинамъ, достигъ до р. Онона. Отсюда, повернувшись на югъ, прибылъ, наконецъ 13 марта, къ цѣли своего путешествія, на казачій постъ Кулузутай, избранный имъ средоточіемъ своихъ экскурсій. Посреди даурскихъ степей, на югъ отъ того мѣста, гдѣ остановился Раде, находится два тинистыя и соляныя озера, извѣстныя подъ именемъ Тарей-Нора и простирающіяся на 40 верстъ, вплоть до китайской границы. Большее изъ нихъ, Барюнь Тарей, соединяется съ мѣлкимъ, Дзюнь-Таресемъ, посредствомъ естественнаго канала. Берега обоихъ озеръ вездѣ отлоги. Теперь, зная, гдѣ находится нашъ путешественникъ, мы немедленно послѣдуемъ за нимъ, чтобы ознакомиться съ величіемъ степной природы.

Прежде всего намъ бросится въ глаза множество холмиковъ, разсыпанныхъ по степи и происшедшихъ, не въ слѣдствіе естественныхъ причинъ, но зависящихъ отъ присутствія сурковъ, ведущихъ въ этой мѣстности общественную жизнь, большее или меньшее число которыхъ обусловливаетъ степень рыхлости почвы. Къ сурковымъ постройкамъ присоединяются сюда еще лѣсъ норы и подземные ходы зайцевъ-свиствоновъ. Жилища послѣднихъ, сравнительно съ незначительною величиною обитателей, бываютъ весьма обширны, слегка возвышенны и снабжены большимъ числомъ корридоровъ, перестѣкающихся во всѣхъ направленіяхъ. Замѣне выходы этихъ жилищъ тянутся различными изгибами саженъ на 15 или 20 и оканчиваются нѣсколькими отдушинами. Нѣкоторые виды земляныхъ мышей всего болѣе разрываютъ эту песчаную мѣстность, въ слѣдствіе чего она дѣлается опасной для быстрыхъ, горячихъ лошадей, часто проваливающихся и портящихъ себѣ ноги. Растительное царство также увеличиваетъ неровность этой однообразной степной почвы. Деревянистые, сплетшіеся корни колючаго сибирскаго гороховника удерживаютъ тонный вѣтромъ сдуваемый песокъ, который покрываетъ собою кусты и образуетъ пригорки отъ трехъ до пяти футовъ вышиною. Засыпанный такимъ об-

Видъ у береговъ Шванна.

разомъ кустарники, собравшись къ веснѣ съ новыми силами, снова пускають отростки и зеленеютъ по-прежнему. Подобныя же холмы происходятъ и отъ одного изъ видовъ иппажника.

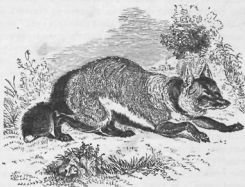
Радше прибыть на скромный казачій постъ зимой, когда природа еще спала глубокимъ сномъ, и только небольшое число воробьевъ, горныхъ жаворонковъ и подорожниковъ летало по безлюднымъ улицамъ селенія, въ жилищахъ котораго были заперты даже овны. Дворовыхъ собакъ не было и слѣда, а куры еще осенью переселились въ подвечники.

Все ищетъ защиты отъ стужи и вѣтра въ пустынѣ, надъ которой все болѣе и болѣе сгущаются снѣговыя тучи, но ихъ не боятся только монголы, уже въ колыбели ознакомившіеся съ суровостью стихій. Закутанный въ длинную шубу съ широкими рукавами, садится онъ на своего лучшаго друга — лошадь, съ которой сроднился такъ, что едва ли въ состояніи представить себѣ безъ нея человѣка, — и несется стрѣлой въ одишескую пустыню. Ему не чужды степь и ее небо; онъ знаетъ здѣсь каждый камень, каждый пригорокъ, каждый источникъ и всѣмъ имъ далъ названія. Монголы чрезвычайно вѣрно предугадываютъ переѣмъ погоды и потому предъ появленіемъ ея принимаютъ надлежащія предосторожности. Нынѣшній день ему не во нутру, во его примѣтамъ, навѣрное будетъ дурная погода, поднимется вѣтеръ и начнетъ подымать снѣгъ, а въ такое время степь ужасна и грозитъ гибелью людямъ и животнымъ.

Вьюга началась: тусклое солнце едва мерцаетъ сквозь кристаллическіе хлопья снѣга, наполняющіе атмосферу и буквально рѣжущіе кожу. Испуганный настухъ поспѣшно гонитъ свое стадо, зная, что если буря достигнетъ его въ открытой степи, то неминуемо погибнетъ все его достояніе. Во время вьюги все стадо, овцы, лошади и рогатый скотъ, бѣжитъ, подгоняемое вѣтромъ, часто попадаетъ въ занесенныя снѣгомъ разсѣлины или въ тину соляныхъ озеръ и погибаетъ отъ бури, продолжающейся нерѣдко полторы сутки.

Некоторые изъ мѣстныхъ дикихъ животныхъ, кажется, бываютъ весьма довольны такими днями, тогда какъ прочія уходятъ въ землю и, зарываясь какъ можно глубже въ тщательно приготовленныя подстилки, проводятъ такъ длинную зиму въ латергическомъ оцівленіи.

Уже глубокая ночь легла на степь, а вьюга все еще продолжаетъ свирѣствовать съ прежнею силою. Вѣтеръ врывается въ щели деревянныхъ строеній, срываетъ крыши и грозитъ опрокинуть войлочную юрту монгола, въ которой по-

Корсакъ.

гасла послѣдняя искра степного толпина. Монголъ хранилъ, закутанный въ шубы, а неистовая мелодія этихъ ужасныхъ ночей служить колыбельной пѣсней для младенца, въ душѣ котораго онѣ запечатлѣваютъ понятіе объ озлобленныхъ духахъ. Теперь же, въ темнотѣ ночи, когда на черномъ небѣ не мелькаетъ ни одной звѣздочки, степь не такъ мертва, какъ днемъ. Стаи волковъ съ воємъ отправляются за добычей на знакомыя мѣста, подходятъ къ деревнямъ и проламываютъ даже изгороди, для того чтобы достать себѣ пищу. Посѣще-

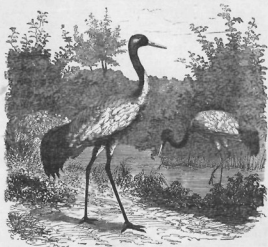
нія этихъ незваныхъ гостей предупреждаютъ бдительными монгольскія собаки, которыя при ихъ появленіи тотчасъ же начинаютъ лаять, нападаютъ на своихъ враговъ и скоро обращаютъ ихъ въ бѣгство. Такими ночными экспедиціями, кромѣ волковъ, занимаются еще лисицы и корсаки, которые ловятъ земляныхъ мышей и зайцевъ-свистуновъ, причемъ нередко попадають въ разставленные для нихъ капканы.

За непогодой слѣдуетъ тихій, освѣжающій зимній день, и тогда степь блеститъ, освѣщаемая лучами солнца. Тунгусъ оставляетъ свою юрту и отправляется на охоту. Онъ идетъ по свѣжему слѣду корсака, который ведетъ далеко по прямой линіи, полукругомъ или зигзагами, смотря по тому, куда его влекло чутье. Наконецъ, слѣдъ корсака исчезаетъ въ открытой степи, въ покинутомъ суровомъ жилищѣ; тутъ-то тунгусъ и ставитъ свою ловушку, заткнувъ сверху слишкомъ большое отверстіе выхода и оставивъ только пространство, необходимое для умищенія головы животного, которое въ убижищѣ своемъ слышитъ звонкій стукъ производимый охотникомъ. Если корсакъ молодой, то онъ на слѣдующую ночь сдѣлается добычею тунгуса; старый же и опытный зѣбра, узнавшій разъ опасность подобной ловушки и счастливо отъ нея избавившійся, нередко остается подъ землею отъ 9 до 12 дней и часто предпочитаетъ голодную смерть рискованной попыткѣ къ бѣгству.

Въ послѣднемъ случаѣ его оставляють въ землѣ до весны и выкапываютъ только съ наступленіемъ оттепели.

Осенью, по обширнымъ долинамъ и гористымъ степнымъ мѣстностямъ начинаютъ бродить антилопы (*antilope crista*), перекочевывающія огромными стадами изъ Монголіи за русскую границу. Привычный глазъ тунгуса узнаетъ ихъ на разстояніи 6—7 верстъ, не смотря на то, что свѣтло-рыжій цвѣтъ шерсти животного весьма трудно отличить издали отъ пожелтѣвшей травы. Стоитъ только разъ испугать антилопу, и ихъ уже невозможно будетъ подвести подъ выстрѣлъ, а потому охотятся обыкновенно такимъ образомъ, что стрѣлокъ

прячется, ложась на землю за сурковым пригоркомъ, а верховой загонщикъ старается приблизиться къ животнымъ, описывая большіе круги. Сначала антилоны, съ пожатіемъ во главі ихъ, стоятъ неподвижно и съ изумленіемъ смотрятъ на всадника, потомъ вдругъ поворачиваются и бѣгутъ тихими скачками. Загонщикъ слѣдуетъ за ними шагомъ, до тѣхъ поръ

Маньчжурскій журавль.

пока они привыкнутъ мало-по-малу къ его присутствію, не подпустить его къ себѣ на разстояніе полуверсты; тогда онѣ снова обращаются къ бѣгству, а загонщикъ начинаетъ попрежнему дѣлать большіе круги. Стрѣлокъ между тѣмъ лежитъ въ своей засадѣ неподвижно, утвердивъ ружье на короткихъ пняхъ, и ожидаетъ, пока антилоны повернутся къ нему. Вдругъ за ними раздастся вой, похожій на волчій, которому

тунгусы подражаютъ удивительно вѣрно; услышавъ его, животныя останавливаются, какъ вкопанныя, и, наостривъ уши, поворачиваютъ морды въ сторону стрѣлка. Охотники дорожатъ этой минутой: онъ пользуется ею для выбора дичи и тотчасъ стрѣляетъ въ нее.

Самую сѣверную границу распространенія антилопъ въ даурскихъ степяхъ составляетъ р. Ононборза, и въ октябрѣ мѣсяцѣ на Аргуни часто встрѣчаются стада ихъ, числомъ отъ трехъ до четырехъ тысячъ головъ.⁹ Осенью, когда воды покрываются тонкимъ слоемъ льда, антилопы приходятъ въ пооденъ на водопой, пробивая копытами тонкую ледяную кору. Если въ это время напасть на нихъ въ расщель, то иногда удастся загнать все стадо на ледъ, на которомъ они не могутъ стоять, и ихъ закалываютъ тогда ножами. Дубленныя шкуры антилопъ продаются во мѣстности за каждую и изъ нихъ дѣлаютъ отличные мѣшковые сапоги и дахи, т. е. дорожныя шубы, съ вывороченнымъ наружу мѣхомъ. Мясо ихъ очень вкусно и считается за отличнѣйшую дичь.

Весною, когда увеличивается животворная сила солнца, видъ степи измѣняется, и берега высохшихъ соляныхъ озеръ мало-по-малу населяются безчисленными обитателями болѣе южныхъ странъ. Сюда являюся перелетныя птицы, и прежде всѣхъ, 18 марта, прилетаютъ даурскія галки, которыя, впрочемъ, иногда остаются въ степи на цѣлую зиму. Почти одновременно съ ними прибываютъ драхны, за которыми слѣдуютъ впарно камі ательныя саджа, нѣсколько соколовъ и монгольскій жаворонокъ; перелеты продолжаются въ теченіе всего апрѣля и часть мая; одни за другими прибываютъ утки и гуси, трасогузки, чайки, боршуны, косатки, голубятники, сарычи, орелъ крикунъ, бѣлые журавли, синешейки, дрозды, цапли, малиновки, кулики, пугалицы и маленькія голенастыя, оживляющія пустынную степь. Далѣе породы крайняго сѣвера, какъ напр. бархатистая утка и *Plesorhanez laronica* поражаютъ насъ здѣсь своимъ при-

существомъ. У большей части новопривывшихъ, Радде замѣтили удивительную особенность, а именно: желудки всѣхъ болотныхъ и плавающихъ птицъ были наполнены маленькими кусочками кварца. Животныя эти только по прибытіи на мѣсто питаются своей настоящей пищей. Общая ли это черта всѣхъ перелетныхъ птицъ, не извѣстно. Вообще этотъ фактъ встрѣяъ только относительно куриныхъ породъ, большинство же пѣвчихъ птицъ имѣло, напротивъ, совершенно пустые желудки. Количество находившихся въ желудкѣ камешковъ было довольно значительное; такъ, напр. желудокъ бѣлаго журавля, убитаго тотчасъ по прибытіи его на Терей, заключалъ въ себѣ 4 лота и 1 драхму кварца, въ смѣси съ нѣсколькими полусварившимися корьевыми волокнами; у другихъ видовъ журавлей находилось его отъ 2 до 3 лотовъ, а у гусей отъ 1 до 2½ лотовъ. Въ желудкахъ садки большинство извѣстности было наполнено пескомъ. Весьма можно быть, что, въ слѣдствіе наполненія желудка пескомъ и мелкими камешками, притупляется чувство голода; въ такомъ случаѣ понятно, почему они находятся именно у тѣхъ птицъ, которыя совершаютъ самые дальніе и безостановочные перелеты и вовсе не существуютъ у хищныхъ, летающихъ низко и съ частыми отдыхами.

Наступленіе весны, кромѣ птицъ, возвѣщаютъ еще и растенія. По мѣрѣ возвышенія солнца, слѣды зимы исчезаютъ все болѣе и болѣе; на мѣстѣ тонкихъ слоевъ снѣга, въ долині Тарей является соль, выцвѣтающая изъ почвы, необыкновенно ослѣпительная при солнечномъ сіяніи. Соль эта остается безъ всякаго употребленія; туземцы не обращаютъ на нее ни малѣйшаго вниманія и только на зиму собираютъ ее въ большомъ количествѣ, для того, чтобы придать кирпичному чаю посредствомъ соленія кровоочистительное свойство. Одни всрблуды бродить по пустыннымъ солончаковымъ мѣстностямъ и довольствуются ихъ однообразною, скудною растительностью. Въ такихъ странахъ, съ почвою, пропитанною солью, дѣла-

тельная растительная жизнь проявляется только лѣтомъ, потому что весной зародышки еще не могутъ развиваться.

Напротивъ, совершенно иная жизнь замѣтна на берегахъ теперь уже высохшаго озера. Отырски прекраснѣйшаго изъ видовъ шпанника (*iris halophila*) выходятъ изъ твердаго осевого стебля и быстро вырастаютъ, не будучи троганы ни однимъ животнымъ. Признакомъ появленія весны въ открытой степи служатъ два ядовитыя растенія, двурядѣльный косатикъ (*iris dichotoma*) и великолѣпная разновидная бѣсна (*hyoscyamus physaloides*), изъ наркотическихъ сѣмянъ которой тунгусы приготовляли прежде нанитокъ. Начиная съ этого времени, флора, сравнительно съ безлѣдною почвою и суровымъ климатомъ окружающихъ мѣстностей, развивается удивительно быстро, но все-таки и въ ней такъ же, какъ во всей степной природѣ, преобладаетъ явление, служащее закономъ для такого рода мѣстностей, а именно бѣдность видовъ и богатство особей. Характеръ весны болѣе всего обусловливается различными видами косатиковъ, придающихъ во время ихъ цвѣтенія особую прелесть солончаковымъ долинамъ. Случается часто, что изъ одного косатикового куста, вышиною не болѣе 1½, или 2 футовъ въ диаметръ, выходитъ до пятидесяти цвѣточныхъ стеблей, въ футъ вышиною, и на каждомъ изъ нихъ распускается по нѣскольку свѣтлоголубыхъ цвѣтовъ. Въ маѣ весь берегъ Тарая, на нѣсколько сажень въ ширину, принимаетъ отъ нихъ прекрасный голубой цвѣтъ, совершенно ступившагося собою зеленомъ листьямъ. Прочія мѣстности покрыты различными другими породами шпанника, а характеристикою отырытой степи служатъ поодио цвѣтущій двурядѣльный косатикъ (*iris dichotoma*). Его широкіе, равномерно распредѣленные листья обхватываютъ, въ видѣ ноженъ, цвѣточный стебель, почему тунгусы сравниваютъ его съ ножницами и называютъ *ножчи*. Синевато-зеленые, линейные листья косатиковъ слабо развиты и подобно болѣе-шей части другихъ степныхъ растеній, стремятся въ вышину, въ слѣдствіе чего повсюду проглядывается одна голая, одно-

образная почва. Куда ни повернешься, вездѣ встрѣтишь больше кремня, чѣмъ растений, и, говори вообще, соль преобладаетъ надъ землей. Исключеніе изъ этого правила составляютъ только крапива и ревень, покрывающіе сурковые холмики темными, сочными листьями.

Міръ, покоившійся такъ долго въ зимней дремотѣ, начинаетъ пробуждаться только тогда, когда зацвѣтутъ первые весенніе цвѣты, и появятся перелетныя птицы. И вотъ всѣ подземные жители раскапываютъ тщательно заткнутые ими на зиму входы своихъ жилищъ и выходятъ на воздухъ. Первые встанутъ сурки (*arctomys Bobac*), и пробужденіе ихъ тянется отъ начала до половины марта. Тунгусы и буряты съ нетерпѣніемъ ожидаютъ наступленія этой радостной для охотника поры, сдѣлаютъ лошадей, заряжаютъ ружья и отправляются на охоту за сурками. Наконецъ-то послѣ долгой, бѣдственно проведенной зимы, лишь изрѣдка достававшейся имъ кусочекъ мяса въ холодной юртѣ, имъ представляется теперь возможность получить свѣжаго жарнаго, и онъ не дремлетъ, потому что знаетъ, что съ каждымъ прошедшимъ днемъ, добыча его теряетъ весьма много въ своей доброкачественности. Многолѣтній опытъ показалъ тунгусу, что сурки нисколько не теряютъ своего жира во время сна, и что они покидаютъ свои норы такіе же тучные, какіе легли въ нихъ; но онъ изучилъ и то, что въ продолженіе нѣсколькихъ дней, проведенныхъ „тобарганами“ на воздухѣ, они быстро худѣютъ и въ половинѣ мая бываютъ часто такъ тощи, что ихъ тогда и убивать не стоитъ. Это происходитъ отъ того, что они мало находятъ пищи въ началѣ весны, и становятся жирнѣе только съ появленіемъ стелной травы. Голодный номадъ ложится съ ружьемъ за сурковую постройку и терпѣливо, не пошевеливъ ни однимъ членомъ, ждетъ выхода изъ нея животнаго. Немного заставляя себя ждать этотъ, по большей части, короткохвостый, желто-коричневый обитатель земли. Онъ выныриваетъ изъ норы, садится на заднія ланки, осматривается, то машетъ хвостомъ, то лапъ; лишь только животное

отбѣжить на нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ раздается выстрѣлъ, и оно падаетъ мертвымъ. Изъ убитаго зѣрка, прежде всего, вынимають внутренности, легко портяція вкусъ мяса; и если стрѣлокъ голоденъ, или зашелъ далеко отъ своей юрты, то онъ тутъ же, на мѣстѣ, собираетъ кучку сухаго навоза и закидываетъ ее, раскаливаетъ на огнѣ нѣсколько камней, наполняетъ ими брюшко сурка и кладетъ его на вальтранъ; послѣ чего, спустя два часа, жаркое уже готово и съѣдается безъ всякой дальнѣйшей приправы. Разумѣется, что къ подобной страннѣйшей привычкѣ только въ крайнихъ случаяхъ, а потому мы лучше последуемъ за охотникомъ, возвращающимся съ добычей въ юрту. Тамъ жена и дѣти давно уже ждутъ его прихода, потому что, со вчерашняго дня, питаются только слабымъ изваромъ альпійскаго горца (*argygonum alpinum*) и рады поѣсть жесткаго мяса сурка. Женскія руки голодной хозяйки безъ всякой помощи со стороны мужа, проворно сдирають шкурку и потрошатъ сурка. Мужъ же разнѣ только правитъ ей отдѣлать, какъ можно тщательнѣе, человеческое мясо отъ суркового, такъ чтобы, къ досадѣ бурхановъ (боговъ), первое не изжарилось и не стѣлось вмѣстѣ съ послѣднимъ; второе повѣрье это происходитъ изъ слѣдующаго источника.

Между мясомъ, находящимся подъ лопаткой сурка, есть тонкая бѣловатая масса, состоящая изъ жировой клѣтчатки, которую тунгусы не смѣютъ употреблять въ пищу, потому что она, по ихъ мнѣнію, есть остатокъ человѣка, превращеннаго, послѣ смерти, однимъ разсердившимся божествомъ въ сурка. Всѣ сурки, гласитъ преданіе, были когда-то отличными охотниками и стрѣлками, чрезвычайно гордившимися своимъ искусствомъ. Они хвастали тѣмъ, что могутъ застрѣлить на лету всякую птицу, и этимъ высокомеріемъ разсердили боговъ. Злой духъ хотѣлъ испытать ихъ искусство и велѣлъ одному изъ нихъ застрѣлить ласточку. Однако пуля избраннаго охотника едва только задѣла за ласточку и вырвала средину ея хвоста. Съ тѣхъ поръ, какъ увѣряють степные тун-

гусы и монголы, всѣ ласточки имѣютъ разнообразныя хвосты, а высокобѣрные охотники превращены въ сурковъ, которыхъ мясо, все, за исключеніемъ одного мѣстечка подъ лопаткой, животное и потому съѣдомое.

Сперхъ человѣка, сурокъ имѣетъ еще одного, не менѣе опаснаго врага въ волкѣ, который, съ пробужденіемъ грызуновъ, перестаетъ нападать на стада. Линя только беззаботный сурокъ выползетъ изъ своего угла и едва успѣетъ сдѣлать первый шагъ, какъ на него бросается волкъ, своими сильными зубами раздираетъ на части добычу и въ мигъ проглатываетъ ее. Молодые сурки служатъ легкою добычею орламъ и даже

Бобакъ.

сарычаемъ, и такъ какъ первые питаются исключительно ими, то тунгусы и называютъ ихъ „барбаджи“, т. е. сурковый орелъ.

Сурки очень чувствительны къ холоду, и въ послѣдней половинѣ августа, особенно послѣ холодныхъ ночей, уже начинаютъ покачиваться какъ во снѣ, мало сползаютъ съ своихъ пригорковъ и вообще становятся совершенно лишенными обычной своей живости. Они обыкновенно засыпаютъ въ первой половинѣ сентября и, по замѣчаніямъ стенинкова, 15 сентября

составляет послѣдній срокъ ихъ бодрствованія. Тунгусскіе охотники увѣряютъ, что сурокъ, собирая лѣтомъ траву, прежде всего разминаетъ ее между верхнею частію передней ноги и передомъ брюшка, а потомъ застилаетъ ею нору. Нѣкоторые изъ нихъ утверждаютъ, что настоящая спячка сурковъ начинается лишь въ декабрѣ, и что, выкапывая этихъ животныхъ даже поздней осенью, никогда нельзя поймать ихъ, безъ окуриванья, потому что, услышавъ шумъ и стукъ, они роютъ себѣ новые ходы, въ которыхъ ихъ поймать невозможно. Поэтому тунгусы, дойдя до конца земляной пробки, затыкающей зимнее жилище сурковъ, и пробивъ ее, закидываютъ при входѣ въ нору сырой навозъ, дымъ котораго проникаетъ въ нее и удушаетъ помещающихся въ ней животныхъ.

Сурки никогда не водятся въ пещѣ, и наоборотъ, чѣмъ плотнѣе почва, тѣмъ болѣе обширными становятся ихъ постройки. Въ ихъ спальню ведетъ шести или восьми-аршинный, а иногда и еще гораздо длиннѣйшій ходъ. Положительной величины постройки и опредѣленной длины ходовъ не существуетъ; выходы затыкаются на зиму камнями и землей. Рядомъ, раскапывавшій сурковья постройки, какъ осенью, такъ и весною, предполагаетъ, что сурки проводятъ часть зимней спячки не въ совершенномъ оціпенѣніи, и способны въ это время принимать и переваривать пищу и даже работать. Свое предположеніе подтверждаетъ изслѣдователь тѣмъ, что въ жилищахъ ихъ найдены были свѣжія изверженія, а пробка постройки, разрытой осенью, была значительно короче вырытой весною; въ слѣдствіе этого вѣроятно, что животное, по мѣрѣ увеличенія зимнихъ морозовъ, удаляло пробку для того, чтобы имѣть болѣе защиты отъ холода.

Лицуха (*Lagomys agrotus*) крупный годъ бѣгаютъ по степи и строятъ для себя обширныя жилища, ходы которыхъ простираются на нѣсколько сажень даже подъ сѣновымъ покровомъ. Они шумятъ не только цѣлый день, но даже и по ночамъ раздается ихъ чирканье. Изъ неправильно извивающихся ходовъ подземныхъ своихъ жилищъ, въ 1 или 2

«ута, они выбѣгаютъ на поверхность, садятся на заднія лапы, чирпаютъ, нагибаются, бѣгутъ дальше, а тамъ снова садятся и повторяютъ продолжительный свистъ, наконецъ, отпрысав парочку травинокъ, бѣгутъ съ ними къ норѣ. Рядомъ съ постройками вицухъ, наткнувшись на подкопы вышедшей изъ Монголіи песчаножелтой земляной мыши (*huradonia Brandtii*), называемой монголами „альби“, которая избираетъ мѣстомъ своего пребыванія мягкія, болѣе песчаныя равнины близъ пограничной рѣчки Ульды. Замѣчательны изъ переправы черезъ этотъ стеной ручеекъ. Монголы утѣраютъ, что будто бы партія этихъ маленькихъ животныхъ, приблизясь къ водѣ, строится въ линію такимъ образомъ, что послѣдующіе ряды кладутъ свои мордочки на спины предшествующихъ, и такъ переплываютъ вотокъ. Когда предводитель чувствуетъ себя усталымъ, то онъ отправляется на задній конецъ цѣпи и передаетъ свое предводительство слѣдовавшей за нимъ мыши.

Въ сумерки, степь оживляется новыми подземными жителями, что бываетъ, впрочемъ, только съ наступленіемъ теплыхъ лѣтскихъ ночей. Рано утромъ и послѣ захожденія солнца изъ норы выходитъ маленькій длиннохвостый тушканчикъ (*Dipus jaculus*) и прыгаетъ по степи большими скачками. Онъ большой охотникъ до луковницъ вырвенки (*orinthogalum*), однако красную сарану, видъ лиліи, предпочитаетъ всякой другой пищѣ. Съ наступленіемъ ночи, онъ снова удаляется въ пещерку, въ которой проводитъ также верѣдко и цѣлый день. Въ зѣздыныя ночи выползаютъ изъ своихъ жилищъ на промыселъ хомяки-карлики, которые любятъ устраивать свои ложа возлѣ толстыхъ корней сибирскаго гороховника. Зонгорскій хомякъ (*cricetus songarus*), бѣгая между холмами, по волнистому сыпучему песку, всадѣ все разнохиваетъ и охотно подбираетъ выпавшія изъ шелухи зерна, которыми набиваетъ свой защечный мѣшечекъ. Маленькій кусака не терпитъ соперниковъ во время своихъ ночныхъ путешествій

и, при встрѣчѣ съ противникомъ, тотчасъ вступаетъ въ самый ожесточенный кровавый, бой.

Здѣсь мы должны еще разъ вернуться къ растительному царству. На почвѣ, разрыхленной сурковыми пригорками, ежегодно увеличивающимися небольшою насыпью, разросся цѣлый лѣсъ крапивы (*urtica sapra-biva*); различные виды ревеня, поднимающіеся отъ 2 до 3 футовъ въ вышину, бросаются также въ глаза своими широкими темнозелеными листьями и образуютъ, по выраженію монголовъ „сурковый садъ“. Когда отцвѣтутъ косатики, *stelega chamæj-zavæ* пускаетъ

Абсолютная у стенового фотра.

изъ общаго корня многочисленныя, цвѣтущіе стебли, пріятнаго запаха, которыхъ, по причинѣ ихъ ядовитости, не трогаютъ ни одно животное. Это красивое растеніе, сѣтлая зелень и развѣтвленіе листьевъ котораго напоминаютъ нѣкоторые виды молочая, уже до времени распусканія почекъ придаетъ всей нагорной стени своеобразный видъ. Въ прежніе время корни этого растенія, подъ названіемъ „мужикъ-корень“ употреблялись, какъ слабительное домашнее средство, отъ чего въ настоящее время, къ счастью, отучились, такъ какъ неосторожное употребленіе его повлекло за собой гибельныя послѣдствія. Одновременно съ этимъ растеніемъ цвѣтетъ сибирскій гороховникъ, который, по множеству покрывающихъ его желтыхъ цвѣтовъ, названъ русскими золотарникомъ, а монголами „алтангана“, т. е. золотой кустарникъ. Въ іюні же достигаетъ своего развитія и настоящая стенная трава (*elymus pseudo-gagorugum*), которая, начиная съ этого времени и до будущей весны, сохраняетъ неизмѣнно незамѣтную форму, и многочисленностью своею, равно какъ матовою синеватою зеленою листьями, кладетъ на пустыню странный отпечатокъ. Какъ кормъ, она имѣетъ важное значеніе для даурскихъ степей, но покрываемыя ею пространства чрезвычайно часто подвергаются стеннымъ пожарамъ. Между растущими, наподобіе тростника, фузовыми ея стеблями бродятъ пищухи и заготавливаютъ себѣ на зиму сѣно. Весьма поразительна дѣятельность и порядокъ, съ которыми это маленькое животное собираетъ почти полугодовой запасъ пищи. Оготона, такъ называютъ монголы пищухъ, перегрызаетъ растенія передними зубами и складываетъ ихъ въ кучки, которыя высушиваются солнцемъ. Они не разборчивы въ пищу и сѣно ихъ содержитъ въ себѣ растенія, неупотребляемыя ни однимъ другимъ животнымъ.

Огромное число птицъ, прилетѣвшихъ весной на Тарей, теперь отправилось уже въ дальнѣйшій путь. Шумъ журавлей умолкъ, не видно ни одного гуся, ни одной утки, и только изрѣдка мелькнетъ въ опустѣломъ воздухѣ чайка. Не смерт-

вѣли только одни степные солончаки. Пребываніемъ своимъ въ этихъ мѣстностяхъ часто поражаютъ насъ птицы, весьма замѣчательныя какъ по своему строенію, такъ и по образу жизни. Это саджи (*syrrhaptes paradoxus*), которыя прилетаютъ съ юга рано, въ то время, когда степныя возвышенности еще покрыты снѣгомъ. Живутъ онѣ маленькими обществами и высидываютъ яйца раньше всѣхъ другихъ птицъ этой страны, такъ что въ концѣ мая успѣваютъ уже вывести вторыхъ птенцовъ. Вблизи соляной почвы устраиваютъ они простыя свои гнѣзда, которыя часто или вовсе не укрываютъ, или только по краямъ устилаютъ солончаковыми злаками. Яйца ихъ имѣютъ эллиптическую форму, на зеленовато-желтому фону которыхъ разсыпаны отчасти слывшіяся, отчасти ясныя коричневыя крапинки. По утрамъ саджи, въ большинствѣ числѣ и съ крикомъ, направляются къ прѣснымъ источникамъ, а въ полуденный жаръ ковошатся въ плоскихъ ямкахъ, вырытыхъ на болѣе мягкихъ мѣстахъ соляной почвы. Но вотъ на ковошавшихся саджѣ, съ быстротою стрѣлы, спускается соколъ; заведя зинчика, онѣ разомъ поднимаются, быстро исчезаютъ съ его кровожадныхъ глазъ и крикомъ своимъ будятъ ближайшихъ товарищей, которые, въ свою очередь, тоже удаляются отъ угрожающей опасности искуснымъ голубинымъ полетомъ, побуждая къ бѣгству цѣлыя стаи товарищей. Но вскорѣ, по минованіи испуга, спокойствіе восстанавливается вновь и такъ же быстро, какъ оно было нарушено. Въ послѣднихъ числахъ мая Радде предпринялъ экскурсію на острова Тарей и встрѣтилъ тамъ двѣ большія стаи саджѣ; въ каждой находилось птицъ около 1,000, но онѣ были такъ робки и осторожны, что не было возможности приблизиться къ нимъ ни верхомъ, ни пешкомъ. Когда ихъ спугнули уже нѣсколько разъ, то онѣ оставили берега Тарей и, раздѣлившись на двѣ стаи, опустились на степныя возвышенности. Мѣста, на которыхъ онѣ усѣлись, служили зимнимъ мѣстопребываніемъ для стадъ, и толстый слой чернаго, крѣпко утопаннаго навоза не давалъ въ нихъ проникнуть ни одной былинкѣ.

Птицы провели здѣсь ночь, сидя тѣсно другъ возлѣ друга, а на другой день исчезли неизвѣстно куда, и Раде, послѣ того, въ теченіе цѣлаго лѣта еще только одинъ разъ встрѣтилъ ихъ на берегу Тарая. Эти кочующіе обитатели степи, высидѣвъ вторыя яйца, совершенно удаляются изъ окрестностей озера, и только въ октябрѣ, по совершенномъ прекращеніи осенняго перелета, садки снова показываются по ту сторону Аргуни и длинною цѣпью несутся къ сѣверу, летя быстро и высоко, по направленію отъ Китая къ русскимъ владѣніямъ.

Когда Раде наблюдалъ это интересное животное на его родинѣ, въ Китаѣ, тогда онъ еще не зналъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ эта перелетная птица доберется до Германіи и расположится тамъ на квартирахъ. Направляя полетъ свой черезъ необоримыя средне-азиатскія степи и Каспійское море, пролетая мимо Кавказа, вдоль сѣвернаго берега Средиземнаго моря и по дунайскимъ низменностямъ, эти птицы распространились по Германіи, появились даже на островѣ Гельголандѣ, и еще въ гораздо большемъ числѣ перенеслись на Фрисландскій островъ Боркумъ. Мало по малу изъ газетъ обнаружилось, что въ теченіе лѣта 1863 года садки были замѣчены почти во всей сѣверной и восточной Германіи, гдѣ онѣ, по предположенію Бремена, высидывали яйца. Неопытныя дѣти пустыни часто налетали на телеграфныя проволоки, ломали себѣ крылья и погибали. Птица эта состоитъ вся изъ крыльевъ и крыльевыхъ мышцъ, которыя доставляютъ ей необыкновенную выгоду, приносившую для жизни въ ихъ родинѣ, скудной степи. Пространное жилище требуетъ подвижности его обитателей, безъ чего степныя животные неминуемо погибли бы отъ голода. Кромѣ подвижности, достаточно доказанной уже дальними ихъ перелетами, замѣчательно еще и перо садки, которое совершенно походитъ на цѣпъ песчаной почвы. Если рассмотреть перо садки вблизи, то оно окажется богато разрисованнымъ; красныя, волнистыя линіи, черты, широкія ленты на шеѣ и груди, яркія мѣста перемѣшаны

собирающимися на немъ ежегодно во время линія. Отъ преслѣдованій плохихъ впрочемъ монгольскихъ охотниковъ птица эта здѣсь въ совершенной безопасности, тѣмъ болѣе, что у этого народа существуетъ законъ, запрещающій убивать животныхъ на водѣ. Для монгола, вода имѣетъ особенную святость. „Если ты убьешь птицу на водѣ,—говорится въ законѣ, — то она смѣшется съ кровью убитаго животного, и стада, которая потомъ будутъ пить ее, непременно погибнутъ.“ Въ слѣдствіе этихъ причинъ, самыя дикія животныя бываютъ въ монгольскихъ странахъ часто совершенно ручными, и, не боясь людей, прогуливаются около юртъ, между тѣмъ какъ въ русскихъ владѣніяхъ они бѣгутъ отъ человѣка.

Какова же граница, проведенная по дикой мѣстности, и какою образомъ Китай и Россія охраняютъ свои владѣнія? Россія, не смотря на бѣдность края, поселила здѣсь казаковъ, которые, впрочемъ, большую половину жизни проводятъ на лошади, и, можно сказать приблизительно, что, среднимъ числомъ, они ежедневно проводятъ въ разъѣздахъ часовъ восемь, частью по служебнымъ занятіямъ, частью же по хозяйственнымъ дѣламъ. Что можетъ сдѣлать человѣка осѣдлымъ въ этой пустынѣ? Неблагодарная почва, которая, не смотря на все стараніе и усердное обработываніе, еще никогда не давала удовлетворительной жатвы, такъ что бѣдный казакъ уже заранѣе знаетъ, что и посѣвъ, и трудъ его пропадутъ даромъ. Сверхъ того тутъ каждое бревно для постройки нужно везти за 120 и каждый кусть для топлива за 80 или 90 верстъ. Наконецъ, здѣсь, къ довершенію всего, снѣжныя зимы нерѣдко совершенно уничтожаютъ стада! Въ такомъ дикомъ край кочевая жизнь становится закономъ, который, подобно всѣмъ законамъ природы, не допускаетъ исключеній.

Въ мѣстахъ, лежащихъ ближе къ китайской границѣ, кочующій монголъ, для избавленія своихъ стадъ отъ недостатка въ кормѣ и водѣ, долженъ также переходить съ мѣста на мѣсто. Когда въ Пекинѣ узнали, что монгольская пограничная стража, слѣдуя примѣру русскихъ, начала запасать на

зиму сѣно, чтобы предохранить скотъ отъ голода, и когда туда дошли слухи, что монголы обзавелись купленными у казаковъ косами, то, чтобы воспрепятствовать развитію сѣдлости, ихъ удалили дальше въ пустыню, а на ихъ мѣсто прислали дикое племя, которое не только осталось вѣрно своему прежнему образу жизни, но даже враждебно смотритъ на всякое сближеніе съ сѣдлами. Это-то самое племя и не допустило Радде къ посѣщенію и осмотру въ высшей степени интереснаго озера *Далай*, находящагося въ предѣлахъ Китая.

Теперь, съ наступленіемъ осени, мы посѣтимъ нагорную равнину въ сѣверо-восточной части даурскихъ степей, границы которой составляютъ страна, дающая начало Газимуру и рѣчка Ононборза.

Туда, изъ пустыни Гоби, приходятъ дикія лошади, *джингетан*, которые по своей быстротѣ и силѣ вошли у монголовъ въ пословицу. Блуждающая, бродячая жизнь этихъ животныхъ начинается только съ того времени, когда уже жеребята достаточно окрѣли для продолжительныхъ переходовъ и въ состояніи слѣдовать за стадомъ, подъ предводительствомъ стараго жеребца. Въ концѣ сентября, молодые жеребцы отдѣляются отъ стада и разсыпаются въ гористой степи, съ цѣлью собраться, выѣсть съ другими, въ новое стадо. Въ это время джигетан совершенно неукротимы. Съ широко раздувающимися ноздрями и блуждающимъ по пустынѣ взоромъ, стоитъ молодой жеребецъ по цѣлымъ часамъ на вершинѣ скалистаго горнаго хребта. Съ нетерпѣніемъ высматриваетъ онъ противника, навстрѣчу которому несется во весь опоръ. Тутъ начинается кровавая битва за первенство. Нападающій мчится мимо жожика съ поднятымъ хвостомъ и на бѣгу ударяетъ его задними ногами. Старый, опытный жеребецъ внимательно наблюдаетъ за описывающимъ большіе круги держащимъ молодымъ противникомъ; когда этотъ послѣдній подходитъ къ нему на довольно близкое разстояніе, онъ быстро бросается на него, кусаетъ и бьетъ, гдѣ только можетъ, и часто одинъ изъ бойцовъ оставляетъ на мѣстѣ сраженія

Стенной уртакъ съ пастухами сакрами.

или кусокъ шкуры, или половину гладкаго хвоста. Тунгузы пользуются этими осенними войнами и считаютъ ихъ самыми лучшимъ временемъ для охоты за джигетаемъ, мясо котораго служить для нихъ настоящимъ лакомствомъ. Шкуру его они выгодно сбываютъ монголамъ, а особенно дорого цѣнится хвостъ его, съ длинною кистью на концѣ, имѣющій, по мнѣнію монголовъ, необыкновенное цѣлебное свойство, а именно: они предполагаютъ, что если больная скотина будетъ дышать дымомъ, происходящимъ отъ сжиганія такого хвоста на угляхъ, то она непременно выздоровѣетъ. На охоту за этимъ животнымъ охотникъ выезжаетъ на сѣдло-буланой желтой лошади и ѣдетъ постоянно противъ вѣтра до тѣхъ поръ, пока между нимъ и джигетамъ остается въ промежуткѣ только одинъ хребетъ. Осторожно выбирается онъ на него на своей буланой лошади, подвигая напередъ съ хвостъ, подобіе хвоста джигетая; потомъ, на разстояніи шаговъ ста отъ него, опускается и ложится на землю, положивъ ружье на общепотребительныя у сибирскихъ охотниковъ короткія сошки. Джигетай замѣчаетъ лошадь и, считая ее кобылой своей породы, тотчасъ же мчится къ ней, но, приблизясь, вдругъ останавливается, пораженный удивленіемъ отъ своей ошибки. Въ это мгновеніе охотникъ долженъ стрѣлять, цѣлясь непременно въ грудь животного, которое въ случаѣ удачи останется на мѣстѣ; но нерѣдко случается, что джигетай падаетъ только послѣ пятого выстрѣла.

Лѣтъ за двадцать пять предъ снѣгъ поднялся въ этихъ мѣстностяхъ двѣя овцы (*argali*), называемыя монголами *аргали*; въ настоящее же время онѣ должны считаться совершенно вымершими въ русской Дауріи. Въ большомъ количествѣ водились онѣ прежде на Алтаѣ, и еще въ 1772 году Палласъ видѣлъ ихъ цѣлыми стадами на Адончоловской цѣпи горъ. Даже еще Радде встрѣчалъ ихъ до 1831 года въ посѣщаемыхъ имъ мѣстностяхъ, но, должно быть, что незначительное приращеніе народонаселенія этихъ странъ, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, совершенно удалило

этихъ животныхъ въ предѣлы Китая. Весьма вѣроятно, что и климатическія условія весьма много способствовали уничтоженію этихъ сильныхъ дикахъ животныхъ, такъ какъ въ холодныя снѣжныя зимы они погибали цѣлыми стадами. Этотъ фактъ ясно показываетъ, что содержаніе большихъ стадъ въ этихъ краяхъ возможно лишь при величайшей заботливости и уходѣ за ними.

Съ іюля, когда на степныхъ возвышенностяхъ все чаще и чаще начинаютъ попадаться умеренія растенія, въ долинахъ, по окраинамъ солончнковъ, процвѣтаетъ самая дѣятельная растительная жизнь. Густо покрываются онѣ перекати-полемъ (*salzola*), солеросомъ (*salicornia*), кохисю, шоберією, кленовымъ сіменемъ (*corispermum*) и далѣе къ центру, гдѣ почва не такъ богата солью, воды окаймляются широкой полосой чернобылника. Берега Тарая красуются въ то время синекраснымъ отливомъ, и замѣчается необыкновенная хлопотливость между болотными и водными птицами, собравшимися на поискъ до своимъ оперившимся птенцами. Боясь суровой степной зимы, большинство вернатыхъ воспитателей собирается къ отлету въ южныя страны, гдѣ они могутъ провести зиму съ меньшими лишениями. Грызуны ужь скрылись подъ землею и спятъ, въ то время, когда самая маленькая изъ даурскихъ птичекъ, королекъ (*regulus proregulus*), еще противостоятъ ночнымъ морозамъ въ 4 и 5° Р. Еще только пищухи безстрашно бѣгаютъ по степи, такъ какъ злѣйшій врагъ ихъ, хищная снѣжная сова, прибываетъ только въ концѣ октября.

Вслѣдъ затѣмъ степью снова охлаждаетъ зима со своими вьюгами. Волки, не находя сурковъ, по-прежнему принимаются за похищеніе скота. Охотники, съ ружьемъ, идутъ опять на охоту за дичью, которая нисколько не убываетъ отъ зимнихъ невзгодъ. Отчего это происходитъ? Единственно отъ правильныхъ переселеній животныхъ съ юга на сѣверъ. Какъ поздней осенью на русской землѣ являются антилопы и джигетан, такъ же точно на сѣверъ отправляются тигръ, ма-

нуль, волкъ и корсакъ. Причину этихъ зимнихъ передвиженій, съ большою вѣроятностью, должно усматривать въ климатѣ пустыни Гоби. Быть можетъ, тамешніе большіе снѣга и сильные морозы вызываютъ выселенія животныхъ, а можетъ, быть также и то, что хищныя животныя отираются въ болѣе заселенныя русскія страны за продовольствомъ, котораго не находятъ въ заснувшей природѣ пустыни.

Даурскій докъ у Средняго Амура.

IX.

Верховіе Амура.

Имя „Амура“. — Названія этой рѣки. — Верхнее теченіе. — Орошеніе и мѣсто-
грамъ. — Нравы, обѣды, жилища. — Мусульманскіе инструменты. — Охота и
рыбная ловля. — Развалины Альбазина. — Первое русское поселеніе на Аму-
рѣ. — Осада Альбазина. — Храбрый Вейхъ. — Притокъ. — Саларскій хребтъ. —
Фантазія Аткисона. — Путешествіе Уоллеса и борьба съ голодной смертію. —
Новый городъ Власовицянскъ. — Дикійскагожскій китайскій берегъ Амура. —
Айгунъ. — Дауризмъ и кля ирэмъ. — Глубина Амура.

— 00000 —

Относительно имени Амура ученые находятся въ разно-
гласіи. Риттеръ, въ своей географіи Азіи, производить его
отъ тиллякскаго слова „амуръ“, большая вода, тогда какъ
другіе находятъ его корень въ словѣ Эмури, которымъ обо-
значается маленькая рѣчка Альбазинъ, заливающаяся при
Альбазинѣ. Достоверно извѣстно только то, что всѣ живу-
щіе по Амуру народы даютъ ему разные названія. Китайцы
и манджуры, считающіе главнымъ рукавомъ Зунтари, на-
зываютъ Амуръ Куэнь-тонгомъ. Рѣка эта, до устья Зунтари,

является для обоихъ народовъ только притокомъ послѣдняго. Амуръ на китайскомъ языкѣ именуется *Хелонгъ-кіангъ* — черный драконъ, по-маньчжурски *Сахалинь-ула* — черная вода. Орошоны и маньчжры, живущіе по верхнему теченію Амура, называютъ его *Шилка*; гольцы, занимающіе середину, зовутъ его *Мамю*, а тилляки, поселившіеся при устьѣ Амура, именуютъ его *Маму*. Наконецъ, у монголовъ онъ извѣстенъ подъ именемъ *Кара-турума* — черная рѣка. Слѣдовательно, всѣ эти названія: Кузнь-тонгъ, Хелонгъ-кіангъ, Сахалинь-ула, Шилка, Мамю, Маму и Кара-турумъ суть не что иное, какъ синонимы Амура, или различныхъ частей его.

По соединеніи Шилки и Аргуни при Усть-Стрѣлкѣ, берега Амура, покрытые высокими скалами, значительно суживаются и образуютъ родъ ущелья. Съ лѣвой стороны впадѣтъ въ него множество, вытекающихъ изъ Становаго хребта горныхъ потоковъ, которые иногда, въ теченіе немногихъ дней, поднимаются до 16 футовъ и значительно увеличиваютъ количество воды Амура. Амазаръ и Олдонъ суть главнѣйшіе его притоки.

Во время высокой воды съ Амуромъ соединяются, лежащіе неподалеку отъ берега, прозрачныя соляныя озера. Отъ станціи Свербеевой Амуръ снова расширяется, горы тутъ не такъ высоки и въ рѣкѣ много мелей, къ которымъ примыкають острова, поросшіе густою травою.

Лѣса, состоящіе преимущественно изъ лиственницы и сибирской пихты, рѣдки и совершенно лишены мелкихъ кустарниковъ. Въ долинахъ же, хотя и съ трудомъ, но растетъ лиственница, осина и рябинникъ; стволы этихъ деревьевъ рѣдко имѣють около 4-хъ футовъ въ діаметрѣ. Вообще весьма мало утѣшительнаго встрѣчается у верховья Амура подъ 53° с. ш. Кое-гдѣ только попадаются обширныя луга, а между цѣптунами растеніями занимаетъ первое мѣсто даурскій рододендронъ, который украшаетъ усть-стрѣльскія скалы, состоящія изъ сланцеватой слюды съ кварцевыми жилами, переходящія далѣе къ Аляскину въ плотную, черную, почти сплош-

ную массу глинистаго асида. Верхнее теченіе большой рѣки, съ которымъ прежде всего знакомится прѣѣзжающій изъ Сибири путешественникъ, рѣшительно неспособно пробудить въ немъ великихъ надеждъ относительно хорошей будущности прилегающихъ странъ. Край этотъ оставляетъ по себѣ самое грустное впечатлѣніе, еще болѣе усиливающееся отъ знакомства съ туземцами.

Амуръ, отъ самаго начала своего въ Усть-Стрѣлкѣ, по преимуществу тунгузская рѣка, т. е. течетъ по мѣстностямъ, населеннымъ тунгузскими племенами, и одно только устье его находится въ странѣ, обитаемой другими народомъ, гилеями, принадлежащими, кажется, къ курильскому племени. Источники Амура, Шилки и Аргуни хотя и принадлежать монголамъ, но, не смотря на то, мы встрѣчаемъ тунгузовъ не только по теченію ихъ, но даже и еще выше, по рѣкамъ Онону и Ингодѣ.

Отъ сліянія Шилки съ Аргуною до впаденія въ Амуръ Комара, мы видимъ, на протяженіи 600 или 650 верстъ, два тунгузскія племени, извѣстныхъ русскимъ подъ общимъ названіемъ ороchonовъ и манегровъ. Орочоны, разбѣянные по нижнему теченію Шилки, занимаютъ, внизъ по Аргуню, пространство почти въ 200 верстъ (до бывшаго Альбазина) и отличаются отъ манегровъ, встрѣчающихся до устья Комара, на протяженіи болѣе 400 верстъ, тѣмъ именно, что *для верховой пѣды употребляютъ сѣверныхъ оленей, тогда какъ послѣдніе ѣздятъ на лошадахъ*. Названія: манегры, мингры, маниарги и манширы совершенно равнозначаци и, можетъ быть, даже русскаго происхожденія.

По мѣрѣ того, какъ мы спускаемся внизъ по теченію рѣки, вліяніе Китая на одежды, нравы и обычаи этого народа становится все болѣе и болѣе замѣтнымъ. Кажется, что существуетъ разница въ языкѣ или, по крайней мѣрѣ, въ выговорѣ ороchonовъ и манегровъ, хотя нарѣчіе ихъ вообще согласуется съ нарѣчіемъ сѣверныхъ тунгузовъ, живущихъ при Байкальскомъ озерѣ и по берегамъ Лены:

однако у первых удареніе лежитъ всегда на послѣднемъ слогѣ, тогда какъ у тунгузовъ оно находится на предпослѣднемъ.

Орочоны и манегры обыкновенно малорослы и рѣдко превышаютъ средній ростъ; они имѣютъ худощавое тѣлосложеніе, а руки и ноги тонкія. Это свойство необыкновенно обезображиваетъ дѣтей, которыя, сверхъ того, отличаются выдающимся животомъ. Плоское лице, украшенное нерѣдко большими, довольно острыми носомъ, широкія щеки, большой ротъ съ тонкими губами, маленькіе, черные или каріе, немного сонливые глаза, черные, гладкіе волосы и жиденькая бородка составляютъ отличительные признаки орочоновъ. Главная одежда ихъ заключается въ мѣховой или кожаной курткѣ, надъ которой они носятъ длинное китайское платье изъ бумажной матеріи, а сапоги и кожаные панталоны довершаютъ нарядъ; впрочемъ, сапоги они замѣняютъ иногда обмотанными вокругъ ногъ шкурами оленевъ. Куртку они стягиваютъ кожанымъ, тканымъ или плетенымъ изъ конскихъ волосъ поясомъ съ пряжкой, за которымъ всегда заперты вещи, ежедневно и часто употребляемыя: трубка съ иглой для протиренія ея, огниво, ухвертка, щипчики для выдергиванія изъ бороды волосъ и красивый кошелекъ китайской работы. Всѣ эти предметы снабжены шнурочками, украшенными стеклянусомъ, китайскими монетами и т. п., и имѣющимъ на одномъ концѣ 'странный' снарядъ, называемый *кльвизикомъ* и служащій для поддержания подтяжекъ. Илтъики — маленькія, круглыя пластинки, шары и кольца изъ кости или дерева, камешки, кипарисовая кора, маленькіе мѣдные полуцилиндры, просверленные надколѣнные чашки и кости убитыхъ животныхъ, прицѣплены только ради украшенія. На большомъ пальцѣ правой руки мужчины носятъ кольцо, служившее оружіемъ въ кулачномъ бою. Бороду и усы отпускаютъ одни старики; надъ лбомъ и на вискахъ волосы выстрижены, а на затылкѣ заплетены въ длинную косу.

Женская одежда похожа на мужскую, но только съ тою разницею, что женщины никогда не носятъ за поясомъ ножа, зато держатъ при себѣ все необходимое для куренья, такъ какъ онѣ, и даже дѣти, адѣсь курятъ не менѣе мужчинъ. Зимой всѣ одѣты въ короткія или длинныя шубы.

Не смотря на то, что ороченъ и манегровъ кочевые народы, они имѣютъ однако постоянныя жилища, въ которыхъ всегда и возращаются съ кочевья; во время переселеній, одни навьючиваютъ скудными пожитками сѣвернаго оленя, а другіе лошадей. Лошади, сѣверные олени и большее или меньшее число собакъ суть единственныя домашнія животныя ороченовъ и манегровъ.

Живутъ они въ конусообразныхъ, легкой постройки юртахъ, деревянные шесты которыхъ покрываются сперва бе-

Юрта ороченъ манегровъ.

рестой, а потомъ сверху ея устилаются еще шкурами сѣверныхъ оленей. При входѣ въ подобную юрту, хозяинъ сначала ведетъ гостя въ заднюю часть ея, называемую *маллу*, въ которую женщины не имѣютъ доступа, и послѣ того ужъ подаетъ ему закуренную трубку, переходящую изъ рукъ въ руки, такъ же, какъ и у краснокожихъ обитателей Сѣверной Америки. Внутреннее устройство ихъ юртъ совершенно сходно съ жилищами тунгузовъ, живущихъ при Байкальскомъ озерѣ; какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ, самаетка зашивается березовою корою, изъ которой приготовляются корзины и разныя другія вещи.

У манегровъ существуютъ также и музыкальные инструменты; такъ, примѣръ, они очень любятъ родъ варгана, сдѣланнаго изъ желтой мѣды (камуты), а также деревянный розкокъ, обтянутый липовымъ лубкомъ.

Манегры занимаются охотою и рыболовством. Ладьи ихъ, съ легкимъ остовомъ, которыми они управляютъ весьма искусно посредствомъ 5—8-футовыхъ, лопатообразныхъ веселъ, дѣлаются различной величины, смотря по числу сѣдокъ, и покрываются березовой корой, а оба конца загигаются кверху, въ видѣ крючковъ. У всякаго жилища манегровъ есть жерди, на которыхъ развѣшиваются для просушки куски мяса и рыба. Посадъ отъ юрты стоятъ запасные магазины, въ которыхъ сохраняется все ненужное имъ во время перекочевокъ. Запасныхъ предietовъ этихъ никто посторонній не трогаетъ, а потому возвратившійся хозяинъ находитъ ихъ всегда въ цѣлости.

Зимой орочны и манегры отправляются на охоту въ лѣса, гдѣ они разсылаются большими или малыми группами. Взаимно лука и стрѣлы манегръ употребляетъ огнестрѣльное оружіе, которымъ владѣть съ удивительнымъ искусствомъ, такъ что даже ласточки попадаютъ прямо въ голову. Они охотятся также, ради мѣха, за сѣвернымъ оленемъ, лосемъ, соболемъ, куницей, лисой и росомахой. Мясо этихъ животныхъ высушивается и употребляется въ пищу, которая едва ли пришлась бы по вкусу европейцу. Лилійныя луковницы (*Lilium spectabile*), навязанные на длинныя нити и развѣшанные на юртахъ для просушивания, равно какъ и высушенные листья конгулы, составляютъ для нихъ лакомое блюдо.

Манегры и орочны до сихъ поръ еще закоренѣлые шаманы, и большинство ихъ религіозныхъ обрядовъ сходно съ бурятскими. Они считаютъ талисманами зубы и когти различныхъ животныхъ и носятъ ихъ на поясѣ или на шеѣ. Большое мѣсто лечатъ вырѣзанымъ изображеніемъ его: хромые привязываютъ къ больной ногѣ маленькое изображеніе ноги или бедра, у слабогрудыхъ виситъ на шеѣ сердце, а больные глаза защищаются тонкими повязками изъ конскаго волоса.

Орочны и манегры имѣютъ только одну жену, которую

берутъ къ себѣ верѣдко до возмужалости и держать въ качествѣ служанки. Умершихъ хоронятъ обыкновенно вблизи юрты и ставятъ надъ могилой четырехугольный домикъ, или только простой навѣсъ, для защиты отъ дождя и солнца. Надгробные домики, какъ и у тунгузовъ на нижнемъ Амурѣ, часто бываютъ украшены различнымъ рисомъ.

Особенно большую выгоду приносятъ манегранъ рыбная ловля весной и лѣтомъ. Познано множество мелкой рыбы, главную добычу ихъ составляютъ осетры, имѣющіе иногда

Манегранъ.

въ себѣ по нуду икры. Пойманную рыбу они, или съѣдаютъ сами, или продаютъ казакамъ, отъ которыхъ, среднимъ числомъ, получаютъ за 1 фунтъ рыбы $1\frac{1}{2}$ фунта ржаной муки, а за одинъ фунтъ икры 3 нуда муки. Ловля производится, большею частію, посредствомъ искусно устроенныхъ гарпунковъ. Въ тихую погоду одинъ изъ ловцовъ избирается на скалу, нависшую надъ рѣкою, съ которой можетъ видѣть проходящихъ осетровъ; товарищъ же его, вооруженный гар-

пуномъ, помѣщается, въ берестяной лодѣ, подъ нимъ, на рѣкѣ. По знаку, поданному сверху, онъ слѣдуетъ за рыбой, мечетъ гарпунъ, съ прикрѣпленнымъ къ нему длиннымъ ремнемъ и осторожно притягиваетъ рыбу къ берегу.

Мангры отличные охотники и рыболовы, а въ свою очередь, и орошены также нисколько не уступаютъ имъ въ этомъ искусствѣ. Орланъ, проживавшій съ послѣдними долгое время, между цѣлыми тысячами убитыхъ бѣлокъ не видалъ ни одной, у которой выстрѣлъ попалъ бы не въ голову. Кроме того, они употребляютъ для ловли животныхъ разнообразныя снаряды, такъ, напр., одинъ изъ нихъ состоитъ изъ лука, устроеннаго самострѣломъ. Чтобы ускорить смерть животнаго, отравляютъ стрѣлу; ядъ быстро распространяется по всему тѣлу, которое вскорѣ начинаетъ гнить; не смотря на это, мангры ѣдятъ это испорченное мясо, не замѣчая надъ собой никакихъ дурныхъ послѣдствій. Подобныя же самострѣлы употребляются и у гольцовъ, на среднемъ Амурѣ. Вообще, между всеми тунгусскими народами, живущими по Амuru, существуетъ много сходныхъ нравовъ и обычаевъ, почему и трудно провести точныя границы между отдельными ихъ племенами.

Въ области мангровъ же, по лѣвому берегу Амuru, противъ устья рѣчки Альбазина, находится развалины первой русской колоніи и крѣпости Альбазина, или, какъ называютъ ее китайцы, Ясы. Она расположена на старомъ тунгусскомъ поселеніи, получившемъ свое названіе отъ жившаго здѣсь когда-то тунгусскаго князя Альбазы. Въ началѣ 17-го столѣтія отважные русскіе мѣхопромышленники и казаки пытались перейти Яблоновый хребтъ, и нѣкоторымъ, дѣйствительно, удалось проникнуть до Амuru и верховья Сси. Возвратившись на родину, они рассказали объ изобиліи пушнаго звѣря въ видѣнной ими странѣ. Въ 1643 году отрядъ казаковъ прошелъ по всему теченію Амuru до моря. Послѣ этой счастливой экспедиціи рѣшили основать на Амурѣ колонію и, въ 1650 году, командировали туда казачьяго атамана Ха-

барова, для приведенія въ исполненіе этого плана и прине-
канія удобнаго мѣста. Послѣ труднаго перехода отъ Якутска,
Хабаровъ дос-
тигъ до верховья
Амура и вы-
бралъ Альба-
зинъ мѣстомъ
для новой ко-
лоніи, на томъ
основаніи, что
здѣсь находи-
лось достаточ-
ное количество
воды, дровъ и
хорошія паст-
бища.

Въ 1651 году
была окончена
постройка этой
крѣпостцы, гос-
подствовавшей,
по своему вы-
годному поло-
женію, надъ
всєю мѣст-
ностью. По слѣ-
дамъ казаковъ,
пришли сюда и
охотники, на-
стрѣлили себѣ
здѣсь хискинъ и
отправились за
собольми. Тун-
гускіе охот-
ничьи народы,

Юрта оренбургъ.

жившіе по верхнему теченію Амура, нехотя уступали свое мѣсто русскимъ. Мало по малу, когда соборы въ окрестностяхъ Альбазина стали рѣдки, охотники стали проникать и глубже внутрь страны. Наконецъ, въ 1657 году, китайцы разсердились на русскихъ пришельцевъ и послали къ Альбазину армію, требовавшую сдачи крѣпости. Русскіе предпочли осаду, не смотря на то, что имъ предлагали свободное отступление съ оружіемъ въ рукахъ. Китайцы построили на островѣ, находящемся передъ Альбазиною, батареи и начали обстрѣливать крѣпость, которую русскіе защищали съ величайшей храбростью, и, не смотря на невыносимыя трудности, удерживали ее за собой почти два года. По истеченіи этого времени, голодъ принудилъ ихъ къ сдачѣ. Не смотря на то, гарнизонъ отступалъ со всѣми воинскими почестями и эскорта китайцевъ провожала его до самой границы.

Превосходная добыча мѣха, которую получали у Амура, осталась неизменною, и воспоминаніе о ней было слишкомъ соблазнительно, чтобы не заставить сдѣлать новыя попытки. Въ 1665 году мѣхопромышленники опять отправились внизъ по Амуру и остановились въ развалинахъ Альбазина, но были довольно осторожны и оставляли въ покоѣ туземцевъ. Черезъ пять лѣтъ за ними послѣдовалъ Черныговскій съ нѣкоторымъ числомъ казаковъ и возстановилъ прежнія крѣпостныя постройки. Когда это стало извѣстно въ Сибирь, вскорѣ нашлись поселенцы и въ короткое время Альбазинъ сталъ гораздо значительнѣе прежняго. Черныговскій строго заботился о порядкѣ и старался избѣгать несприятныхъ столкновеній съ мандчурами. Но безпрерывное возрастаніе населенія возбуждало въ китайскомъ правительствѣ опасенія, и чтобы предотвратить увеличеніе силы Альбазина, оно построило городъ Айгунъ у средней части Амура.

4-го іюля 1685 года опять появилось китайское войско передъ Альбазиною и по-прежнему разиѣталось на островѣ. По своему числу оно въ 10 разъ превосходило русское, находившееся подъ начальствомъ отважнаго и опытнаго Тол-

бузина. 22-го іюля китайцы штурмовали крѣпость, но черезъ нѣсколько дней ихъ отбали. Предполагая, что крѣпость нельзя будетъ долго удерживать въ своей власти, русскіе ночью отступили. Но едва китайцы ушли, разрушивъ всѣ крѣпостныя постройки, какъ Толбузинъ снова вступилъ въ Альбазинъ и 7-го августа опять началъ строить крѣпость. Китайскіе же воины были вынуждены поспѣше уйти, такъ какъ уже приближалась зима.

Весною 1686 года передъ Альбазинномъ явилась несравненно сильнѣйшая армія, которая осадилъ крѣпость. Китайцы устремились къ крѣпости со всѣхъ сторонъ, и цѣлый флотъ поплылъ внизъ по Сунгари, чтобы начать военныя дѣйствія съ русскими. Последніе получили подкрѣпленіе изъ Нерчинска и начался ожесточенный бой. Храбрый Толбузинъ былъ убитъ и его мѣсто занялъ нѣмецкій дворянинъ *Бейменъ*, который былъ взятъ въ плѣнъ во время его служенія въ Польшѣ и отправленъ въ Сибирь. Съ такимъ же искусствомъ, какъ и Толбузинъ, онъ защищался, пока, при наступленіи холодовъ, китайцы не отступили на зимнія квартиры. Весною русскіе получили подкрѣпленіе и свѣжіе запасы изъ Нерчинска. Хотя осада продолжалась весь годъ, но китайцы не могли овладѣть ни малѣйшиимъ кусочкомъ земли. Зимой 1688 года, Бейтенъ отступилъ. Въ слѣдующій годъ, 27-го августа, установился миръ между русскими и китайцами, заключенный въ Нерчинскѣ. На основаніи мирнаго договора, русскіе отказались отъ Альбазина и всѣхъ своихъ селеній въ Манджуріи. До восемнадцатаго вѣка китайцы предписывали условія мира, и ихъ императоръ представлялъ себѣ русскаго царя чѣмъ-то въ родѣ своего пасала. Но какъ

Манчжурскій гарбъ.

измѣнились всѣ отношенія съ тѣхъ поръ, какъ вступили въ Амурскую область Хабаровъ со своими казаками!

Развалины старинной крѣпости существуютъ еще донынѣ, но это мѣсто совершенно утратило стратегическое свое значеніе. Совсѣмъ другія причины побуждаютъ теперь населить Альбазинъ. Дѣло въ томъ, что здѣсь въ окрестностяхъ есть превосходная пастбища, которая удобна для скотоводства. Въ боковыхъ долинахъ есть отличная почва для земледѣлія, а въ лѣсахъ много соболей и бѣлокъ, привлекающихъ мѣхопромышленниковъ. Лѣса утрачиваютъ здѣсь сибирскій характеръ. Хвойные лѣса встрѣчаются рѣже и замѣняются чащами дубовъ, вязовъ и ясеней, а подъ ними растутъ розовые и липиные кусты. У Альбазина Амуръ имѣетъ уже 120 футовъ ширины, а дальше онъ расширяется. Множество острововъ, разсѣянныхъ въ рѣкѣ, оригинальнымъ своимъ видомъ, содѣйствуютъ увеличенію прелести этой мѣстности, хотя они весьма непріятны для судопромышленниковъ. На правомъ берегу, немного пониже Альбазина, горы опять приближаются къ Амуру въ видѣ крутыхъ свалъ песчаника, а на лѣвомъ русскомъ берегу, 40 или 50 футовъ надъ уровнемъ воды, находятся равнина, состоящая изъ наноса, до самаго мыса Малой Надежды. На этой равнинѣ поднимаются отдѣльными сіенитовыми скалы, вышиною въ 100—150 футовъ. Песчаникъ встрѣчается гораздо рѣже, а лиственные деревья становятся все многочисленнѣе.

Въ долинѣ рѣчки Бүрунды, которая впадаетъ съ лѣвой стороны въ Амуръ, почва состоитъ изъ жирнаго чернозема, который покрытъ густою травой и представляетъ весьма благопріятное мѣсто для поселенія. Горы, поросшія елими и лиственницами, состоятъ изъ углистаго песчаника и конгломерата съ глинистымъ сланцемъ. Затѣмъ слѣдуетъ опять гранитъ и немного пониже рѣчки Оюна выступаетъ изъ Амура громадная скала песчаника, заставляя его сдѣлать значительное искривленіе. Эта скала, вышиною въ 250 футовъ, извѣстна подъ именемъ Цаганскихъ горъ и отли-

частей нѣсколькими полосами угля или антрацита, который лежитъ въ нихъ нѣподобіе лентъ. Обитающіе тутъ мангры очень боятся этихъ горъ, и говорятъ, что въ нихъ живутъ злые духи. Кроме того, они, совершенно согласно съ манджурами, утверждаютъ, что изъ этихъ горъ очень часто выступаетъ дымъ. Эти показанія не подтверждаемы наблюденіями европейцевъ, хотя и возможно, что горящія пласты угля распространяютъ тутъ дымъ.

Далѣе берегъ Амура поперемѣнно представляетъ горы и равнины. Лиственный лѣсъ преобладаетъ и лишь на вершинахъ горъ видны хвойные лѣса. По правую сторону Амура, Комаръ самый значительный притокъ, и противъ него поднимается круто громадная масса вулканическихъ скалъ, названныхъ въ новѣйшее время мысомъ *Бибиковымъ*. Здѣшніе туземцы мангры называютъ этотъ мысъ Лонгторомъ. По случаю этого наименованія, чрезвычайно разыгралась фантазія англичанина Аткинсона. Известно, что Аткинсонъ самъ не былъ на Амурѣ, а заимствовалъ описаніе его преимущественно изъ сочиненія Мака. Тамъ, гдѣ онъ былъ самъ, описаніе его чрезвычайно удачно, но какъ скоро ему приходилось пользоваться чужими источниками, оно становится запутаннымъ и неяснымъ, не обнаруживая ни малѣйшей критики и выказывая перфѣдко полную свободу воображенія. Бейтсѣ, или какъ его называли русскіе, Бейтсѣ, по „бульдогообразной смелости“, съ которою онъ защищалъ Альбанинъ, считается имъ за англичанина. По его мнѣнію, онъ назывался Батомомъ, а еще вѣроятнѣе Батсономъ, и родилъ можетъ быть, въ Дербиширѣ, гдѣ нѣкоторыя живущія скалы называются Торъ. Такъ какъ упомянутая скала называется Лонгторъ, то нельзя, по мнѣнію Аткинсона сомнѣваться, что это наименованіе дано англичаниномъ Атсономъ.

Мы покидаемъ область мангровъ. На лѣвомъ берегу, гдѣ лѣса становятся все чаще и появляются многія южныя растенія, находятся первая манджурскія деревня. Здѣсь появляются также отдѣльные даурскіе хижинны. Огородъ,

существующій при каждомъ домиѣ, свидѣтельствуеъ о влі-
яніи китайцевъ на здѣшнее населеніе. На лѣвомъ русскомъ
берегу мы встрѣтили до сихъ поръ лишь одинокіе казачьи
посты. Первый городъ мы видимъ у истока Сеп, первого
большаго притока Амура, берущаго свое начало съ Стано-
ваго хребта и текущаго къ Амуру преимущественно въ юж-
номъ направленіи. Сѣверная часть этой рѣки называется у
тунгузовъ Дажониканъ, а у якутовъ Дажуралъ. Вдоль всей
Сеп въ первый разъ плавали Усольцевъ, который совершилъ
одно изъ труднѣйшихъ путешествій, выполненныхъ въ Амур-
ской области.

Исходною точкою путешествія Усольцева былъ казачій
постъ Усть-Стрѣлка, при соединеніи Шилки съ Аргунью. Въ
Перчинскѣ онъ получилъ конвой и проводника, который зналъ
дорогу, по крайней мѣрѣ, въ началѣ пути до Атиганскихъ
горъ. 25-го іюня 1856 г. общество выступило въ дорогу.
Кромѣ проводника, при Усольцевѣ находились солдаты, сопут-
ствовавшій ему уже въ первыхъ путешествіяхъ, двое каза-
ковъ, унтеръ-офицеръ и конники, бывшій въ то же время и пе-
реводчикомъ при разговорахъ съ тунгузами. Слѣдовательно,
всего было семь человѣкъ, съ такими же числомъ верховыхъ
лошадей и 12-ю вьючными.

Сперва пошли къ рѣкѣ Ольдой, впадающей въ Амуръ съ
сѣвера. По охотничьимъ тропинкамъ надѣялись добраться
до нея въ девять дней, но сильныя дожди обратили почву въ
трудно-проходимое болото, такъ что этотъ небольшой пере-
ходъ сдѣлали лишь въ теченіе цѣлаго мѣсяца. 22-го іюля пе-
реправились чрезъ Ольдой на плоту и затѣмъ пошли къ сѣ-
веровостоку, къ источникамъ рѣки. Обильная луговая расти-
тельность Амура, поднимающаяся изъ болотистой, покрытой
игомъ почвы, совершенно исчезла и замѣнилась чащею
низкихъ, кустарникообразныхъ лиственницъ, березы и сосны,
расположенныхъ или отдѣльными группами или перемежа-
емыхъ между собою. Множество бѣлокъ заселяетъ лѣсъ и
привлекаетъ сюда ороченовъ; но эти послѣдніе весьма не-

охотно остаются въ этой области и, по окончаніи охоты, тотчасъ же покидаютъ ее.

Близъ истоковъ Олдоа замѣчается постепенное возвышеніе горъ. Высокія, скалистыя вершины стоятъ по обѣимъ сторонамъ дороги, и лишь въ немногихъ мѣстностяхъ можно найти довольно корма для лошадей. Именно это обстоятельство и обусловило выборъ пути Усольцева. 2-го августа достигли истоковъ Олдоа. Послѣ перехода чрезъ низкій горный хребетъ, показавшаяся долина Танды, небольшой рѣчки, принадлежащей къ водной системѣ Сени, потому что впадаетъ въ Олонгру, рукавъ Гилуа, главнаго притока Сени.

Долина Танды болотиста, и въ ней вовсе нѣтъ луговой растительности. Глазамъ представляется здѣсь непрерывная горная цѣль съ глубокими ущельями и лѣсами, густо поросшими подлѣскомъ. Мѣстами чаща была до того непроницаема, что приходилось прелагать себѣ дорогу топоромъ. Лѣсъ здѣсь совершенно непроходимъ и становится нѣсколько рѣже только тамъ, гдѣ сгб коснулся пожара.

Лишь съ большимъ трудомъ и побѣждая опасности, Усольцевъ прошелъ вверхъ по Олонгру. При переходѣ чрезъ множество текущихъ здѣсь ручьевъ, лошади нерѣдко погружались по груди въ болото и сваливались въ воду, такъ что вещи совершенно промокли. Сухари, взятые съ собою, стали портиться и гнить. Лишь изрѣдка проглядывало солнце сквозь тучи, и потому промокнушихъ вещей нельзя было просушить. Семь лошадей издохло отъ непослѣднихъ усилій, между тѣмъ какъ остальные совсѣмъ ослабли. Когда путешественники достигли, наконецъ, Атичанска, они имѣли съ собою лишь шесть пудовъ сухарей и нѣсколько кирпичнаго чаю. Даже этотъ незначительный запасъ былъ наполовину испорченъ. При томъ же экспедиція состояла изъ семи человѣкъ, прошедшихъ лишь четвертую часть пути, обѣщавшаго въ будущемъ еще много опасностей и лишений.

Пришлось отказаться отъ восхожденія на Атичанъ и барометрическаго опредѣленія его высоты, потому что до склона

нельзя было добраться ни пешкомъ, ни на лошади, такъ какъ ручьи выступили изъ береговъ. Горы эти выдаются двумя вершинами, а своими склономъ соединяются съ низкими отрогами Яблоновыхъ. Сколько можно судить по виду, хребтъ идетъ къ сѣверо-западу. Вершины имѣютъ болѣею частью пирамидальную форму, и крутизна склона становится все болѣе и болѣе по мѣрѣ приближенія къ гребню, состоящему изъ обнаженныхъ скалъ. Тамъ видны гранитныя массы, нагроможденные стѣнами одна на другую и мѣстами прорѣзанныя трещинами и ущеліями.

30-го августа Усольцевъ покинулъ Атичанъ и отправился къ восточному рукаву Гилуя котораго и достигъ 1-го сентября. Тутъ, въ путаницѣ потоковъ и ручьевъ, которые, наконецъ, все соединяются съ Сеею, прохадя по минному болоту, легко можно заблудиться. Надобно было достигнуть Иликана, впадающаго въ Гривду, которая, въ свою очередь, составляетъ притокъ Сеи. При переходѣ чрезъ болотный ручеекъ, проводникъ открылъ слѣды сѣверныхъ оленей и, при внимательномъ осмотрѣ окрестности, убѣдился, что по близости *столли ороченъ*, которые за три дня до того убилъ животное и взяли съ собою его мясо. Это открытіе весьма обрадовало заблудившихся путешественниковъ, которые терпѣли большую нужду. Они надѣялись найти проводника и уже рѣшились зарѣзать лошадь. Въ запасѣ у нихъ было лишь нѣсколько фунтовъ муки и масла. По оставшимся слѣдамъ, путешественники въ тотъ же вечеръ дошли до юртъ ороченъ.

Прибытіе русскихъ очень изумило ороченъ; къ сожалѣнію, однако-жь, они не принадлежали къ племени проводника. Ихъ кочевья находились въ Иркутской области, и они возвращались туда. Они продали двухъ небольшихъ оленей, но никакія обѣщанія, ни предложенія не могли побудить ихъ проводить путешественниковъ до Сеи, хотя они весьма охотно описали дорогу туда.

Пробывъ нѣсколько дней у ороченъ, Усольцевъ пус-

такая въ путь, 8-го сентября, къ истоку Иликана. 14-го сентября путешественники съѣли послѣднюю овенину, и теперь имъ предстояло прокормливаться конной. Слѣдовательно, они шли предъ собою въ виду страшный голодь. Усольцевъ заботливо посмотрѣлъ на бѣдныхъ лошадей, которыя совершенно ослабли и исхудали, почему онѣ, казалось, едва ли дотащатся до Сел. Спутники его были также озабочены, и онъ долженъ былъ ободрять ихъ, тѣмъ болѣе, что эти люди считали большимъ грѣхомъ ѣсть конину. При такихъ-то обстоятельствахъ двинулись они къ Иликану, притѣмъ мысль о голодной смерти не покидала путешественниковъ ни днемъ, ни ночью.

Послѣ жесточайшихъ испытаний, достигли Иликана. Въ восточномъ направленіи пошла путники по его долині, ограниченной холмами и покрытой болотистомъ почвомъ, поросшему краснымъ мхомъ. Чтобы не зайти далеко къ востоку, Усольцевъ отошелъ вправо отъ Брианды къ желанной Селѣ, на близость которой указывали болѣе плоскіе горные хребты. Наконецъ-то, послѣ продолжительнаго странствованія, опять достигли луговъ съ высокой травой, большими озерами и чащей кустарникообразныхъ ивъ и березъ. Совершенно неожиданно, 24-го сентября, Усольцевъ увидѣлъ, послѣ трехлѣтняго странствованія, Селю, которая блистала вдаль, какъ озеро. Не теряя времени, приступили къ постройкѣ плота, ибо счастливый случай привелъ путешественниковъ къ единственному неширокому мѣсту рѣки, гдѣ можно найти слюдаго лѣса, годнаго для приготовленія плота. Осталось еще 12 лошадей, которыя могли поправиться во время постройки плота, такъ что Усольцевъ еще не отказался отъ надежды достигнуть Селинджи, притока Селъ съ восточной стороны. Къ сожалѣнію, эта надежда не осуществилась, потому что лошади худѣли все болѣе и болѣе, а постоянный дождь, къ которому иногда присоединялся снѣгъ, сдѣлалъ ихъ совершенно негодными для дальнѣйшаго путешествія; притомъ же по дорогѣ не было корма. Чтобы сдѣлать плаваніе по рѣкѣ менѣе

опаснымъ, Усольцевъ устроилъ два плота и соединилъ ихъ между собою. На первомъ изъ нихъ помѣстили лошадей, а другой нагрузили поклажей. До отплытія, 3-го октября послѣ полудня, издохли двѣ лошади. Сся тутъ имѣетъ въ ширину 2,000 футовъ.

Послѣ непродолжительнаго плаванія Усольцевъ увидѣлъ дуга, по вѣтвямъ горы съ обѣихъ сторонъ до того сблизились, что сузили рѣку. Теченіе становится тутъ быстрое, и Сся, наконецъ, ударяется объ огромные камни, образуя ибнящійся порогъ, по которому плотъ поплылъ съ страшною быстротою. Лишь съ трудомъ удалось охранить импровизированныя суда отъ ударовъ о скалы. Длѣе горы опять расходятся, рѣка становится шире и чуть-чуть катитъ свои струи по долинѣ, роскошно поросшей травою. Наконецъ, 6-го октября, опять встрѣтили людей. Уже издали путешественники замѣтили юрты манегрскихъ тунгузовъ, покрытыя бѣлой березовой корой. При видѣ чужеземцевъ, эти люди разбѣжались и рѣшились воротиться, лишь когда Усольцевъ успокоилъ ихъ ласковымъ призывомъ. Ни на какихъ условіяхъ люди эти не соглашались проводить его до Селинджи. Впрочемъ, они не отказались провести путешественника до ближайшихъ своихъ соплеменниковъ. Проводникъ, присоединившійся къ Усольцеву, возмѣстилъ о ихъ приближеніи уже издалика звукомъ деревяннаго рога. Но и эти манегры не соглашались дать проводника. Уже 7-го октября на Ссѣ показались льдины, и лишь въ то время, когда переставалъ дуть вѣтеръ, на рѣкѣ не было льда. Такъ какъ это случалось по большей части ночью, то приходилось плыть дальше при лунномъ свѣтѣ. 15-го октября достигли до устья Селинджи, которая соединяется съ Ссею нѣсколькими рукавами, обнимающими дельту, образующуюся изъ множества острововъ, поросшихъ лѣсомъ. Устье Селинджи совершенно скрыто этими островами, такъ что Усольцевъ замѣтилъ его лишь тогда, когда оно было указано манегромъ.

Ниже Селинджи горы опять отступаютъ отъ рѣки. На

ихъ вершинахъ растутъ рѣдкій лѣсъ сосны или лиственницы и березы. Далѣе по обѣимъ сторонамъ рѣки идутъ обширныя безлѣсныя равнины. Густая, высокая трава, сѣшенная съ шиповникомъ, покрываетъ это необозримое пространство, а въ низкихъ лѣсахъ видны озера, окруженныя болотами и сѣянными скалистыми горами. Выйдя отсюда, рѣка снова течетъ по травянистымъ равнинамъ, покрытымъ слоемъ чернозема, толщиной въ футъ. Эта мѣстность весьма удобна для земледѣлія и скотоводства.

18-го октября Усольцевъ достигъ Тома, впадающаго въ Селю съ лѣвой стороны. Поверхность воды здѣсь почти шире, чѣмъ при устьѣ Селинджи. Малгіе острова представляютъ путь медленно текущей рѣкѣ, такъ что Усольцеву довольно долго пришлось искать настоящаго водянаго пути. Тутъ онъ лишился послѣдней своей лошади и плылъ внизъ по рѣкѣ на одномъ плоту, который нерѣдко былъ затирасъ большими льдинами, грозившими раздавить утлое судно. Такимъ образомъ Усольцевъ плылъ еще два дня, но, наконецъ нужно было отказаться отъ подобнаго странствованія, когда сильный вѣтеръ, поднявшійся, еще утромъ, обратился въ страшную бурю, которая бушевала всю ночь и увеличила число льдинъ. Едва успѣлъ Усольцевъ со своими спутниками выйти на берегъ, какъ ихъ плотъ разбился. Рѣка совершенно замерла. Въ такомъ грустномъ положеніи, семь человѣкъ шли только на лошади. Больше у нихъ не было никакой пищи. Усольцевъ оставилъ этотъ запасъ тремъ своимъ спутникамъ, которые должны были оберегать поклажу, а съ остальными тремя отправился отыскивать манджурскую деревню. Оставшіеся было приказано ждать 10 дней, по истеченіи которыхъ имъ слѣдовало отправиться внизъ по рѣкѣ, уничтоживъ у мѣста стоянки свои слѣды.

На третій день Усольцевъ достигъ первой манджурской деревни, гдѣ его отправили въ общественный домъ, куда собрался всѣ жители. Первымъ его дѣломъ было позаботиться объ оставшихся; онъ просилъ манджуръ доставить

ныя собственныя припасовъ и лошадей. Цѣлую ночь совѣщались манджуры о томъ, что слѣдуетъ дѣлать съ чужеземцами. На другой день, однако, три человека отправились съ казакомъ Усольцева на мѣсто стоянки у Сен, и взяли съ собою 30 фунтовъ проса. Самого Усольцева и двухъ его спутниковъ отправляли въ городъ Сахальянъ-ула-Хотоиъ (селеиѣ Айгунь), на правомъ берегу Амура. 27-го октября они прибыли въ деревню, лежащую противъ города, и переправились на другой день чрезъ Амуръ. По прибытіи въ Айгунь, Усольцева отправили въ общественный домъ и чрезъ полчаса повели къ допросу. Въ комнатѣ, назначенной для этого, находились три чиновника и нѣсколько писцовъ. Одинъ изъ нихъ, Гузайда, помощникъ амбана, спросилъ, кто они такіе и почему вступили въ страну, находящуюся подъ ихъ властію? На это Усольцевъ отвѣчалъ коротко, описалъ свои несчастія и просилъ ласковаго приѣма. Послѣ того онъ былъ представленъ амбану, который принялъ его учтиво и безъ околичностей приказалъ отправить къ русскому казачьему вѣсту Усть-Сейску, при устьѣ Сен. Туда же прибыли и остальные спутники Усольцева съ вещами. Радуясь своему спасенію, они отправились обратно къ Амуру. 24-го января 1857 года Усольцевъ прибылъ въ Иркутскъ. Все это было еще до заключенія айгуньскаго договора. На томъ мѣстѣ, гдѣ былъ казачій вѣстъ Усть-Сейскъ, теперь находится городъ Амурской области — Благовѣщенскъ.

Для того, чтобы изобразить «визію» этого новаго приамурскаго города, не нужно ни искусной кисти, ни блестящихъ красокъ. Вдоль низменнаго берега тянется рядъ деревянныхъ домиковъ по прямой линіи. Всѣ эти домики имѣютъ красную крышу и походятъ одинъ на другой. На всея колоритъ пустыни и въ окрестныхъ непривѣтливыхъ степяхъ не видно ни одного деревца. Вслѣдствіи, можетъ быть, городъ будетъ процвѣтать, но въ настоящее время онъ имѣетъ грустный видъ. Казармы, сколоченныя кое какъ линейными солдатами, недалеки въ плотничномъ искусствѣ,

даже не могутъ имѣть и притязанія и прочности. Сидѣть про-
бавляется сквозь щели, и вѣтеръ дусть черезъ оконныя рамы,
за которыми приходится сидѣть въ шубахъ. Селеніе укра-
шено небольшою церковью, а амурская компанія возвела
довольно прочное зданіе для кладовой и конторы. По близо-
сти, вдоль Сея, находятся дома купечества.

Большая часть народонаселенія живетъ въ
мазанкахъ и состоитъ или изъ свободныхъ
переселенцевъ, или ссыльныхъ, отбывшихъ
свой срокъ. Внутренность города не пред-
ставляетъ важныхъ особенностей. Здѣсь пре-
обладаетъ военный элементъ, и крестьянина
можно встрѣтить очень рѣдко, еще рѣже встрѣ-

тити гражданскаго чиновника.

Повсюду работаютъ солдаты,
натѣвая тѣ заунывные нѣсны,
которыхъ такъ многоу русскаго
народа. Ниже Благовѣщенска
берегъ Амура становится раз-
нообразнѣе и оживленнѣе. Впро-

Соборный самоотрѣлъ.

чемъ, лѣвый, русскій берегъ
все еще сохраняетъ степенной
характеръ, особенно тамъ, гдѣ къ Амуру при-
соединяется Ся, рѣка идущая выше его. Расти-
тельность тутъ все еще бѣдна и состоитъ лишь
изъ низкорослыхъ кустарниковъ.

Совершенно другую картину представляетъ
правый, китайскій берегъ. По мѣрѣ прибли-
женія къ китайскому городу Айгуни, лежа-
щему въ 33 верстахъ отъ Благовѣщенска, берегъ становится
все прѣстѣннѣе и оживленнѣе. Селеніе слѣдуетъ за селені-
емъ, и деревня сѣмляется деревней. Все это, конечно, не
представляетъ ничего особеннаго, но, послѣ плаванія между
безлюдными берегами верховья, эта мѣстность производитъ
очень пріятное впечатлѣніе. Сверхъ того, манджурскія де-

Туягузская пи-
щамъ.

ревни бываютъ окружены деревьями, одѣтыми свѣжею зеленью. Какъ непривѣтливъ и обнаженъ новый русскій городъ, такъ уютны и залиты зеленою манджурскія деревушки. Религія манджура заставляетъ его сажать деревья на гробницу отца, и потому ихъ считаютъ неприкосновеннѣйшей святыней. За порубку такихъ деревь строго наказываютъ. Русскіе, напротивъ, стараются догола расчищать заселяемыя мѣстности.

Эти хорошо застроенныя и сильно заселенныя мѣста, составляющія средоточіе цивилизаціи на Амурѣ, лежатъ на протяженіи лишь 60 и 70 верстъ. Въ срединѣ этого пространства находится, на правомъ берегу Амура, городъ Сахалианъ ула-Хотоги, городъ Черной Рѣки, какъ называютъ его манджуры, или, Хелунгъ-киангъ-чингъ (городъ Черной Драконовой Рѣки) китайцевъ. Обыкновенно и болѣе употребительно названіе Айгуны, знаменитое заключеніемъ извѣстнаго договора Россіи съ Китаемъ; здѣсь находится мѣстопробываніе амбана, или губернатора. Повыше города есть мѣсто въ родѣ гавани для мелкихъ военныхъ судовъ. Самый же городъ тянется на протяженіи трехъ верстъ у берега, отъ двухъ до трехъ верстъ въ ширину. Надъ однообразными крышами домовъ выдается нѣсколько рядовъ палатъ съ флагами; домъ губернатора окруженъ деревянными налесадами. Въ Айгуни довольно много храмовъ; одинъ изъ нихъ расположенъ у самаго берега, и его красный, пестрый куполъ рѣзко отличается отъ сѣровато-желтаго цвѣта остальныхъ домовъ. Внутри города много жизни. Двуколесныя повозки, запряженныя быками, медленно двигаются по дурнымъ дорогамъ; на огородахъ и поляхъ множество работниковъ, а на лугахъ пасутся многочисленныя стада. По рѣкѣ плаваютъ рыбачьи лодки, между тѣмъ какъ большія суда съ вымпелами и флагами медленно идутъ по бичевѣ, которую тянутъ люди.

Тунгузы, обитающіе въ этой средней части Амура, во многомъ отличаются отъ прочихъ родственныхъ племенъ,

какъ-то отъ ороchonовъ и манегровъ, равно какъ и отъ другихъ народовъ, которые живутъ ниже и будутъ описаны послѣ. Они находятся на болѣе высокой степени развитія, имѣютъ болѣе благородный, овальный окладъ лица и болѣею частью не кочуютъ. Вліяніе китайцевъ у нихъ замѣтнѣе, чѣмъ у *какого-либо другаго племени по Амуру*, и выражается не только въ одеждѣ, образѣ жизни, нравахъ и обычаяхъ, но также въ религиозныхъ представленіяхъ. Во время похода русскихъ къ Амуру, въ 17 вѣкѣ, тунгузы обитали только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ теперь кочуютъ ороchonы и манегры, а также ниже по рѣкѣ до устья Сел.

Часть этого народа, обозначаемая общиннѣ именемъ дауровъ, сѣлаалась съ манджурами, которые, въ теченіе почти 300 лѣтъ, образовали со многими тунгузскими племенами какъ бы одинъ народъ. Другая часть населенія сохранила свою національность. По близости постоянныхъ жилищъ ихъ пасутся рогатый скотъ и табуны лошадей. Они употребляютъ двухколесныя повозки, колеса которыхъ вращаются вмѣстѣ съ осью. Дома окружены фруктовыми садами и огородами; а тамъ и сямъ видѣются обширныя поля

съ пшеницей, изъ которой жители приготовляютъ хлѣбъ, еще неизвѣстный орошонамъ и манграмъ.

Жители этой части Амура одѣваются почти такъ, какъ китайцы. Мужчины носятъ длинную одежду, а сверхъ нея нѣчто въ родѣ жилета съ рукавами. Кромѣ того, они надѣваютъ панталоны, употребляемые китайцами, и сапоги съ толстыми подошвами изъ палки. Голова спереди и съ боковъ острижена, и лишь сзади виситъ длинная коса. Покрываютъ они голову китайской шляпой или шапкой. Трубку курятъ и мужчины, и женщины. Мужчины носятъ пальто, на которомъ висятъ футляръ съ ножомъ, китайскими палочками, замѣняющими наши вилки, огниво и т. д.

Жилища здѣсь самого разнообразнаго характера. Тутъ мы видимъ то коническія юрты, то дома, въ которыхъ много обнаруживается вліяніе китайцевъ. Юрты покрыты березовой корой, камышемъ или прутьями, а иногда плетенками въ родѣ корзины. Совершенно другой видъ имѣютъ глиняные дома. Между огородами съ бобами, табакомъ и другими растеніями скрывается домикъ, построенный изъ дерева и глины въ серединѣ двора. Домъ этотъ имѣетъ нѣсколько сажень длины, и его крыша покрыта гладко остриженнымъ камышемъ. Свѣтъ проникаетъ въ домъ чрезъ два рѣшетчатые окна, въ которыхъ прозрачная бумага замѣняетъ стекло. Печка растянута на всю комнату и согреваетъ большой желѣзный котелъ.

Хотя дауры занимаются земледѣліемъ, огородничествомъ и скотоводствомъ, все-таки главное ихъ занятіе состоитъ въ рыболовствѣ. При этомъ они пользуются довольно неуклюжими, плоскодонными лодками. Рыбу ловятъ сѣтями, крючками и гарпунами. Вообще, хотя дауры буддисты, но они не вполне отказались отъ шаманизма. На наружной сторонѣ многихъ домовъ видны маленькіе шкапы или рамы съ китайскими идолами, и передъ ними помѣщены небольшія курильницы. Кромѣ того, на домахъ можно видѣть шесты, которые ставятся во время богослуженія. На верхнемъ концѣ

этихъ шестовъ насажены черены хищныхъ животныхъ, или они украшены флагами, конскими волосами и т. д., а передъ ними стоятъ столбики съ жертвенными приборами и куральницами. Присутствующіе молятся, растянувшись ницъ на землѣ.

При среднихъ уровняхъ, вода Амура въ этой мѣстности имѣетъ глубину отъ 18 до 25 футовъ, слѣдовательно, здѣсь могутъ плавать самыя большія суда. Но во многихъ мѣстностяхъ есть подводные камни, которыхъ нельзя видѣть даже при наиболѣе низкомъ уровнѣ воды. Оттого судоходство по рѣкѣ довольно опасно; впрочемъ, существованіе подводныхъ камней обнаруживается водоворотами.

Непостоянство уровня воды составляетъ самое вѣрное доказательство того, что въ области источниковъ Амура нѣтъ неистощимаго резервуара, то есть вѣчнаго снѣга. Вѣроятно, источники Онона и Аргуни въ Монголіи находятся не выше 9,000 футовъ (высота Сохонды). Воды Аргуни, по видимому, стекаютъ иногда съ высочайшихъ вершинъ, когда Кайларъ вступаетъ въ Аргунь въ концѣ іюня. Ся и Буря, въ теченіе лѣта, несутъ въ Амуръ большое количество дождевой воды, но въ слѣдствіе этого уровень Амура повышается лишь на короткое время.

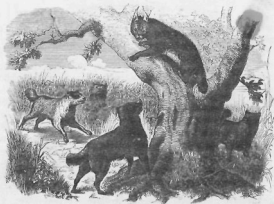
Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Амуръ, принявъ Сяю, значительно расширяется и становится богаче водой, является довольно много крачекъ. Онѣ здѣсь многочисленнѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ материка, гдѣ, не смотря на огромныя бассейны прѣсноводныхъ и соленыхъ озеръ, весьма замѣтенъ недостатокъ чисты и крачекъ.

Въ то время, какъ на правомъ берегу находятся дѣятельныя манджуры и дауры, на лѣвомъ кочуютъ бирары-гунгузы. Большія лугообразныя равнины, или степи средняго Амура характеризуютъ эту мѣстность. Лѣсистыя острова, между многочисленными рукавами рѣки, встрѣчаются рѣже, а съ сѣвера свѣтлая Буря вливаетъ свои прозрачныя воды въ потокъ „Черной рѣки“. Буря еще не известна на

всѣхъ свойствъ протяженіи, и Миддендорфъ посѣтилъ только область ея истоковъ. Параллельно съ этою рѣкою идутъ отъ сѣверо-востока къ юго-западу Бурейскія горы, продолжающіяся и на китайскомъ берегу рѣки. Здѣсь природа совершенно утрачиваетъ сибирскій характеръ, потому что отличается большимъ разнообразіемъ и богатствомъ. Подробнаго описанія верхняго Амура, мы еще не имѣемъ, по недостатку наблюдений. За то намъ хорошо извѣстна средняя область по изысканіямъ Радде.

Сунгаринскій якутъ.

Рисъ.

XI.

Бурейскія горы.

Плаваніе по Амуру. — Возведеніе земнаго дома. — Бурейскія горы. — Камни. — Тунгусы. — Вирары. — Селеніе о медвѣдяхъ. — Зима въ горахъ. — Степные пожары. — Илгоушанъ. — Странности въ бытѣ и медвѣдей. — Растительность сѣверной Манчжуріи. — Луга. — Подлѣсокъ. — Хвойныя деревья. — Названія птицъ.

Хотя Густавъ Раде плывъ по Амуру отъ Усть-Стрѣлки до впаденія Усури, все-таки онъ обратилъ полное вниманіе лишь на среднюю область громадной рѣки, на великолѣпные бурейскіе луга и горы и описалъ ихъ подробно. Тамъ, гдѣ сходятся животныя сѣверной и южной фауны, растенія полярнаго и тропическаго поясовъ, естественный наблюдатель нашелъ богатое поле для своей дѣятельности, и пребываніе въ теченіе полутора года въ этой безлюдной пустынѣ доста-

было ему возможность описать довольно точно природу средней области Амура.

Чита, главный город Забайкалья, была исходной точкой, откуда наши путешественники предприняли свою экспедицию съ тремя казаками и отличным неспорченным мальчишкой-тунгузомъ, Иваномъ. Сорока сосновых бревенъ было довольно, чтобы построить на Шилкѣ плотъ. Спереди и сзади къ плоту прибивали два длинныхъ весла, которыми правили. Въ срединѣ мая 1857 г. отплылъ плотъ съ весьма нестрымъ грузомъ. Между бочками съ мукой, мѣшками съ лукомъ, боченками съ порохомъ, рыболовными снарядами, полосами свинца и инструментами, сидѣло нѣсколько охотничьихъ собакъ. Кромѣ того, на плоту находились топоры для туземцевъ, ружья, кожа и солонина. Всѣ вещи были рачительно прикрыты берестой, чтобы предохранить ихъ отъ дождя. Пѣтухъ съ курицей дополняли экипажъ. Въ такомъ видѣ плотъ плылъ по рѣкѣ мимо рѣдкихъ казачьихъ линеевъ по Амуру. Близъ истока Бурей поймали одичавшую лошадь, которая сдѣлалась полезнымъ членомъ экспедиціи. Приключеній было на дорогѣ не мало. Между прочимъ, страшная буря, отъ которой волны въ рѣкѣ вздымались, какъ на морѣ, выбросила плотъ на берегъ и завесла его горой песку, который пришлось стрывать.

Проплылъ 44 дня по Амуру и его притокамъ, Радде вышелъ 21 іюня 1867 г. на берегъ, въ началѣ одной изъ немногихъ низменностей у Бурейскихъ горъ, гдѣ съ правой стороны впадаетъ рѣка У, а съ лѣвой рѣка Лагаръ. Съ сѣвера спускаются до самаго берега горы Хотціо. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ прилежный естествоиспытатель, въ теченіе двухъ лѣтъ, съ желѣзными терпѣніемъ и любовью къ наукѣ, изслѣдовалъ прилетающія горы, находится теперь колонія Радде, которая служить воспоминаніемъ о его дѣятельности. Но каковы были видъ мѣстности въ то время, когда отважный изслѣдователь впервые выступилъ на берегъ!

Первый трудъ, которымъ занялся Радде со своими то-

варищами, состоятъ въ возведеніи большой юрты, въ родѣ тунгусскихъ. Высокую береговую траву скосили и поставили амбаръ изъ основныхъ бревенъ, крытый берестой. Въ этотъ амбаръ съ отдушинами Радде сложилъ все свое имущество. Послѣ этого вытащили на берегъ бревна плота, чтобы потомъ употребить ихъ на постройку зимняго домика. Весьма скоро сдѣлали огородъ, въ которомъ посадили картофель, рѣдьку, капусту и другія растенія. Въ теченіе лѣта прилежно занимались выдѣлкою кирича и въ августѣ принялись строить зимній домъ. Такъ какъ бревенъ плота было слишкомъ мало для возведенія достаточно просторнаго дома, вырыли землю до глубины 4 фута, чтобы такимъ образомъ сберечь время и трудъ. Раздавался шумъ пилы и удары топора, вставляли окна и двери, и въ короткое время на берегу Амура, посреди дикихъ Бурейскихъ горъ, поднялся домъ естествоиспытателя. Чтобы имѣть благотворную теплую температуру въ теченіе холодныхъ зимнихъ мѣсяцевъ, построили некаменную и кухонную печь изъ глины, а комната Радде украсилась китайскою киричною печью, служившею въ одно время столомъ, диваномъ и постелью. Устроившись такимъ образомъ и надеясь на достаточно обильную охоту, можно было спокойно дожидаться зимы. 1 сентября переѣхали въ новый домъ и испекли первый свѣжій хлѣбъ. Экскурсія вдоль Амура до истоковъ Усури и устройство дома — заняли все лѣто, такъ что настала уже осень, и тогда только Радде могъ нѣсколько ближе ознакомиться съ Бурейскими горами.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Амуръ, при послѣднемъ своемъ искривленіи, протекаетъ съ сѣверо-запада, подъ 148° долг. отъ Ферро, и загибается къ югу, потокъ проходитъ между 48° и 49° шир. значительную горную цѣпь, которую русскіе называютъ Хинганскою, а китайцы Гомъ-Ме-Дзанъ, т. е. трехъвѣтвистою горою. По предложенію Маддендорфа, которое принято всѣми въ наукѣ, горы эти называютъ Бурейскими, потому что Бурей самая значительная рѣка, возникающая

туть въ русской области. Возросъ о томъ, какъ высоко стоять Бурейскія горы надъ уровнемъ моря, къ сожалѣнію, еще не рѣшилъ, потому что барометрическія трубки Раде при выпариваніи ихъ всё лопнули, отчего онъ не могъ произвести измѣренія высоты. Горы, находящіяся на сѣверной сторонѣ Амура, не поднимаются выше 35 фут. Главная цѣль горъ состоитъ изъ гранита, на которомъ лежатъ слюдястый и глинистый сланцы и другія метаморфозныя каменные породы; порфиръ встрѣчается только у истоковъ рѣки У.

Теплое, весьма влажное лѣто, необыкновенно обильная снѣгомъ, холодная зима, короткая весна и продолжительная осень характеризуютъ климатъ Бурейскихъ горъ. Правильную перемену погоды Раде замѣчалъ въ послѣднюю четверть луны каждаго мѣсяца. Вѣтеръ дуетъ всего чаще съ двухъ сторонъ свѣта: съ юго-востока, при горизонтѣ, покрытомъ облаками, и при повышеніи температуры, и съ юго-запада. Міръ растительный и животный въ этихъ областяхъ, повидимому, вовсе не согласуется съ такими климатическими условіями. Какъ, напримѣръ, объяснить существованіе винограда, который, по общепринятому предположенію, не можетъ произрастать тамъ, гдѣ въ январѣ господствуетъ полярная стужа, доходящая до 35° холода по Реомюру? Виноградъ не единственное чудо въ этомъ родѣ. Весьма многіе виды деревь, а также примѣры изъ міра насекомыхъ указываютъ здѣсь неслыханную живучесть. Даже въ самые жаркіе лѣтніе дни земля таетъ тутъ сравнительно лишь до довольно незначительной глубины.

Какъ въ 1857, такъ и въ 1858 годахъ, Раде убѣдился, что слой раставшей почвы бѣлаетъ не толще, какъ, напр., въ возвышенныхъ стѣняхъ Даурін, суровый климатъ которой достаточно извѣстенъ. У Усури работники, 18 іюля, на глубинѣ шести футовъ, встрѣтили замерзшую глину.

Географическое положеніе и странныя климатическія отношенія Бурейскихъ горъ указываютъ, что онѣ составляютъ переходную область между южными и сѣверными формами

Характеръ хвойнаго лѣса у средняго Амура.

растений и животныхъ. Тутъ въ первый разъ появляется форма южнаго тина, неизвѣстная остальной Сибири, вмѣстѣ съ животными и растениями полярнаго пояса. Всѣ характеристичныя растения и животныя монгольскихъ возвышенныхъ степей и пустыни Гоби находятся также въ Бурейскихъ горахъ.

Укрывшись въ деревянной своей хижинѣ, Радее поджидалъ приближенія зимы. Въ концѣ октября былъ первый морозъ. Пловучіе льды на рѣкѣ остановились, и продолжительная мгла покрывала лѣса и луга бѣлой пеленой. Охота сдѣлалась затруднительною, и поларный холодъ заставилъ нашихъ путешественниковъ укрыться въ домѣ. Въ это время путешественнику было очень пріятно, когда какой-нибудь тунгузъ-бираръ вѣстичалъ его, и онъ всѣми мѣрами старался подружиться съ этими добрыми, простыми людьми, живущими въ Бурейскихъ горахъ, и собиралъ отъ нихъ различныя свѣдѣнія. Эти вѣстодушные люди хорошіе охотники. Они солятъ землю, чтобы прѣлчать оленей къ вѣщанію опредѣленныхъ мѣстъ. По свѣжимъ слѣдамъ бирары узнаютъ, что есть дичь, но отъиски большихъ тигровыхъ лапъ пугаютъ ихъ и заставляютъ удалиться отъ вѣщаныхъ мѣстностей и избираться на деревья. Расположившись на суку, бираръ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ съ напряженнымъ вниманіемъ вслушивается, пока не раздадутся осторожные шаги оленя. Съ удивительной ловкостью закидываетъ онъ тогда фитиль своей пистали, чтобы по-время быть готовымъ къ выстрѣлу. Не всегда, однако, ему улыбается счастье. При лунномъ свѣтѣ онъ видитъ, что за кустами крадется тигръ, владетель обитателей лѣса, и нерѣдко это свирѣлое животное избираетъ себѣ здѣсь засаду и поджидаетъ добычу съ такимъ же терпѣніемъ, какъ и человекъ.

При уединенномъ образѣ жизни, Радее иногда развлекался также сказаніями бираровъ. Много лѣтъ тому назадъ, говорили они, сюда прибыли, къ горѣ Мохадъ, люди изъ Айгуни, чтобы поохотиться, и получили хорошую добычу. На-

Листопадный лес у среднего Амура.

конѣцъ, они замѣтили, что пропалъ одинъ изъ ихъ товарищей. Нѣсколько времени они тщетно искали его и, наконецъ, воротились глубоко опечаленные отсутствіемъ пріятеля. Последняго встрѣтила медвѣдница, которая взяла его въ плѣсъ и поселила въ пещерѣ, куда проходило лишь мало свѣта чрезъ отверстіе. Здѣсь этотъ человѣкъ пробылъ нѣсколько времени подъ строгимъ надзоромъ, причемъ у него выросли очень длинныя волосы и ногти. Медвѣдница давала ему сыраго мяса и, наконецъ, плѣнникъ ей понравился, она стала къ нему менѣе строга и предлагала ему жениться на ней. Человѣкъ согласился, и супруги были надѣлены двумя мальчиками. Тогда прежній плѣнникъ сдѣлался совершенно свободнымъ и ходилъ на охоту, а медвѣдница собирала ему сладкія ягоды. Однажды вечеромъ, на третій годъ пребыванія человѣка въ горахъ, онъ при своемъ возвращеніи съ охоты увидѣлъ, что къ Мохадѣ пристали люди въ лодкѣ, и обрадовался встрѣчѣ съ другими людьми. Чужеземцы, однако, боялись его, потому что супругъ медвѣдницы обросъ волосами. Лишь когда онъ разсказалъ имъ свою судьбу, они подпустили его къ себѣ. Бесѣда продолжалась до глубокой ночи, и путешественники, прибывшіе также изъ Айгуни, общались бѣдному плѣннику, взявъ его съ собою на родину. На утро всѣ они отплыли, но медвѣдница замѣтила ночью вѣроломство своего мужа и побѣжала къ рѣкѣ. Она пришла, когда лодка отчалила, успѣшно воротилась къ своему жилищу, взяла своихъ дѣтей и воротилась къ Амуру, гдѣ отъ ярости растерзала мальчиковъ, въ виду отмычающихъ, и бросила ихъ въ Амуръ. Послѣ такого трагическаго происшествія гору и называли злою (Мохад). Еще нонимѣ тунгузы показываютъ пещеру, гдѣ нѣкогда находился въ плѣну одинъ изъ ихъ земляковъ и гдѣ чрезъ трещину въ скалѣ проходитъ сверху свѣтъ.

Такія посѣщенія бираровъ пріятно разнообразили пустынную жизнь Радде. Но случались также и весьма грустные событія. Казакъ Николай, отличный работникъ, стра-

дать застарѣлою болѣзнию и просить позволенія отправиться къ ближайшей казачьей станицѣ, чтобы дать себя лечить тамошними знахарками, такъ какъ онъ ни за что не хотѣлъ принимать лекарствъ, предлагаемыхъ Радде. Вскорѣ послѣ того, какъ его отпустили, онъ умеръ. Небольшое общество лишилось еще втораго члена. Славный тунгусъ Иванъ также попросилъ отпуска, и въ январѣ отправился пѣшкомъ, по снѣгу и лѣсамъ, на степную родину, находящуюся на разстояніи 1,500 верстъ. Должно замѣтить, что въ это время года холодъ нерѣдко доходить до — 30° и даже до — 35° по Реомюру. Такимъ образомъ Радде остался съ двумя казаками, мало къ чему годными.

Въ концѣ января Радде внезапно увидѣлся съ образованнымъ человекомъ, съ которымъ могъ поговорить. Однажды къ дому подъѣхали сани, запряженные гилекскими собаками. Сѣдокъ былъ елотскій капитанъ Разграцкій, который ѣхалъ курьеромъ изъ Николаевска въ Иркутскъ и весьма обрадовался удобствамъ, которыя нашелъ въ хижинѣ посреди пустыни.

Тунгусъ барара.

Внѣ дома трещали сучья старыхъ вѣзовъ, сгибаемые вѣтромъ, и летѣли хлопья снѣга. Когда буря прекратилась, естественноты, не смотря на глубокой снѣгъ, пошелъ въ лѣсъ, гдѣ посреди исполинскихъ сибирскихъ кедровъ блестяли желтые глаза снѣжной совы, а на бѣломъ покровѣ были видны іероглифы слѣдовъ животныхъ, указывая, гдѣ голодъ заставлялъ зверей предпринимать ночныя странствованія.

Но зима прошла, ледъ, висѣвшій на крышѣ сосульками, растаялъ, и уже въ серединѣ марта стали прѣсти нѣкоторые виды ивъ и осины. Солнце постепенно стало одерживать верхъ. Уже въ апрѣлѣ термометръ поднялся до 22° по

Россыру въ тѣни, и растала пора жатвы посѣдъ долухъ лишеній.

Когда снѣгъ сталъ, и береговья равнины отчасти высохли, вершины Бурейскихъ горъ ежедневно покрывались легкимъ дымомъ. Въ это время бирары нарочно зажигаютъ во многихъ мѣстностяхъ высокую, сухую траву, отчасти для того, чтобы безпрепятственно заняться охотой, а отчасти для того, чтобы привлечь дичь въ надлежащее мѣсто, гдѣ роскошно начинаетъ расти трава, послѣ выжиганія старой. Скрываясь въ засадѣ, они стрѣляютъ по пасущимся животнымъ. Эти весенніе пожары береговыхъ равнинъ сѣвернаго Амура имѣютъ болѣе величественный характеръ, нежели въ возвышенныхъ степяхъ Даури.

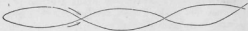
Тамъ, гдѣ слабое пламя обхватываетъ рѣдкую, засохшую траву, огонь распространяется медленно, и шипѣніе и трескъ слышны лишь на близкомъ разстояніи. Если же дуетъ вѣтеръ, и возгораются породы полыни и зенитныхъ растений, вышиною въ нѣсколько футовъ, ихъ окружаетъ красно-бурый дымъ колеблющимся столбомъ, изъ котораго во многихъ мѣстахъ пламя выдается зубьями. Посреди черныхъ, обгорѣлыхъ стволовъ болѣе сильныхъ растений, на черно-земѣ лежитъ слой бѣлой золы толщиною въ палецъ.

Мѣхъ рыжей землеройки, которую дымъ и жаръ выгнали изъ ея убѣжища, опаленъ, и она должна считать себя счастливою, если успѣла спасти свою жизнь. Волкъ и лисица, перепуганные приближающимся шумомъ и глухими взрывами, выскакиваютъ и бѣгутъ по направленію вѣтра къ долинамъ, богатымъ источниками, гдѣ вода, отчасти еще не замерзшая, полагается надежными границы пламени. Послѣ этого начинается время обильной ихъ охоты. На равнинѣ еще видны столбы огня, которые въ нѣсколько часовъ распространились на протяженіе многихъ верстъ. Представляется картина, страшная для глазъ и уха, какъ скоро мѣстность погружена въ почную темноту и безмолвіе. Тогда слышны въ неравные промежутки времени страшный трескъ пламени

и завываніе и лай хищныхъ животныхъ, которыя стадами обѣжались на теплую еще и совершенно выгорѣвшую почву. Тутъ они ловятъ голодныхъ землероекъ, и даже тигрь покидаетъ свою засаду въ горахъ, гдѣ онъ терпѣливо долженъ поджидать оленя или козулю, и отправляется на равнину ловить мелкихъ обитателей земли.

Когда плодотворный дождь орошилъ почву, очищенную пожаромъ и удобренную золою растений, со всѣхъ сторонъ поднимается великолѣпная зелень. Настаетъ май, и подъ березами, покрытыми весеннею зеленью, бѣгаютъ тетерева, въ травѣ, вышиною въ футъ, въ которой хитрые тунгузы разставили свои силки. Съ близлежащихъ горъ сбѣгаетъ стройная козуля къ берегу Амура и идетъ къ пасущейся поблизости своей подружкѣ. У расположеннаго въ недалекомъ раз-

Самецъ.

Самка.

стояніи озера, образовавшагося посреди болота, забавляется многочисленное общество болтливыхъ утокъ. Кукушка привѣтствуетъ весеннюю природу, а съ высокого вѣка ей вторить удоу, или же отвѣчаетъ свистомъ китайская иволга, скрывающаяся въ тѣни рябины. Лишь поздно появляются наѣкомыя, и пестрая бабочка постоянно летаетъ вокругъ цвѣтовъ весенняго гадючника.

Настало лѣто. Сборъ естественныя становится все богаче и богаче. Енотовобразныя собаки попарно отправляются ловить мышей, причеъ самка и самецъ, каждый отдѣльно, отыскиваютъ себѣ добычу, бѣгая зигзаками и отъ времени до времени встрѣчались другъ съ другомъ. Въ слѣдствіе этого въ травянистыхъ равнинахъ видны дорожки слѣдовъ, свойственныхъ только этому животному.

Самыми видными представителями кошачьей породы явля-

ются тутъ постоянно живущіе здѣсь тигры и барсы. Лиса встрѣчается въ Бурейскихъ горахъ по самому берегу чрезвычайно рѣдко и, по словамъ туземцевъ, вовсе не водится на правомъ берегу. Впрочемъ, это животное обитаетъ на островахъ и равнинахъ выше и ниже этихъ горъ. Въ Бурейскихъ горахъ есть также сѣверные олени. Многіе рѣдкіе виды млекопитающихъ составляютъ промежуточные формы, образующія переходъ къ южно-азиатской или японской фаунѣ. Къ такого рода животнымъ относится крупный видъ куницы (*mustela flavigula*), малорослый медвѣдь (*ursus tibetanus*) и индская антилопа (*antelope crispa*). Рѣдкіе слѣды россомахи напоминаютъ здѣсь зимю о полярныхъ животныхъ, что же касается до кабарги, то она тутъ малочисленна, вѣроятно по недостатку разныхъ видовъ лишаевъ. Изъ мелкихъ грызуновъ можно упомянуть особенно о пасюкѣ (*mus musculus*), который здѣсь слѣдуетъ за человекомъ. Изъ птицъ довольно рѣдкаго гостя составляетъ японскій ибисъ, который вмѣстѣ съ другими голенастыми встрѣчается около небольшихъ озеръ. Между насекомыми и особенно между бабочками встрѣчаются противоположности сѣвера и юга, а среди ночи открывается міръ тропическихъ бабочекъ. Когда предъ грозой идутъ густыя тучи, и воздухъ удушливо жарокъ, то къ огненному костру, разложенному ночью противъ тигромъ, налетаютъ со всѣхъ сторонъ различныя ночныя бабочки. При этомъ многія изъ нихъ обжигаются, и въ коробку естественнаго испытателя попадаетъ мало хорошихъ экземпляровъ. Зато вдругъ вниманіе его возбуждается жужжаніемъ огромной бабочки. Она точно такъ же, какъ и многія родственницы ея, падаетъ обожженная у костра. Это *tropaea artemis*, родственникъ которой встрѣчается также въ Восточной Индіи, и здѣсь, не смотря на морозъ въ 35°, она подвергается всѣмъ своимъ превращеніямъ.

Въ теченіе лѣта, животныя Бурейскихъ горъ живутъ приблизительно въ одномъ и томъ же мѣстѣ, но осенью начинаются величественныя переселенія. Бурейскія горы не представляютъ того, что происходитъ въ Аблониныхъ, гдѣ

холодными горными вершинами сибирскими водами привлекаютъ къ себѣ оленей и медвѣдей и заставляютъ ихъ подниматься до высоты въ 6,000 или 7,000 фут., чтобы избавиться отъ преслѣдованія тягостныхъ насѣкомыхъ. Въ Бурей же эти животныя остаются на мѣстѣ и сильно страдаютъ; только кажется, нѣкоторые особи бѣгутъ странствуютъ цѣлый годъ и, такъ сказать, уже лѣтомъ собираютъ свѣдѣнія о состояніи жатвы съ сибирскихъ кедровъ, а затѣмъ осенью становятся путеводителями многочисленныхъ стадъ своихъ сродственниковъ. Осматривая мѣстности, эти странники имѣютъ въ виду все свое племя, и Радде напомнелъ, что подосны такихъ вожатыхъ сильно потеряны. Убѣдившись въ добродѣтельности и общности въ изслѣдуемой мѣстности, они впоследствии уводятъ за собою все свое поколѣніе. Въ этомъ случаѣ не одинъ инстинктъ, которому охотно приписываютъ все, что угодно, заставляетъ тысячи животныхъ отправляться въ извѣстную мѣстность. Кто безъ предубѣжденій слѣдитъ за жизнью животныхъ, на свободѣ, тотъ вскорѣ отучится обозначать однимъ и тѣмъ же словомъ многочисленныя необъяснимыя явленія. Въ самомъ дѣлѣ, онъ перѣдко замѣтитъ у животныхъ значительную степень наблюдательности и сознанія связи между наблюдаемыми фактами.

Лишь позднѣе начинаются величественныя переселенія животныхъ въ Бурейскихъ горахъ; обуславливаемыя распредѣленіемъ по поверхности почвы различныхъ питательныхъ породъ растений, какъ-то: сибирскаго кедра, дуба, орѣшника и пр. Въ это время лиственными деревьями долинъ принимаютъ желтоокрасный и бурый оттѣнки, образуя живописную смѣсь цвѣтовъ съ темною зеленью хвойныхъ лѣсовъ. Тогда во всемъ органическомъ мірѣ круговращеніе приостанавливается. Въ эту пору вся жизнь сосредоточена въ маломъ пространствѣ лѣща и сѣмени. Умирающее поколѣніе исполнило свое назначеніе. Теперь медвѣдь, хорошо знакомый съ мѣстностью, переходитъ отъ лозы къ лозѣ и часто, не довольствуясь малымъ, переплываетъ рѣку, чтобы на другомъ берегу жить сибаритомъ.

Странствованія медвѣдя за виноградомъ отличаются тѣмъ, что они совершаются неправильно, въ различныхъ направленіяхъ, — совсѣмъ иначе нежели тогда, когда дѣло идетъ объ отысканіи зимняго логовища. Въ эту пору крупныя пушные звѣри болѣею частию переправляются съ лѣваго берега Амура на правый, такъ какъ тамъ сибирскіе кадры обильнѣе, и предаются спячкѣ.

Есть особый видъ сладкихъ яблоковъ (*Rugosa puzosensis*), который въ сентябрѣ мѣсяцѣ возбуждаетъ особенно сильное движеніе между болѣе крупными животными Бурейскихъ горъ. Лисица, барсукъ, волкъ, медвѣдь, амурская лисица и кабанъ непрерывно отыскиваютъ себѣ сладкіе плоды, и уже до наступленія поры, когда яблоки сваливаются съ дерева, высокая трава подъ ними бываетъ сильно истоптана. Соболь также предпринимаетъ путешествія, и бирарскіе тунгузы утверждаютъ, что со времени появленія русскихъ на Амурѣ, это животное стало являться въ большемъ изобиліи. Соболь точно такъ же, какъ и бѣлка, странствуетъ съ одного берега рѣки на другой, даже и въ то время, когда рѣка покрыта плывучимъ льдомъ.

Ознакомившись такимъ образомъ съ пережѣною временемъ года и жизнью животныхъ въ Бурейскихъ горахъ, намъ остается посмотреть, подъ руководствомъ нашего путешественника, на растительный міръ этого края. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ міромъ, который гораздо интереснѣе тамошняго животнаго царства, потому что растительность средняго Амура совершенно особенная, отличающаяся отъ всей сибирской и названная сѣверо-маньчурскою. Тутъ въ сѣверныхъ лѣсахъ по горамъ преобладаютъ лиственные деревья, а въ равнинахъ почти вовсе нѣтъ хвойныхъ. Тутъ же являются густыя, низкорослыя растенія, между которыми есть много вьющихся. Далѣе, на черноземѣ горъ очень много папоротниковъ, много также высокорослыхъ породъ польни растущихъ на степныхъ равнинахъ. Все это обрисовываетъ намъ растительную физіономію средняго Амура. Повсюду господствуетъ южная роскошная

растительность, которая отличается непомѣрнымъ обиліемъ, какъ въ долинахъ и горахъ, такъ и въ степной равнинѣ, и составляетъ рѣзкую противоположность полярному климату. Существованіе почти тропическихъ формъ растений и животныхъ одновременно съ сѣверными и появленіе зоокеанскихъ видовъ производить въ органическомъ мірѣ средняго Амура странную смѣсь, придающую его природѣ совершенно особенный характеръ.

Прежде всего остановимъ наше вниманіе на безлѣсныхъ равнинахъ по среднему Амуру. У самаго берега рѣки, по временамъ заливаемаго водою, преобладаютъ высокія травы, тростники, зонтичныя и полынные растенія, придавая мѣстности луговой характеръ, который гораздо болѣе опредѣленъ къ востоку отъ Бурен, нежели къ западу отъ этихъ горъ. Тутъ господствуетъ степная растительность, занимающая всѣ сухія, возвышенныя равнины. Эта мѣстность представляетъ однообразныя формы растеній, расположенныхъ группами, и животныхъ, живущихъ обществами. Покинемъ лодки и плоты, на которыхъ доплыли до этого мѣста, и выйдемъ на берегъ. Прежде всего намъ преграждаетъ путь чаща узколистныхъ кустовъ ивы. Тамъ, гдѣ находится значительный слой наносной почвы, ивы растутъ неслыханно густо и сильно, такъ что во многихъ мѣстахъ приходится отыскивать тропинку, давно уже проложенную оленями, медвѣдами и кабанями и ведущую къ водоему. Впрочемъ, здѣсь очень мало жизни. Наши шаги, однако-жъ, испугали семейство рябчиковъ, скрывшихся здѣсь отъ зоркаго глаза хищнаго сокола. Вотъ мы слышимъ протяжный свистъ самца, слышащаго разлѣянное семейство. Лишь весной или осенью въ нѣвахъ находятся многія пѣвчія птицы. Мы добрались до болѣе возвышенной части берега и находимся на равнинѣ, которая отличается высокою травою въ перемежку съ выюжными растеніями. Тутъ надобно быть очень осторожнымъ, потому что подъ травою скрываются старые древесные стволы, навесенные разливомъ, такъ какъ, споткнувшись на нихъ, легко можно сломить себѣ

ноту. Кроме того, при нашей прогулкѣ мы весьма легко можемъ встрѣтиться съ тигромъ или медвѣдемъ, и тогда мы должны считать себя счастливыми, если сытый звѣрь милостиво оставитъ насъ въ покоѣ. Оттого-то мы и взяли съ собою звѣрскую, умную восточно-сибирскую охотничью собаку. Она дрессирована только голодомъ, и служить намъ здѣсь лучше ученыхъ своихъ европейскихъ товарищей. Мы стоимъ предъ группною высокими зонтичныхъ растений, называемыхъ тунгузами конулою. Они нерѣдко имѣютъ въ вышину 8 или 9 футовъ, въ толщину 2 или 4 дюйма. Ихъ пустые стебли покрыты различными вьющимися растеніями. Виды черныбыли вышинею въ 7 или 8 футовъ и чаще болѣе высокій тростникъ лишаютъ насъ возможности видѣть далеко. Великолѣнные породы колокольчиковъ обращаютъ черныбыль съ его двѣточными колосьями въ настоящіе букеты, а на зонтикахъ конулы, величиною съ тарелку, качаются особаго вида клоны съ металлическимъ блескомъ. Медленно и съ трудомъ пробираясь сквозь эту немощно густую растительность, которая носитъ на себѣ отпечатокъ однообразія степи. Тамъ, гдѣ береговая равнина поднимается и не имѣетъ лѣса, въ большомъ изобиліи появляются различныя травы (*climacis, calamagrostis*); ихъ охотнѣе всего ѣдятъ лошади, приведенныя сюда изъ Забайкалья.

Мы покидаемъ равнину и отправляемся далѣе, въ прохладную и тѣнистую долину. Тутъ намъ представляется второй типъ растительности средняго Амура. Сперва мы видимъ низкорастущую чащу, въ которой всего болѣе бросаются въ глаза пирамидальные кусты гиналы. Это видъ клена съ прямыми побѣгами, покрытыми негустою, красивою зеленью.

Прежде, нежели доберемся до настоящей долины, откуда слышна журчанье ручья, для испытанія нашего терпѣнія представится одно препятствіе. Вдругъ мы слышимъ шипѣніе саженной нестрой змѣи, которая, ища солнца, покинула свое логовище и теперь встревожена нами. Если даже намъ удастся избѣжать укушенія этой змѣи, то все-таки дѣло не обойдется безъ потери крови. Въ самомъ дѣлѣ, мы находимся

Лугова растительность у среднего Дуная.

въ чащѣ одного вида лещинника (*corylus heterophylla*). Чтобы пробраться сквозь нее, надо снять нашу европейскую одежду, а иначе она будетъ разодрана вѣтвями этого кустарника. Только кожаный костюмъ тунгуза можетъ остаться безъ поврежденій; но при всемъ томъ нельзя избавиться отъ царапинъ на рукахъ и лицѣ если случится проходить по этому кустарнику на значительномъ протяженіи. Затѣмъ открывается новый растительный міръ, темная зелень и сочные листья котораго указываютъ на избытокъ въ данномъ мѣстѣ воды — этого необходимаго элемента всякой органической жизни. Большииѣ шатромъ раскинулась великолѣпная зелень, разнообразящаяся по густотѣ своей, смотря по тому, состоитъ ли она изъ широкихъ листьевъ манджурской липы, или образуется перистыми листьями ясени пробкового дерева (*phellodendron*). Эта дивная кровля рѣдко оставляетъ промежутки, сквозь который просматриваетъ синева неба. Но вотъ насъ привѣщаютъ нагорники, вышиною отъ 2 до 4 фут., составляющіе типическую форму этихъ долинъ. Возлѣ нихъ находится лишь нѣсколько цвѣтовъ съ бѣлыми вѣнчиками, но уже не видно великолѣпныхъ цвѣтовъ равнины. Конечно, здѣсь въ лѣсу, нога можетъ ступать нѣсколько свободнѣе, но глазу все-таки представляется только самый ограниченный кругозоръ, такъ какъ подлѣсокъ мѣшаетъ видѣть далеко. На берегу ручья мы видимъ рядомъ съ сѣвѣрною ольхою манджурскую орѣшину. Жовѣ-дзинъ встрѣчается рѣже и замѣняется другимъ видомъ аралии (*eleutherococcus senticosus*), вооруженной тысячами колючихъ шиповъ, которые наказываютъ за каждое неосторожное прикосновеніе. Чѣмъ далѣе мы идемъ по долину, тѣмъ осторожнѣе намъ слѣдуетъ быть. Поваленные вѣтромъ и покрытые мхомъ гнилые стволы, а также высокіе многослѣпніе или паноретниковъ на каждомъ шагѣ представляютъ преграды. Вотъ насъ манитъ къ себѣ среди тонкоствологаго лещинника одинъ видъ лиліи (*lilium callosum*), единственный видъ, растущій въ тѣни и тѣни этой области. Мы уже съ жадностью протягиваемъ за нею руку, чтобы сорвать ее; но

тутъ вдругъ ужасъ выражается въ чертахъ присутствующихъ. Боязливо визжа, возвращается собака къ своему господину и жмется къ нему. Мы побезпокоили тигрицу съ ея дѣтенышами. Мы ясно слышимъ тихій ревъ и ворчанье зѣбра, который мечетъ на человѣка страшный, невыносимо продолжительной изглядь, пока наконецъ, покручиваніе хвоста не положить конецъ нерѣшимости животнаго, медленно уходящаго на другой берегъ ручья, чтобы найти себѣ новое логовище.

На всѣхъ возвышенностяхъ большихъ долинъ и въ самыхъ горахъ мы находимъ третій типъ растительности, который характеризуется преобладаніемъ хвойныхъ деревь. Между этимъ типомъ и чистымъ лиственный лѣсомъ существуетъ промежуточная форма, которая только тамъ становится характеристичною, гдѣ на легкихъ покатостяхъ преобладаетъ дубъ. Особенно на сѣверномъ склонѣ горъ является мрачная зелень умеренно-высокихъ сибирскихъ кедровъ. Сначала они являлись по-одиночкѣ или небольшими группами. Хотя они всегда здоровы, но растутъ здѣсь лишь тонкими стволами и развиваются вполнѣ въ настоящей ихъ области. Тамъ все болѣе и болѣе исчезаютъ лиственные кусты, которые встрѣчаются лишь у подошмы долинъ. Кабаны очень часто разрываютъ здѣсь землю, покрытую гладкими иглами, и вообще лѣсъ лиственницъ самое любимое ихъ мѣстопробываніе. Чѣмъ далѣе мы проникаемъ въ лѣсъ, тѣмъ онъ становится чаще, тѣмъ громаднѣе деревья, и тѣмъ болѣе господствуетъ безмолвіе и мракъ. Въ стволахъ толщиной въ 3 фута, расщепленныхъ молніей, изъ трещинъ вытекаетъ смола, которая распространяетъ пріятный запахъ, и въ ней точно такъ же, какъ въ янтарѣ, заключены насѣкомыя. Нерѣдко путь прѣграждается лѣсомъ, который повалился отъ вѣтра и заставляетъ даже идти назадъ.

Далеско ползущіе корни этого хвойнаго дерева не были въ состояніи удержать исполина, величиною въ 10 или 12 сажень. Свалившееся дерево увлекло собою и приставшую къ его корню землю. Нерѣдко 6 или 8 деревь лежать одинъ на другомъ, и нижее, болѣе старое составляетъ лишь слабую

подлору для верхнихъ. Неудачный шагъ впередъ, и попадаешься въ лапсы вырванныхъ деревь, между которыми остаются промежутки глубиною въ 8 или 10 фут., откуда во все стороны вырастаетъ каломикта (*actinidia calomicta*) съ его упругими тонкими вѣтвями. Этотъ кустъ, который любятъ тѣнисто-влажныя мѣста и встрѣчается даже въ хвойныхъ лѣсахъ составляетъ самое тѣгостное препятствіе для путешствія, потому что его вѣтви очень гибки и плотно обхватываютъ вѣтви смежныхъ кустовъ. Хотя сначала и стараются разорвать эти тонкія вѣтви, но вскорѣ отказываются отъ такой попытки, потому что гораздо выгоднѣе разрѣзать ихъ ножомъ.

Далѣе, къ сибирскому кедру присоединяется ель (*abies obovata*), которая, наконецъ, начинаетъ преобладать. Въ горахъ растетъ только ель, образуя здѣсь все болѣе и болѣе густой лѣсъ. Нерѣдко молодыя деревья составляютъ стѣну, сквозь которую приходится прорубаться топоромъ. Пожирающій огонь никогда еще не предпринималъ труда очищенія лѣса слишкомъ большого для человѣческихъ рукъ.

Здѣсь водятся стада рыснихъ горныхъ волковъ (*canis alpinus*). Руководимое сильнымъ самцомъ, все стадо окружаетъ подстрѣленного оленя. Приближаясь къ добычѣ со всехъ сторонъ, волки издаютъ особенное шипѣніе прежде, нежели бросаются на жертву. На толстомъ суку рысь, подстерегая добычу, или же, перебравшись съ вѣтви на вѣтвь, харон (*mustela flavigula*) отыскиваетъ гнѣздо бѣлки и умерщвляетъ его обитателей. Въ непрестанной зацѣ или на разсѣлистыхъ склонахъ этой области встрѣчается драгоценный соболь когда же глубокій слой снѣгу покрываетъ землю и отчасти деревья, сюда приходитъ тунгузъ, чтобы терпѣливо заняться утомительной, но вѣстѣ съ тѣмъ и чрезвычайно прибыльной охотой.

На второмъ году своего пребыванія въ этой интересной Бурейской области, Радде получилъ порученіе учредить близъ своего жилища казачью колонію. Здѣсь поселились 24 семейства и разиѣстались вокругъ деревянной юрты иѣмецкаго

естествоиспытателя. Селеніе это названо Радде, и если, при благоприятномъ его положеніи, оно когда нибудь станетъ процвѣтать, то при его наименованіи съ удовольствіемъ вспоминать о неутомимомъ дѣятелѣ науки, который первый открылъ эту пустыню просвѣщеннымъ народамъ. Вдоль всей русскокитайской границы, особенно на берегахъ Амура и Усури, существуютъ такіа кочевыя селенія, жители которыхъ, однако, мало содѣйствуютъ распространенію культуры. Въ доказательство этихъ словъ достаточно сказать, напр., что эти поселенцы размалываютъ хлѣбъ ручными мельницами. Простое устройство этихъ мельницъ, требующее, однако, очень мѣлкотной работы, состоитъ изъ двухъ камней: нижняго, неподвижнаго, и верхняго, который приводится въ движеніе палкой, вставленной въ серединѣ. Такой приборъ, по своей простотѣ, саміекомъ напоминаетъ самыя первобытныя времена. Множество времени, которое требуется на приготовленіе плохой муки, можно было бы употребить съ гораздо большею пользою на другое занятіе, позаботившись, конечно, о томъ, чтобы заставить силы природы исполнять такую грубую работу. Ежедневно, изъ большей части хозяйствъ, утро и вечеръ употребляются на размалываніе муки. Лишь поздней ночью, когда всѣ уже спать, можно видѣть, какъ открывается люкъ погреба и оттуда выходитъ хозяйка съ ситомъ муки, вся покрытая бѣлой пылью. На другое утро, какъ бы рано вы ни проснулись, повсюду услышите шумъ тренія мельничныхъ камней.

Приближалась осень, и деревня Бурейскихъ горъ стали желтѣть. Тогда Радде сталъ думать объ обратномъ путешествіи. Подъ конецъ сентября въ третій разъ прибылъ пароходъ „Амуръ“, при своемъ плаваніи отъ Николаевска въ Благовѣщенскъ. Тогда естествоиспытатель нагрузилъ на него свои собранія и 10 ноября навсегда покинулъ свою юрту. То на волахъ, то на лошадяхъ, которыми онъ получалъ отъ пограничныхъ казаковъ, Радде воротился въ Читу, откуда выѣхалъ первоначально. Онъ прибылъ сюда 8 января 1859 г. Слѣдовательно, онъ оставался въ Бурейскихъ горахъ одинъ годъ и восемь мѣсяцевъ.

Мангутская деревня.

XII.

Низовье Амура.

Путешествіе Маака. — Устье Зунгары. — Берега низовья Амура. — Развалины Ачинска. — Уссури и Хабаровка. — Олоя на лосеях. — Леса и листвен. — Серебряные горы и ихъ луга. — Ресепальность. — Леса. — Воронство о-бака. — Мангуты. — Изъ плеса и олода. — Жилища и жилища. — Рыболовство. — Самоубійца. — Религія. — Грешники. — Число жителей у Амура. — Маріинскъ. — Нини. — Острова у Амура. — Памятникъ у Тира. — Николаевскъ. — Истокъ Амура. — Далеко тилеи и лова дельфиновъ. — Рыболовство въ Амурѣ. — Олоя на плесахъ. — Раса тилеи померзаетъ съездъ-малышамъ богаты. — Замеченъ путешественникъ Маака черезъ по рѣкѣ. — Перестояны и плеса въ Амурѣ. — Ворота съ плесами. — Пребываніе у много-грозъ.

Давно уже сибирское отдѣленіе русскаго географическаго общества рѣшилось предпринять изслѣдованіе Амура, и богатый сибирякъ Соловьевъ пожертвовалъ для этой цѣли пол-

куда золота и, вмѣстѣ съ тѣмъ, явился на собственный счетъ издать описаніе предпринимавшаго путешествія. Въ 1855 г. могли приступить къ исполненію этого предпріятія, управленіе которымъ поручили Ричарду Мааку, уже извѣстному по своему путешествію по Валузу. Въ качествѣ естественны-
 тателей, въ этой экспедиціи принимали участіе Герстесельдъ и кандидатъ Кочетовъ, а топографическими работами должны были *заниматься* поручикъ Зондгагенъ. 18 апрѣля 1855 г. экспедиція выступила изъ Иркутска и 16 мая дошла до Читы, гдѣ соединилась съ военной экспедиціей, которая отирациялась къ Амуру, именно въ это время. Въ слѣдствіе такого присоединенія, путешественники должны были стран-
 ствовать довольно скоро, къ ущербу научнымъ изысканіямъ, и лишь по достиженіи Бурейскихъ горъ, гдѣ Маакъ разстался съ солдатами, возможно было собирать большее число замѣтокъ о сдѣланныхъ наблюденіяхъ, почему отсюда описаніе Маака довольно подробно.

По другую сторону Бурейскихъ горъ береговья мѣст-
 ности имѣютъ характеръ степи, повсюду видны равнины, надъ которыми выдаются лишь мѣстами одинокіе холмы. Кое-
 гдѣ берега болотисты. Рѣка безпрерывно расширяется и ея развѣтвленія охватываютъ многіе острова, которые, хотя и покрыты деревьями и кустами, но нисколько не затрудняютъ судоходства, потому что расположены близъ самаго берега и оставляютъ свободнымъ главный каналъ. Эта мѣстность, отъ Бурейскихъ горъ до устья Зунгари, самая пустынная область всего Амура. Сюда заходятъ лишь одинокіе кочующіе тунгузы-биреры, или подѣзжаютъ съ Зунгари въ рыба-
 чьихъ своихъ лодкахъ голды.

Теперь мы находимся въ области этого тунгузскаго народа, съ которымъ мы ближе познакомимся при описаніи Зунгари и Усури, двухъ самыхъ большихъ рѣкъ, которыя впадаютъ въ среднюю часть Амура съ юга. Устье Зунгари находится на 47°42' с. ш., и весьма долго послѣ впаде-
 нія въ Амуръ, можно отличить теченіе обѣихъ рѣкъ. Вода

Зунгари зеленовата и мутна, а Амура темна и прозрачна. Свѣтлая амурская вода занимаетъ сначала лишь четвертую часть ширины и лишь мало-по-малу сѣднявается съ водою Зунгари. Лѣвый берегъ Амура, и послѣ соединенія съ Зунгарю, сохраняетъ характеръ равнины, правый же, напротивъ того, становится холмистѣе, и на немъ являются живописныя скалы глинистаго сланца, гранита и слюдистаго сланца въ Дирки, Эту и Кивели.

Направо поднимается горная цѣпь Хорого, которая состоитъ изъ слюдистой каменной породы съ кварцевыми жилами. Скалы горъ совершенно голы, и одни только склоны съ ручьями густо поросли лѣсомъ. Маакъ удивился богатству растительности въ этихъ влажныхъ ущельяхъ, гдѣ въ первый разъ встрѣчаются амурскія максимовичіи. Это растеніе, названное въ честь ботаника Максимовича, представляетъ видъ семейства глизандра (*schizandraeae*). Виды этого семейства встрѣчаются только въ Японіи, Китаѣ и на Гималайскихъ горахъ. Плоды максимовичіи, которая, подобно винограду, вѣтветъ на деревьяхъ, гроздонадбы, красны и кислотоваты, корень ароматенъ, и розовые цвѣтки имѣютъ пріятный запахъ.

Послѣ этого путешественники достигли до мыса Кириа, состоящаго изъ сѣраго глинистаго сланца. На вершинѣ этого холма нѣкогда стояла крѣпость, возведенная чужестранцами, которые недолго были въ этой мѣстности. Это замѣчаніе проводника возбуждало любопытство, почему Маакъ вышелъ на берегъ и вообразился на горку, гдѣ, дѣйствительно, нашелъ развалины четырехугольной крѣпости, съ двухъ сторонъ окруженной валами и рвами. Эта крѣпость господствовала надъ рѣкой. Ея развалины во многихъ отношеніяхъ напоминали Албазинъ. Столѣтніе дубы, корни которыхъ глубоко росли въ крѣпостныя рыи, указывали, какъ стары эти развалины, составляющія, вѣроятно, остатки Ачинска, возведеннаго въ 1651 г. сѣлымъ Хабаровымъ,

перенесшимъ здѣсь кровавую, но уснѣшную борьбу съ осаждавшими его китайцами.

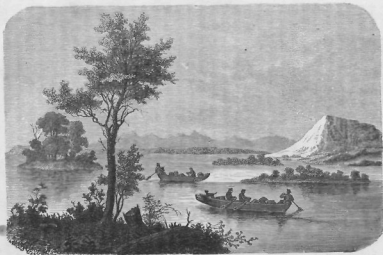
Подъ 48°16' сѣв. ш. и 152°37' в. д. отъ Ферро достигли устья Усури, которое будетъ описано поздѣе. На правомъ берегу Усури, въ 40 верстахъ отъ его истока, поднимаются высокія горы, составляющія отроги цѣпи, называемой здѣсь Хохцирою. Эти отроги постепенно понижаются, по мѣрѣ приближенія рѣки къ истоку, и послѣдніе ихъ выступы, на мѣстѣ схожденія Усури и Амура, представляются въ видѣ крутыхъ скалъ, стоящихъ совершенно одиноко и покрытыхъ богатою растительностью. Тутъ Амуръ уступаетъ стремительнымъ горнымъ водамъ Усури, внезапно направляется къ сѣверу и идетъ почти по тому же направленію, по которому до того течетъ Усури. Долго еще послѣ соединенія обѣихъ рѣкъ, темныя воды Усури не смѣшиваются съ желтыми Амура, и также долго послѣдній течетъ по направленію, которое придаетъ ему притокъ. На мѣстѣ стеченія обѣихъ рѣкъ, которыя тутъ очень широки и обильны водою, находится громадная мель. На самой скалѣ, которая поднимается у истока Усури, и на его береговыхъ склонахъ, заложено новое русское селеніе, которое названо Хабаровскою, по имени перваго отважнаго завоевателя Амурской области.

Это поселеніе состоитъ почти исключительно изъ большихъ казармъ и маленькихъ домовъ женатыхъ солдатъ. Хабаровка представляетъ весьма оригинальный видъ по своимъ постройкамъ и положенію. Отчасти въ слѣдствіе формы горы, состоящей изъ нѣсколькихъ террасъ, а отчасти въ слѣдствіе самаго плана заложенія, съ рѣки можно видѣть каждый отдѣльный домъ селенія, почему, при сравнительно маломъ числѣ зданій, Хабаровка имѣетъ видъ большого многолюднаго селенія. Дома амурской компаніи, которые стоятъ по другой сторонѣ ущелья у Усури, самыя лучшіе во всемъ селеніи. Впрочемъ, видны только деревянныя казармы и мазанки, какъ въ Благовѣщенскѣ. Между домами кое-гдѣ устроены огороды, и чрезъ все селеніе, до самаго берега Амура,

есть даже шоссе. Все это окружено дремучимъ лѣсомъ, въ которомъ просѣчено лишь немного дорогъ. Тамъ же находится и паркъ хабаровцевъ, откуда они наслаждаются прекраснымъ видомъ. Тутъ представляется соединеніе стремительныхъ водъ Усури съ спокойно-величественными Амура. На противоположномъ, лѣвомъ берегу этой японской рѣки, разстилается зеленый коверъ степи; направо выдаются изъ воды амурскіе острова, а еще дальше, на правомъ берегу Амура, видѣнъ густой тысячелѣтній лѣсъ дубовъ, лиственницъ, буковъ, ершиковъ и т. д. Отсюда и правый берегъ Амура составляетъ собственность Россіи, и вмѣстѣ съ лѣвымъ образуетъ береговую область Восточной Сибири.

Во всякомъ случаѣ, Хабаровка относится къ красивѣйшимъ мѣстамъ, имѣющимъ самое благопріятное положеніе на Амурѣ, потому что здѣсь соединены различныя условія, благопріятныя для населенія и развитія современнаго поря- дочнаго города.

За Хабаровкою Амуръ течетъ къ сѣверовостоку, и изъ его водъ выдаются безчисленные острова, по которымъ прохаживаются долгоногія цапли, подстерегая змѣй, встрѣчающихся тутъ часто. Маакъ посѣтить одинъ изъ острововъ и нашелъ на немъ слѣды лоса, барсука и енотовой собаки (*canis procyonoides*). Охотою за лосемъ занимаются тунгузы и обитающіе здѣсь русскіе, различными способами. Русскіе, лѣтомъ подходятъ къ этому животному подъ вѣтеръ, когда оно собирается на горахъ стадами, и стрѣляютъ по нему изъ ружей. Тунгузы охотятся на лоса зимой, когда земля покрыта толстымъ слоемъ снѣга, по которому они преслѣдуютъ животное на лыжахъ, пока оно не упадетъ отъ утомительнаго бѣга въ глубокомъ снѣгу. Тогда его убиваютъ конями. На островахъ Амура встрѣчаются также косули, особенно лѣтомъ, когда этихъ животныхъ мучатъ безчисленные комары, составляющіе страшный бичъ при-амурскихъ острововъ. Тогда косули плывутъ по широкому рукаву рѣки

Видъ на Амуръ въ западу отъ Калганскихъ горъ.

на мелі и низменные острова, и за ними легко утнаться въ водѣ. Особенно изъ приманиваетъ дудка изъ березовой коры. Такая дудка состоитъ изъ гладкаго куска березовой коры, согнутой наружной бѣлой стороной внутрь и обрѣзанной на одномъ концѣ яйцеобразно. У Амура нѣтъ также недостатка въ различныхъ разнообразіяхъ лисицъ, мѣхъ которыхъ составляетъ важный предметъ торговли, почему за ними охотятся весьма ревностно. Хотя бьютъ немало лисицъ, но ихъ уменьшеніе какъ будто незамѣтно. Всего болѣе убиваютъ лисицъ самострѣлами, которыя становятся на край рѣки, въ новыхъ чащахъ, именно тамъ, гдѣ пробѣгаютъ эти животныя. Отъ прикосновенія лисицъ къ протянутой веревкѣ, спускается стрѣла прямо въ животное. Совершенно особаго рода приборъ имѣетъ слѣдующее устройство. Становятъ толстое бревно, столъ высокое, что лисица не можетъ доскочить до его вершины, даже при самыхъ отчаянныхъ прыжкахъ. На вершину этого бревна кладутъ приманку, а въ самомъ бревнѣ находится клинообразная рѣзка, которая суживается книзу. Когда лисица прыгаетъ къ приманкѣ, лапы ея попадаютъ въ такіа щели и ущемляются, такъ что животное повисаетъ на бревнѣ. Этотъ простой способъ лова весьма употребителенъ у гилъковъ. Изъ разнообразій лисицъ, всего чаще встрѣчаются черносеребристыя, которыя, однако, весьма хитры, такъ что попадаютъ охотнику довольно рѣдко, почему мѣхъ ихъ чрезвычайно цѣненъ. Весьма рѣдко здѣсь появляются песцы.

Продолжая свои странствованія между островами Амура, Мавкъ, къ величайшему удовольствію, увидѣлъ 22 іюля два парохода, на которыхъ находились естественныиспытатели Шренкъ и Максимовичъ, бывшіе изъ Маринска къ Усури. Какъ ни была кратковременна эта встрѣча, она все-таки доставила величайшее наслажденіе этимъ ученымъ, которые преслѣдовали одну цѣль: ознакомить міръ съ неизвѣстными странами.

Одинъ изъ величайшихъ острововъ Амура лежитъ подлѣ 49° с. ш. и называется Кириловъ. Амуръ протекаетъ мимо

него двумя широкими рукавами. На обоих берегахъ здѣсь поднимаются горы, которыя туземцы называютъ Мунку-Хонко, или Серебряныя горы. Онѣ извѣстны также подъ именемъ Ноцжала и Оджала. Вообще, относительно названий рѣкъ и горъ, въ этой области представляется большая путаница, потому что китайцы, русскіе, манджуры и тунгузы придаютъ имъ особенныя имена.

Маанъ хотѣлъ изслѣдовать горы, но лишь съ большимъ трудомъ могъ достать проводника, потому что прибрежные суевѣрные жители утверждаютъ, будто въ этихъ горахъ живутъ злые духи, стерегущіе громадную сокровища и поражающія всякими несчастіями того, кто пытается добыть ихъ.

Густой туманъ разстилался надъ рѣкой и горой, когда Маанъ, въ небольшой лодкѣ съ двумя туземцами, подошелъ по различнымъ рукавамъ рѣки къ подошвѣ Серебряной горы. Наконецъ, туманъ нѣсколько разсѣялся, и форма горы представилась совершенно ясно. Хвойный и лиственный лѣсъ смыкаются на ихъ склонахъ. Со стороны рѣки, горы стояли стѣною, передъ которою тянулася широкая долина съ разсѣянными на ней растрескавшимися обломками скалъ. Горныя породы состоятъ изъ желтаго, песчанаго кварца, въ которомъ находятся мелкія пластинки слюды серебристаго цвѣта и кусочки стѣннаго колчедана. У подошвы крутыхъ склоновъ, въ кварцѣ проходитъ жила мышьяковаго колчедана, толщиною отъ 3 — 7 дюймовъ. Эта жила охватывается кварцемъ и роговою обманкою, между которыми она выдается серебристой бѣлизною. Химическое разложеніе показало, что этотъ минералъ состоитъ изъ 68 частей мышьяку, 31 части желѣза и одной части стѣры. По всей вѣроятности, серебристый блескъ этой жилы подалъ поводъ къ сказанію о сокровищахъ, заключающихся въ горѣ.

Въ окрестностяхъ Серебряныхъ горъ находится нѣсколько деревень, которыя были пусты во время ихъ пѣ-

щенія Маакомъ, потому что голыды, въ пору рыбной ловли, отправляются на лѣтнія квартиры.

Отсюда Амуръ направляется къ сѣверу. На правомъ берегу, на нѣкоторомъ протяженіи, проходитъ горная цѣпь Боки и затѣмъ удаляется отъ него. Эта цѣпь такъ же высока, какъ Серебряныя горы, на лѣвомъ берегу. По выступленіи изъ этихъ обѣихъ горныхъ цѣпей, рѣка расширяется до 10 верстъ, и такая чрезвычайная ширина, изумляющая путешественника, независимо отъ другихъ ея особенностей, дѣлаетъ ее одною изъ величайшихъ рѣкъ. Воды Амура побѣждаютъ всѣ встрѣчающіяся препятствія съ неострашимой силой, и стремятся къ океану. Особенно съ острововъ можно видѣть могучую дѣятельность этого потока. Острова выдаются на 10 или 20 футовъ надъ водою. Теченіе воды болышею частью подымаетъ ихъ, такъ что, наконецъ, остается лишь конусъ земли, готовый обрушиться каждое мгновеніе. Отмытая, такимъ образомъ, вещества уносятся рѣкою и образуютъ новые острова, вскорѣ покрывающіеся травою и деревьями.

Ниже, въ Амуръ впадаетъ рѣка Куръ-Бара, у которой живетъ племя сагаговъ. Съ правой стороны есть еще притокъ Яза-Бара, проникающій тутъ сквозь зеленоватосѣрый кремнистый сланецъ, въ которомъ Маакъ нашелъ камениное ядро одной раковины (*modiola*), впрочемъ, столь не ясное, что онъ не могъ опредѣлить ея вида и геологической формаци, къ которой относятся эти амурскія горы. Хвойныя деревья между которыми преобладаетъ особенно манджурская сосна (*pinus mandschurica*), являются чаще. Пробковое дерево, сѣверный предѣлъ котораго находится подъ 50°, здѣсь уже исчезаетъ; но тутъ является тисъ (*taxis baccata*), не встрѣчающійся въ другихъ мѣстностяхъ Сибири, и у одного острова Маакъ открылъ новый видъ кушнаника (*umophaca Wenzelii*), растущій вѣстѣ съ обыкновеннымъ чилимомъ. Это единственное мѣсто на Амурѣ, гдѣ найденъ представитель кушнаника.

1-го августа Маакъ миновалъ устье Горина, впадающаго

въ Амуръ подь $50^{\circ}43'$ сѣверной широты и $37^{\circ}43'$ восточной долготы отъ Гринича. Маакъ полагалъ, что здѣсь находится граница между среднею и нижнею областями Амура, потому, что тутъ исчезаютъ растенія и животныя, свойственныя средней области, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, является новый народъ — мангуны. Тигръ и барсъ также не переходятъ за предѣлы Горина, въ долину котораго рѣчныя выдры, кунницы лисицы, кабарги и лоси доставляютъ охотникамъ обильную добычу.

Лось называется у гольцовъ *жау*, а у тиляковъ *жаха*. Это животное встрѣчается въ большемъ или меньшемъ числѣ во всей приамурской области и особенно въ нѣкоторыхъ гористыхъ мѣстностяхъ у Горина и Амгуни. Зимой лоси собираются въ узкихъ боковыхъ долинахъ, гдѣ нтаются молодыми вѣтками березы и ольги, и рѣдко мѣняють въ теченіе зимы свое мѣстопробываніе на сѣверномъ Амурѣ, гдѣ снѣгъ выпадаетъ слоями, часто глубиною въ сажень. Жители Амура вооружаются острогами и отправляются на лыжахъ въ горныя долины, гдѣ находятся лоси. Въ лѣсу животныя не могутъ бѣгать. Съ грустнымъ взоромъ, какъ бы прося пощады, животное глядитъ на охотника, который безжалостно закалываетъ его. По словамъ Нордиана, въ мартѣ и апрѣлѣ 1860 года, по необыкновенно высокому снѣгу у устья Амгуни, жители перебили болѣе сотни лосей, изъ которыхъ многіе, по трудности переноски черезъ лѣсъ, должны были остаться на мѣстѣ и пропали.

Въ теченіе лѣта лось доставляетъ рѣдко пищу береговымъ жителямъ, потому что животное это боязливо и осторожно. Когда лось раненъ, онъ яростно бросается на охотника и старается убить его передними ногами. Такъ какъ тиляки, у нижняго Амура, не имѣють огнестрѣльнаго оружія и вооружены только копьями, то они рѣдко идутъ лѣтомъ на лосей.

Осенью лоси иногда отправляются на низменные острова рѣки, и достаютъ здѣсь толстые корни водяныхъ растеній

мелкихъ озеръ. Когда ночь бываетъ темная, животныя входятъ въ воду, и мордою отыскиваютъ корни въ илстомъ днѣ. Тогда охотникъ осторожно подымаеь къ лосю въ маленькомъ березовомъ челнокѣ. Конечно, въ темнотѣ животнаго не видно, но присутствіе его можно распознать по сильному плеску и фырканію. Обыкновенно тогда стрѣляютъ изъ ружья. Но осторожные и ловкіе охотники подходятъ къ животному столь близко, что умерщвляютъ его копьями.

Позднею осенью изъ березовой коры приготавливаютъ длинный инструментъ, на подобіе пастушьаго рога, и, втягиваніемъ воздуха въ этотъ приборъ, подражаютъ мычанію самки лося столь удачно, что самецъ поспѣшно подбѣгаетъ. Тогда его умертвить легко.

Въ этихъ областяхъ Амура нерѣдко встрѣчается настоящій олень, и его подстерегаютъ въ горахъ. Весною, когда рога самца только начинаютъ вырастать и еще мягки и хришеваты, туземцы особенно ревностно преслѣдуютъ его. Неразвившіеся отростки рога манджуры и китайцы считаютъ возбуждательнымъ средствомъ и покупаютъ за дорогую цѣну.

6 августа Маакъ дошелъ до мангунской деревни Эри (подъ 51°22' с. ш.). Скалистыя горы состоятъ тутъ изъ асаниа и покрыты лѣсами, въ которыхъ преобладаютъ осина и береза, но встрѣчаются также дубы, липы, кедры и даже нѣсколько дикаго винограда, который, однако, никогда не созрѣваетъ. Тѣмъ не менѣе, Эри можно считать сѣвернымъ предѣломъ произрастанія винограда въ Амурской области. У этой деревни Маакъ остался ночевать. Въ то время, какъ путешественникъ спалъ, у него украли котлы. Разумѣется, подозрѣніе пало на туземцевъ, но истина скорѣе обнаружилась. Собаки мангуновъ непрерывно бѣгали вокругъ палатки Маака, почему онъ подумалъ: — не онѣ ли сдѣлали покражу? Но какимъ образомъ можно было объяснить исчезновеніе котловъ? Тѣмъ не менѣе, онъ приказалъ искать ихъ, и, дѣйствительно, они нашлись въ лѣсу, съ расположенными вокругъ нихъ собаками, которыя отлично повировали. Животныя,

предоставленные самимъ себѣ, послѣ ухода хозяевъ въ лѣтнее мѣстопробываніе, утащили котлы въ то время, когда сторожа спали. Собаки покатили котлы въ лѣсъ, чтобы спокойно сѣсть добычу. Наконецъ, это не первое, совершенное ими, подобнаго рода похищеніе.

Мангуны и ольчи ^{пресѣщеніе} всѣхъ тунгузскихъ народовъ, обитающихъ у Амура. У нихъ мы видимъ учрежденія, какихъ нѣтъ у другихъ тунгузовъ. По своей наружности они походятъ болѣе всего на гольдовъ, потому что имѣютъ также выдавшіяся скулы, черные глаза и черные волосы. Лишь въ некоторыхъ случаяхъ они ихъ стригутъ, какъ манджуры, а то, обыкновенно, они висятъ у нихъ или свернуты пучкомъ на маковкѣ. Усы и борода большею частію жидки, и нерѣдко ихъ обрываютъ щипцами. Женщины дѣлаютъ по срединѣ головы проборъ и сплетаютъ волосы въ косу, спуская ее на спину. Мужчины и женщины татуируются. Этотъ обычай не свойственъ даурамъ. Впрочемъ, татуированіе обыкновенно ограничивается нѣсколькими крестообразными знаками на лбу. Одежду они носятъ манджурскаго покроя. Такъ какъ лишь немногіе могутъ покупать бумажныя ткани, то, большею частію, платье дѣлается изъ кожи рыбъ и звѣрей. Одежда изъ рыбьей кожи встрѣчается всего рѣже, и ее носятъ лишь лѣтомъ. Матеріалъ для этой одежды доставляютъ два вида лосося. Мангуны весьма ловко снимаютъ съ рыбъ кожу и колотятъ по ней до тѣхъ поръ, пока не отвалится чешуя, причемъ самая кожа становится мягкой. Одежда, приготовленная изъ этой матеріи, непроницаема.

Важную часть одежды настоящаго мангуна составляетъ кожаный поясъ, на которомъ навишены различныя вещи. На прилагаемомъ изображеніи представленъ подобный поясъ, по рисунку Маака; по направленію отъ лѣвой руки къ правой мы видимъ, прежде всего, кривой ножъ для разбиванія рыбъ; желѣзный гвоздь—для очищенія трубки, составляющей неразлучную сутьницу лядь обоего пола; большой ножъ въ

мѣховой пожитъ; небольшой мѣшекъ для кремня, и къ нему прикрѣплены еще мѣшечекъ изъ рыбьей кожи для трута и крутой игольникъ; сверхъ того, есть еще мѣшечекъ, изукрашенный арабесками; къ нему привѣшены огниво и разукрашенная кость; послѣдняя служитъ для сглаживанія рыбьей кожи и развязыванія узловъ.

Обувь мангуновъ готовится изъ оленьей кожи или толстаго мѣха, лѣтомъ же они ходятъ босикомъ. Икры защищаются берестой или штиблетами изъ ситца. Форма шляпъ весьма различная, и онѣ готовятся изъ разнаго

Поясъ мангуна.

матеріала, какъ-то: войлока, бересты, соломы, а зимою изъ мѣха. На зимнее время легкую одежду закрѣпляютъ мѣховою изъ собачьихъ или оленьихъ шкуръ. Красивый «рантъ мангунъ, съ бородкой à la Henri quatre, представленный на одномъ изъ нашихъ рисунковъ, даетъ довольно ясное понятіе о характерѣ одежды подобнаго рода. Женщины одѣваются такъ же, какъ и мужчины, но употребляютъ болѣе яркихъ цвѣтовъ и украшеній. Края одежды обшиваются цѣпными суконными или шелковыми лентами, къ которымъ

привѣшиваютъ маленькія раковины или китайскія деньги. Передники вышиты краснымъ, синимъ, желтымъ и чернымъ, къ нимъ привѣшиваютъ различные брелоки. Серьги изъ мѣдной, серебряной или латунной проволоки съ стекляннымъ бисеромъ составляютъ весьма любимое украшеніе.

Жилища измѣняются, смотря по времени года и занятіямъ. Рыболовство составляетъ главный способъ добыванія жи-

Внутренность жилища мангуна.

вотныхъ средствъ для мангуна. Рѣка даетъ ему не только пищу для него самого и его собаки, но также одежду и освѣтительный матеріалъ на зимніе мѣсяцы. Лѣтомъ мангуны охотятся только для полученія мяса. Чтобы добыть мѣхъ животныхъ, ихъ стрѣляютъ только зимой.

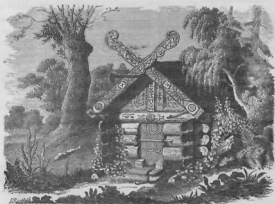
Мангуны ничуть не настоящіе шаманы, хотя они и не живутъ постоянно на одномъ мѣстѣ. Иногда они не быва-

ютъ дома по нѣлымъ мѣсяцамъ и устрояютъ лѣтнія хижины у тѣхъ мѣстъ рѣки, гдѣ ожидаютъ самаго обильнаго лова. На постройку этихъ лѣтнихъ жилищъ идутъ береста, ивовые прутья и сѣтеникъ. У мангуновъ точно такъ же, какъ и у манегровъ, мы видимъ маленкіе берестяные челноки съ двуплестными веслами. Эти челноки называются оморочами и похожи на манегрскіе. Большія суда съ парусами встрѣчаются рѣдко. Мангуны превосходно плаваютъ по рѣкѣ; они знаютъ каждую мель и отлично умѣютъ обходить ее. Когда мангунъ беретъ въ руки красиво вырѣзанное весло, расписанное черными и красными, то затягиваетъ свою однообразную пѣсню. Если онъ плыветъ противъ теченія, то припрядаетъ къ лодкѣ собакъ и заставляетъ ихъ танцевать ее.

Рыбу ловятъ большею частію сѣтями или гарпунами. Последніе состоятъ изъ палки, длиною въ 5 футовъ, къ которой прикрепленъ желѣзный трезубецъ. Къ одному изъ зубцовъ привязана веревка въ 30 или 40 футовъ длины. Къ веревкѣ прикрепленъ надутый рыбій пузырь. Такимъ образомъ, мангунъ можетъ всегда найти пойманную рыбу, если даже послѣ гарпунированія она пойдетъ ко дну. Гарпуны, трезубцы, крючки для лова рыбы и тому подобныя предметы туземные кузнецы готовятъ весьма искусно. Они нѣютъ наковальни съ круглосатыми выступами, и накалываютъ желѣзо въ угляхъ, раздуваемыхъ мѣхами.

Зимнія жилища мангуновъ во многихъ отношеніяхъ похожи на даурскія. Прилагаемый рисунокъ даетъ намъ о нихъ понятіе. Жилища эти просторны и представляютъ квадратъ въ 30 или 40 футовъ. Тутъ живетъ все семейство отъ дѣда до внука, и всѣмъ имъ просторно. Стѣны состоятъ изъ двухъ рядовъ бревенъ, между которыми набиты солома и глина. Крышу дѣлаютъ изъ березовой коры, которую прикрепляютъ камнями и тяжелыми бревнами, въ предупрежденіе сноса вѣтромъ. Два или три оконка изъ драгокъ на зиму затягиваютъ бумагой, которую лѣтомъ снимаютъ, причемъ окна завѣшиваютъ наверхъ лежащими цыновками. Въ одной

сторонѣ избы находится большая печь или очагъ, съ глубокимъ, смазаннымъ котломъ. Надъ огнемъ же виситъ другой, меньшій желѣзный сосудъ, на цѣпи, которая идетъ отъ самой крыши. Дымъ отводится деревянными трубами подъ полаты, и затѣмъ выступаетъ на воздухъ. Полъ въ избѣ изъ плотно убитой глины, и въ немъ всегда есть углубленіе, гдѣ лѣтомъ постоянно поддерживаются раскаленные угли для

Гробница шамана у мангумовъ.

зажиганія трубки и нагрѣванія водки. Во всякомъ мангумскомъ жилищѣ домѣ посреди избы помѣщается столъ для кормленія собакъ.

Непосредственно возлѣ жилого дома стоятъ изгороди изъ жердей, для сушенія рыбы. Нередко при такихъ изгородяхъ привязаны ручной, бѣлоголовый орелъ. Этихъ орловъ по большей части еще птенцами вынимаютъ изъ гнѣзда и воспитываютъ, кормя рыбой. Они сторожатъ развѣшанную рыбу

отъ нападенія другихъ птицъ. Хвостовыми ихъ перьями пользуются для оперенія стрѣлъ, или вывозятъ ихъ на островъ Сахалинъ, гдѣ японцы платятъ за нихъ большія деньги, и употребляютъ для своихъ украшеній.

Амбары возводятся на сваяхъ и такъ же, какъ и жилые дома, рѣдко бывають заверты. Честность составляетъ прекраснѣйшую черту мангуновъ, между которыми кража — несмысленное преступленіе. Медвѣжьи празднества совершаются у нихъ подобнымъ же образомъ, какъ и у гилъковъ. О такихъ празднествахъ скажемъ ниже. Кромѣ ручныхъ медвѣдей и орловъ, мангуны держатъ еще филиновъ, для истребленія безчисленныхъ крысъ. Дубовая сивоворонка, голубатникъ и черныи коршунъ также содержатся въ клеткахъ ради перьевъ, употребляемыхъ для стрѣлъ. Прекрасный обычай, удѣлять подъ крышею мѣсто для ласточекъ, существуетъ также у мангуновъ, которые даже открываютъ для нихъ окна и двери, и прибавляютъ подъ крышею въ самомъ домѣ маленькія досочки, чтобы доставить птичкамъ большее удобство къ устройству гнѣзда.

При ловлѣ соболей мангуны употребляютъ особаго рода самострѣлы, похожіе на мангровскіе. Онѣ прикрѣпляются къ кобытому колу, а къ тетивѣ привязанъ конскій волосъ, лежащій у самаго спуска стрѣлы и снабженный на другомъ концѣ приманкой. Когда соболь схватитъ приманку, стрѣла спускается и пронзаетъ его. Наконечникъ стрѣлы прикрѣпленъ къ черенку только ниткой, а потому, если подстрѣленное животное захочетъ убѣжать, то увлечется съ собою наконечникъ, а черенокъ задерживается за кустарники, запутывается нитку и препятствуетъ собою бѣжать дальше.

Въ религіозномъ отношеніи мангуны совершенно походятъ на мангровъ, гилъковъ и гилъковъ. Они вѣруютъ въ высшее существо, которое обладаетъ однимъ хорошимъ качествомъ; но это ничуть не составляетъ побужденія обращаться на него много вниманія. Оттого богопочитаніе сосредоточивается преимущественно на низшихъ добрыхъ и злыхъ

духахъ, къ которымъ зываютъ шаманы. Въ домахъ, на столбахъ, деревняхъ и т. д., встрѣчаются нарисованные изображенія, представляющія весьма грубыя фигуры людей, украшенныхъ лоскутками мѣха, а также фигуры тигровъ, медвѣдей или змѣй. Третьяго рода идолы, приготовляемые также изъ дерева весьма простымъ способомъ, служатъ мангуну путешественниками подъ именемъ боговъ „Таніа и Паніа“. Когда мангунъ хочетъ имъ молиться, онъ кладетъ ихъ на подушку, которую всегда имѣетъ при себѣ, чтобы спать на ней ночью. На вершинахъ горъ находятся идолы или памятники, напо-

Гробница у мангуновъ.

минающіе монгольскіе обряды. Предъ ними стоятъ небольшіе сосуды съ просомъ и пескомъ, или же чугуны, издающіе, если по нимъ ударяють палкой, звукъ, пріятный для идоловъ. Внутри же сосудовъ бросаютъ, въ видѣ жертвы, кусочекъ дерева или немного солины.

У мангуновъ шаманы пользуются большою властью, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, на нихъ лежитъ и большая отвѣтственность. Тогда какъ обыкновенные люди послѣ смерти всѣ безъ различія попадаютъ прямо въ рай, шаманъ идетъ въ адъ, если онъ пользовался своею властію надъ злыми духами ко вреду ближняго. На небѣ мангунъ также занимается охотой и

рыболовствомъ, а злые духи даже и танъ не лишаются своего могущества.

Гиляки оказываютъ чрезвычайное уваженіе умершимъ. Тѣло усопшаго кладутъ въ гробъ, изъ выдолбленнаго древеснаго ствола; надъ нимъ устраивается красивый домикъ, свидѣтельствующій о хорошемъ вкусѣ мангуновъ и гольдовъ. Но особенно изящно украшаются рѣзьбой гробничныя хижины шамановъ. Близъ гробницы вѣшаютъ сѣть, лукъ и стрѣлы, чтобы умершій и на томъ свѣтѣ могъ заниматься охотой и рыболовствомъ. Кроме того, покойнику приносятъ и пищу.

Правъ мангуновъ добродушный и снѣлый. Они уважаютъ стариковъ и любятъ дѣтей, которыхъ кладутъ спать въ височія колыбели. Женны помогаютъ мужьямъ, исполняющимъ самыя трудныя работы. Мангуны обыкновенно хорошо обходятся съ овиоми женами.

Особенной формы управленія у мангуновъ нѣтъ, и въ прежнее время они, подъ властью манджуровъ, были сильно притѣсняемы. Впрочемъ, у нихъ высоко уважается авторитетъ отца. До извѣстнаго возраста дѣти находятся въ полной власти отца, который выбираетъ невесту для своего сына въ то время, когда тотъ еще мальчикъ. Женныхъ и невеста вырастаютъ въ одной и той же хижинѣ, какъ братья и сестра. Свадьба справляется какъ только мальчику минуешь 18 лѣтъ, а дѣвушкѣ 14. Обычай мангуновъ нисколько не пренятетвуютъ имѣть по вѣсколку женъ, на самомъ же дѣлѣ многоженство между мангунами рѣдко, потому что мужчины больше, чѣмъ женщины. Братъ беретъ къ себѣ жену умершаго брата и наследуетъ его имущество.

Упомянутыя нами тунгузскія племена у Амура немногочисленны и вымираютъ. Когда по берегамъ рѣки разнужатся европейскіе переселенцы, тогда, безъ сомнѣнія, исчезнутъ туземцы, одѣтые въ мѣха и рыбью кожу. Оттого нужно быть признательными къ путешественникамъ, даю-

щимъ о нихъ, по возможности, обстоятельныя свѣдѣнія. На обширномъ пространствѣ верхняго Амура и его притоковъ, въ 1856 г., орочанъ воченало лишь 260 человѣкъ обоаго пола. Близжайшихъ ихъ сосѣдей, мангустовъ, выхвѣтъ съ бирарами на лѣвомъ берегу Амура и солонами на правомъ, будетъ до 20,000 человѣкъ. О даурахъ, смѣшанныхъ съ манджурами, мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній. Впрочемъ, полагають, что около Аргуни земледѣльческое населеніе простирается до 40 или 50,000 человѣкъ. Число гольдовъ по Амуру составляетъ 2,500 человѣкъ, и живутъ они въ 320 домахъ. Въ это число не включены гольды, живущіе по Усури (около 800 человѣкъ) и по Зунгари. Только-что описанные нами мангуны населяють лишь 40 деревень, въ которыхъ считается до 1,100 жителей. Съ ними родственны самаги, живущіе далѣе, въ глубинѣ страны, по лѣвымъ притокамъ Нижняго Амура.

Такъ какъ точнаго народосчисленія еще нѣтъ, то мы можемъ представить лишь слѣдующія приблизительныя цифры касательно численности туземцевъ, обитающихъ въ предѣлахъ русскаго владычества въ приамурскихъ странахъ:

Орочанъ по верхнему Амуру	260
Мангустовъ и бираровъ	3,000
Дауровъ по лѣвому берегу Амура	2,000
Гольдовъ по Амуру и Усури	3,500
Мангуновъ	1,100
Самаговъ	1,000
Орочанъ по морскому берегу	1,000
Гиляковъ по Нижнему Амуру	1,700
Всего	13,560

Къ нимъ слѣдуетъ присоединить еще 1,000 китайцевъ у верховья Усури и по берегамъ Кореи. Слѣдовательно, на всемъ громадномъ пространствѣ находится только 15,000 туземцевъ.

8 августа Маякъ достигъ предѣла своего путешествія; поста Мариниска. Послѣ долгаго плаванія между островами, покры-

тыми густой ивой, присталь онъ къ береговой батарее, стоящей на холму, у входа въ озеро Кизи, откуда открывается превосходный видъ на рѣку съ разбросанными на ней островами, а также на отдаленныя противоположныя горы. Въ самомъ посту кипитъ жизнь. У гавани вездѣ и всереди разѣзжалъ пароходъ, окруженный множествомъ судовъ. На самомъ берегу работали солдаты, раздавались удары топоровъ, звуки пилы и все это покрывалось командою офицеровъ. Маринскъ господствуетъ надъ озеромъ Кизи, а въ слѣдствіе того и надъ сообщеніемъ съ заливомъ Кастри, у Татарскаго пролива. Его основали лишь въ 1855 году. Такъ какъ эта мѣстность имѣетъ болотистыя окрестности, то для земледѣлія не представляется тутъ блестящей будущности: потому Маринскъ, вѣроятно, останется лишь военнымъ постомъ и никогда не сдѣлается настоящимъ городомъ. Гораздо больше шансовъ на процвѣтаніе въ будущемъ имѣетъ близлежащій постъ Соискскъ. Маринскъ былъ предѣломъ путешествія Маака. Что касается обратнаго путешествія, то мы ознакомимся съ нимъ, описавъ предварительно остальную часть теченія Амура.

У Маринска Амуръ приблизился къ Восточному океану до такой степени, что между озеромъ Кизи, находящимся въ связи съ рѣкою и заливомъ Кастри, остается промежутокъ лишь въ 20 верстъ, покрытый низкими горными хребтами, составляющими продолженіе береговыхъ горъ Сихота-Алинь. Такая близость рѣки къ морю, въ которое она впадаетъ, только протекши еще 300 верстъ, составляетъ замѣчательную и единственную въ своемъ родѣ особенность Амура. Отдаленное сходство съ этимъ явленіемъ представляетъ теченіе Дуная, который у Расава приближается къ Черному морю и затѣмъ впадаетъ въ него лишь цѣлымъ градусомъ широты.

Довольно вѣроятно, что вся остальная часть Амура, отъ Маринска до того мѣста, гдѣ рѣка, послѣ впаденія въ нее Амгуни, проникаетъ сквозь Сихота-Алинскія горы, составляла некогда огромное озеро, воды котораго, пробивая собѣ

путь къ морю сквозь упомянутыя горы, отчасти испарились. Подобныя промокны и превращенія можно прослѣдить и въ рѣкѣ св. Лаврентія въ Америкѣ и на Рейнѣ. Мнѣніе это подтверждается также существованіемъ озеръ Кизи, Кады и Емы — на правомъ берегу и Удэля — на лѣвомъ.

Ширина низменности, которая у Маринска покрыта сѣтью рукавовъ, каналовъ и бухтъ Амура, простирается отъ 20 до 25 верстъ. Если присоединить къ этому озеру Кизи, то ширина амурскаго бассейна въ этомъ мѣстѣ составитъ болѣе 50 верстъ.

Озеро Кизи занимаетъ поверхность въ 210 квадратныхъ верстъ. Самая большая его длина, по прямому направлению, составляетъ 37 верстъ, а наибольшая ширина — $18\frac{1}{2}$. Къ востоку оно суживается въ видѣ рѣки, почему можно полагать, что оно состоитъ изъ двухъ озеръ,

Иагунъ въ зимней одеждѣ.

соединенныхъ каналами. Верхнее, меньшее озеро, занимаетъ 20 квадратныхъ верстъ, а нижнее, большее, — 185 кв. в. Озеро Кизи было въ прежнее время гораздо глубже и сдѣлалось постепенно мелче, преимущественно отъ отложенія ила, приносимаго его притоками. Высохшее дно верхняго озера и часть нижняго состоятъ изъ толстаго слоя чрезвычайно мелкаго ила; а ниже лежатъ пески, сбитый волнами въ плотную массу. Плаваніе по озеру при низкомъ уровнѣ воды очень затруднительно. Лодки по дѣльнымъ станціямъ приходится та-

щить на себѣ, при чемъ обыкновенно нужно идти по колѣно въ вязкомъ илѣ, пропитанномъ холодной осенней водой. Но весной и лѣтомъ, когда потоки Амура изливаются въ озеро, его уровень поднимается иногда на 25 футовъ, и тогда по немъ можно плавать даже на парходахъ. Тѣмъ не менѣе, озеро очень неудобно для судоходства, потому что уже во вторую половину лѣта мели иногда преграждаютъ путь, а въ остальное время оно очень бурно.

На островахъ и низкихъ берегахъ Амура въ этомъ мѣстѣ вырастаетъ превосходная мелкая трава, доставляющая лѣтомъ сѣно. Путь въ этой области Амура дотого обширенъ, что здѣсь весьма удобно поселенцамъ заниматься скотоводствомъ въ самыхъ большихъ размѣрахъ. Пространства, покрытыя травой, простираются по островамъ и берегамъ огромной котловины Амура на сотни и тысячи квадратныхъ верстъ. Сверхъ того, очень большія пространства покрыты чащей кустарниковъ, которые жгутъ на пропитаніе и кошеніе травы. Жатвы хлѣба на островахъ Амура и по лѣснымъ полянамъ близъ русскихъ деревень, а также разведенные мѣстами огороды доказываютъ, что земля здѣсь очень плодородна. Капусту, картофель, рѣпу и рѣдкую получаютъ въ такомъ количествѣ, что ее отправляютъ въ Николаевскъ. Огородническая выставка, сдѣланная въ Николаевскѣ осенью 1859 года, показала, что эта мѣстность по своимъ произведеніямъ можетъ соперничать со многими мѣстами Европейской Россіи.

Низовье Амура между Маринскомъ и Николаевскомъ, повидимому, теряетъ рѣчной характеръ. Хотя здѣсь Амуръ и сохраняетъ свѣжій вкусъ воды, но въ немъ поднимаются такіе же большія волны, какъ и въ морѣ во время бури. Значительную часть года здѣсь воесятъ туманы, и рѣка постоянно находится подъ вліяніемъ погоды, господствующей на морѣ у ея устья. Это вліяніе дотого сильно, что у Тира и даже у Маринска появляются огромныя стада кашалотовъ.

Подъ 53° сѣверной широты, противъ Тира, въ Амуръ

впадаетъ съ лѣвой стороны послѣдній его притокъ, Амгунь, стекающій съ Бурейскихъ горъ, и, сдѣлавъ еще одинъ изгибъ, течетъ на востокъ къ морю. У Тира, на берегу Амура, поднимается скала, вышиною въ 100 футовъ, на вершинѣ которой сохранилось

еще нѣсколько памятниковъ и остатковъ храма. Первый памятникъ состоитъ изъ гранитнаго цоколя, на которомъ возвышается продолговатый кусокъ ярагора съ надписями на разныхъ языкахъ. Китайская надпись: Ци-мунъ-нинъ-цы означаетъ: монастырь вѣчнаго покоя; между тѣмъ какъ санскритскія слова: омъ-мани-бадме-хумъ, по Клароту, значатъ: „О драгоцѣнный до-
туть, аминь.“

Послѣднія слова, какъ говорятъ ламы, заключаютъ въ себѣ великое ученіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самую дѣйствительную и сильную молитву.

Неподалеку отъ этого мистическаго камня находится

Памятникъ у Тира.

остатки столба, разрушеннаго, по словамъ туземцевъ, русскими, при одномъ ихъ нападении на эту страну. Нѣсколько сотъ шаговъ дальнѣе, на выдающейся скалѣ, стоятъ довольно хорошо сохранившійся столбъ. Гиляки считаютъ это мѣсто святымъ и, при всякомъ удобномъ случаѣ, приносятъ на каменкахъ жертвы, обыкновенно изъ стружекъ и т. п. Шаманы также посѣщаютъ это мѣсто; во всякомъ случаѣ, эти памятники, о которыхъ нѣтъ никакихъ полныхъ свѣдѣнй, существовали уже въ 17 вѣкѣ. Слѣдовательно, и Амурская область не безъ древностей. Видъ съ этой скалы или памятниковъ великолѣпенъ. Внизу шумитъ рѣка, какъ море; на сѣверѣ видно устье Амуръ съ его островами, поросшими еловымъ лѣсомъ, а къ югу, за необозримыми основными лѣсами, выглядываютъ вершины нѣсколькихъ горныхъ цѣпей.

Отъ Тира Амуръ течетъ съ удвоенною скоростью къ востоку. Полгода тутъ дуютъ суровые вѣтры, и густыя тучи затемняютъ воздухъ. Вода пѣнится отъ бурныхъ морскихъ вѣтровъ, и густые туманы, разбѣивающіеся лишь около полудня, несутся у береговъ. Грустно смотреть сѣверныя горы на печальныя зеленныя сосны и ины, покрывающія берега рѣки. Посреди рѣки выдается чрезвычайно длинный островъ, называемый Константиновскимъ; по ту сторону рѣки видна того же имени батарея и, наконецъ, Николаевскъ.

Въ густомъ первобытномъ лѣсу вырубилъ мѣсто, на которомъ основали новый городъ. Въ полушракѣ выглядываютъ тѣмъ и слѣтъ изъ зелени привѣтливыя домики. На рейдѣ находится нѣсколько судовъ; въ гавани замѣтна жизнь и дѣятельность; изъ трубъ извивается дымъ. Городъ раскинулся на значительное пространство, и заложекъ величественно. Видъ его съ рѣки чрезвычайно живописенъ и оригиналенъ. Совершенно новые дома съ различными фасадами, церкви съ выкрашенными башнями, дома Амурской компаніи, заводъ съ паровыми молотами и домъ губернатора украшаютъ Николаевскъ.

На разстояніи нѣсколькихъ миль отъ города, между

мысомъ Тебахомъ на сѣверѣ и мысомъ Пронгомъ на югѣ, Амуръ, противъ острова Сахалина, вступаетъ въ Татарскій проливъ. Лѣсистые берега его остаются повсюду высоки; въ устьѣ много песчаныхъ мелей, весьма опасныхъ для судовъ. Если бы устье Амура находилось юнѣе, то на немъ развилась бы совершенно другая жизнь. Какъ бы еще болѣе важнѣе было тогда этою водяною путъ для сбыта обильныхъ произведеній почвы! Николаевскъ же не относится къ лучшимъ гаванямъ и много потерялъ съ того времени, какъ устроены пристани въ заливахъ Кастри, Ольги и Викторіи по манджурскому берегу.

По окончаніи своего путешествія, ботаникъ Максимовичъ, хотѣлъ отправиться, до наступленія зимы, къ югу отъ Амура, къ заливу Ольги и въ Японію. Но, когда 19 октября 1860 года, шкуна „Востокъ“ отправлялась, Максимовичу забыли сообщить о томъ. Самъ же онъ не имѣлъ средствъ, чтобы нанять лодочниковъ перевезти его на пароходѣ, стоявшій на рейдѣ, а матросовъ ему не давали, такъ какъ переѣздъ былъ слишкомъ опасенъ. Наконецъ, 23 октября, онъ сѣлъ на пароходъ „Святой Феодосій“. Но такъ какъ капитанъ не былъ обозначенъ довольно точно, то на разстояніи 15 верстъ, въ виду Николаевска, пароходъ сѣлъ на мель и пробылъ на ней цѣлую недѣлю безъ всякой помощи; а потомъ вернулся въ Николаевскъ, чтобы взять угля и затѣмъ снова отправиться. Но тутъ получили извѣстіе, что вся гавань покрылась льдомъ, и потому суда въ этомъ году болѣе не могли идти по ней. Вскорѣ послѣ того, однако же, Максимовичъ узналъ, что въ разныхъ мѣстахъ устья, на меляхъ стоятъ еще четыре корабля, которые намѣрены отплыть къ югу, какъ скоро имъ удастся сойти съ мелей. Но по причинѣ толкаго льда, Максимовичъ не могъ добраться до нихъ ни на собакахъ, ни на лодкѣ. Поэтому онъ рѣшился ѣхать къ югу, вдоль Усури, на лошадахъ, и, такимъ образомъ, достигнуть гавани Ольги. Если принять въ соображеніе, что зима продол-

жается здѣсь полгода, то, конечно, Николаевской гавани не предстоитъ блестящей будущности.

Намъ остается ознакомиться еще съ однимъ племенемъ, обитающимъ при устьѣ Амура и совершенно отличающимся отъ тунгусскаго племени по Верхнему и Среднему Амуру. *Гиляки*, по многимъ правамъ и обычаямъ походящіе на тунгузовъ, существенно отличаются отъ нихъ по языку. Достаточно для этого сравнить числительныя названія въ тунгусскомъ (Нерчинскаго округа) и гилякскомъ языкахъ.

	По-тунгусски:	По-гилякски:
Одинъ	omon	nün.
Два	jur	morsch.
Три	ilan	tschiertsch.
Четыре	diggin	murtesh.
Пять	tongna	tortsch.
Шесть	niungna	ngak.

Особенно отличаются гиляки отъ мангузовъ болѣе густою бородою. Кромѣ того, они имѣютъ грубые, рѣзкія черты лица, а въ глазахъ у нихъ выражаются суровость и отвага. Гиляки любятъ неприѣтливую мѣстность и живутъ по близости моря тамъ, гдѣ непримлекательный климатъ и безлюдная почва всего менѣе, кажется, располагаютъ селиться. О дикомъ ихъ характерѣ, кровожадности и негостеприимствѣ рассказываютъ очень много. По домашнему быту и по одеждѣ они походятъ на гальдовъ и мангузовъ; они носятъ такія же косы и всѣ, безъ различія пола и возраста, также неутомимо курятъ табакъ (гинзи).

Такъ какъ Амуръ у своего устья очень богатъ рыбой, то весьма естественно, что гиляки занимаются рыболовствомъ. Всего интереснѣе способъ ловли дельфиновъ. Когда ледъ прошелъ, появляется бѣлуга, которую гиляки называютъ нумми. Она приплываетъ къ устью Амура большими стадами и идетъ вверхъ по рѣкѣ около 400 верстъ. Такъ какъ это животное очень богато жиромъ, то и считается туземными жителями дорогимъ предметомъ охоты. Но гиляки имѣютъ лишь очень

плохія орудія для ловли этого, весьма боязливаго животнаго, потому имъ рѣдко удастся поймать его. Слѣдовательно, очень естественно, что поимка бѣлуги составляетъ для нихъ большое торжество.

Когда, при сѣвѣхъ вѣтрѣ, шумныя волны изъ Амурѣ перекатываются, такъ что дельфину, подвѣшному на поверхности воды, не легко зайти въ приближеніе парусной лодки, гиліаки отправляются на рѣку, и ѣздятъ подъ парусами взадъ и впередъ по глубокимъ мѣстамъ. Какъ только бѣлуга покажется близъ лодки, въ нее бросаютъ гарпунъ съ крючкомъ, послѣ чего животное немедленно унываетъ внизъ по рѣкѣ. Къ гарпунамъ, на длинномъ кожаномъ ремнѣ, привязаны большіе, надутые воздухомъ, пузыри, не дающіе животному погрузиться глубоко въ воду и указывающіе мѣсто, гдѣ оно находится. Ослабленное потерей крови, животное чаще и чаще показывается на поверхности воды, чтобы перевести дыханіе; между тѣмъ, въ это-то время, сопровождающіе животное гиліаки колютъ ее остросами. Какъ скоро оно убито, его подхватываютъ ремнемъ подъ плавники и тащатъ къ жилищу, гдѣ его принимаютъ съ громкой радостью. Всѣ бросаются съ крикомъ и гамомъ къ пойманному дельфину, отъ котораго, по древнему обычаю, каждый получаетъ долю. Но еще никто не смѣлъ коснуться животнаго, потому что шаманы должны предварительно выводить надъ нимъ свои чародѣйскіе пріемы. Они торжественно подходятъ къ нему и втыкаютъ ему въ брызгательныя отверстія большой пучекъ крапивы. Въ это время всѣ гиліаки уходятъ къ себѣ въ хижины. Шаманы начинаютъ торжественно воспѣвать успѣхъ ловли, при чемъ немилосердно колютъ въ свои бубны. По окончаніи этой церемоніи, всѣ подходятъ къ бѣлугѣ, которую шаманы и старѣйшины въ нѣсколько минутъ распластываютъ и раздѣляютъ между всѣми. Гиліаки съ восторгомъ пьютъ еще теплый жиръ, часть котораго сохраняютъ въ большомъ пузырьѣ этого же животнаго, и берегутъ, какъ законство. Черепъ, очищенный отъ мяса и жира, шаманы

вѣшаютъ на дерево, потому что онъ считается талисманомъ противъ злыхъ духовъ. Иногда встрѣчаются деревья, совершенно увѣшанные черепами, что, конечно, составляетъ весьма странное зрѣлище.

Гиляки искусны и въ ловлѣ разныхъ другихъ водяныхъ животныхъ, а обиліе ихъ въ Амурѣ доставляетъ имъ случай пользоваться своимъ искусствомъ. Когда приближается пора наплыва рыбы въ рѣку, гиляки собираются, съ различныхъ пунктовъ, въ удобныя мѣста по берегу Амура, и строятъ себѣ юрты изъ березовой коры, а возлѣ нихъ, изъ ивовыхъ прутьевъ, подставки, служащія для сушенія рыбы. Этихъ занимаются женщины и дѣти. Посоленная и высушенная рыба складывается въ особые амбарахъ, построенныхъ на сваяхъ, для предохраненія отъ собакъ, лисицъ и крысъ. Существуетъ нѣсколько способовъ ловли, помощью которыхъ получается большое количество рыбы, сохраняемой на зиму. Подъ конецъ іюня является одинъ видъ лосося, именно горбушка (*salmo gibbosus*), называемая гиляками тенгичо. Эта рыба кишитъ въ Амурѣ и его небольшихъ притокахъ, и плавать такими густыми стадами, что совершенно покрываетъ дно маленькихъ рѣчекъ. Она изымается, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, въ небольшіе лѣсные ручьи, гдѣ и становится пищею медвѣдя и другихъ хищныхъ животныхъ. Медвѣдь ловить рыбу чрезвычайно просто. Онъ садится посреди ручья и выбрасываетъ на берегъ плывущую мимо его рыбу переднею лапой, а затѣмъ очень спокойно отправляется ѣсть ее. Горбушка бываетъ длиною около 1½ фута и плавать по рѣкамъ и ручьямъ до конца августа. Чѣмъ далѣе она плыветъ по рѣкѣ, тѣмъ больше у ней вырастаютъ на спинѣ шипы, такъ что рыба, которая уже выметала свою икру, получаетъ весьма странный видъ. Висѣтъ съ тѣмъ у этой рыбы вырастаютъ очень длинныя зубы и челюсти; отъ тренія же о камни она теряетъ чешую. Если, поэтому, сравнить горбушку, приплывшую въ Амуръ въ іюні, съ пойманою въ той же рѣкѣ въ

августъ, то ту и другую можно отнести къ различнымъ видамъ. Рыба, выметавшая икру, дѣлается ни къ чему негодной, и во многихъ мѣстахъ тысячами выбрасывается рѣкой на берегъ, гдѣ гниетъ и заражаетъ воздухъ. Горбушка дотого нѣжна, что не годится для соленія. Большую частію, ее сушатъ и употребляютъ для кормленія собакъ. Гораздо крупнѣе другая порода лосося, именно кита (*salmo proteus*), называемая гиляками лухичо. Она начинается идти въ августѣ, и поэтому составляетъ осеннюю рыбу, годную для соленія.

Въ жаркіе, ясные дни, лѣтомъ, гиляки, не имѣющіе особыхъ занятій, вооружаются гарпунами о трехъ зубахъ и отправляются, въ такъ называемыхъ оморочахъ изъ березовой коры, по медленно текущимъ рукавамъ Амура, гдѣ много водяныхъ растений и бездна рыбы. Гиляки дотого обладаютъ удивительнымъ искусствомъ опредѣлять, по движенію воды, мѣсто нахожденіе рыбы, что не видѣвъ ее, бросаютъ свои гарпуны и рѣдко промахиваются.

Гарпунъ.

Раньше горбушки и киты, тотчасъ послѣ льда, у устья Амура появляется много осетровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣсколько другихъ видовъ этого рода, именно: калуга (*acipenser amurensis*), достигающая до 30 и болѣе пудовъ вѣса, Шренковъ осетръ и стерлядь. Для ловли этой рыбы, гиляки употребляютъ большія сѣти, приготовленныя изъ волоконъ обыкновенной крапивы. Гораздо затруднительнѣе рыболовство зимою, когда рѣка покрыта льдомъ. Въ это время дѣлаются проруби и сѣти спускаютъ подъ ледъ. Едва начнутъ тянуть такой неводъ, какъ уже можно чувствовать, есть

ли въ немъ добыча или нѣтъ. Такъ какъ подобная ловля довольно трудна, то и отсюда, во все вышнѣвающееся, шаманы умѣли извлечь для себя пользу. Во время самой ловли, гилаки ни подъ какими предлогами не имѣютъ права выносить изъ своихъ хижины огонь и не смѣютъ переступить чрезъ порогъ дома съ зажженной трубкой.

Для гилаковъ весьма важны также различные виды тюленеобразныхъ животныхъ, обитающихъ въ устьѣ Амура и по близлежащимъ морскимъ берегамъ. Шкура этихъ животныхъ употребляется различными образомъ, напр.: ею обшиваютъ лыжи, изъ нея готовятъ одежду и ремни. Буроваторыжій сивучъ, или морской левъ, бываетъ длиною до 10 футовъ, и на груди у него проходятъ крестообразныя бѣлыя полосы. Ловить это животное не трудно. Оно весьма глупо и любопытно, и потому, когда грѣтся на берегу на солнцѣ, то подпускаетъ къ себѣ очень близко. Его убиваютъ острогами и дубинами.

Гораздо хитрѣе многіе мелкіе виды тюленей. Лѣтомъ, въ ясные, теплые дни, животные эти заходятъ далеко вверхъ по рѣкѣ. Тогда гилакъ, на мелкомъ мѣстѣ, около 200 шаговъ отъ берега, кладетъ большое бревно и удерживаетъ его тяжелымъ камнемъ, замѣняющимъ ему якорь. Жердь, состоящая изъ нѣсколькихъ кусковъ дерева и снабженная остриями, лежитъ между берегомъ и бревномъ, къ которому она привязана ремнями. Тюлень охотно остается въ падень въ этихъ водахъ и взбирается на бревно, погрѣться. Этого-то только мгновенія и поджидаетъ гилакъ, скрывающійся въ кустахъ: онъ мечетъ въ животное клинкомъ съ зубринами, или же стрѣляетъ въ него изъ лука.

Гилаки не только хорошие рыбаки, но и отличные охотники. Особенно умѣютъ они ловить медвѣдей, называемыхъ у нихъ коте. Это животное считается у нихъ божествомъ и играетъ важную роль во время праздниковъ въ честь медвѣдей. Впрочемъ, это нисколько не мѣшаетъ, въ заключеніе праздника, съѣсть медвѣдя. Для этого гилаки ловятъ моло-

даго медвѣдя, котораго, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, откармливаютъ въ особенной застѣкѣ, рыбою. За неимѣніемъ молодаго медвѣдя, они довольствуются и взрослымъ, причѣмъ дѣло не обходится безъ кровопролитія и слезухъ со стороны разъяреннаго животнаго. На такой ловъ, 10 или 12 гилляковъ всѣ вооруженные палками, веревками и копыями, отправляются въ саняхъ на собакахъ. Охота производится въ январѣ; вывѣданы зимнюю берлогу, воалѣ нея наготовѣ складываютъ палки и копыя, а нѣсколько шамановъ напѣваютъ спящему медвѣдю пѣсни. Если же это не въ состояніи вызвать медвѣдя изъ берлоги, то нѣсколько толчковъ въ бокъ даютъ животному знать, что его почитатели желаютъ познаться съ нимъ. Такъ какъ медвѣдь, обыкновенно, обращаетъ вниманіе на такое приглашеніе, то все общество бросается на своего бога и связываетъ полусоннаго медвѣдя по ногамъ и всему тѣлу прежде, нежели онъ успѣваетъ разсмотрѣть своихъ поклонниковъ. Звѣря привязываютъ къ толстой жерди и кладутъ въ порожнія сани. Впрочемъ, медвѣдь, обыкновенно, успѣваетъ у кого-либо изъ своихъ поклонниковъ содрать съ головы кусокъ кожи. Потерпѣвшій отъ этого, однако же, нисколько не огорчается, но даже радуется такому случаю, потому что раненые медвѣдемъ высоко почитаются, и на нихъ смотрятъ какъ на храбрецовъ.

Всего охотнѣе захватываютъ гилляки старую самку, которая спитъ съ однолѣтнимъ или двухлѣтнимъ медвѣжкомъ. Самку умерщвляютъ, а молодыхъ животныхъ выкармливаютъ къ праздникамъ. Когда медвѣдь удачно извлеченъ изъ сани, его торжественно везутъ домой и сажаютъ въ готовую бревенчатую избу. Медвѣжій праздникъ совершается въ январѣ, февралѣ и мартѣ. Такъ какъ почти во всякой деревнѣ есть медвѣди, то зимою справляютъ много праздниковъ; на нихъ издалека собираются друзья и сосѣди, которые приносятъ съ собою рыбу и другіе съѣстные припасы.

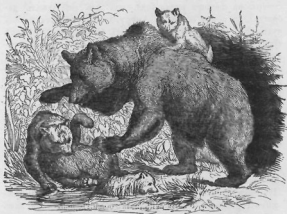
Когда все общество собралось, и на небѣ свѣтитъ полная луна, шаманы начинаютъ свои торжественныя, но очень

грустныя пѣсни. Послѣ того старшій шаманъ выводитъ медвѣдя изъ заточенія, и, при пѣсняхъ и звукахъ бубна, идетъ съ нимъ во всѣ юрты, украшенныя для этого дня стружками. Въ одной изъ самыхъ большихъ юртъ, медвѣдя оставляютъ на всю ночь въ деревянной клѣткѣ, поставленной надъ очагомъ. Сами гилыки проводятъ ночь въ їдѣ и питьѣ, причемъ употребляютъ самыя лакомыя блюда, какъ напр., рыбу, ворвань и ягоды, а также теплую рисовую водку. При этихъ попойкахъ, гости сидятъ, съ поджатыми ногами, вокругъ сосуда съ аракомъ, поставленнаго на ящикъ, и ведутъ чрезвычайно глубокомысленную бесѣду. Круговою чашею служитъ китайская чашка, не больше наперстка, которая постоянно переходитъ изъ рукъ въ руки. Не смотря на малое количество водки, выпиваемой въ одинъ разъ, подъ конецъ она оказываетъ свое дѣйствіе. При этомъ не забываютъ также дѣтей и женщинъ.

На слѣдующій день отправляются на бѣгъ по льду въ санкахъ, запряженныхъ собаками. Медвѣдя также усаживаютъ на сани, и онъ имѣетъ честь принимать участіе въ этомъ удовольствіи. Но скоро спена напѣляется. Мохнатого паря лѣсомъ, въ которому были до сихъ поръ столь почтительны, привязываютъ къ колу, всаженному въ ледъ. Гилыкская молодежь, вооруженная луками и стрѣлами, проѣзжаетъ мимо своего божества на санахъ и стрѣляетъ въ него такими огромными количествомъ стрѣлъ, что медвѣдь напослѣдокъ становится похожимъ на дикобраза. Наконецъ, нѣсколько старыхъ шамановъ окончательно убиваютъ животное, послѣ чего его разрѣзаютъ, и мясо раздается присутствующимъ. Праздникъ заканчивается пьянствомъ и неумѣренной їдой, а послѣ того всѣ, вполнѣ насплавившись, отправляются домой.

Гилыки, обитающіе на островѣ Сахалинѣ, во многихъ отношеніяхъ отлчаются отъ амурскихъ и имѣютъ даже нѣсколько другой языкъ. Одинъ японскій путешественникъ, Маміа Ріэо, собравшій о нихъ свѣдѣнія, сообщаемыя Зиболь-

домъ, рассказываетъ, что у нихъ господствуетъ полиандрія. Они гораздо суевернѣе всѣхъ тунгусскихъ племенъ по Амуру. Такимъ образомъ, появленіе тигра, который рѣдко заходитъ въ ихъ область, считается предвѣстникомъ несчастія. Остатки человѣка, растерзаннаго тигромъ, зарываются гдѣ ни понало, безъ всякаго торжества, между тѣмъ какъ во всѣхъ остальныхъ случаяхъ трупъ сжигаютъ и надъ прахомъ возводятъ

Медведь.

домикъ. Любимую собаку умершаго, предварительно откормленную, убиваютъ на гробницѣ усопшаго, чтобы, такимъ образомъ, освободить душу умершаго, которая до того находилась въ собакѣ, и дать ей возможность перейти на небо. Небольшія жертвы изъ рыбы, табаку и тому подобныхъ предметовъ вкладуются, время отъ времени, на гробничный домикъ, который, однако, снимаютъ по истеченіи двухъ лѣтъ.

До сихъ поръ мы описывали Амуръ въ его, такъ ска-

затѣ, лѣтней одеждѣ. Но если уже въ теплые мѣсяцы путешествіе внизъ по рѣкѣ довольно неудобно, то оно гораздо затруднительнѣе и, даже, дѣйствительно опасно зимою, когда рѣка покрыта льдомъ. Подобное путешествіе предпринять Маакъ вверхъ по рѣкѣ, и ны прослѣднѣй его странствованіе изъ Маріинска, гдѣ разстались съ нимъ.

14 августа, послѣ непродолжительнаго пребыванія въ Маріинскѣ, Маакъ пустился въ обратное путешествіе. Не смотря на позднее время года, онъ все еще думалъ добраться, къ концу осени, по Амуру, до Иркутска, такъ какъ путь чрезъ Аянъ и Охотскъ не былъ безопасенъ по причинѣ крейсированнаго тамъ, въ слѣдствіе восточной войны, англо-французскаго флота. Точно также Маакъ не могъ пройти на югъ Удскъ (у рѣки Уды, впадающей въ Охотское море) и Якутскъ, потому что ему пришлось бы взять слишкомъ много сѣверныхъ оленей для своихъ людей и поклажи.

Оттого онъ рѣшился возвратиться въ мангунскихъ лодкахъ, съ казаками, тѣмъ же путемъ, по которому прибылъ. Плыли вверхъ по рѣкѣ и подвигались впередъ довольно медленно. Сталъ идти сильный дождь, по утрамъ было холодно и туманно, и солнечные лучи болѣе не грѣли. Листья на деревьяхъ пожелтѣли, и огромныя стаи птицъ летѣли къ югу, въ болѣе теплый поясъ. Стояла осень, и зима приближалась быстро. Путешественники плыли цѣлый мѣсяцъ и достигли Бурейскихъ горъ. Когда они вступили въ область, извѣстную намъ по описанію Рада, наступили морозы. Теперь нечего было и думать добраться до Иркутска до наступленія зимы. 29 октября Маакъ дошелъ до манджурскаго города Айгуна, откуда ему оставалось проѣхать еще 800 верстъ до Усть-Стрѣлки. Такъ какъ Маакъ былъ убѣжденъ, что весьма скоро рѣка совершенно замерзаетъ, то и рѣшился испросить у китайскаго губернатора дозволеніе проѣхать по Манджуріи до русскаго пограничнаго поста — Цурухайтуя, на Аргуни.

Амбанъ принялъ Маака очень милостиво; далъ ему нѣсколько мѣшковъ проса, два мѣшка муки, свинью и сорокъ

кружка водки; наговорилъ ему много о дружественныхъ отношеніяхъ Россіи къ Китаю, но, въ заключеніе, отказалъ въ проѣздѣ по Манджуріи, замѣтивъ съ насмѣшкою, что Маакъ можетъ уѣхать изъ Айгуни точно такъ же, какъ и пріѣхать. Такимъ образомъ, путешественникъ былъ вынужденъ отправиться дальше, съ полнымъ сознаніемъ, что ему предстоятъ большія опасности. Уже 3 октября на Амурѣ показались льдины, а 4-го рѣка покрылась движущимися мас-

Мѣстность у Дера на Амурѣ.

сами льда дотого, что о дальнѣйшемъ странствованіи нечего было и толковать. До Усть-Стрѣлки оставалось еще 700 верстъ. Не говоря уже о другихъ опасностяхъ пути чрезъ пустынные мѣстности, нигдѣ нельзя было достать сѣстныхъ припасовъ. Что же было дѣлать? Въ этомъ критическомъ положеніи, Маакъ послалъ, по льдянкамъ, офицера и казака обратно въ Айгунь, чтобы еще разъ убѣдительно попросить дозволенія проѣхать въ Цурухайтуй.

Маакъ и оставшіеся съ нимъ спутники рѣшились устроить себѣ маленькіе сани, чтобы проѣхать на нихъ по заберегамъ. Подъ этимъ названіемъ разумѣютъ въ Сибири слои льда, образующіеся у береговъ рѣкъ прежде, нежели онѣ совершенно замерзнутъ. Такъ какъ эта работа требовала нѣсколькихъ дней труда, то у берега устроили хижину, куда сложили съѣстные припасы и дорожныя вещи. Часть казаковъ отправилась за лѣсомъ, а другіе пошли на охоту и рыбный ловъ. Последнимъ занимаются особеннымъ образомъ. Въ этомъ мѣстѣ Амуръ представлялъ небольшой заливъ, покрывшійся тогда тонкимъ прозрачнымъ льдомъ, сквозь который ясно можно было видѣть рыбу. Казаки ударяли деревяннымъ молотомъ по льду, отчего рыбы оглушались, и ихъ легко можно было брать черезъ отверстіе, пробитое во льду. Такого рода ловля называется чекученіемъ, и имъ занимаются на большей части сибирскихъ рѣкъ. Онъ, однако, довольно опасенъ, потому что производится на слишкомъ тонкомъ льду, на которомъ ловецъ можетъ весьма легко проломиться.

Мѣсто, гдѣ путешественники устроили себѣ хижину, называется Керлангомъ. Тутъ въ Амуръ впадаетъ небольшой ручей, по долинѣ, состоящей изъ глинистаго сланца, котораго слой ясно приподнялся. На берегу, въ этой мѣстности, еще видны различныя, обнаженныя плутоническіе камни. У Міаты (подъ $50^{\circ} 26'$ с. ш. и $127^{\circ} 10'$ в. д. отъ Гринича) Маакъ открылъ большіе куски каменнаго угля. Слѣдя за ними дальше, онъ дошелъ до обнаженнаго каменноугольнаго слоя, толщиною въ одинъ футъ. Тутъ же росло много амурской максимовичи, красноватая ягода которой похожа на виноградъ. Онѣ были зрѣлы и поморщились отъ мороза. Маакъ взялъ ихъ довольно значительное количество съ собою, въ Петербургъ, гдѣ сѣмена вошли, и молодыя растенія выросли очень хорошо. Въ то время, когда онъ описывалъ свое путешествіе, одинъ изъ кустовъ имѣлъ вышину уже около аршина.

Равнина, которая разстилалась неподалеку отъ хижины,

представляла свѣжій слѣдъ пожара и была покрыта кустарниками лещины (*corylus heterophylla*), почернѣвшихъ отъ дыма. На землѣ, въ обгорѣлой травѣ, лежали орѣхи, которыми весьма охотно лакомились казаки.

8 октября сани были готовы, и всѣ стали уже готовиться къ отъѣзду, какъ къ путешественникамъ подплыла лодка съ унтеръ-офицеромъ и шестью казаками. Они хотѣли ѣхать изъ Горбацы въ Маринскъ, но, по невозможности проникнуть сквозь ледъ, присоединились къ нашимъ путешественникамъ. Почти въ то же время двое китайскихъ чиновниковъ прибыли изъ Айгуни, чтобы извиниться относительно образа дѣйствія амбана съ Маакомъ. Они просили его вернуться въ Айгунь, гдѣ обѣщали доставить ему средства для дальнѣйшаго путешествія. Это предложеніе было принято тѣмъ охотнѣе, что Маакъ серьезно заболѣлъ. Но какиѣмъ способомъ можно было добраться до Айгуни?—не оставалось никакого другого средства, какъ сѣсть въ лодки, которыя сперва слѣдовало починить и нагрузить, на что потребовался цѣлый день.

Амуръ шумно перекатывался со своими льдинами, которыя съ грохотомъ ударялись о слабыя лодки. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ показалась течь, почему путешествіе стало опаснымъ. Такимъ образомъ, прошло девятое октября. Вечеромъ остановились у Миаты, и на другой день продолжали плаваніе. Такъ какъ до вечера не было возможности достигнуть Айгуни, то, по предложенію манджурскаго проводника, остановились ночевать въ деревнѣ, на правомъ берегу Амура. При проѣздѣ мимо истока Сея, опасность увеличилась, потому что обширный слой льда, набравшись на мели, закрывалъ проѣздъ. Между льдинами оставалась открытою лишь узкая полоса, въ которой вода съ маленькими льдинами протекала со страшною быстротою. Въ лодкахъ показалась течь, но морозъ былъ до того силенъ, что вода, проникнувшая въ лодку, тотчасъ же замерзала, и, такимъ образомъ, отверстія закрылись сами собою. Во многихъ мѣстахъ приходилось рубить ледъ топорами, даже въ виду

Айгуни, гдѣ на берегу собралось множество любопытныхъ, поджидавшихъ чужестранцевъ. Такимъ образомъ, лишь 11 сентября они могли выйти на берегъ. Маакъ былъ очень боленъ, такъ что не могъ лично явиться къ амабану, и потому послалъ къ нему Сондтагена. Путешественникамъ отвели только одинъ домъ, причемъ сообщили имъ, что въ Цицикаръ (внутри Манджурина, у Нони, притока Сунгари) послали къ губернатору за дозволеніемъ на путешествіе сухимъ путемъ въ Цурухайтуй.

Фуза или фанза, манджурскій домъ, который заняли путешественники, находился въ южной части укрѣпленія и состоялъ изъ двухъ комнатъ, раздѣленныхъ переходомъ. Очень большое окно было закрыто въ ней бумагою. Комнату окружала большая печь, служившая въ одно время диваномъ и постелью. На стѣнахъ была развѣшена разноцвѣтная бумага, съ китайскими и манджурскими письменами и изображеніемъ побѣды манджуровъ. Воздухъ проходилъ въ комнату безпрерывно, потому что бумага не представляла ему никакого сопротивленія. Хотя печь сильно топили, но путешественники, особенно тяжело больной Маакъ, очень мерзли. Такимъ образомъ, домъ оказался весьма неудобнымъ, тѣмъ болѣе, что въ немъ путешественники безпрерывно подвергались маленькимъ мученіямъ отъ манджуровъ, которымъ хотѣлось все видѣть и изслѣдовать. Передъ жилищемъ стояли часовые, которые были, однако, столь же любопытны, какъ и ихъ земляки. Когда, поздно вечеромъ, они замѣчали въ комнатѣ свѣтъ, то, несколько не стѣсняясь, прорывали пальцемъ дырку въ оконной бумагѣ и глядѣли на путешественниковъ. Пребываніе Маака въ Айгуни продолжалось съ 11 октября до 12 ноября. Черезъ нѣсколько дней по прибытіи путешественниковъ, къ нимъ пришелъ амабанъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ чиновниковъ, которые почтительно стали у дверей. Губернаторъ сѣлъ на подушки, положенныя двумя мальчиками на печь. Амабанъ, худощавый и уже въ лѣтахъ мужчина, былъ одѣтъ въ черномъ. Черты его лица внушали

почтеніе, были выразительны и довольно тонки. Послѣ нѣсколькихъ учтивостей, при чемъ онъ справился о здоровьи Маака, амабанъ приказалъ принести подарки, назначенные для послѣдняго и состоявшіе изъ свиньи и бутылки хорошаго вина, которое пришлось больному Мааку весьма по вкусу. Затѣмъ амабанъ извинился, что у дверей поставлена стража, и замѣтить, что этимъ исполняется лишь законное предписаніе. Если путешественники нуждаются въ свѣтлыхъ припасахъ, то имъ слѣдуетъ обратиться къ манджурскимъ чиновникамъ, которымъ поручено снабжать ихъ всѣмъ необходимымъ. Что касается болѣзни Маака, то для излеченія ея онъ ему прислать ламу, весьма искуснаго въ медицинѣ.

Два чиновника, прикомандированные къ Мааку, назывались *Итгонгонъ* и *Огджингбо*, которыхъ коротко звали *Илоэ* и *Олоэ*. Дѣло въ томъ, что, по манджурскимъ обычаямъ, имена сокращаются особеннымъ образомъ, именно—помѣщеніемъ начальной буквы къ слову *лоэ*, которое значить господинъ. Непомѣрная бдительность этихъ чиновниковъ помѣшала собрать точныя свѣдѣнія объ Айгуни; тѣмъ не менѣе, топографу Сондгагену удалось составить планъ города. Устройство крѣпости совершенно ясно доказываетъ, что крѣпостное искусство находится у китайцевъ еще въ дѣтствѣ. Каждая сторона четырехугольнаго укрѣпленія состоитъ изъ двухъ рядовъ палисадъ, промежутки между которыми наполнены землею. За ними находятся судебныя палаты, домъ амабана и нѣсколько храмовъ.

19 октября выпалъ первый снѣгъ, который вскорѣ растаялъ, но 26 числа того же мѣсяца земля покрылась толстымъ слоемъ снѣга. На другой день изъ Цицикара прибылъ весьма неблагоприятный отвѣтъ. Губернаторъ этого города сообщить, что не имѣетъ права дозволить Мааку путешествовать и долженъ объ этомъ случаѣ съестись съ Пекиномъ. Хотя, въ слѣдствіе этого, путешественники должны были еще потерпѣть недѣлю, но въ это время ихъ обрадовало весьма пріятное посѣщеніе земляка. Казачій овищеръ Сухотинъ ѣхалъ курье-

ромъ изъ Маріинска въ Иркутскъ, и уже за нѣсколько дней прибылъ въ Айгунь. Манджуры съ наѣзженіемъ скрывали его прибытіе, и Маакъ узналъ о немъ совершенно случайно. При посѣщеніи этого офицера, онъ имѣлъ случай познакомиться съ частью города, хотя чиновники старались помѣшать ему въ этомъ, вода, разными окольными путями, по самымъ пустымъ улицамъ. Вдоль рѣки проходить широкая, длинная улица, въ которую открываются многія малыя. Дома не представляютъ ничего примѣчательнаго, потому что, какъ и въ другихъ китайскихъ городахъ, вымазаны глиной. Въ нихъ находятся лавки. Надъ лавками помѣщены выѣски съ манджурскими и китайскими надписями, или висятъ цыновки, оклеенныя бумажными драконами и странными фигурами, которыя придаютъ улицѣ весьма оригинальный видъ. Поперекъ улицы, на веревкахъ висятъ фонари. Противъ всякаго ожиданія, городъ былъ довольно безжизненъ. Торговцы, въ широкой одеждѣ, серьезно стояли передъ своими лавками и курили трубки, въ ожиданіи покупателей. Въ нѣкоторыхъ лавкахъ находились покупательницы, которыя, однако, прятались при приближеніи европейцевъ. Сколько Маакъ успѣлъ замѣтить, онѣ имѣли правильныя черты лица и были довольно красивы. Особенно хороши были у нихъ прически, украшенныя искусственными цвѣтами. Онѣ носили туфли, вышитыя по-китайски. Чѣмъ дальше путешественники проникали въ городъ, тѣмъ больше увеличивалась вокругъ нихъ толпа любопытныхъ. Наконецъ, они достигли дома Сухотина, у котораго стояло много повозокъ, нагруженныхъ бочками съ масломъ. Это масло получается изъ растенія, называемаго по-китайски су-цзю, по-манжурски ма-ланго, а въ ботаникѣ *perilla esculoides*.

12 ноября прибыло, наконецъ, изъ Пекина приказаніе, чтобы путешественники перезимовали въ Айгуни и поплыли вверхъ по рѣкѣ, когда сойдетъ съ нея ледъ. Но такъ какъ амабанъ убѣдился, что Маакъ рѣшился ѣхать во что бы то ни стало, то онъ взялъ на себя отвѣтственность за поступокъ

противъ императорскаго приказанія, и доставилъ путешественникамъ все, что было нужно для странствованія. При наступленіи дня отъѣзда, дворъ Маака былъ переволненъ всевозможными вѣщями. Путешествіе до Усть-Стрѣлки должно было продолжаться, по крайней мѣрѣ, шесть недѣль, а въ экспедиціи принимали участіе 21 человекъ; поэтому надобно было взять съ собою достаточное количество припасовъ. Во время пребыванія въ Айгуни, Маакъ и его спутники получали сибирскіе припасы бесплатно. Кромѣ того, амабанъ прислалъ на прощаніе мяса, водки и пирамидальное пироженое. Къ санямъ припрягли 17 лошадей, и 12 ноября отправились въ путь.

Такъ какъ странствованіе по Манджуріи положительно запрещено, то должно было ѣхать вверхъ по Амуру. Довольно скоро и безъ всякихъ приключеній достигли до станицы Улусу-Медонгъ, гдѣ Амуръ изгибается змѣєю. Оттого здѣсь можно достигнуть сухимъ путемъ въ два часа точки, до которой вдоль рѣки приходится путешествовать цѣлый день. 23 октября добрались до устья Комара, впадающаго въ Амуръ съ правой стороны. Мѣстность здѣсь пустынная. Морозъ, между тѣмъ, увеличивался и достигъ до — 25°. При сильномъ сѣверномъ вѣтрѣ такой морозъ весьма затрудняетъ путешествіе. Всѣ шли пѣшкомъ и нѣсколько разъ въ день останавливались. 24 ноября перешли черезъ Цаганскія горы при чемъ трудности еще увеличились. Повсюду лежалъ глубокій снѣгъ, въ который лошади погружались по грудь. Несчастнымъ животнымъ перенесли страшныя страданія и очень медленно тащили весьма тяжело нагруженные сани. Они переносили все терпѣливо, сколько могли, а затѣмъ падали мертвыми. Между тѣмъ, сибирскіе припасы истощались и, наконецъ, у путешественниковъ оставалось лишь немного проса и конины. Маакъ, замѣтивъ, что его казаки день-отъ-дня становятся слабѣе, рѣшился измѣнить свой маршрутъ. 8 декабря достигли маньчжурской деревни Койкукана, расположенной въ 185 верстахъ отъ Цаганскихъ горъ, на берегу рѣки того

же имени. Тутъ онъ остался съ поклажею и двумя казаками, въ ожиданіи помощи изъ Усть-Стрѣлки. Всѣ же остальные участники экспедиціи отправились, подѣ руководительствомъ Сондгагена, съ легко нагруженными лошадьми, прямо къ означенному мѣсту. Имъ осталось ѣхать до Усть-Стрѣлки еще 225 верстъ, и они благополучно прибыли туда въ 10 дней.

Маакъ двѣ недѣли пробылъ одинъ въ деревнѣ Койкуканѣ, состоящей лишь изъ девяти юртъ, и имѣлъ тутъ случай озна-

Дѣти мангровъ.

комиться съ зимнею жизнью мангровъ. Наконецъ, 22 декабря, прибыли три казака съ собственными припасами и одиннадцатью лошадьми, а 30 декабря Маакъ благополучно добрался до Усть-Стрѣлки.

Послѣ большого научнаго путешествія Маака и Радде, русскіе не прекращали изслѣдованія Амурской области и прилегающихъ къ ней странъ. Въ этомъ отношеніи мы осо-

бенно много обязаны пріутковому отдѣленію географическаго общества. Китайское правительство, сознающее перевѣсъ Россіи, теперь гораздо стонорчивѣе, чѣмъ прежде. Такимъ образомъ, Маакъ не могъ пройти изъ Айгуни въ Цурухайтуй по Манджуріи, а въ 1865 году князь Петръ Алексѣевичъ Краноткинъ прошелъ это пространство отъ Цурухайтуя до китайскаго города Мергеса, а оттуда отправился въ Благонѣщенскъ. Тотъ же отважный путешественникъ, который удостоился за свои изысканія золотой медали русскаго географическаго общества, проплылъ Сунгари, вверхъ по теченію, до Гирина, между тѣмъ какъ Максимовичу удалось проплыть лишь до окрестности Санъ-Сина, а французскому миссіонеру Франкле — внизъ по этой рѣкѣ.

Лодка голдовъ на Зунгары.

XIII.

Зунгары.

Зунгары. — Важное значеніе ея для Китая. — Погораничная область. — Путешествіе Мавоммонгча до Сань-Сина. — Миссіонеръ Франкис (Franket). — Область Великой Стѣны. — Геринь. — Плаваніе по Зунгары. — Пребываніе въ Сань-Синѣ. — Удаленное изслѣдованіе. — Голды. — Плаваніе по Амуру. — Деревня голдовъ. — Селенъ-идрамъ. — Разсказъ о тиграхъ.

Главная рѣка Манчжурій, Зунгары, образуется сліяніемъ шести маленькихъ потоковъ, текущихъ по сѣверо-западной покатости Шан-Алиньскаго хребта. Горы эти, поднимающіяся на 12,000 футовъ, составляютъ границу Кореи и Манчжурій и богаты лѣсами и озерами. Названіе ихъ, означающее „Бѣлыя Горы“, указываетъ на большое количество находящагося на нихъ снѣга, чѣмъ, въ свою очередь, объясняется обиліе льда Зунгары. Протекая 65 миль въ сѣверо-западномъ направленіи, Зунгары принимаетъ въ себя текущую къ сѣвера Нюни, послѣ чего внезапно измѣняетъ теченіе и катитъ мутныя волны свои къ Амуру, ужь въ сѣверо-вос-

точномъ направленіи. Она получила свое названіе отъ мутной, молочнаго цвѣта воды, потому что по-маньчжурски Зунгари — значитъ Молочная рѣка.

Для китайцевъ Зунгари имѣетъ большую важность, такъ какъ они развозятъ по ней свои произведенія и различные товары амурскимъ народамъ. Ежегодно по ней спускается большое число тяжело нагруженныхъ барокъ, снабжающихъ береговыхъ жителей бумажными товарами, табакомъ, водкой, просомъ, браслетами, серьгами и т. д., и берущихъ въ замѣнъ того, мѣха и сушеную рыбу. Маньчжурскіе сборщики податей отправляются за податью къ голдамъ также по Зунгари, и когда китайскій императоръ Ханъ-си вытѣснилъ русскихъ съ Амура, то гордый флотъ его тоже танулся по Зунгари, устье котораго имѣетъ для китайцевъ большое стратегическое значеніе.

Послѣ этого неудивительно, что маньчжуры считаютъ главною рѣкою Зунгари, а Амуръ только его притокомъ. Мнѣніе это, однако, ошибочно, такъ какъ отъ начала Аргуня, до соединенія своего съ Зунгарю, Амуръ протекаетъ 410 миль, тогда какъ вся длина Зунгари равняется 165 милямъ.

Возлѣ самаго устья ся стоитъ маньчжурская деревня Джан-гджунъ, деревянныя домики которой обмазаны снаружки глиною. Устройство этихъ жилищъ слѣдующее. Для входа сдѣлана большая дверь, заклеенныя же бумагой окна пропускаютъ сквозь себя слабый свѣтъ; лѣтомъ окна закрываются одѣлами цыновками. Вокругъ всей комнаты идетъ глиняная печь, служащая екамъей и кроватью; въ стѣнахъ сдѣланы углубленія для чашекъ, сундуковъ и разной другой мелочи. Въ подобномъ же домикѣ живетъ и комендантъ, на котораго возложена обязанность наблюденія за устьемъ. Малакъ засталъ его, во время своего посѣщенія, занимающимся календаремъ, состоявшимъ изъ деревяннаго лука, концы котораго соединялись шнуркомъ. На шнурѣ было тридцать деревянныхъ бусинъ, напизанныхъ на него для того, чтобы каждый день одна изъ нихъ могла быть передвинута на противополож-

ный конецъ лука. По стѣнамъ висѣло платье и оружіе. Посреди комнаты, въ полу, находилась, въ толстомъ слое глины, яма, съ горячими угольями, на которыхъ кипятятъ воду и закигаютъ трубки. На дворѣ, предъ домомъ, бѣгали свиньи, собаки, кошки и куры.

Такое жилище манджурскаго чербера, охраняющаго входъ рѣки, образующей естественный путь къ сердцу Небесной Имперіи. Хотя, по второму пункту айгунскаго договора, обѣимъ сторонамъ дозволяется международная торговля по Зунгари, но китайцы, подъ разными предлогами, стараются удалять отсюда русскихъ. На ботаника Максимовича даже явно напали, когда онъ хотѣлъ ѣхать далѣе по рѣкѣ. Французскій мисіонеръ Франкле былъ первый европеецъ, проѣхавшій по всему теченію рѣки; успѣхомъ этимъ онъ обязанъ мужественному сопротивленію своему всѣмъ притѣсненіямъ и возраженіямъ китайцевъ. Мы передаемъ здѣсь, оба, чрезвычайно интересные, разсказы.

Съ открытымъ листомъ, выданнымъ мѣстными властями города Благовѣщенска, Максимовичъ хотѣлъ побывать у источника Зунгари въ Амуръ и, сопровождаемый казаками, отправился въ лодкѣ вверхъ по рѣкѣ. Еще при устьѣ ея манджурскій чиновникъ, которому онъ показалъ открытый листъ, безъ всякой причины запретилъ ему продолжать путь, и когда Максимовичъ, ссылаясь на айгунскій договоръ, отчалить отъ берега, то хотѣлъ стрѣлять въ него. Хотя всѣтаки, Максимовичу удалось увернуться отъ такого негостепріимнаго господина, но по дорогѣ онъ узналъ отъ живущихъ по берегамъ гольдовъ, что по всѣмъ селеніямъ разосланъ указъ, повелѣвавшій схватить его, вмѣстѣ съ казаками, и препроводить въ Санъ-Синъ; однако, встрѣтивъ дружелюбный пріемъ со стороны расположенныхъ къ русскимъ гольдовъ, онъ безъ дальнѣйшихъ препятствій проѣхалъ слишкомъ 250 верстъ. Такимъ образомъ достигъ онъ Санъ-Сина, гдѣ начинается уже необыкновенно густое манджурско-китайское населеніе, такъ

что, съ лѣваго, почти безлюднаго, берега, глазъ разомъ окидывають селеній восемь, помѣщающихся на правомъ; здѣсь-то именно Китайскіе мужики въ первый разъ пытались-было схватить Максимовича; но, увидѣвъ въ его лодкѣ оружіе, убѣжили. На другой день Максимовичъ поднялся къ большому селенію Чадо. Казаки тянули лодку бичевою вдоль берега, какъ вдругъ на нихъ напала толпа мужиковъ, вооруженныхъ цѣпами, и заставила ихъ возвратиться назадъ. Раздосадованный неудачною попыткою, Максимовичъ 12-го августа опять долженъ былъ возвратиться къ устью Зунгари.

При подобныхъ обстоятельствахъ, онъ, разумеется, узналъ весьма немного о состояніи страны. Берега представляютъ обширную, чрезвычайно однообразную равнину, на которой, лишь въ далекое другъ отъ друга разстояніе, видѣются невысокія цѣпи горъ; одна изъ нихъ доходитъ до рѣки. Здѣсь Максимовичъ встрѣтилъ, малоизвѣстный, китайскій огурецъ и лѣсной абрикосъ превосходнаго вкуса, стволъ котораго имѣлъ футъ въ объемѣ. За исключеніемъ этого гористаго мѣста, все пространство состоитъ изъ лугообразныхъ низменностей, поросшихъ нивякомъ, или изъ степей, съ такою же растительностью, какую мы видѣли на амурскихъ степяхъ.

Какъ мы замѣтили уже выше, Франкле, французскій мисіонеръ, поселившійся въ Китаѣ, былъ счастливѣе Максимовича, и если его разсказъ приносить не много пользы естественнѣднію, то онъ все-таки богатъ свѣдѣніями о народахъ, живущихъ по берегамъ Зунгари. Франкле выѣхалъ изъ залива Ляо-тонгъ, составляющаго сѣверную часть залива Печили. Отправился онъ въ дорогу около Пасхи, въ 1861 году, и, во время всего переезда до Николаевска, придерживался сѣверо-восточнаго направленія. Прежде всего посетилъ онъ большой городъ Муцзень, куда прибылъ въ одно время съ корейскимъ посольствомъ, состоявшимъ изъ трехъ высшихъ сановниковъ и множества тѣлохранителей и купцовъ, числомъ около 200 человекъ. Отъ высшихъ членовъ посольства, одѣтыхъ въ бѣлое, съ перваго взгляда можно было отли-

чить писнихъ, по платью тѣльнаго цвѣта. Последніе были обуты въ сандалии и шли пѣшкомъ, тогда какъ на первыхъ были одѣты красивыя, остроконечныя башмачки, и они являлись то на лошади, то въ экипажѣ, то въ носилкахъ. Ихъ маленькихъ, дворянскихъ лошадакъ вели надъ уады конюхи; въ носилкахъ сидѣли одни мандарины, передъ которыми шли герольды. Корейцы принимали мисіонера за ересса (русскаго), однако онъ скоро вывелъ ихъ изъ заблужденія и много толковалъ имъ о томъ, что скоро они будутъ принуждены предоставлять католикамъ свободу вѣроисповѣданія.

По императорской дорогѣ мисіонеръ дошелъ до города Кай-Уйенъ, т. е. отъѣзжіе начала, оставилъ за собою Манджурію и направилъ путь въ Монголію. Онъ ночевалъ близъ Большой Стѣны, въ томъ мѣстѣ, гдѣ она сходится съ другою стѣною, отдѣляющей провинцію Лiao-тонгъ отъ Кореи и Манджуріи. На слѣдующій день онъ подошелъ къ воротамъ Матцзи-тай, т. е. башня большой лошади; ворота эти составляли главный входъ стѣны и, вслѣдствіе господствовавшихъ въ то время смутъ, охранялись строже обыкновеннаго. Франкле выдавалъ себя здѣсь за мандарина и думалъ пробраться незамѣченнымъ мимо сторожевыхъ постовъ, но, не смотря на то, спутниковъ его и катихизатора солдаты тотчасъ же окружили и преградили имъ дорогу; но когда онъ сослался на новѣйшіе договоры, дозволявшіе европейцамъ путешествовать по Китайской имперіи, то ихъ пропустили, не потребовавъ даже паспортовъ.

Такъ ѣхалъ Франкле нѣсколько дней, вдоль Большой Стѣны, мимо селъ, мѣстечекъ и колоній китайскихъ поселенцевъ, разбросанныхъ въ большомъ числѣ по монгольской равнинѣ. Остановился онъ въ Пакиадзе, т. е. восемь семействъ, служившемъ средоточіемъ нѣсколькимъ христіанскимъ общинамъ китайцевъ; здѣсь жили также два французскихъ мисіонера. Изъ Пакиадзе Франкле отправился въ Куан-чинг-дзе, т. е. городъ долгой весны, стоящій на лѣвомъ берегу Итона, въ трехъ четвертяхъ часа ходьбы отъ манджурской стѣны. Го-

родъ этотъ, не смотря на недавнее свое происхожденіе, наслаждается цвѣтущею торговлею и служить складочнымъ мѣстомъ для товаровъ, привозимыхъ какъ съ сѣвера, такъ и съ юга. По длиннымъ, всегда грязнымъ или пыльнымъ, хоти и широкимъ улицамъ таяется множество лавокъ, набитыхъ всевозможными товарами. Мисіонеръ остановился на постояломъ дворѣ, содержимомъ христіаниномъ, куда къ нему приходило много единовѣрцевъ.

Отсюда онъ отправился далѣе; тутъ ему опять пришлось проходить мимо Большой Стѣны для того, чтобы посѣтить маленькую христіанскую общину, при рѣкѣ Ильменѣ или Имнѣ. 29-го апрѣля прибылъ онъ въ Гирара, почитайски Чуанг-чангъ, городъ борокъ, настоящую столицу Манджуріи, окруженную горами и расположенную полукругомъ на лѣвомъ берегу Зунгари. Гиринь, какъ и всѣ татарскіе города, построенъ безъ укрѣпленій. На главныхъ улицахъ и выгуженныхъ мѣстахъ его сдѣланы деревянныя мостовыя, вокругъ домовъ, садовъ и возвышенностей таковыя же загороде; вслѣдъ рѣчки сложено множество лѣса, какъ строеваго, такъ и для топлива. Лѣсъ этотъ привозится изъ Шань-Алиньскихъ горъ, находящихся на границѣ Кореи, у мѣста источника Зунгари, и употребляется въ продолженіе зимы въ Монголіи и провинціи Ляо-тонгѣ.

Между многочисленными лавками, особенно выдаются гробовыя магазины. Окрашенные превосходнымъ краснымъ цвѣтомъ и покрытые блестящимъ лакомъ, гробы кокетливо выставляются на показъ, для приманки покупателей. На нѣкоторыхъ изъ нихъ красуются золотыя надписи, сулящія счастье и благополучіе. Дѣло въ томъ, что съ словами гробъ здѣсь не соединяють такихъ грустныхъ мыслей, какъ въ Европѣ, а всякій, еще при жизни, запасается этимъ жилищемъ вѣчнаго покоя, украшаетъ его какъ можно лучше и ставитъ у себя въ домѣ, въ саду или близъ нагоды. Покойника наряжаютъ въ драгоцѣннѣйшее его платье. Франкъ вадѣтъ

тамъ сотни нагроможденныхъ другъ на друга гробовъ, узкіе концы которыхъ обращены были къ югу.

Когда прибывшій съ завада чужестранецъ проѣхалъ по мостовой, стонущей подъ ногами всадниковъ и пѣшиходовъ, то его окружила толпа любопытныхъ и слѣдовала за нимъ на постоялый дворъ. Когда, по введенному тамъ порядку, путешественники записали свои имена, то шумность толпы достигла крайнихъ предѣловъ, такъ какъ въ Гиринѣ не видалъ христіанскаго священнослужителя со времени іезуита, прибывшаго туда съ императоромъ Кизъ-лонгомъ. Народъ прорывалъ бумажныя окна и хотѣлъ вломиться въ дверь, чтобы посмотрѣть въблизи на пришельцевъ. Для обезпеченія своего спокойствія, Франкле отнесся съ просьбою къ полиціймейстеру, приславшему отрядъ солдатъ, вооруженныхъ бичами, который долженъ былъ охранять входъ къ мисіонеру. Солдаты шутили, однако, своихъ родственниковъ, которые держали себя, впрочемъ, весьма вѣжливо. Соблюдая всѣ общественыя формальности, къ путешественнику являлись носители изъ всѣхъ классовъ. Франкле расхваливалъ имъ свою религію, а ученымъ давалъ даже духовныя книги; хотя его они и слушали, но ни въ чемъ съ нимъ не соглашались.

Мисіонеръ поручилъ своему катихизатору купить барку, за которую заплатить 50,000 сапековъ, т. е. около 230 рублей. Судно это имѣло 38 футовъ въ длину, 8 въ ширину и 4 фута глубины, и требовало починки. Этимъ временемъ онъ воспользовался для поѣздки въ вышеупомянутую христіанскую общину въ Намалзе, находившуюся мильхъ въ пятнадцать отъ настоящаго его мѣстопробыванія. По возвращенія его въ Гиринъ, никто не хотѣлъ впустить его въ свой домъ, что нѣсколько неудивительно, при дерзкомъ и грубомъ его обращеніи съ вѣжливыми китайцами. Наконецъ, онъ пріѣхалъ въ кабакъ, въ которомъ курили опиумъ; но отвратительная грязь и вонь скоро выгнали его и отсюда, такъ что онъ принужденъ былъ ночевать въ своей палаткѣ, на берегу рѣки, гдѣ провелъ нѣсколько дней, окруженный тол-

нами любопытцахъ; ученыхъ и ламъ онъ приглашалъ къ себѣ и старался обращать ихъ въ христіанство. Желая, чтобы барка его принесла плоды блаженства народамъ, живущимъ при Зунгари, онъ назвалъ ее „Радостная Вѣсть“, по-манджурски Санигъ-Гизунгъ, по-китайски Фу-ингъ, и прикрѣпилъ на мачтѣ ея большой флагъ, съ этими надписями.

Каждое утро и вечеръ зѣналься нѣтъ гимны, а по воскресеньямъ мисіонеры служили въ ней обѣдно. Съ появленіемъ попутнаго вѣтра, Франкле снялся съ якоря и поплылъ внизъ по Зунгарѣ, которая у Гиряна уже шире, нежели Сена въ Парижѣ.

Такъ прибылъ онъ въ *Зун-чунъ*, — Новогородъ, — вновь построенное мѣсто управленія и названное такъ, въ противоположность къ старому городу, *Нетуно*, лежащему на полмили разстоянія вверхъ по рѣкѣ. Вездѣ толпились народъ, чтобы поздравить на чужестранцевъ, проповѣдовавшихъ съ своей барки и по улицамъ. Въ *Зан-ча-хо*, при устьѣ Нонни, Франкле снова раскинулъ свою палатку. Здѣсь рѣка сдѣлалась глубже, вѣтеръ былъ благопріятнѣе, а потому и путешествіе на востокъ совершилось теперь быстрѣе прежняго.

По берегамъ верхняго теченія Зунгари находятся небольшое число, далеко отстоящихъ другъ отъ друга, селеній и необработанныя равнины. На правомъ берегу ея все чаще и чаще встрѣчаются китайскіе поселенцы, обдѣлывающіе земли манджурскихъ солдатъ; по лѣвому, напротивъ, кочуютъ номады, съ своими многочисленными стадами. Здѣсь чрезвычайно много зайцевъ и казановъ, ловить которыхъ весьма легко; во всѣхъ бухтахъ кипитъ необыкновенно пугливые гуси и утки; въ тростникахъ и на ивахъ водится безчисленное множество цаней, лебедей и разныхъ другихъ водяныхъ птицъ, а по крутымъ берегамъ гнѣздятся міриады ласточекъ, и такъ какъ въ этой странѣ не существуетъ домовъ, къ которымъ онѣ могли бы прикрѣплять свои гнѣзда, то онѣ выдалбливаютъ въ глинистыхъ берегахъ безчисленное множество отверстій одно возлѣ другаго, въ слѣдствіе чего берега при-

нимають видъ громаднаго улья. Вблизи такихъ жилищъ, которыя ласточки устраивають всегда въ красивѣйшихъ береговыхъ мѣстностяхъ, мисіонеръ всего охотнѣе ставилъ свою палатку. Спать онъ на оленьихъ или овечьихъ шкурахъ, и непріятны были для него только рой москитосовъ и вой волковъ, нарушавшихъ ночной покой. На его баркѣ произошло разъ пожаръ, а 19-го іюля она едва не разбилась о подводную скалу близъ Санъ-Сина.

Санъ-Синь послѣдній китайскій городъ въ этомъ сѣверо-восточномъ краю. Онъ стоитъ на правомъ берегу Зунгари, между устьями Фокена и Хурки. Манджурцы называютъ его Исламъ-хала, и неподалеку отъ новаго Санъ-Сина видны еще развалины стараго города. Названія Санъ-Синь и Исламъ-хала буквально означаютъ „три фамиліи“, и должны, вѣроятно, напоминать о трехъ, происходящихъ изъ него, знаменитыхъ манджурскихъ семействахъ. Манджурская политика всегда стремилась къ тому, чтобы склонить на свою сторону независимыя племена, занимающія полосу земли до морскаго берега. Императорская династія заключила съ ними договоры, которые дѣйствительны еще и въ настоящее время. Санъ-синскій губернаторъ обязанъ задавать пирь каждый годъ, отъ имени императора, предводителямъ и подносить имъ шелковыя платья, въ замѣнъ чего получаетъ отъ нихъ, въ видѣ дани, соболы мѣха и разнаго рода рыбу. Китайцы не смѣютъ переступить границы Санъ-Сина, но деньги и просьбы заставляютъ мандарина смотрѣть на это сквозь пальцы.

Въ Санъ-Синь ежегодно, среди лѣта, прибываютъ амурскіе народы тунгузскаго и манджурскаго племени, для промѣна охотничьей и рыболовной добычи на различную, необходимую для нихъ утварь. Китайцы даютъ этимъ народамъ свои собственныя названія, смотря по ихъ образу пошенія волосъ. Тутъ найдутся: твон-моа-тце (гольды), стригущіе волосы, юни-та-тце, носящіе платья изъ рыбьей кожи, и шан-моа-тце (тунгузы), съ нижняго Амура, отращающіе длинные волосы. Всѣ они пріѣхали на быстрыхъ, легкихъ, не-

имѣвшихъ ни одного гвоздя лодкахъ, въ то самое время, когда мисіонеръ готовился къ отъѣзду.

Вслѣдъ за тѣмъ, къ Франкле пришелъ мандаринъ, чтобы освидѣтельствоваться о цѣли его путешествія, и далъ ему 15 человѣкъ солдатъ въ видѣ охранителей, собственно же для наблюденія за нимъ; солдаты эти слѣдовали положительно по пятамъ европейцевъ, принося, впрочемъ, хоть ту пользу, что охраняли путешественниковъ отъ обкрадыванія. Мандаринъ отправлялъ въ Гиринъ гонца, чтобы узнать, какъ поступить съ безпаспортными путешественниками, и просилъ Франкле дожидаться въ Санъ-Синѣ возвращенія посланнаго. Онъ отвелъ мисіонеру обширную пагоду, на берегу рѣки, неподалеку отъ барка, превосходно защищенной отъ бури. Китайскій бонза былъ настолько предупредителенъ, что снабдилъ западныхъ жителей перцемъ, горчицей, капустой и разными подобными припасами, такъ какъ у него былъ свой огородъ, въ которомъ онъ сѣялъ, сверхъ всѣхъ овощей, большое количество маку, потребнаго, вѣроятно, для приговленія опиума. Весьма недостойнымъ образомъ воздать Франкле за это радушіе. Правое крыло пагоды, въ которомъ находилось училище и жилище бонзы, особенно кололо глаза мисіонеру. „Правое крыло“, говоритъ онъ, и было бы для насъ чрезвычайно удобно, еслибы можно было выпроводить бонзу за дверь, школьному учителю дать отпускъ, а ученикамъ каникулы. Вокругъ него царствовало благодѣтельное уединеніе; во дворѣ стоялъ великолѣпный, тѣнистый вязъ. Мы приняли это жилище, что, однако, не внушало въ насъ безпокойства, такъ какъ я еще не зналъ тогда, что пагода эта была Нанг-нанг-нано, т. е. храмъ богини, и узналъ объ этомъ лишь на другое утро, когда пытался вступить школьному учителю познаніе объ истинномъ Богѣ. Когда я съ бонзой посѣтилъ этихъ „чужаковъ“, то онъ непремѣнно хотѣлъ познакомить меня со шѣмъ. Прежде всего указалъ онъ на главный алтарь. „Вотъ видишь, говоритъ онъ, ту старую, позолоченную женщину, сидящую на камнѣ; у ногъ ея лежить собака, на колѣняхъ кукла, а

съ каждой стороны статус-дама, — это Куан-инь-пюсса, мать доброты и милосердія“. Такъ продолжалъ онъ сообщать мнѣ имена и качества своихъ богинь; у него были божества зрѣнія, ослы, вывиховъ, барсуковъ и лисицъ. Какъ жалко было это отвратительное зрѣлище! Когда мы все осмотрѣли и выбрали удобное мѣсто для своего жилища и для церкви, мы уничтожили суетливую надпись изъ Конфуція, а вмѣсто доски, на которой она красовалась, поставили свой алтарь и каждый день служили обѣдню.“

Франкле и въ тѣлесномъ и въ духовномъ отношеніяхъ отлично было уже устроился въ нагодѣ, какъ вдругъ, въ слѣдствіе проливнаго дожда, произошло странное наводненіе: ручьи и рѣки вышли изъ береговъ и произвели ужасныя опустошенія. „И наше „сатанинское“ жилище не избѣгло общей участи; когда начала подниматься вода, — почетная стража наша дала тягу и отправилась помогать городскимъ жителямъ, спасавшимся на возвышенныя мѣста. Мы, во всякомъ случаѣ, имѣли надежное убѣжище въ барѣ, и потому все еще оставались подъ гостепріимнымъ кровомъ китайскаго лица, защищавшаго насъ противъ дожда и бури. Наконецъ, и сюда не замедлили налетѣть яростныя волны. Онѣ хлынули въ двери и окна, и мы принуждены были перебраться въ верхнюю часть нагоды, къ богинямъ, гдѣ, для спасенія отъ комаровъ, зажгли огонь и просидѣли цѣлую ночь. Я не нашелъ тамъ ни одного камня, на который можно было бы положить голову, и потому возбрался на алтарь, разостлалъ на немъ оленью шкуру и преспокойно уснулъ, подъ надзоромъ этихъ „грозныхъ божествъ“. Я просыпался нѣсколько разъ и именно въ то время, когда обрушилась стѣна и башня. Мало-по-малу вода покрывала уже подножія глиняныхъ идоловъ, которые, наконецъ, и сами исчезли въ волнахъ. Теперь настало время перейти на барку и возвратиться на ближайшій пригорокъ, на которомъ собралось ужъ довольно много народу.“

Франкле воспользовался общимъ замѣнательствомъ для продолженія своего пути и ниспало не заботился о ман-

даринѣ, у котораго теперь были полныя руки дѣла. Барка его, Саннь-Гизунъ, быстро неслась по широко разлившейся Зунгари. Окрестности этого мѣста были заселены гуще, нежели въ верхней части рѣки. Мисіонеръ прибылъ и въ тѣ мѣстности, которыя два года тому назадъ постигъ Максимовичъ. Тамъ и сямъ видѣлись села и деревни, образующія рядъ этаповъ, по большой дорогѣ, и сторожевые посты, обязанные препятствовать сношеніямъ китайцевъ съ дикими племенами. Обѣ стороны не смѣютъ переступить проведенной черезъ рѣку границы, которую, не смотря на это запрещеніе, Франкле переплылъ безпрепятственно миль на 12 ниже Санъ-Сина.

Здѣсь онъ вступалъ въ область гольцовъ, которыхъ называютъ юнсами, или рыбьими кожами, и которые принимали путешественника чрезвычайно дружелюбно. Добродушные люди эти обращались съ нимъ очень ласково. Увидѣвъ еще издали барку европейцевъ, они съ берестяной ладьи своей кричали имъ „Айа айа!“ добрый день! становились на колѣни, и когда странники выходили на берегъ, имъ приносили рыбу, валеную дичину, дикихъ гусей, превосходные шампиньоны и грибы, вообще все, что добывалось на охотѣ, не требуя даже платы за принесенныя вещи и надѣясь получить въ вознагражденіе разнѣ только небольшое количество табаку, къ которому они пристрастны еще болѣе китайцевъ. Одинъ за маленькій кусокъ какой-то матеріи отдать платье, сдѣланное изъ кожи карповъ. Путешественники были бы совершенно довольны, еслибъ ихъ не мучили слѣпня, мухи, жигалки и т.п. Чтобы хоть сколько-нибудь защититься отъ нихъ, путешественники надѣвали на голову капюшоны, съ отверстіями для глазъ, носа и рта, а по ночамъ спали подъ окуренной сѣткой. Однако, не смотря на всѣ предосторожности, они порядкомъ страдали отъ неумолимыхъ кровососовъ.

Наконецъ, Франкле достигъ мѣста впаденія Зунгари въ Амуръ; здѣсь онъ встрѣтилъ русскихъ и, находясь въ средѣ европейской цивилизаціи, былъ чрезвычайно радъ, что опять могъ воѣсть хлѣба. Отсюда отправился онъ, по рѣкѣ внизъ,

въ Хабаровку, гдѣ ему отвели прекрасное помѣщеніе, близъ устья Усури. Однажды, когда возлѣ самаго его дома остановился пароходъ „Амуръ“, имъ овладѣла жажда ѣхать далѣе, почему онъ охотно принялъ предложеніе нѣсколькихъ русскихъ офицеровъ доѣхать съ ними до Николаевска. Онъ получилъ бесплатный проѣздъ, и къ ночи перебрался на пароходъ, первое произведеніе николаевской верфи. Машины „Амура“ сдѣланы были въ сѣверной Америкѣ, самъ же онъ былъ собственностью правительства и перевозилъ почту. Во время этого перѣзда, пароходъ былъ такъ переполненъ пассажирами, что нѣкоторымъ пришлось спать на палубѣ. Мисіонеръ занялъ койку, уступленную ему кронштадтскимъ матросомъ, тогда какъ русскій священникъ проводилъ день и ночь на палубѣ и спалъ рядомъ съ лакеемъ католическаго посла.

Перѣздъ отъ устья Усури до Николаевска совершенно былъ въ 4 дня. 30-го августа, во заходѣніи солнца, лодка находилась подъ малкомъ, поставленнымъ на выдающемся надъ рѣкой островѣ. Въ гавани стояло десять или двѣнадцать военныхъ судовъ, между которыми былъ и японскій корабль европейской постройки. Умные, дѣятельные японцы стараются перенять у другихъ народовъ все хорошее и полезное, чѣмъ и отличаются отъ высококрѣпкихъ и азиатичныхъ китайцевъ, которые никакъ не измѣняютъ разъ введенныхъ обычаевъ. Вышеупомянутое японское судно пріѣхало по порученію своего правительства и было нагружено великолѣпнѣйшими промышленными произведеніями, продававшимися, разумѣется, по весьма высокой цѣнѣ. Англичанъ и французъ не было еще и слѣда въ Николаевскѣ, тогда какъ нѣмцы начали ужъ и тутъ появляться. Франкле столкнулся тутъ съ двумя саксонцами, Моллеромъ и Гететомъ. Лѣтомъ 1861 года, городъ имѣлъ, вмѣстѣ съ гарнизономъ, 3,000 жителей.

Франкле былъ первый европеецъ, совершившій большое путешествіе поперекъ сѣверо-восточной Азіи, отъ залива Ляотонгъ до устья Амура. Никто не оспариваетъ, что онъ вы-

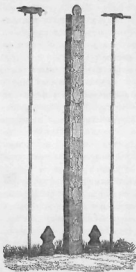
казалъ при этомъ много мужества и терпѣнія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, надобно замѣтить, что онъ не обнаружилъ также ни малѣйшаго уваженія къ чуждымъ правамъ и обычаямъ.

Гольцы, о которыхъ и Франкле, и другіе путешественники получили столь выгодное мнѣніе, живутъ по обѣимъ сторонамъ Зунгари, ниже города Санъ-Сана, по Усури, ниже Добиху, а по Амуру—до впаденія въ него Горина, откуда начинается уже область тунгузовъ. Мазы, которому мы обязаны превосходными свѣдѣніями о гольцахъ, дѣлитъ ихъ на „ходзентъ“, занимающихъ пространство до устья Усури и на „кыментъ“, простирающихся до впаденія Горина.

Близъ рукавовъ и по островамъ вышеозначенныхъ рѣкъ, разбѣяны многочисленныя селенія гольцовъ, которыя, разумѣется, состоятъ часто изъ трехъ или четырехъ, иногда же изъ двѣнадцати и двадцати пяти юртъ. Всѣ селенія расположены на лучшихъ и удобнѣйшихъ пунктахъ, и въ этомъ отношеніи могутъ служить образцами для будущихъ русскихъ колоній. Гдѣ горная цѣпь прерывается обширной долиной съ журчащими потоками, или гдѣ равнина хорошо защищена горами, тамъ, навѣрное, найдъ уступами или террасами, прѣчется гольдская деревушка. Лѣтнія жилища ставятся, напротивъ, на песчаныхъ или каменистыхъ прибрежьяхъ. Перилы обмазаны глиной;—вторымъ построены изъ березовой коры, и вообще всѣ селенія гольцовъ, до мельчайшихъ подробностей, такъ похожи одно на другое, какъ два яйца. Деревьямъ этихъ обыкновенно предшествуетъ длинный рядъ кольевъ, соединенныхъ перекладинами, на которыхъ сушится зимній запасъ рыбы. Породы рыбъ здѣсь тѣ же, которыя были упомянуты при описаніи рыбной ловли гыляковъ, а именно: лосось, называемый китою-горбушкою, и да еще болѣе рѣдкій осетръ. Зимой сушеная рыба и ишшо составляютъ единственную пищу гольцовъ; тѣмъ же самымъ занимаются и говаяки порціи русскихъ солдатъ, на сторожевыхъ постахъ.

Лѣтнія юрты ставятся всегда на возвышенностяхъ, неподалеку отъ берега, и на зиму переносятся иногда на другое,

болѣе удобное для рыбной ловли мѣсто. На возвышенностяхъ за лѣтними юртами стоятъ постоянно жилища жилища, построенныя изъ глины, перемѣшанной съ сухою травою. Эти домики ничѣмъ не отличаются отъ описанныхъ нами даурскихъ и манджурскихъ хижинокъ: тѣ же большія окна, заклеенныя бумагой, вокругъ стѣнъ тѣ же нары, покрытыя соломёнными циновками и отопляемые снизу посредствомъ канала; наконецъ, возлѣ наръ тѣ же три или четыре углубленія для угольевъ, смотря по количеству семействъ, живущихъ въ юртѣ. Всѣ гольды, мужчины и женщины, не исключая даже дѣтей, страстные курильщики, которые не могутъ существовать безъ табаку, а потому за каждой гольдской деревенькой вы встрѣтите огороды, главное украшеніе которыхъ составляютъ длинныя, зеленые листья манджурскаго табаку. Описаніе гольдскаго селенія довершаютъ стаи дикихъ, кусающихся собакъ, нѣсколько старцевъ, женщинъ и дѣтей, оставшихся дома для хозяйства, въ то время какъ остальные отправились на рыбную ловлю, да притянутыя къ берегу лодки.

Столбы-идолы.

Въ гольдскихъ деревушкахъ встрѣчаются изрѣдка чрезвычайно дурныя китайскія картины, купленныя дорогою цѣною двухъ или трехъ собольихъ шкуръ. Ближе къ берегу, передъ жилищами, стоятъ столбы-идолы. Столбы, представ-

ные на нашей картинкѣ, Маакъ встрѣтилъ въ гольдскомъ селеніи Сильви, ниже Зунгари. Вершина среднего столба представляетъ человѣческую голову, глаза, носъ и ротъ которой были обозначены грубыми надрѣзами, а на самомъ столбѣ, сверху до низу, находятся столь же грубыя изображенія слѣдующихъ предметовъ: человѣкъ, два лягушкоподобныя животныя, опять человѣкъ, два четвероногія, животное, похожее на черепаху, и опять человѣкъ. Съ каждой стороны столба, лежало по обрубку, долженствовавшему изображать человѣческую голову, а направо и налево отъ послѣднихъ было два шеста, на одномъ изъ которыхъ красовалась птица, на другомъ какое-то четвероногое животное. Гольды часто-держатъ свиней, которыхъ не встрѣтишь у другихъ тунгузскихъ племенъ; но мясо этихъ животныхъ, отяжеляемыхъ почти исключительно одною рыбой, принимаетъ отвратительный вкусъ и положительно негодно для европейца. Кошки, вывезенныя изъ Мандчуріи, они держатъ въ домахъ, и для того, чтобы торговля ими оставалась исключительно въ ихъ рукахъ, мандчурцы холостятъ всѣхъ проданныхъ гольдамъ котятъ.

Тигръ, встрѣчающійся всего чаще между Ануромъ, Зунгари и Усури, страшный врагъ гольдовъ, и они чрезвычайно гордятся, если имъ удастся убить подобнаго звѣря. Убитаго хищника вѣшаютъ на стѣнѣ хижины, и все семейство кланяется ему и иронически называютъ его „господиномъ“. Гольды болѣею частью не рѣшаются приблизиться къ этому „господину звѣрю“, котораго называютъ *марс*. Нордманнъ рассказываетъ, что въ зиму 1857 года у бѣдныхъ гольдовъ одной деревушки, лежащей при устьѣ Усури, тигръ перекусилъ всѣхъ упряжныхъ собакъ, повадившись посѣщать селеніе каждую ночь. Наконецъ, они рѣшились принести ему въ жертву собственныхъ дѣтей своихъ, но, къ счастью, нѣсколько казаковъ убили его совершенно случайно.

На Берейскомъ хребтѣ, русскіе нерѣдко убивали тигровъ, не подозревая даже, какого именно убиваютъ звѣря. Такъ,

осеню 1860 года, общества, состоявшее из трех казаков, отправилось по кровавымъ слѣдамъ тигра, утащившаго въ лѣсъ задранныю имъ лошадь. Казаки застали тигра за трапезой; онъ только злобно посмотрѣлъ на нихъ, но не оставилъ своего занятія. Одинъ изъ казаковъ положилъ длинное ружье свое на вилы, но ружье нѣсколько разъ дало осѣчку. Тигръ все еще не трогался съ мѣста, и выражалъ свое неудовольствіе ужасными ревомъ. Тогда другой изъ смѣльчаковъ, вооруженъ топоромъ, рѣшился идти на тигра; но когда онъ подошелъ къ нему и замахнулся оружіемъ, тигръ мигомъ схватилъ его, повалилъ на землю и прдержалъ передвѣй лапой. Одинъ изъ оставшихся казаковъ послѣпнно бросился спасать своего товарища, но подвергся той же участи. И вотъ оба товарища, лежа на землѣ, зывали о помощи къ третьему, а тигръ вторилъ ихъ мольбамъ сильными басомъ. Наконецъ, только третьему изъ нихъ удалось высвободить своихъ товарищей изъ-подъ когтей тигра; онъ прокололъ его штыкомъ. Этотъ случай переданъ Нордманномъ въ записки московскаго общества естественнытателей.

Что касается до голыдовъ и отношенія ихъ къ сосѣднимъ народамъ, то можно сказать, что они отличаются отъ манджурцевъ болѣе смуглой кожей и сильнѣе выдающимися скулами, да, кромѣ того, еще необыкновеннымъ пристрастіемъ къ разнаго рода побрякушкамъ. Даже мужчины продавають въ уши огромныя мѣдныя кольца съ привѣсками изъ пестрыхъ камешковъ. Женщины носятъ подобныя же кольца въ ушахъ, а маленькія дѣвочки въ носу. Въ остальномъ голыды совершенно похожи на манджурцевъ; подобно имъ брѣютъ лобъ, заплетають длинныя косы и носятъ такое же платье.

Кроткій, миролюбивый взглядъ, чрезвычайно бѣдная одежда и небольшіе усы мужчинъ, смѣлая, улыбающаяся лица дѣтей, застѣчивость и всхлиывающій тонъ рѣчи женщинъ вполне характеризуютъ это племя.

Жилище гильковъ.

XIV.

Усури.

Усури. — Путешествіе де-ла-Вришера. — Санъ-Синъ. — Сухой путь къ Усури. — Китайцы и голландцы. — Выкупленіе духовъ. — Путешествіе Вено (Venault). — Мирный договоръ съ гильскими убійцами. — Бенковскъ плыветъ вверхъ по Усури. — Дамонговы плантаціи. — Золотоносатели. — Переходъ черезъ береговую хребетъ. — Колонизація по Усури. — Манджурская береговая полоса. — Горный хребетъ Шимона. — Алина. — Залія Кистрина и Александровскі. — Нарраута. — Орочи. — Залія Оюта. — Залія Викторія. — Городъ Хунъ-Чунъ.

Послѣ Зунгари, Усури значительнѣйшій притокъ Амура, впадающій въ него съ юга. Источники его находятся подъ 44° с. ш. Верховье рѣки, Зандугу, имѣетъ необыкновенно быстрое теченіе и съ обѣихъ сторонъ зацемено горами. Большую часть водъ своихъ Усури беретъ изъ озера Кингки, лежащаго между 44°36' и 45° с. ш. Озеро это, окруженное

съ сѣвера трасинами, образуетъ въ то же время самую южную границу распространѣнія гольцовъ. Первыми свидѣніями объ Усури мы обязаны католическимъ мисіонерамъ, изъ провинціи Лiao-тонгъ; они проѣхали по этой рѣкѣ до устья Амура, желая обратить въ христіанство живущихъ тамъ гиляковъ. Первый изъ нихъ, благочестивый и кроткій патеръ де-ла-Брюньеръ, поплатился за эту попытку жизнью; но отираившійся, спустя нѣсколько времени послѣ него, Веню, благополучно совершилъ свое путешествіе, и разъяснилъ участь погибшаго собрата. Сообщаемыя здѣсь нами, въ высшей степени интересныя, путевыя замѣтки, даютъ ясное понятіе о состояніи низне-амурскихъ странъ до прібытія туда русскихъ.

Уже извѣстный намъ, по рассказамъ Франкла, мисіонеръ де-ла-Брюньеръ отпраивался изъ Накиадзе въ путь, 16 іюля 1846 г., взявъ съ собою, въ качествѣ проводниковъ, двухъ новообращенныхъ монголовъ. Прежде всего прибылъ онъ въ недавно построенный городъ А-ше-хо. Онъ наполненъ почти исключительно одними китайцами, поселившимися здѣсь въ числѣ 60,000, и стоитъ въ 40 миляхъ на сѣверъ отъ Гирина и въ 25 миляхъ на западъ отъ Зунгари. Здѣсь онъ нашелъ радушный пріемъ у знакомаго одного изъ своихъ проводниковъ, котораго онъ тщетно старался обратить въ христіанскую вѣру. Честный китаецъ предупреждалъ его, чтобы онъ остерегался манджурскихъ тигровъ и медвѣдей, которые, при малѣйшей близости, могутъ его растерзать. Проводники трусили, но мисіонеръ утѣшалъ ихъ, говоря, что мясо европейцевъ имѣетъ особенный запахъ, въ слѣдствіе чего ни одинъ тигръ не отважится тронуть его. За А-ше-хо, по дорогѣ къ Санъ-Сину, также извѣстному намъ изъ описаній Франкла, путешественникъ долженъ былъ проходить пустыни, мало населенныя мѣстности, которыя, не смотря на отсутствіе тигровъ и медвѣдей, превратились для мисіонера и его проводниковъ въ источникъ адекихъ мученій, въ слѣдствіе безчисленнаго множества комаровъ, слѣпней и жига-

докъ. Три путника вооружились конскими хвостами, для отмахиванія своихъ мучителей, но этимъ средствомъ только еще болѣе возбуждали ихъ кровожадность, и де-ла-Брюньеръ увидѣлъ, что всякій разъ, какъ онъ подносилъ руку къ лицу, давилъ отъ десяти до двадцати этихъ маленькихъ чудовищъ. Двѣ несчастныя лошади, навьюченные багажемъ, не могли идти далѣе; покрытыя кровью, онѣ бросились въ траву и отказывались даже отъ принятія пищи. Не оставалось ничего болѣе дѣлать какъ днемъ отдыхать, а ночью путешествовать, хотя комары и тогда не лѣнились исполнять свою работу. Люди, знакомые съ этою мѣстностью, не отваживаются проходить чрезъ нее безъ маски. Мученія эти еще болѣе увеличиваются вблизи рѣкъ и болотъ, особенно въ окрестностяхъ Сань-Сина, гдѣ на путника нападаютъ самые густые рои. Въ домахъ, въ этомъ отношеніи, царствуетъ нѣкотораго рода безопасность, потому что ихъ окуриваютъ лошадинымъ и коровинымъ навозомъ; впрочемъ, комары и осы никогда совершенно не исчезаютъ до сентября.

Вечеромъ, 4 августа, путники увидѣли Сань-Синь съ его деревянными домами и заборами. Описаніе города, сдѣланное де-ла-Брюньеромъ, совершенно согласно съ описаніемъ Франкля, хотя послѣдній посѣтилъ его пятнадцатью годами позже. Онъ видѣлъ странныя деревянные мостовыя, наблюдалъ за строгой неприступностью пограничной линіи и имѣлъ сношенія съ „юни-та-тцями“, пріѣхавшими по Амуру для мѣноваго торга. Изъ Сань-Сина мисіонеръ отправился по Зунгари въ голландскую деревеньку Зу-зу, расположенную по берегамъ этой рѣки, и перешелъ черезъ запрещенную границу. На четвертые сутки онъ встрѣтился съ военнымъ мандариномъ, ѣхавшимъ въ сопровожденіи одного только охотника. Мандаринъ сошелъ съ лошади и мѣлкимъ привѣтствовалъ мисіонера, появленіе котораго его чрезвычайно поразило. Они оба усѣлись на травѣ и выкурили вмѣстѣ трубку. Для удовольствія своего любопытства относительно де-ла-Брюньера, мандаринъ обратился съ разспросами къ его проводникамъ.

Люди эти, предупрежденные, какъ имъ держать себя въ подобныхъ случаяхъ, отиѣчали, что они ничто болѣе какъ слуги и не заботятся о важныхъ дѣлахъ своего господина. Получивъ такой отиѣтъ, мандаринъ принялъ француза за тайнаго агента правительства, явившагося для ревизіи границы, и относился къ нему съ еще болѣею покорностью. Такимъ образомъ прошли два часа въ пріятномъ разговорѣ, и мисіонеръ благополучно прибылъ въ Зу-зу. Голыды были чрезвычайно поражены его появленіемъ. Его одѣяніе, требникъ и распятіе вызывали тысячи предположеній. Незначительными подарками онъ скоро привлекъ къ себѣ добряковъ, началъ проповѣдовать Евангеліе и уже надѣялся на успѣхъ, такъ какъ ему принесъ большую пользу счастливый рыбный ловъ на такомъ именно мѣстѣ, гдѣ ничего не удавалось поймать туземцамъ. Де-ла-Брюньеръ началъ изучать манджурскій языкъ, сродный съ голыдскимъ, такъ какъ голыды любятъ его болѣе китайскаго, хотя онъ и вытѣсненъ послѣднимъ.

Однажды неожиданно на рѣкѣ раздался звукъ тамтамовъ, отъ котораго жители пришли въ ужасъ. То была большая лодка, прибывшая изъ Санъ-Сина, съ двумя мандаринами и двадцатью солдатами, для сбора податей въ Зу-зу. Сначала они были въ хорошихъ отношеніяхъ съ мисіонеромъ и, касательно пребыванія его въ этомъ краѣ, не иѣшали его личному усмотрѣнію; не смотря на то, де-ла-Брюньеру казалось, что ихъ тяготитъ его присутствіе, такъ какъ при требованіи податей они привыкли обращаться чрезвычайно жестоко; поэтому онъ, чтобы избѣгнуть непріятностей, отпраивался обратно въ Санъ-Синъ, куда прибылъ 23 августа, и нанялъ квартиру у магометанина.

Такъ какъ де-ла-Брюньеръ носилъ бороду, то хозяинъ и принялъ его сначала за единоверца, но заблужденіе это разъяснилось тотчасъ же, какъ только путешественникъ принялся ѣсть свинину. Человѣкъ этотъ былъ сильно пораженъ разсказами мисіонера о сотвореніи міра, о путешествіяхъ Авраама и т. д. Третья часть народонаселенія Санъ-Сина со

стоитъ изъ магометанъ; у нихъ есть мечеть и марабу, обязанный преподавать дѣтямъ коранъ.

Магометанинъ, у котораго жилъ де-ла-Брюньеръ, охотно помогалъ ему снаряжаться въ дорогу, и, 1-го сентября 1845 года, мисіонеръ отправился далѣе на востокъ, желая добраться до Усури, находящагося въ 120 миляхъ, по узкой тропинкѣ, известной однимъ собирателямъ джиззэнга. Всѣ кухонныя принадлежности были уложены на лошака и взяты съ нимъ въ пустыню, такъ какъ желающій пройти отъ Санъ-Сина къ Усури не смѣлъ рассчитывать на какой бы то ни было пріютъ: постель его — земля, покрывало — небо, и человекъ, не взявшій съ собой сѣстныхъ припасовъ, неминуемо долженъ умереть отъ голода. По причинѣ осеннихъ дождей, переходъ продолжался четырнадцать дней, и все, перенесенное де-ла-Брюньеромъ прежде, казалось ему дѣтскою игрой въ сравненіи съ настоящими мученіями. Они принуждены были срубить деревья для разведенія огня въ защиту отъ тигровъ и комаровъ, занимавшихся своими кровавыми ремесломъ до двѣнадцати часовъ ночи; considerable количество пищи, приготовляемой подъ проливнымъ дождемъ, часто портилось; лѣса и воды при началѣ путешествія были извѣстны; но за 30 миль до Усури не было ни одного источника, и странники должны были ѣсть незвареное шено. Въ лѣсахъ господствуютъ уродливые дубы.

Вечеромъ 14-го сентября мисіонеръ достигъ Усури, находящагося въ 40 миляхъ на сѣверъ отъ озера Кингки. Первый пріютъ нашелъ онъ въ уединенномъ домикѣ китайскихъ купцовъ, которые поселились здѣсь ради торговли джиззэнгомъ. Купцы эти дали ему лодку, въ которой онъ и проѣхалъ еще 24 мили внизъ по рѣкѣ, для посѣщенія другой китайской колоніи. Когда колонисты эти замѣтили, что онъ христіанинъ, то стали обращаться съ нимъ весьма недружелюбно; не смотря на это, де-ла-Брюньеръ пробылъ у нихъ довольно долго и имѣлъ случай наблюдать замѣчательное явленіе стихій. Это было въ серединѣ октября; де-

ревня стояли голыя, и пожелтѣвшая трава указывала на приближеніе зimy. Около полудня на горизонтѣ показалось густое облако дыма, затмившее сіяніе солнца, и раздался страшный крикъ: „огонь, огонь!“ Китайцы, вооружась топорами, бросились изъ домовъ и принялись срубать окружающія селеніе деревья и кустарникъ и побросали ихъ въ рѣку, а траву вокругъ жилищъ выжгли. Все ближе и ближе подвигалось дымящее облако, происходившее отъ страшнаго лѣснаго пожара и, наконецъ, наступило колонистовъ. Въ одно мгновеніе вся окрестность деревушки превратилась въ огненное море, изъ котораго доносились трескъ валившихся деревьевъ, и красное пламя подбиралось по нимъ, подобно огненнымъ амблямъ; однако, пожаръ исчезъ съ такою же быстротою, съ какою онъ явился далѣе, и повернулся на сѣверъ. Крутомъ лежали обгорѣлые нивы, а по землѣ стлался паръ; самая же деревня не пострадала нисколько, и нѣсколько стакановъ водки уничтожили послѣдніе слѣды испуга у китайцевъ.

Въ то время, когда еще не было и помына о русскихъ колоніяхъ на Усүри, по этой большой рѣкѣ и ея притокамъ жило не болѣе 800 человекъ, изъ которыхъ 600 были голды, а 200 китайскихъ переселенцевъ. Послѣдніе, изверги челоуѣчества, были убійцы, разбойники и всякаго рода негодяи, бѣжавшіе отъ кары правосудія и основавшіе здѣсь добровольную колонію преступниковъ. Если бы даже вистальники эти и не рассказывали повсеуслышаніе о своихъ похиженіяхъ, то ужъ, по однимъ бездѣлныиескимъ лицамъ, легко было узнать, что это за птицы. Каждый у нихъ совершалъ два или три убійства, и незадолго до прибытія мисіонера, 68-ми-лѣтній старикъ убилъ 67-ми-лѣтняго. Единственное средство къ пропитанію состоитъ у нихъ въ собираніи джизингента, о которомъ послѣ будемъ говорить подробно.

Совершенно иными показались французу „рыбы кожи“ или юни-та-тцы, какъ онъ называетъ голдовъ. Разказы его согласуются съ другими свѣдѣніями, приобретенными имъ изъ различныхъ источниковъ, объ этомъ добродушномъ

народѣ. Такъ какъ де-ла-Брюньеръ провелъ у нихъ цѣлую зиму съ 1845—1846 г., то могъ въ точности узнать религію гольдовъ. Будучи охотничьимъ народомъ, они признають трехъ главныхъ духовъ, находящихся въ связи съ преобладающимъ ихъ занятіемъ: духа оленя, лисы и ласточки. Если гольдъ заболѣлъ, то причину болѣзни, разумѣется, относить къ духамъ, которые должны быть заклинаемы шаманомъ; приближеніе послѣдняго возмѣщается еще издали звукомъ тамбуриновъ, причемъ хозяинъ дома выходитъ встрѣчать его. Для этого случая готовится въ большомъ запасѣ водка и, еще до захожденія солнца, все общество пьяно. Когда приходитъ часъ духа, шаманъ надѣваетъ свои священныя платья; на шапкѣ его развѣваются бумажныя полоски и кусочки березовой коры; вѣстрая юбка доходитъ до колѣнъ, но самую главную часть одежды составляетъ поясъ, который состоитъ изъ трехъ различныхъ лентъ, съ приѣшанными на нихъ мѣдными колокольчиками, отъ семи до восьми дюймовъ величиною.

Съ тамбуриномъ въ одной рукѣ и палкою въ другой, садится шаманъ и затягиваетъ свою заунывную пѣсню, съ аккомпаниментомъ барабана; звуки эти отнюдь не непріятны, такъ какъ въ нихъ слышится извѣстный размѣръ. Съ окончаніемъ каждаго стиха, шаманъ корчитъ страшныя гримасы; звуки барабана становятся все быстрее, пока, наконецъ, испустивъ нѣсколько глухихъ, свистящихъ звуковъ, заклинатель внезапно не умолкнетъ; вслѣдъ затѣмъ всѣ присутствующіе испускають громкое „Э!“ По окончаніи пѣсни, шаманъ скачетъ по хижинѣ, какъ сумасшедшій, страшно коверкается и производитъ оглушающій шумъ колокольцами и барабаномъ. Въ это время показывается духъ, видимый, впрочемъ, однимъ шаманомъ, остальные же зрители досаждаютъ объ его появленіи только по кривляніямъ шамана.

Гольды, живущіе по Усури, охотятся только зимою. Снѣгъ, покрывающій горы и равнины, часто футовъ на шесть, не представляетъ для нихъ ни малѣйшаго затрудненія. Къ по-

тамъ привязываютъ они сосновые доски въ шесть футовъ длины, которыя прикрѣпляются ремнями изъ оленьей кожи, и, съ помощью этихъ лыжъ, они свободно ходятъ по снѣгу. Зимняя одежда дѣлается изъ оленьей шкуры съ волосами, обращенными концами внизъ, что и мѣшаетъ имъ потовнуть въ снѣгу. Кроме того, голды превосходные рыболовы; въ своей маленькой лодкѣ они плывутъ по водѣ съ бѣшеной быстротой, почему китайцы и называютъ ихъ челноки куай-ма, т. е. быстрые лошади. Уссури обилень рыбою, и жаръ, производимый въ крови рыбной пищей, дѣлаетъ голдовъ не столь чувствительными къ зимнимъ морозамъ. Однако, дѣтомъ, отъ извѣстнаго употребленія рыбы, между голдами появляются различныя болѣзни; особенно существенно дѣйствуетъ оспа, и многіе до четырехъ разъ заболѣваютъ этою страшною болѣзнію.

Единственнымъ зимнимъ путемъ сообщеній служить замерзшая рѣка. Переѣзжаютъ съ мѣста на мѣсто въ лѣтнихъ, коню закруженныхъ саночкахъ, отъ пяти до шести футовъ длиною, сдѣланныхъ изъ дубовыхъ колець и возимыхъ нѣсколькими собаками. Каждое семейство держитъ отъ пятинадцати до двадцати этихъ полезныхъ животныхъ; хозяева ѣдятъ рыбье мясо, а собаки довольствуются костями и внутренностями. Зимомъ собакъ кормятъ высушеною рыбою, въ слѣдствіе чего кровь ихъ такъ горячится, что онѣ совершенно покойно спятъ въ снѣгу, не заботясь о другомъ, болѣе удобномъ пристанищѣ. Возимъ собакъ, средняго роста, везутъ человека и 6 пудовъ тяжести въ продолженіе цѣлаго дня, со скоростью хорошихъ каретныхъ лошадей.

5 апрѣля 1846 года добрый патеръ де-ла-Брюньеръ послалъ собранныя имъ свѣдѣнія къ мисіонерамъ въ Ливонію; это были послѣднія, полученныя отъ него извѣстія. Надѣясь на Бога, онъ хотѣлъ отправиться на Амуръ въ маленькомъ суднѣ, такъ какъ проводники его страдали тоской по родинѣ. Онъ дѣйствительно уѣхалъ и болѣе не возвращался; всѣ розыски о немъ оставались тщетными, пока

наконецъ, не разнесся слухъ, что онъ убить „длинноволосыми“ гилеями, живущими по нижнему Амуру. Четыре года спустя, въ 1850 году, французскій мисіонеръ Вено, поселившійся въ А-ше-хо, предпринялъ путешествіе, съ цѣлью разъяснить участь своего собрата. На саняхъ, запряженныхъ тремя лошадьми, пріѣхалъ онъ въ Санъ-Синъ, но, въ слѣдствіе существующаго на Зунгари пограничнаго запрета, не могъ проѣхать на Амуръ и отправился сухимъ путемъ къ Усури, котораго и достигъ противъ впаденія его въ Иму, почти на томъ же мѣстѣ, куда прибылъ къ этой рѣкѣ и

Сана голодомъ.

де-ла-Брюньеръ. Зимній переѣздъ этотъ былъ чрезвычайно затруднителенъ.

Первый привалъ онъ сдѣлалъ въ десяти миляхъ на востокъ отъ Санъ-Сина, въ Вей-цеКеу, области, состоящей изъ разбросанныхъ деревень, густо населенныхъ земледѣльческими народами. Далѣе на востокъ прекращается всякая культура и между вышеупомянутой страной и Усури, на разстояніи болѣе 100 миль, встрѣчаются по ущельямъ только уединенныя хижины собирателей джинзена. Въ этихъ хижинахъ Вено встрѣтилъ лишь нѣсколько стариковъ; женщинъ

совсѣмъ не было видно. Поселенцы срубаютъ деревья и даютъ имъ сгнить; изъ гнили вырастаетъ губка, составляющая одинъ изъ главныхъ предметовъ торговли въ Санъ-Синѣ. Такъ какъ за Вей-це-Кеу было мало снѣга, то поклажу переложили изъ саней на лошадей и маленькое общество шло пѣшкомъ двѣнадцать дней. Они обыкновенно спали на землѣ и только изрѣдка находили пріютъ въ какой-нибудь хижинѣ. Вечеромъ срубали дерево и закидали костры для защиты отъ холода и тигровъ; съ послѣдними Вено хотя и не встрѣчался, однако, находилъ человѣческія кости и клочки платья, принадлежавшія, вѣроятно, жертвамъ хищныхъ животныхъ. Мѣстечко Имма-кеу-це, лежащее противъ впаденія Нимы въ Усури, состоитъ изъ небольшого числа хижинъ собирателей джиззента. Поселившіеся тамъ китайцы образуютъ республику висѣльниковъ, среди которыхъ Вено пробылъ два мѣсяца. При наступленіи весны и освобожденіи Усури отъ ледяного покрова, мисіонеръ купилъ лодку въ 25 футовъ длины и въ 2 фута ширины, взялъ проводника изъ манджурцевъ и 31 апрѣля поѣхалъ къ „длинноволосымъ“. Проводникъ, получившій 10 китайскихъ таалей, около тридцати рублей въ мѣсяцъ, оказался коварнымъ обманщикомъ, исполнявшимъ съ отвращеніемъ свою обязанность, почему Вено и принужденъ былъ взять еще другаго проводника, китайца, бывавшаго на нижнемъ Амурѣ и знакомаго съ языкомъ гилаковъ. О Вено ходили странные толки между береговыми жителями: одни считали его великимъ колдуномъ, другіе принимали за русскаго генерала.

Въ концѣ четвертаго мѣсяца, пройдя весь Усури и дойдя ужъ до Амура, прибылъ онъ въ деревню Лондонъ, расположенную на лѣвомъ берегу рѣки, подъ 49½° с. ш. Въ деревнѣ этой жилъ мандаринъ, сборщикъ податей, подкупивъ котораго, Вено безпрепятственно перешелъ границу и, не смотря на всѣ увѣщанія, что у гилаковъ его ожидаетъ участь, подобная де-ла-Брюньеровой, онъ смѣло пошелъ въ деревню Пуль, находящуюся на правомъ берегу Амура. Ис-

путанные проводники отказывались идти далѣе, почему онъ нанялъ въ Пулѣ, у туземца, другую лодку, оставивъ въ залогъ свой багажъ, взялъ новаго проводника и отправился къ гилякамъ, которыхъ называютъ „килими“. Тамъ ему сказали, что де-ла-Брюньеръ былъ убитъ близъ деревни Гутонгъ. Сначала мисіонеры послали туда нѣсколько человѣкъ изъ своихъ людей, вернувшихся черезъ шесть дней съ полнымъ разъясненіемъ печальнаго конца жизни де-ла-Брюньера. Узнавъ о приближеніи посланныхъ, всѣ участники убійства бѣжали, и въ деревнѣ остался только одинъ человѣкъ. По словамъ его, несчастный де-ла-Брюньеръ занимался приготовленіемъ обѣда на берегу, на который вышелъ для спасенія лодки отъ бурныхъ волнъ Амура. Въ это время къ нему подошли жадные къ добычѣ гиляки, вооруженные стрѣлами и копьями. Семь человѣкъ окружили и закололи его; ни одинъ звукъ не вылетѣлъ изъ груди благочестиваго человѣка, павшаго героемъ за свою вѣру. Вырвавъ у покойника зубы и глаза, его оставили на берегу, гдѣ онъ лежалъ до тѣхъ поръ, пока надъ нимъ не сжалились волны испанской рѣки и не унесли въ океанъ, гдѣ онъ и нашелъ себѣ могилу. Убійцы раздѣлили между собою добычу. Монеты и кресты, принадлежавшіе убитому мисіонеру, служатъ теперь украшеніями гилякскихъ женщинамъ.

Оставшійся убійца выказывалъ раскаяніе и возматывалъ всѣ, еще уцѣлѣвшіе отъ грабежа предметы: священныя каменья, чашу, остатки термометра и два компаса. Посланные Вено, выбѣгъ съ тремя гилякскими начальниками, наложили на него пеню, на которую онъ охотно согласился. Онъ долженъ былъ доставить пять горшковъ, два коня, два мангъ-лао (пестрое мандаринское платье), мѣховое платье, кусокъ шелковой матеріи и соболю шкуру. Когда эти предметы были доставлены Вено, была составлена бумага, заключающая къ себѣ мирный договоръ обѣихъ сторонъ. Вотъ содержаніе его, въ переводѣ съ китайскаго языка: „Въ тридцатомъ году правленія императора Тао-Кванга, прибыли Шизъ-

Венъ-Мингъ (Venault) и Че-ту-Чу (одинъ изъ его христіанскихъ спутниковъ), требуя удовлетворенія за совершенное въ двадцать шестомъ году убійство надъ мисіонеромъ Пао (де-ла-Брюньера) жителями деревень Аржонгъ, Сіэлоингъ и Хутонгъ и миръ былъ восстановленъ. Выше-означенныя деревни снѣзъ обязуются не враждовать съ путешественниками, приѣзжающими лѣтомъ на корабляхъ, а зимой на саняхъ, не обращаться съ ними по-братски. Родственники же и друзья священника Пао, съ своей стороны, общаются не мститъ за убійство. Но такъ какъ сказанное слово пропадаетъ и забывается, то соглашеніе обѣихъ сторонъ перенесено на бумагу въ присутствіи переводчиковъ, обязанныхъ слѣдить за выполненіемъ договора“.

Послѣ восстановленнаго такимъ образомъ мира, люди Вено затѣли между собою драку, за предметы, высканные съ убійцы, такъ какъ Вено отдалъ имъ эти вещи. Дѣло не обошлось безъ ножей.

Вено намѣревался проникнуть до острова Сахалина, но его тогда не допустили, и разъ онъ былъ даже принужденъ спрятаться отъ китайцевъ въ лѣсу. Въ то время на Амурѣ уже замѣчалось вліяніе русскихъ, и Вено встрѣтилъ много европейскихъ предметовъ, вывѣщенныхъ туземцами у русскихъ. О гольдахъ и Вено имѣетъ хорошее мнѣніе; гилыковъ же, напротивъ, онъ описываетъ грабительскимъ, вѣчно пьянымъ, кровожаднымъ народомъ. Достигнувъ предполагаемой цѣли, — разъясненія участи де-ла-Брюньера, — мисіонеръ благополучно возвратился въ Ане-хо.

Итакъ, этимъ двумъ благочестивымъ и мужественнымъ мисіонерамъ обязаны мы первыми свѣдѣніями объ Усуре, учное изслѣдованіе котораго производилъ Венюковъ въ 1858 году, въ то время когда еще не укрѣпились тамъ русскіе, какъ это случилось со времени айгунскаго договора. Въ слѣдствіе этого, онъ и перенесъ нѣсколько несприятностей отъ манджуровъ, тогда какъ гольды принимали его самымъ

радушнымъ образомъ и выражали надежду сдѣлаться искорѣ русскими подданными.

Экспедиція эта состояла изъ 16 человекъ, изъ числѣ которыхъ было 12 казаковъ и одинъ переводчикъ, знавшій голландскій языкъ. 13-го юня Венюковъ оставилъ устье Усури и быстро проѣхалъ мимо конечностей Хохцскихъ горъ (Хохзира), образующихъ водную границу между Амуромъ, Усури и Татарскимъ каналомъ. Горы эти круты и покрыты лѣсомъ, въ которомъ преобладаютъ вязы, дубы, волошскій орѣшникъ, береза, осина и рябинникъ; хвойныя деревья находятъ своихъ представителей въ небольшомъ числѣ сибирскихъ кедровъ. Виноградная лоза и жасминъ растутъ дико, и вообще южная покатость Хохцскихъ горъ напоминаетъ своею растительностью самыя благословенныя страны Европы. По ту сторону горъ, по обѣимъ берегамъ Усури, стелется обширная луговая равнина, рѣдко поросшая дубами, вязами и ивами. Однако еще въ июлѣ, вся страна лежитъ подъ водою, а потому и неудобна для колонизаціи, но за то обильна дичью и рыбою. Въ болотахъ водятся чернахи, употребляемые голландцами въ пищу; большое число черепашьихъ яицъ, закупаемыхъ въ песокъ близъ берега, уничтожается хищными птицами. Рыбы здѣсь было такое множество, что она сама прыгала въ лодку. Что же касается названія юни-та-тцы или „рыбий кожи“, то оно въ настоящее время не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ теперь одежда голландцевъ состоитъ, почти исключительно, изъ бумажной матеріи, а платья, приготовляемыя изъ рыбьей кожи, становятся теперь рѣдкостью.

На второй день путешествія Венюкова, начался дождь, шедшій непрерывно въ теченіе сорока пяти дней. Эти продолжительныя ливни, находясь въ связи съ близостью страны къ морю, составляютъ климатическую особенность усурской долины и немало увеличиваютъ обиліе водъ Усури и ея притоковъ.

Въ первые два дня своего пути, Венюковъ встрѣтилъ

только три селенія, въ которыхъ было всего-на-всего восемь хижинъ, обитаемыхъ немногими гольдами и китайцами. На третьи сутки, прибылъ онъ къ устью Хоро или Холо, ошибочно обозначеннаго на старыхъ картахъ подъ именемъ Поръ. Онъ вытекаетъ изъ Шихота-Алинской береговой цѣны и, послѣ стремительнаго теченія, во время котораго вырываетъ и влечетъ за собой деревья и камни, наливается пятью рукавами въ Усури. Немнодалеку оттуда находится гольдская деревня Хон-ча, которая, не смотря на трехверстное протяженіе, заключаетъ въ себѣ только девять хижинъ, большая часть жителей которыхъ находилась въ отлучкѣ. Поэтому Венюковъ вошелъ безъ церемоніи въ юрту, дверь которой была не заперта. Хозяйственная обстановка была очень проста; вся утварь состояла изъ нѣсколькихъ рыбачьихъ принадлежностей, глиняныхъ горшковъ и большого котла. Особенное вниманіе Венюкова возбуждалъ стоящій вблизи маленький храмъ. На внутренней стѣнѣ его висѣло уродливое изображеніе какого-то божества, вѣроятно, вышедшее изъ рукъ китайскаго художника. Передъ храмомъ стоялъ небольшой сосудъ, въ который отъ времени до времени кладутъ огонь. Во времена іезуитовъ между юни-тацами не было еще и слѣда общественнаго богослуженія. Прежде китайскіе боины не находили у нихъ ничего заманчиваго, но съ тѣхъ поръ, какъ они начали воздѣлывать пшеницу и рисъ, китайскія божества тоже нашли къ нимъ дорогу. Туземцы говорятъ, что по Хоро можно проѣхать въ лодкѣ, до самаго источника, находящагося среди высокихъ горъ, которая отстоятъ на четыре дня пути отъ морскаго берега.

17-го іюня дождь былъ такъ силенъ, что Венюковъ, ради сбереженія своихъ запасовъ, принужденъ былъ выйти на берегъ. Гольды, вблизи которыхъ онъ высадился, испугались, принявъ его за мандарина, и не мало удивились, когда получили плату за рыбу. Въ это время вышла жеп-

ница съ своимъ маленькимъ сыномъ, притаившимся до тѣхъ поръ, и зашла въсю въ честь великодушна Венюкова.

На другое утро погода какъ будто разъярилась, но послѣ обѣда нагрянула ужасная гроза, принудившая путешественниковъ искать пристанища въ китайской хижинѣ. Хозяинъ ихъ былъ очень угрюмъ на всѣ вопросы отвѣчалъ словомъ „чѣтъ“ и заперталъ своему слугѣ, голыду, говорить съ ними. Последний ухитрился однако сообщить русскимъ, что манджурское правительство издало указъ, чтобы ихъ вездѣ принимали такимъ образомъ, и совѣтовалъ имъ добѣраться только

Голыды.

людямъ его племени. Отношенія манджуровъ и голыдовъ повсемѣстно носили печать недружелюбія.

Начиная съ этого мѣста, правый берегъ Усури покрытъ безпрерывными цѣнами горъ, тогда какъ по лѣвому стелются тѣ же равнины. Путешественники протѣхали устье маленькой рѣчки Аомъ; луга смѣнялись рощами изъ вязовъ, березъ и дубовъ. Оранжевыя лиліи, розы и яблони стояли въ полномъ цвѣтѣ. Характеръ мѣстности не измѣнялся до впаденія Нора, впадающагося съ лѣвой стороны въ Усури.

Венюковы проѣхали устья Абуэри, Зибку и Бикина и вслѣдѣ встрѣчали народонаселеніе, состоявшее изъ смѣси гольдовъ съ китайцами. Всѣ эти небольшіе притоки имѣютъ быстрое теченіе и холодную воду. Близъ большей части изъ нихъ, въ уединенныхъ, соединенныхъ одними тропинками хижинахъ, живутъ китайскіе собиратели джиззига. Венюковы переночевали по ту сторону Бикина у гольдовъ. Одинъ изъ нихъ, замѣтивъ у путешественника серебряныя монеты, пожелалъ вымѣнять ихъ на соболью шкуру, чтобы сдѣлать браслетъ для своей умирающей матери; другой, въ знакъ печали, отрѣзалъ себѣ косу. Гольды придерживаются многоженства, что въ некоторыхъ случаяхъ объясняется чувствомъ долга. Такъ, напримѣръ, тридцатилѣтній мужчина, обремененный большимъ семействомъ, имѣлъ трехъ женъ, изъ которыхъ двѣ принадлежали его умершимъ братьямъ. Судя по ментальности гольдовъ, должно считать особенной милостью, что хозяинъ Венюкова позволялъ ему въ своемъ отсутствіи оставаться въ его хижинѣ; казаконъ же онъ держалъ на возможно дальнѣйшемъ разстояніи, такъ какъ имѣлъ уже прежде такого рода стычки съ манжурами.

Въ слѣдствіе проливныхъ дождей, Усури поднималась выше и выше, и вода покрыла мели, бывшія открытыми большую часть года, что особенно замѣчалось при устьѣ Иммы, самого большого притока Усури, котораго путешественники достигли 29 іюня. Имма вытекаетъ изъ Шихота-Алинскихъ горъ и, не имѣя быстрыхъ и мелей, судоходна на всемъ протяженіи. Имму, главный притокъ которой Агуль китайцы называютъ Ниманомъ. По верхнему теченію ея уже встрѣчаются орочи, занимающіе собственно берега Татарскаго канала. Отъ устья Иммы до моря пять дней пути. Вода Иммы такъ темна, что въ продолженіе почти цѣлаго часа ея теченіе можно прослѣдить въ Усури.

Противъ устья Иммы, на нѣсколькихъ красныхъ, выдающихся скалахъ, расположилась китайская деревня Имма, или Ниманъ. Жители этой красивой деревеньки, окруженной

огородами, занимаются разведением коровъ и лошадей. Отсюда идетъ дорога въ Санъ-Синъ, вѣроятно та самая, по которой проходили Вено и де-ла-Брюньеръ. Венюковъ остановился на жалкомъ постояломъ дворѣ.

Выше Иимы, по Усури, появляются небольшіе холмы изъ красной земли, на склонахъ которыхъ, густо поросшихъ лѣсомъ, образуются площадки, удобныя для колонизаціи. На разстояніи дня ѣзды, далѣе вверхъ по рѣкѣ, въ Усури впадаетъ съ запада довольно значительная рѣка Муренъ, которая беретъ свое начало въ горахъ, лежащихъ на востокъ отъ манджурскаго города Нангута. Устье Мурена образуетъ большую дельту. Отъ этого мѣста, теченіе Усури чрезвычайно извилисто и быстро, но рѣка не шире 6—7 сажень, и маленькіе рукава ея богаты рыбою. И здѣсь голыды искутались Венюкова и его спутниковъ, такъ какъ предполагали въ нихъ своихъ мучителей, манджуровъ, являющихся сюда за податью. Сборщики являются одинъ или два раза въ годъ и, съ палкой въ рукахъ, сдираютъ съ несчастныхъ послѣднюю шкуру. Одинъ голыдь рассказывалъ, что его отецъ, мать и два брата повѣселись въ слѣдствіе перенесенныхъ отъ нихъ мученій, и что всѣ соплеменники его радуются водворенію въ этой странѣ русскихъ.

4-го іюля Венюковъ прибылъ къ устью Зунгачона, вытекающаго изъ озера Кингки, а оттуда отправился къ Кубурезану. Страна, по которой протекаютъ эти два притока, очень удобна для колонизаціи. Въ дубовыхъ лѣсахъ растетъ дикий виноградъ, а хвойныхъ деревь совсѣмъ не видно. Что касается растительности по Амуру до этой мѣстности, то въ горахъ, ниже Иимы, преобладаетъ дубъ, а въ равнинахъ встрѣчаются осина, вязы, волошскій орѣшникъ, черная и бѣлая береза, дубы, кленъ и, лишь кое-гдѣ, липа. Въ степяхъ, покрытыхъ высокою пятиугольною травою и мало различающихся отъ амурскихъ, есть множество полыни. Вязы достигаютъ иногда до 100 футовъ вышины и 10 футовъ въ

объемъ. Волошскій орѣшникъ и липа также достигаютъ значительныхъ размѣровъ, но первый рѣдко приноситъ плодъ.

14 июля Венюковъ, подъ 45° с. ш., проѣхалъ устье Добиху, гдѣ нанялъ надежнаго проводника изъ голдовъ, обѣщавшаго довести его до ручья Нинту, откуда уже его мѣсто должно было занять орочь. Съ немалымъ удивленіемъ узналъ Венюковъ, что, по верхнему теченію Добиху, китайцы занимаются золотопромышленничествомъ. Не обращая ни малѣйшаго вниманія на близкое начальство въ городѣ Хун-чунѣ, они отправляютъ добытое золото въ Корею, что весьма странно при той строгости, съ которою китайское правительство охраняетъ этотъ промыселъ. Въ Манджуріи запрещено вообще всякое горное занятіе, такъ какъ было бы неприлично рыть землю, на которой родились знаменитые предки нынѣ царствующей династіи.

Слѣдя далѣе въ юго-восточномъ направленіи къ Добиху Венюковъ проѣхалъ мѣстности, въ которой видны слѣды прежней цивилизаціи и значительнаго народонаселенія. Между 44 и 45° с. ш. видны развалины древнихъ городовъ и укрѣпленій, можетъ быть, изъ временъ царствованія династій Гинъ. Невозможно, впрочемъ, вывести заключенія, противъ кого именно сдѣланы были эти насилья. Разнѣщенныя частію по холмамъ, частію на равнинахъ, онѣ имѣютъ правильное строеніе, и должно предполагать, что между отдѣльными фортами проведены были соединительныя линіи. Туземцы называютъ эти развалины „Манджу-Балланти-Хотонъ“, т. е. старые манджурскіе города.

17 июля, при впаденіи Вонго въ Усури, Венюковъ встрѣтилъ джиззентовыя плантаціи, обработываемыя десятью поселившимися здѣсь китайцами и принадлежащія богатому пекинскому купцу. Сравнительно съ цѣнностью этого корня владѣлецъ его долженъ получать громадный доходъ съ маленькаго клочка земли. Болѣе 30 грядъ, каждая въ 35 аршинъ длиною, въ 4—шириною, были засажены этимъ дорогимъ растеніемъ. Палатки и деревянные наѣсы защищали отъ

солнечнаго зноя растенія, ягоды которыхъ хотя въ то время еще не созрѣли, но уже начинали краснѣть; земля въ градахъ была очень черна и рыхла. Растенія, поднявшіяся на четыре или пять дюймовъ отъ земли, тщательно привязываются къ кольшкамъ, часто поливаются и поются. Вся плантація окружается изгородью, и сторожитъ день и ночь караулить драгоцѣнныя корни, изъ которыхъ не сибѣтъ продать ни одного. Говорятъ, что въ сѣздѣтѣй есть еще много подобныхъ плантацій, съ которыхъ корни отправляются въ Хунчунъ, а оттуда ужъ морскимъ путемъ перевозятся въ Кантонъ.

Джинзэнгъ (ранга ginseng) называется китайцами орхотъ, т. е. первое изъ всѣхъ растений. Они считаютъ его драгоцѣннѣйшимъ даромъ земли, за исключеніемъ алмазовъ и другихъ драгоцѣнныхъ камней, такъ какъ джизэнгъ, по ихъ словамъ, творитъ настоящія чудеса въ медицинскомъ отношеніи. Онъ исцѣляетъ чахотку въ то время, когда уже не существуетъ половины легкаго; придаетъ старцамъ живость молодости и служитъ противоядіемъ для всѣхъ ядовъ. По изслѣдованіямъ европейскихъ медиковъ, растеніе это вовсе не обладаетъ означенными свойствами и нисколько не отличается своими цѣлебными качествами отъ самыхъ обыкновенныхъ растений. Напротивъ, французскіе мисіонеры, живущіе въ Китаѣ, отчасти подтверж-

Джинзэнгъ.

дѣтельнаго; придаетъ старцамъ живость молодости и служитъ противоядіемъ для всѣхъ ядовъ. По изслѣдованіямъ европейскихъ медиковъ, растеніе это вовсе не обладаетъ означенными свойствами и нисколько не отличается своими цѣлебными качествами отъ самыхъ обыкновенныхъ растений. Напротивъ, французскіе мисіонеры, живущіе въ Китаѣ, отчасти подтверж-

даютъ мѣнѣе китайцевъ, и де-ла-Брюньера, съ его помощію, самъ излечился отъ закоренѣлой болѣзни желудка. Если не преувеличены рассказы мисіонеровъ, то китайцы за джиззентъ платятъ немалозначныя деньги, именно 13,000 рублей за фунтъ! Венюковъ же, которому снѣдо можно вѣрять, получалъ на Нинѣ связку отъ 12 — 15 корней за 25 рублей, а на возвратномъ пути переводчикъ досталъ ему еще двадцать корней приблизительно за 10 рублей. Члены русскаго мисіона въ Пекинѣ получали нѣсколько разъ отъ императора по полу-фунту джиззента, въ видѣ чрезвычайной милости.

Лѣтомъ нѣсколько сотъ китайцевъ отправляются въ долины верхняго Усури для собиранія дико-растущаго джиззента, который, по ихъ мнѣнію, дѣйствительно искусственно обрабатываемого. Каждый китаецъ находитъ среднимъ числомъ корней сорокъ. Пятнадцать уходятъ на необходимое пропитаніе, а остальные двадцать пять продаются на плантаціи, гдѣ за корень въ пять дюймовъ платятъ отъ одного до двухъ рублей, такъ что наибольшій доходъ каждаго собирателя джиззента составляютъ пятьдесятъ рублей, на которые онъ и долженъ существовать цѣлую зиму. Иногда встрѣчаются, какъ рѣдкость, корни въ восемь дюймовъ длиною и въ полдюйма толщиною. На упомянутыхъ плантаціяхъ Венюковъ насчиталъ 12,000 корней, представлявшихъ собою значительный капиталъ. Съ выросшихъ корней прежде всего обрѣзаютъ листья, потомъ варятъ ихъ, сушатъ и каждый отдѣльно завертываютъ въ бумагу. Китайцы, живущіе по Усури, постоянно носятъ съ собою кусочекъ джиззента, употреблемый во всѣхъ болѣзняхъ. Гольды не цѣнятъ такъ высоко джиззента, и если случайно находятъ корень, то продаютъ его китайцамъ.

Послѣ пяти дней труднаго пути, Венюковъ достигъ потока Нинту, гдѣ дожидался ожидаемаго въ проводники зреча. Пользуясь этимъ временемъ, Венюковъ готовился къ дальнѣйшему странствованію, но ужь нѣшкомъ, такъ какъ вѣхать на суднѣ нечего было и разсчитывать. Бывшій проводникъ

Веникова, дѣйствительно, привелъ къ нему своего родственника ороча, который хорошо зналъ дорогу къ морскому берегу, но только лишь по устраненіи многочисленныхъ затрудненій онъ согласился на проводничество.

21-го іюля она поднялись въ дорогу, желая достигнуть моря въ сѣверо-восточномъ направленіи. Такъ какъ китайцы не давали имъ лошадей, то путешественникамъ нашимъ пришлось вѣзять свою поклажу на свиньи. Дороги были отвратительны, и при переправѣ черезъ надувшуюся рѣчку *Фудзу* построенный тамъ плотъ былъ разбитъ быстриною. Вениковъ, слѣдуя совѣту проводника, пошелъ не по теченію Усура, верховье котораго носитъ названіе Зандунгу, а свернулъ въ долину притока Фудзы. 27-го іюля, близъ источниковъ Фудзы, перешелъ онъ немалой, болотистый горный хребетъ, составляющій водную границу, и вступилъ, такимъ образомъ, въ область рѣки *Лифулы*, впадающей въ Японское море.

Пространство отъ устья Нинту до вышеупомянутыхъ горъ занято обширною долиною, весьма удобною для земледѣлія. Она поросла дубами и вязами, но далѣе вверхъ появляются сибирскіе кедръ, лиственница и сосна, перемежаемыя съ березой, осиною и различными другими породами. Особенно кедръ достигаетъ гигантскаго роста. Самый же хребетъ покрытъ одною лихтой.

Оба берега Фудзы населены китайцами, занимающимися земледѣліемъ; они воздѣлываютъ просо, ямень, пшеницу, пшю и коноплю, картофель, огурцы, тыкву и всевозможную зелень. Произведеній этихъ хватаетъ какъ для ихъ собственной надобности, такъ и для собирателей джиззента. Многие изъ нихъ держатъ быковъ, лошадей и домашнихъ птицъ. Лошади малорослы, но сильны; быки крупны. У нѣкоторыхъ китайцевъ есть винокурни, въ которыхъ употребляютъ мѣдные кубы; они всѣ безъ исключенія охотники. Охота на барсовъ, медвѣдей, лисицъ и соболей производится огнестрѣльными оружіемъ, а добыча сохраняется въ храмахъ.

Лифула, по всему теченію которой расположены китай-

скія колоніи, съ прекрасной пахотной землею, течеть къ морю въ юго-восточномъ направлеініи и извѣстна орочамъ подъ именемъ Тадучу. 30 іюля, послѣ полуторайсячнаго странствованія, Венюковъ благополучно достигъ гористаго берега Японскаго моря подъ 44° 20' с. ш. На холмѣ онъ велѣлъ поставить крестъ съ надписью, что на этомъ мѣстѣ прибылъ онъ къ морю. Казаки занимались ловлей тюленей, а шедшіе вдоль берега орочи собирали морскую траву коричневаго цвѣта, ивѣющую семь футовъ въ длину и называемую кан-цай. Китайцы никогда не доходятъ до моря и всегда останавливаются въ долинѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ него. Этимъ сканчивається плаваніе Венюкова по Усури и путешествіе его по горамъ и долинамъ, лежащимъ между Фудзой и Ли-фудой; тѣмъ же самымъ путемъ, какимъ прибылъ сюда, онъ возвратился и обратно домой.

Колонизація долины усурской, равно какъ и амурской, началась вскорѣ послѣ этой экспедиціи, въ 1858 г. Отправленные туда колонисты, съ имуществомъ и скотомъ, благополучно достигли цѣли своего путешествія и тотчасъ же принялись за постройку жилищъ. Успѣхъ этой первой попытки на Усури побудилъ правительство Восточной Сибири увеличить на слѣдующій годъ число колонистовъ, и весной 1859 года отправило изъ Забайкальской области 1,800 человѣкъ. Управленіе транспортомъ и судами съ хлѣбомъ поручено было казакамъ, плаваніе которыхъ по Амуру было, однако, такъ неудачно, что переселенцы только осенью прибыли къ мѣсту своего назначенія. Утомленный долгимъ переходомъ и не находя сѣннаго корма, скотъ весь погибъ, въ слѣдствіе чего, въ слѣдующую же весну, нечѣмъ было обрабатывать поля, да и само мѣсто поселенія, находясь близъ устья Усури, было подвержено наводненіямъ. Противъ напора волнъ невозможно было устроить плотинъ, потому что, въ слѣдствіе плотности дерева, почва была совсѣмъ скрѣплена сѣтью свлѣвшихся корней, уступавшихъ только ударамъ топора, почему всякая земляная работа оказалась невозможною. Лишь

въ 1862 г., когда были присланы новый транспортъ людей и скота, расположенныя по Усури колоніи Казакевичъ, Киселевъ, Мейеръ и др. могли рассчитывать на лучшую будущность. Увеличеніе рабочихъ силъ, прибавленіе тягловатаго скота, жатвы послѣднихъ годовъ, давшія зерно лучше привезеннаго изъ Забайкальской области и, наконецъ, опытность, приобритенная, конечно, только цѣною большихъ усилій и потерь, въ настоящее время совершенно гарантируютъ успѣхъ земледѣлія въ этихъ, завоеванныхъ для цивилизаціи странахъ, составляющихъ самую лучшую часть всего Амурскаго края.

Манджурское прибрежье.

То возвышающаяся то понижающаяся горная цѣпь, идущая параллельно съ Усури и нижнимъ Амуромъ, отдѣляетъ область этихъ рѣкъ отъ Восточнаго океана. Хребтъ этотъ, называемый китайцами Шихота-Алинь, можетъ быть принятъ за продолженіе Шанъ-Алиньскихъ горъ, находящихся на югѣ. Рѣки, впадающія въ Татарскій каналъ и Японское море, слѣдовательно, текуція на востокъ, всѣ имѣютъ короткое теченіе и судоходны только при устьѣ. Горы, достигающія отъ 4,000—6,000 футовъ высоты, покрыты на вершинахъ хвойнымъ, а на склонахъ лиственнымъ лѣсомъ. Многіе болотистые проходы представляютъ возможность соединенія Усури и Амура съ морскимъ берегомъ, который, въ слѣдствіе большаго числа превосходныхъ гаваней, чрезвычайно важенъ для Россіи и примиряетъ нѣкоторымъ образомъ съ недостатками Николаевской гавани. Первая бухта, которую мы встрѣчаемъ на скалистомъ берегѣ южной Манджуріи, по выходѣ изъ Амурскаго залива, есть бухта Кастрисъ.

Заливъ этотъ, называемый туземцами Ньянгморъ, получилъ свое имя отъ знаменитаго французскаго мореплавателя

Ланеруза, который открылъ его 28 июля 1787 года и назвалъ въ честь тогдашняго морскаго министра маркиза де-Кастрисъ. Этотъ обширный заливъ находится у западнаго берега Татарскаго канала, къ которому съ трехъ сторонъ примыкають еще меньшія бухты: изъ нихъ довольно значительны заливъ Лососевый и маленький портъ Александровскъ. Окрестности залива Кастрисъ гористы и покрыты густымъ дѣственнымъ лѣсомъ. Окрестныя горы нисходятъ къ морскому берегу болѣе или менѣе высокими уступами, совершенно отвѣсными, и состоятъ изъ сплошной или слоистой массы трахита и базальта. Мысъ д'Аррасъ на сѣверѣ и Клостер-кампъ на югѣ составляютъ границы этого залива, въ которомъ находится нѣсколько маленькихъ острововъ и множество мысовъ.

Возлѣ порта Александровска, ниже мыса Ланеруза, выдающагося въ море крутою массою, находится естественное отверстіе, имѣющее форму правильной дуги. Во время прилива, вода проникаетъ подъ сводъ, куда въ то время можно проѣхать на лодкѣ. Сводъ этотъ уже существовалъ еще во время открытія залива, да и по настоящее время называется Ланерузовыми воротами. Говорятъ, что на скалѣ сохранились еще надписи со времени посѣщенія французскаго мореплавателя.

Между горами, окружающими бухту Кастрисъ, преимущественно выдается *Арбодъ*, вершина котораго, образующая полушаріе, состоитъ изъ сѣрыхъ, поросшихъ мохомъ камней, и, какъ кажется, превышаетъ всѣ соседнія горы. *Арбодъ* имѣетъ около 1,500 футовъ высоты, далеко видѣнъ съ моря и служитъ плавающимъ во Татарскомъ каналу морякамъ примѣтой залива Кастриса. Изъ рѣкъ, впадающихъ въ этотъ заливъ, стоитъ упомянуть одну Лососевую, которая беретъ свое начало въ ущельяхъ береговаго хребта, въ 20 миляхъ на западъ отъ своего устья. Не смотря на быстрое теченіе, рѣчка эта, даже для легкихъ гилевскихъ лодокъ, судоходна только на маломъ протяженіи и въ иныхъ мѣстахъ совершенно заперта мелями.

Все пространство залива Кастрись обнимаетъ 50 квадратных верстъ, слѣдовательно одну квадратную милю, изъ которой значительная часть занята мелководными и меллини. Во время отлива, Лососевая бухта совсѣмъ высыхаетъ и по каменистому глинистому берегу ея протекаетъ тогда Лососевая рѣка, которая становится соленою отъ смѣшенія съ морскою водою. На обнажающихся тогда скалистыхъ отмеляхъ находятъ множество устрицъ, чрезвычайно вкусныхъ и равныхъ по величинѣ съ голштинскими.

Лѣтомъ, начиная съ апрѣля и до сентября, почти постоянно дуетъ восточный вѣтеръ, образующій надъ заливомъ Кастрись продолжительные туманы, которые иногда не расходятся въ продолженіе нѣсколькихъ дней и такъ густы, что корабли принуждены стоять все время передъ мысомъ Кластерканомъ и не могутъ различить входа въ заливъ, хотя и слышать сигнальные выстрѣлы съ форта Александровска. Предвѣстникомъ такой погоды служить Арбодъ, вершина котораго также покрывается туманомъ. Начиная съ декабря и до апрѣля заливъ покрывается льдомъ, что все-таки представляетъ нѣкоторое преимущество передъ Амуромъ, такъ какъ ледяной періодъ въ Николаевскѣ продолжается болѣе пяти мѣсяцевъ.

Страна, лежащая совершенно на западъ отъ бухты Кастрись, покрыта дѣйствительнымъ лѣсомъ, въ которомъ, какъ и по всему протяженію нижняго Амура, преобладаютъ хвойныя деревья. Чаше всего встрѣчается красная ель, которая на сухихъ горныхъ выступахъ достигаетъ гигантской высоты. Ближе къ заливу Кастрись, характеръ лѣса замѣтно измѣняется; растительность дѣлается скуднѣе, деревья становятся тоньше, и верхушки ихъ какъ бы надломлены или оторваны бурными морскими вѣтрами. Красная ель смѣнивается у Александровска съ лиственницей и образуетъ хотя низкій, но густой лѣсъ.

Лососевая рѣка, по множеству находящихся въ ней лососей, справедливо носить такое названіе. Кромѣ того, всего

чаще встрѣчается здѣсь горбушка, упомянутая уже прежде, и изъ выписываемаго здѣсь разсказа естествоиспытателя А. Нордманна можно составить себѣ понятіе о неѣроятномъ количествѣ этой рыбы. Онъ говоритъ: „Когда я, осенью 1850 года, находился въ бухтѣ Кастриксъ, то въ сопровожденіи туземца отправился на медвѣжью охоту. Тунгусъ разсказывалъ мнѣ, что на Лососевой рѣкѣ медвѣди занимаются рыболовствомъ. Идя вдоль рѣки, мы пришли въ лѣсъ и увидѣли слѣды медвѣдей. Множество разбросанной и надкусанной рыбы свидѣтельствовало о миновавшемъ иррешествѣ медвѣдей. Рѣка, имѣющая въ этомъ мѣстѣ лишь нѣсколько аршинъ ширины и фута два глубины, была рѣшительно переполнена рыбой, ясно видимой сквозь прозрачную поверхность воды. На мой вопросъ, какъ ловить эту рыбу, тунгусъ залѣзъ въ воду, погрузилъ въ нее длинный, заостренный шестъ и съѣлся вытаскивалъ три или четыре рыбы. Я повторилъ тотъ же опытъ и мнѣ удалось проколоть нѣсколько рыбъ, даже шомполомъ ружья.“

Находящійся при Александровской гавани, фортъ Александровскъ защищенъ нѣсколькими батареями, но до сихъ поръ это не болѣе какъ военная колонія, заключающая въ себѣ около 70 избъ, церковь и госпиталь. Живущіе въ ней полтораста человѣкъ солдатъ, съ семействами, занимаются отчасти хлѣбопашествомъ. Обыкновенная же солдатская пища состоитъ изъ ухи и устрицъ. Для надзора за кораблями здѣсь приставленъ начальникъ гавани, при которомъ находятся переводчикъ, знающій нѣмецкій, англійскій и французскій языки. На Колстеркамнѣ есть также мазкъ и нѣсколько лецмановъ, обязанныхъ провожать корабли, прибывающіе на Амуръ.

Далѣе на югъ, ближайшая и значительнѣйшая гавань есть Портъ-Имперіаль или Барракута-Бай (49 град. 2 мин. сѣв. широты, 140 град. 19 мин. восточной долготы). Это заливъ, окруженный скалами, въ который впадаетъ рѣка Хаджи; болѣе внутрь простираются лѣса лиственницъ и

нихъ. Еще въ 1853 году, русскіе построили портъ Константиновскъ и думали устроить здѣсь главную военную гавань, но проектъ этотъ не состоялся и выборъ палъ на болѣе удобную бухту Ольга.

У залива Кастрисъ живутъ гилаки, а здѣсь встрѣчаются ужь съ новымъ племенемъ, орочами, находящимися въ самомъ близкомъ родствѣ съ гольдами и мангунами, отъ которыхъ разнятся лишь нѣкоторыми особенностями. Такъ, напримѣръ, у нихъ вокругъ стѣнъ хижины нѣтъ длинной печи, замѣняющей скамью и кровать; дома ихъ деревянные и обшиты березовой корой, а среди избы сдѣлано мѣсто для огня, надъ которымъ виситъ большой котелъ; дымъ выходитъ въ дверь или крышу, въ слѣдствіе этого орочи часто страдаютъ глазными болѣзнями и въ старости слѣпнутъ. Еще одна особенность племени орочей заключается въ томъ, что женщины кормятъ грудью дѣтей своихъ до трехъ и даже до четырехъ лѣтъ. На западъ отъ орочей живутъ мангуны и гольды, съ которыми они, по крайней мѣрѣ, по словамъ Венюкова, часто смѣшиваются; на югъ, по верхнему теченію Усури и въ окрестностяхъ бухты Сибиалы, они встрѣчаются въ смѣси съ китайцами.

Китайцы здѣсь тотъ же бѣглый сбродъ, что на нижнемъ Усури. Интересны рассказы о нихъ Киман-Кама, обращеннаго въ христіанство корейца. Онъ говоритъ, что, съ цѣлью искорененія существующаго беззаконія, они избрали изъ среды себя начальника, и что человѣкъ совершившій убійство — зарывается у нихъ въ землю живымъ. Какъ большая часть китайскихъ выходцевъ, они не берутъ съ собою женъ, а потому крадутъ женщинъ, при всякомъ возможномъ случаѣ.

Бухта Ольга, находящаяся подъ 43 град. 44 мин. сѣв. широты и 135 град. 4 мин. восточной долготы отъ Гринича, получила свое имя отъ русскаго парохода „Америка“, предпринявшаго въ 1857 году, подъ командой адмирала Путятина, крейсеровку по Восточному океану. При достаточной глубинѣ,

бухта такъ защищена отъ вѣтра и морскихъ волнъ, что ей придали названіе Тихая Пристань. Горы, окружающія заливъ съ его „Тихой Пристанью“, покрыты лѣсомъ, въ которомъ замѣчается однако недостатокъ строеваго лѣса. По берегамъ залива разбросано нѣсколько китайскихъ домиковъ, окруженныхъ полями и садами, засѣянными превосходною пшеницею, коноплей, картошелемъ и разными другими полевыми и огородными растеніями. Когда экипажъ парохода „Америка“ вышелъ на берегъ, жители посѣбно обратились въ бѣгство, а потому и невозможно было узнать что-либо объ отношеніяхъ ихъ къ Китаю. Такъ какъ дорога изъ Китая въ эту гавань ведетъ черезъ Манджурію, а китайское правительство запрещаетъ своимъ подданнымъ имѣть съ нею сношенія, то вѣроятно, что поселившіеся здѣсь китайцы самовольно оставили свое отечество и не признають его власти.

Послѣдняя, самая южная бухта русско-манджурскаго берега есть Викторія или заливъ Петра Великаго, который открывается на сѣверъ и, посредствомъ Альбертова полуострова и Евгениева архипелага, дѣлится на заливъ Наполеоновъ и бухту Герань. На южной конечности Альбертова полуострова находится русскій портъ Владивостокъ. Берегъ этотъ состоитъ изъ глинистаго сланца, перемѣшаннаго съ краснымъ порфиромъ; вообще, здѣсь замѣчаются слѣды вулканической дѣятельности. Въ окрестностяхъ много прекрасныхъ лѣсовъ изъ дуба, вяза и волошскаго орѣшника, а также превосходныхъ луговъ для скотоводства. Здѣсь хорошо растетъ виноградъ. Двадцать острововъ Евгениева архипелага населены китайцами, и берега ихъ представляютъ хорошую якорную стоянку.

Заливомъ д'Анналь, на границѣ Кореи, означиваются русскія владѣнія къ югу, такъ какъ здѣсь, подъ 42 градъ 27 мин. сѣв. широты, находится устье пограничной рѣки Тумана или Микіанга. Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ берега, находится на китайской землѣ городъ Хун-чунъ, значитель-

нѣйшее торговое мѣсто для Кореи и Китая. Народонаселеніе его не слишкомъ густо и управляется мандариномъ второго разряда. Изъ Нингута, лежащаго при Хуркѣ (притокъ Зунгара), привозяють сюда китайцы на неуклюжихъ двухколесныхъ тележкахъ, каждые два года; половина дня назначается для торговли. Корейцы привозять сюда корзины, кухонныя принадлежности, рисъ, рожь, свиней, бумагу, маты, быковъ, шубы и чрезвычайно быстрыхъ лошадей и промѣниваютъ ихъ китайцамъ на собакъ, конскъ, трубки, кожу, олений рогъ, мѣдъ, лошаковъ и ословъ. Морская трава тонгъ составляетъ также одинъ изъ главныхъ предметовъ торговли въ Хунь-джунѣ.

к о н е ц ъ.

